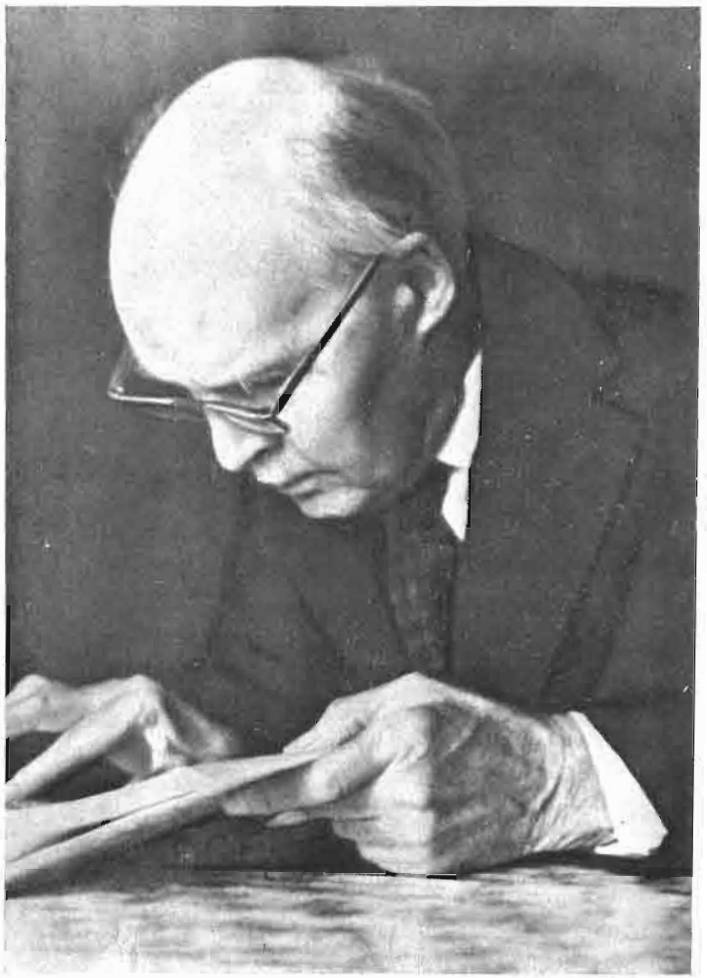
63.3(2)
С 692

Социально-экономическое развитие России

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР



Н. Дружинин

63.3(2)
С692

Социально-экономическое развитие России

Сборник статей
к 100-летию
со дня рождения
Николая Михайловича
ДРУЖИНИНА

Ответственный редактор
академик С. Л. ТИХВИНСКИЙ

952166
П-91
и-09

МОСКВА «НАУКА»
1986

В сборнике, посвященном 100-летию академика Н. М. Дружинина, помещены исследовательские статьи по ряду важнейших вопросов социально-экономического развития дореволюционной России. В книге преобладают материалы, развивающие и дополняющие те или иные стороны многочисленных фундаментальных исследований, которые Н. М. Дружинин посвятил кризису феодализма, зарождению и развитию капиталистических отношений в стране.

Выводы статей основательно аргументируются. Авторы не только тщательно используют материалы своих предшественников, но и привлекают широкий круг источников (материалы археологических изысканий, различные публикации, печатные статистические и иные ведомственные материалы, новые архивные документы).

Редакционная коллегия:

академик С. Л. ТИХВИНСКИЙ (ответственный редактор),
член-корреспондент АН СССР И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО (заместитель отв. редактора), доктор исторических наук В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ (заместитель отв. редактора), профессор С. С. ДМИТРИЕВ,
член-корреспондент АН СССР Е. И. ДРУЖИНИНА,
академик Б. А. РЫБАКОВ,
доктор исторических наук С. С. ХРОМОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук М. Т. БЕЛЯВСКИЙ,
доктор исторических наук В. Г. ТЮКАВКИН

Волгоградская областная
библиотека
им. Н. Крупской

С $\frac{0505020000\text{-}098}{042(02)\text{-}86}$ 28-86-I

© Издательство «Наука», 1986 г

От редакции

С именем академика Николая Михайловича Дружинина неразрывно связано становление и развитие советской исторической науки. Активная творческая работа старейшего советского историка началась в 20-х годах и продолжается до нашего времени. Он участвовал в разработке многих важнейших проблем отечественной истории. Большое внимание уделялось им истории революционного движения и общественной мысли в России. Особенно велик вклад Н.М. Дружинина в исследование проблем социально-экономического развития России переходного периода от феодализма к капитализму, кризиса феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений в пореформенное время. Поэтому редакционная коллегия настоящего сборника, подготовленного к 100-летию со дня рождения Н. М. Дружинина, считает обоснованным посвятить его по преимуществу именно этим проблемам.

В сборнике преобладают статьи, характеризующие различные стороны процесса социально-экономического развития России в XIX в. (разложение феодально-крепостнических отношений, развитие капиталистического уклада и утверждение капитализма, положение крестьянства и крестьянское движение, формирование классов капиталистического общества). В ряде статей освещаются процессы социально-экономического развития страны в период феодализма. В настоящее время среди советских историков по некоторым рассматриваемым вопросам отсутствует единая точка зрения и продолжаются дискуссии. Естественно, что в отдельных статьях сборника отражается авторское понимание тех или иных спорных проблем, которые нуждаются в специальном обсуждении и дальнейшей научной разработке.

Научно-вспомогательная работа по подготовке сборника выполнена И. В. Ледовской.

Н. М. Дружинин
1960-е годы

С. С. Дмитриев

Историк Н. М. Дружинин

Внешняя канва жизни и научного творчества Николая Михайловича Дружинина известна. В печати, в немалом числе статей, ему посвященных, воспроизводились главные факты, важные даты его жизненного пути, рассматривались и характеризовались основные его труды. Историками-библиографами выявлены, учтены и внесены в указатели его многочисленные выступления в отечественной печати — книги, статьи, доклады, рецензии и отзывы, открытые письма, мемуарные тексты, различные его отдельные публичные устные выступления в дискуссиях, на заседаниях ученых советов, на защитах диссертаций, наконец, встречи, беседы, интервью с ним. Несомненно, с меньшей полнотой зарегистрированы нашими библиографами произведения Н. М. Дружинина, в разное время появлявшиеся в зарубежной печати. Разумеется, отмечены, пожалуй, не все переводы его работ на иностранные языки. Однако в имеющихся библиографиях указаны переводы его трудов на английский, французский, немецкий, итальянский, японский, китайский, корейский, венгерский, чешский, польский языки, на языки народов СССР — украинский, латышский, литовский, эстонский, молдавский, узбекский, азербайджанский. Опубликован и довольно большой, хотя и не исчерпывающий, список литературы о нем за время с 1939 по 1978 г.

Наконец, сам Н. М. Дружинин в книге «Воспоминания и мысли историка» написал точно и сжато свою биографию, отметив главные черты своего формирования и деятельности как ученого. Автобиографии историков-ученых — особая форма личных воспоминаний. Профессиональный историк, пишущий личные воспоминания,— автор своеобычный. Личную жизнь он не представляет вне истории общества и времени, к которым он принадлежит. Личная жизнь для такого автора не только, даже не столько его житейская биография, а биография духа, мировоззрения, системы мыслей. Автор таких мемуаров своими глазами — глазами историка, знаниями историка — постигает себя, общество, частицей которого он является, время своего бытия, действия и мысли свои в разные периоды этого времени. Он умеет писать историю. Поэтому личные мемуары историка представляют для других историков источник особой ценности. В конце книги, которая самим заглавием обещает поведать воспоминания и мысли автора, Н. М. Дружинин пишет: «Настоящую книжку я рассматриваю как публичный отчет в своей научной деятельности: моей задачей было поделиться своим рабочим опытом не только с историками, но и с более широким кругом читате-

лей» [1]. Задача с успехом решается: книга дважды издана в нашей стране, в ФРГ появился ее перевод на немецкий язык.

Полнота привлеченных источников, точность приводимых данных, полученных в ходе долгого и пристального критического изучения этих источников,— характерные признаки исторических исследований Н. М. Дружинина. Для написания своих воспоминаний он также подобрал и сохранил «необходимые материалы, которые нейтрализуют возможные ошибки памяти: ежедневные записи умственных занятий... с 1906 г., университетские и аспирантские конспекты, черновики выписок и собственных исследований» (Воспоминания, с. 3). Личный архив мемуариста в образцовом порядке. На протяжении своей сознательной жизни он закреплял в текущих записях дневникового типа свои поступки, ход работы, прочитанные книги и рукописи. Тетради таких записей иногда озаглавлены «Diarium» (дневник). Например, тетрадь от марта 1907 г. с заметками автора, только что переступившего, по его словам, «порог своего совершеннолетия» — 21 год; тетрадь с записями, впервые предпринимаемыми, чтобы при помощи дневника лучше понять самого себя, свои взгляды, миросозерцание. Но обычно такие тетради для памяти имеют заглавие «Facta» (дела; сделано и предстоит сделать); в них скупые записи о прочитанном, найденных документах, краткие конспекты, выписки. Такие записи велись дома, в местах работы (в музеях, архивах, библиотеках), в пути, порой далеко от дома и привычного быта. Поражает, к примеру, точность фиксации событий, встреч, разговоров, впечатлений в записях Н. М. Дружинина, сделанных во время поездки в Италию (конец августа — сентябрь 1955 г.) для участия в Десятом Международном конгрессе историков. Почти семидесятилетний автор, помимо составления «дневного делегатского отчета», ежедневно заносил в свои дневниковые записи сведения о том, какие книги или книгу в данный день он читал, в каких музеях какие памятники старины и искусства видел, с кем встречался и говорил. Записи эти хранятся в бумагах историка. Вот извлечения из них с нужными пояснениями:

29 августа 1955 г. «Я кончил книжку об Италии (С. К. Булавского.— *С. Д.*) и начал читать „Образы Италии“ Муратова». (Запись в поезде в пути через Австрию.)

1 сентября. «Дома я отдохнул от первых впечатлений, сделал записи...» (Полдень первого дня в Риме.)

2 сентября. «Проснулся в 4 часа утра и больше не мог заснуть. Первую половину дня провел в номере гостиницы и готовился к предстоящему выступлению в славянской комиссии: воспроизводил вслух французский текст своего подготовленного выступления о Кошелеве».

3 сентября. «Зал быстро наполнился делегатами. Из 4 прочитанных докладов наиболее „острым“ и вызвавшим живые прения был доклад польского эмигранта епископа Мейштовича,— как говорят, представителя Ватикана. Прекрасно владея французским языком, этот важный монсиньор использовал русские документы XI века,

чтобы постараться доказать давние связи католической церкви с Русью. Докладчику очень хорошо — по содержанию и форме — отвечал Б. А. Рыбаков, показавший прекрасную осведомленность в источниках, знание вопроса и умение корректно и в то же время остро парировать католические притязания Ватикана». (Запись о дневном заседании славянской комиссии конгресса во Дворце конгрессов в Риме. 3 сентября 1955 г.)

4 сентября. «Заседание было открыто приветственной речью председателя Международного комитета Fartier, носившей наполовину характер отчета о созыве конгресса, наполовину — добродушного отеческого напутствия делегатам. Затем последовали приветственные речи министра культуры Росси и синдика Рима, произнесенные на итальянском языке. Последним выступил председатель итальянской джунты историков, член христианско-демократической партии Ferrabino, который прочел на итальянском языке назидательную речь о внутренней свободе историка. Не обладая представительной наружностью, он старался возместить ее важным видом, рассчитанными жестами и риторическим тоном. Все время торжественно повторялись слова «Liberta» (свобода) и «Verita» (истина); чувствовалось, что оратор стремится опровергнуть тех, кто не признает, по его мнению, этих принципов. Религиозно-идеалистическая направленность выступления подчеркивалась одобрительными кивками молодого кардинала, сидевшего в первом ряду амфитеатра.

За речью Ferrabino последовали короткие выступления руководителей некоторых делегаций, подносних конгрессу свои труды, в том числе А. М. Панкратовой, сообщившей о доставленной серии советских докладов». (Из записи о торжественном открытии конгресса историков в большом зале Дворца конгрессов в Риме. 4 сентября 1955 г.)

5 сентября. «Вернувшись в гостиницу, я употребил остаток вечера на составление дневного отчета и формулировку вопросов о состоянии истории СССР в Италии».

7 сентября. «На утреннем совещании делегации А. В. Арциховский и я получили задание присутствовать на заседании подсекции вспомогательных дисциплин в Музее Ватикана. <...> Провели вечер дома; я составил дневной отчет и готовился к выступлению по докладу Порталя».

9 сентября. «Остаток вечера я употребил на писание дневного делегатского отчета».

И так обстоятельно (за иные дни по две с половиной — три страницы убористого почерка, с десятками имен и названий) велись эти поденные записи за все время поездки в Италию. Сохранились и другие тетради с подобными дневниковыми записями, например о научной командировке в Ленинград 8—30 сентября 1928 г.; в дневнике за 1963 г.— подробные известия о поездке 13—24 октября в Германскую Демократическую Республику на сессию Академии наук ГДР, посвященную 150-летию освободительной войны и Лейпцигской битвы народов 1813 г. Есть чем нейтрализовать возможные ошибки памяти мемуариста. Вспоминаешь слова К. С. Станислав-

ского: «Не верю человеческой памяти, требую записных книжек»[2]. (Станиславский вел свои записные книжки с тринадцатилетнего возраста до конца жизни).

* * *

Все написанное выше позволяет не останавливаться здесь на биографии Н. М. Дружинина. Она доступна читателям. Существеннее осознать его жизненный путь в целом, освоить опыт творческого труда историка, его идейные позиции. Выполнить все это, естественно, помогают прежде всего его собственные тексты.

Кто соприкасался с жизнью и развитием отечественной исторической науки в последние пять-шесть десятилетий, тот не мог не иметь дела с написанным или со сказанным академиком Николаем Михайловичем Дружининым. Нельзя представить советскую историческую науку без его трудов. Многие его мысли, некоторые выдвинутые и обоснованные им положения прочно вошли в современную историографию отечественной истории. Его организаторские установки, принципы налаживания и ведения ученых и учебных дел, советы и указания определяюще содействовали формированию не одного поколения наших историков.

Верно отметил академик Е. М. Жуков: «Научная деятельность Н. М. Дружинина целиком относится к советскому периоду»[3]. Органическую связь своего жизненного пути и своего научного творчества с советской действительностью и советской идеологией сам ученый закрепил в точных, предельно ясных суждениях: «Подводя итоги своему научному прошлому, я считаю, что двигался в том же направлении, в каком развивалась вся советская наука,— в русле поисков и усвоения марксистско-ленинского метода, который давался историкам не так легко и просто, как об этом думают некоторые историографы» (Воспоминания, с. 46).

Неустанно обращается Н. М. Дружинин к мысли о первостепенном, написвятом, всеобразующем принципе труда ученого-исследователя. Если не бояться гонителей высоких слов, то должно сказать — всеобщем принципе, начале и условии творческого труда ученого, писателя, художника. Этот принцип — самостоятельность. Самостоятельность же всегда предполагает полную сосредоточенность. Любая творческая деятельность, и научная, и художественная, немыслима без всепоглощающей сосредоточенности. Великолепно выразил это положение тот же К. С. Станиславский. «Творчество,— писал он,— есть прежде всего — *полная сосредоточенность всей духовной и физической природы.* Она захватывает не только зрение и слух, но все пять чувств человека. Она захватывает, кроме того, и тело, и мысль, и ум, и волю, и чувство, и память, и воображение»[4]. На примерах из своей жизни Н. М. Дружинин многократно показывал необходимость совершенной творческой сосредоточенности, важнейшее значение и практическую действенность принципа самостоятельности.

Поступив в Московский университет, осенью, в первые месяцы зимы 1904/05 учебного года он писал: «С самого начала я выработал себе программу учебных занятий, не вполне совпадавшую с официальным планом: наряду с обязательными лекциями Любавского по древней русской истории и Ключевского по XVIII веку, я слушал параллельные курсы Рожкова и Кизеветтера, но перенес центр тяжести на самостоятельные занятия» (Там же, с. 10).

Позднее, уже в условиях становления Советской России, в 20-х годах, работая в Институте истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), сделал запись: «Совет института, и в частности М. М. Богословский, предоставил мне полную свободу в организации занятий, в подборе источников и литературы, в направлении и подведении итогов изучения намеченных тем. Никаких обязательных консультаций в РАНИОН не существовало, а в неофициальных я не нуждался, предпочитая принцип самодеятельности системе опеки» (Там же, с. 37).

Почти полстолетия спустя, в конце 1970 г., Н. М. Дружинин выступал перед членами студенческих научных кружков историков. Слушатели просили ответить на вопросы. Был среди вопросов и вечный для начинающих вопрос: что делать, каким путем идти в науку? Ответ ученого настойчиво призывал молодых историков положить принцип самостоятельности в основу занятий: «Как работать начинающему исследователю? Отвечу так: работать самостоятельно! Этим я не желаю умалить значение педагога, научного руководителя; нет, без педагога, без направляющей руки подготовленного историка-исследователя невозможно двигаться вперед. Но, поймите, лучшего пути для научного роста, чем самостоятельная работа, я себе не мыслю»[5].

На исходе 70-х годов маститый ученый еще раз писал о принципе самостоятельности и объяснял необходимость отчетливого понимания в определенных случаях совместимости этого принципа с коллективистскими началами организации научных изысканий. «Требование предоставлять максимум самостоятельности нисколько не исключает тесной связи с научным коллективом, внимания и уважения к искренне выраженному мнению товарищей»[6].

Вышло второе, дополненное издание книги «Воспоминания и мысли историка». В конце ее ученый опять советует молодым историкам вырабатывать «в себе способности самостоятельно, без всякой опеки, вести научно-историческую работу ...Принцип самодеятельности должен пронизывать всю подготовку начинающего историка, иначе он не приобретет той творческой самостоятельности, без которой немыслим настоящий ученый, смелый искатель истины, способный находить и отстаивать собственные, им самим выношенные выводы. Я желаю нашим молодым историкам включить этот принцип в свой «символ веры», не отступать от него...» (Там же, с. 115).

Самостоятельность ученого может проявиться и утвердиться только при устойчивом, крепком, полном сосредоточении всех его сил. Она прежде всего нужна в исходном деле — определении темы исследования. Нельзя руководиться при выборе темы для монографии случайными обстоятельствами (скажем, существованием доступного,

хотя бы по его обозримости, фонда источников) или увлеченностью темой, стихийным к ней интересом. Если диссертации на соискание ученых степеней, пишет Н. М. Дружинин, «должны быть показателями научной зрелости подготовленного ученого, его способности самостоятельно овладевать всеми приемами научной работы, то следует поощрять и воспитывать вполне самостоятельный продуманный выбор исторической темы» (Там же, с. 91). «А выбрать необходимо то, что имеет в данный момент наибольшее научное и политическое значение. Если тема вовсе не изучена или изучена очень слабо, если ее научное исследование делает яснее и правильнее наше представление о ходе исторического процесса, если результатом задуманной работы будет опровержение искажающей действительность вредной концепции, выбор темы будет оправдан...» (Там же, с. 89).

Завершением таких соображений и советов, обращенных прежде всего к научной молодежи, но отнюдь не только к ней, являются последующие суждения: «Подлинное научное историческое исследование может быть результатом только самостоятельного длительного упорного труда; факты, и только факты, проверенные, сопоставленные и органически связанные друг с другом, могут быть прочной основой широкого обобщения; чем шире искомый ответ на поставленную проблему, тем насыщеннее фактическим материалом, а следовательно, объективнее и правдивее должно быть изображение жизни, возникающее в сознании историка.

Однако в распоряжении исследователя должен быть правильный критерий для отбора и толкования фактов. Таким надежным орудием исторического познания является учение марксизма-ленинизма, помогающее найти дорогу из лабиринта безграничного фактического материала» (Там же, с 108). Но это учение служит не только познанию прошлого. Процессы, события, люди, идеи отошедшего времени привлекают историка и потому, что позволяют лучше разбираться в действительности его дней. А еще и потому, что в известной мере приоткрывают будущее. «История тесно связана с другими гуманитарными науками, и все они базируются на историческом материализме, который раскрывает законы развития общества. Будущее человечества зависит не только от проникновения в тайны природы и от умения управлять ее силами, но также от успехов в руководстве общественной жизнью, которые невозможны без понимания законов общественного развития» [7].

Приведенные мысли и суждения Н. М. Дружинина ничто иное, как кристаллическое воплощение в надежно отобранных словах его мировоззренческого кредо, которое складывалось постепенно. В упомянутом выше «Дневнике» в записи от 2 марта 1907 г. автор об итоге самоанализа сообщал так: «Я относительно богат опытом, я обладаю способностью быстро ориентироваться в вопросах современности, у меня есть незакрепленный и голый остов заимствованного миросозерцания. Но я не чувствую себя на прочной почве...». Последующие десятилетия дали ученому ощущение надежной идейной почвы. С наибольшей полнотой мировоззренческое

кредо ученого, отстаивание им в идейной борьбе принципов диалектико-материалистического познания исторического процесса получили свое воплощение в 60-х — начале 70-х годов. Эти взгляды, выраженные в трудах и выступлениях Н. М. Дружинина, стали важными проявлениями отечественной исторической мысли того времени. Органически вырастало и формировалось в душе ученого это кредо, несомненно, под определяющим воздействием революционной действительности России конца прошлого — начала нашего века. Рано и отчетливо сформировались в будущем ученом черты представителя передовой русской демократической интеллигенции, которая вместе с народом шла дорогой революции. Еще в юности он почувствовал и постепенно начинал осознавать правду научного социализма, значение идей марксизма. В гимназические годы читал знаменитую статью В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», а вскоре затем и ленинское «Что делать?». Осенью 1904 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В конце 1904 г. сам уже развивал и пропагандировал на собраниях молодежи идеи исторического материализма. В первую русскую революцию началась его работа в рядах РСДРП. По предложению И. Ф. Арманд он взял на себя функции библиотекаря Московского комитета партии. Вместе с Н. М. Лукиным (студентом Московского университета, впоследствии видным советским историком, академиком) студент Н. М. Дружинин снабжал пропагандистов нелегальной литературой. Арест, тюрьма, исключение из университета, высылка в Саратов — события весны и лета 1905 г.

И в дальнейшем долго сохранялись его тесные связи с партией революционного российского пролетариата. Революция помогла ему понять и поверить в свои силы, услышать зов окружающей действительности. В обстановке набиравшего силу революционного движения он осознал свое призвание — призвание к научно-просветительной работе. Вел эту благородную работу Н. М. Дружинин преимущественно в рабочей среде. Такую работу революционного просветителя и пропагандиста проводил на общеобразовательных и рабочих курсах, в рабочих профессиональных союзах. После Октября он вел такую работу в полках красноармейцев, на военных курсах, в городских рабочих клубах, в сельских избах-читальнях. Повседневное живое и непосредственное общение с массами, практика активного личного участия в идеологической борьбе за укрепление Советской власти сказались на мировоззренческих позициях будущего ученого.

* * *

Учение марксизма-ленинизма как надежнейшее орудие исторического познания, как верный компас в руках историка, обеспечивающий путь к истине в его самостоятельных творческих поисках и разысканиях, ученый не раз отстаивал и оборонял.

Появление в 1961 г. мемуарной статьи Н. М. Дружинина «Воспоминания и мысли историка» вызвало большой интерес научной общественности — отечественной и зарубежной. Среди откликнув-

шихся в печати был итальянский исследователь Франко Вентури. С некоторыми мнениями и суждениями этого отклика автор статьи не мог согласиться. В интересах установления объективной научной истины он обратился, также в печати, к итальянскому ученому [8]. Открытое письмо Н. М. Дружинина дополняло и развивало биографическое повествование мемуарной статьи. В нем были программно сформулированы насущно важные, принципиальные идейно-методологические установки и убеждения выдающегося советского историка.

Далеко выходящее за рамки биографии, воспоминаний отдельного советского ученого письмо было решительной акцией автора в смелом деле провозглашения неоспоримых преимуществ метода познания, связанного с теорией исторического материализма, с монистическим подходом к пониманию исторической жизни, ее закономерностей, процессов, ее общественных явлений, а равно взглядов и действий отдельных личностей. В письме была показана несостоятельность иных зарубежных критиков метода нашей исторической науки, нашей историософии, критиков даже из числа тех, кто в целом вполне доброжелательно относился к революционной действительности нашего общества и государства, проявлял уважение к поискам и достижениям советской науки. Особенно упорно и тщательно он раскрывал и критиковал ошибочность представлений таких критиков о теории исторического материализма как об «априорной окостеневшей схеме». Приводя десятки фактов, имен, названий трудов советских историков, убежденно и доказательно Н. М. Дружинин утверждал: «Самостоятельной диалектической постановке вопросов учат нас классики марксизма. Исторический материализм, как и все учение марксизма-ленинизма,— не окостеневшая догма, а непрерывно развивающаяся живая теория. Поэтому в моих советах молодым товарищам — учиться самостоятельно мыслить, избегать опеки руководителя — нет противоречия признанию марксистско-ленинской методологии высшим орудием исторического познания» (Открытое письмо Ф. Вентури, с. 187).

Автор письма твердо уверен в том, что советские историки в идеологической борьбе, в свободном обмене мнениями на основе всестороннего анализа конкретных исторических источников имеют надежные прочные позиции. Их исторический метод является наиболее состоятельным в познании закономерностей исторического процесса, как и в деле не менее необходимом — постижении многообразных связей прошлого с настоящим и будущим.

Почти через десять лет после обмена мнениями с Ф. Вентури была опубликована любопытнейшая в теоретико-познавательном отношении переписка Н. М. Дружинина с М. Бензингом, немецким историком из Германской Демократической Республики. Переписка возникла в связи с желанием Манфреда Бензинга уточнить и углубить свое понимание некоторых мыслей и положений, развитых в интервью, а точнее сказать, в пространных ответах историка на полтора десятка вопросов, поставленных перед ним редакцией журнала «Вопросы истории» [9]. Ответы были напечатаны в руб-

рике «Научная публицистика». А сама переписка, представлявшая несомненный научно-теоретический интерес, была (с небольшими сокращениями) опубликована в другом журнале — «Новая и новейшая история» [10]. Интересными были и вопросы М. Бензинга.

В своих ответах на вопросы — на этот раз со стороны ученого из социалистической страны — Н. М. Дружинин останавливался на сложных проблемах теоретико-методологического плана. Он касался теории исторического материализма. Останавливался на сложнейших вопросах истории культуры, на нелегком вопросе о правильном понимании внутренней связи между историей и социологией.

Немецким историком, в частности, был затронут крайне непростой вопрос: могут ли ученые, занимающиеся историей культуры, ставить прямые планы в сфере стыка сегодняшней злобы дня и будущего времени? Ответ Н. М. Дружинина таков: «Должна ли история культуры связывать прошлое и настоящее с будущим, выяснять культурные потенции народов и общественных классов, формулировать очередные задачи, намечать пути **культурной политики?** Конечно, как всякая отрасль исторической науки, она должна помогать предвидению будущего и активному преобразованию мира. Но я думаю, что осуществление этой функции историками культуры гораздо сложнее, чем предвидение будущего экономистами и политиками» [11].

Полное согласие с немецким ученым выразил Н. М. Дружинин в вопросе, «касающемся актуализации исторической науки». В то же время он определенно выразил свое принципиальное несогласие со своеобразной интерпретацией актуализации, встречающейся у иных современных зарубежных историков. «Я думаю,— писал он,— что расширение и углубление наших представлений об историческом прошлом не должно переходить в субъективную модернизацию, продиктованную предвзятыми идеями и эмоциями. Необходимо, чтобы новое прочтение жизненного текста было научно обосновано, подтверждено фактами на основе правильных умозаключений. В наше время есть много охотников размалевывать прошлое под влиянием меняющихся ненаучных требований той или иной общественной группы. Такая „актуализация“ не помогает, а вредит интересам пролетариата, который нуждается в обладании объективной научной истиной, а не поверхностными навязчивыми приемами субъективистски настроенных псевдоученых. Только обладание объективной научной истиной (т. е. максимальным приближением к реальной действительности) поможет нам использовать старое для нового, обеспечит нам предвидение будущего, позволит найти правильные пути для преобразования и совершенствования человеческой жизни» [12].

Обширные отклики имели выступления Н. М. Дружинина на Десятом Международном конгрессе историков в Риме. Внимание отечественных и зарубежных историков привлекли его полемические выступления в итальянской и советской печати с открытым письмом и ответом Франко Вентури. Значительный резонанс имела

двухсторонняя переписка Н. М. Дружинина и М. Бензинга. Памятны аргументированные критические суждения ученого в печати по спорным вопросам истории Восточной или Крымской войны, суждения, связанные с книгами и статьями академика Е. В. Тарле, суждения, высказанные в политически острой обстановке военных лет. Памятен научно-критический обмен мнениями в печати между Н. М. Дружининым и автором настоящих строк по вопросам истории крестьянских движений и экономического развития дореформенной России. Памятна дискуссия его в печати с П. Г. Рындзюнским по спорным проблемам истории промышленного переворота в России.

Ученые, ищущие истину, не застрахованы в этих поисках от неудач и заблуждений. «Духовные искания,— обращается Н. М. Дружинин к молодым историкам,— всегда связаны с возможностью ошибок даже в том случае, если автор обладает хорошей методологической подготовкой и превосходным знанием предмета» (Там же, с. 115—116). Естественно, что и ищущие ту или иную конкретную научно-историческую истину опытные ученые, приближаясь к ней, нередко расходятся между собой в понимании исследуемого вопроса. Возникают разные мнения, идут обсуждения, нередко и споры. Давно замечено, что именно в открытой, свободной, ведущейся всеми участниками на равных правах дискуссии, в принципиальных, деловых, доказательных спорах вырабатывается объективная научная истина. Спорящим сторонам в таких ситуациях необходимо, отстаивая и защищая свои мнения, проявлять уважительное внимание и к мнениям других. Недопустимо приклеивать в таких обсуждениях неугодным оппонентам порочащие их политические ярлыки, навязывать им свои взгляды с помощью «выкручивания рук».

Поучителен рассказ Н. М. Дружинина, вошедший во второе издание его «Воспоминаний и мыслей историка», о тех научно несостоятельных и несправедливых, а по форме грозных и хлестких обвинениях, с которыми выступил в печати известный историк М. Н. Покровский в 1929 г. против исследований некоторых научных сотрудников Института истории РАНИОН, в частности против первой монографии Н. М. Дружинина о «Журнале землевладельцев». Пристрастный критик приписал автору, в те годы только начинавшему путь в науку, внеклассовую точку зрения на помещичью программу отмены крепостного права в России и ни мало ни много как сочувственную характеристику помещичьих требований.

В работе же выяснялся именно классовый характер позиции помещиков, которые были прямо заинтересованы в урезке крестьянского надела. Автор, понятно, ни в малейшей мере не был повинен в сочувствии помещичьей программе. Нелегко в те времена было возражать такому критику, но и молчать было нельзя. Развернуто, с доказательствами в руках молодой историк немедля написал спокойное по тону, обстоятельное по содержанию разъяснение по поводу критического наскока. К сожалению, оно не было тогда же напечатано. Теперь, полстолетия спустя, дружининское «Письмо в редакцию (Ответ М. Н. Покровскому)» опубликовано в приложении

ко второму изданию «Воспоминаний» ученого. Ответ является образцом деловой и принципиальной защиты своих мнений.

В таких и подобных случаях ученый доказательно отстаивал свои взгляды. А где было нужно, вносил в эти взгляды некоторые уточнения. Он всегда очень внимательно прислушивался к мнениям и аргументам оппонентов.

Исследовательская работа историков, как и представителей других наук,— дело сложное. Приближение к познанию прошлого, к осознанию соотношения его с современностью и будущим часто сопровождается разногласиями в мнениях, дискуссиями, порой острыми спорами. Многократно участвовал Н. М. Дружинин в таких научных дискуссиях, в учено-критических спорах в печати. Опыт участия в разных научных обсуждениях у него громадный. Именно потому так значителен и весóм его завет: «Я хотел бы пожелать, чтобы работа историков велась дружно и научные разногласия никогда не превращались в личные столкновения» (Там же, с. 118). С чувством нравственного удовлетворения почитаю своим долгом отметить, что споры и расхождения в мнениях с Н. М. Дружининым обычно не сказывались на добрых и деловых, а в некоторых случаях и скрепленных десятилетиями научно-дружественных отношениях с ученым. Для развития научной критики и новых успешных исследований такие отношения являются благоприятными.

* * *

В практике собственной научной и исследовательской работы Н. М. Дружинин всегда стремится развивать теоретико-методологические принципы в нераздельном единстве с исторической конкретикой. Начальный этап в предпринимаемом труде историка — нахождение темы, установление проблемы, предварительное определение ее хронологических границ, но все это должно, по глубокому убеждению ученого, намечаться и решаться самостоятельно. «Исходным пунктом научного исследования всегда являлся для меня самостоятельный выбор монографической темы. По-моему, молодые историки недооценивают этот определяющий момент своей дальнейшей работы. Обыкновенно наши аспиранты просят руководителя рекомендовать им тему, обеспеченную наличием слабо изученных источников. Нередки случаи, когда сам руководитель облегчает поиски аспиранта и, лучше зная архивы, указывает ему определенный комплекс нетронутых документов на какую-нибудь тему. Я считаю такую практику неудачной: она игнорирует необходимость воспитывать в начинающем исследователе самостоятельность, которая вовсе не исключает возможности консультаций и наведения справок» [13].

Широта избранной, облюбованной темы, концепционно-методологическая ее осознанность, продуманность и прочувствованность местоположения ее в существующей историографии постоянно сочетались в трудах самого Н. М. Дружинина с требовательнейшим уважением к реальностям, фактам, к неповторимым особенностям личностей исторических деятелей.

Пристальное, обязательное в труде исследователя внимание ко всем фактам, вошедшим в поле его зрения, какими бы на первый взгляд ни показались они небольшими, маловажными, порой мелкими, частными, будто бы несущественными,— нерушимое правило ученого. Социально-экономические процессы, охватывающие целую страну, требующие для их изучения одни источники, привлекали внимание ученого, наряду с постоянным всматриванием, вживанием в душевный мир, взгляды и поступки отдельных исторических личностей, для чего необходимо отыскивать и мобилизовать совсем другие источники. Исследуя избранную тему, пишет он о себе, «я стремился вдвинуть ее в рамки общих социальных и идейных процессов, достигнуть максимальной конкретности в изображении лиц и событий, уловить материальную основу и внутренние противоречия описываемых явлений» (Там же, с. 42).

Обдумывая исследование о Н. М. Муравьеве, изучая все бумаги этого деятеля, книги из его библиотеки, все написанное о нем другими людьми в разное время — современниками декабриста и людьми последующих поколений вплоть до деятелей молодой, формирующейся советской исторической науки 20-х — начала 30-х годов, Дружинин, в то время сам один из таких деятелей, замышлял «на конкретной основе биографического материала проследить основные этапы эволюции декабристских организаций» (Там же, с. 42).

Стремления молодого исследователя к достижению максимальной конкретности в изображении исторических личностей и событий и одновременно к параллельному изучению как биографического материала, так и широких, общих социальных, политических, идейных процессов многим казались в 20—30-х годах «методически устаревшими» [14]. В них тогда склонны были усматривать дань отжившим приемам прежней русской дореволюционной науки. Исследователь упорно продолжал вести свои изыскания по избранному курсу.

Когда ученый впервые приступил к теме о государственных крестьянах и реформе П. Д. Киселева, он сразу же заинтересовался социально-политическими взглядами этого деятеля, местом его в обществе, отношениями к нему разных его современников. Навел библиографические справки, проделал разыскания в литературе и печати. Перечитал прежде уже зарегистрированные в указателях мемуары и письма, касавшиеся так или иначе Киселева. Досконально проштудировал их. Немалый материал удалось собрать. Казалось бы, для начала, для приступа, для первичного подхода к теме (ведь все ее глубокое и всестороннее последующее рассмотрение на совсем еще ему до поры до времени неизвестных архивных материалах — легко понять — несомненно, выявило бы множество нового, дополнительного и о самом Киселеве) можно было бы на том по крайней мере покуда и удовольствоваться.

Нет, нельзя, решил он. И постановил «пересмотреть все упоминания о Киселеве, содержащиеся в старых исторических журналах («Русском архиве», «Русской старине», «Историческом вестнике»,

«Голосе минувшего»). Наличие ежегодных именных указателей в этих изданиях облегчило мою задачу и обогатило меня запасом новых и чрезвычайно интересных данных. Я получил возможность сопоставить различные характеристики и оценки, подойти к решению задачи шире и самостоятельнее. Лучше стал ощущаться «воздух эпохи», конкретнее обрисовались черты самого Киселева, его поклонников и противников» (Там же, с. 98).

Работа с изначально печатными и с обнародованными позднее в печати источниками представлялась для Н. М. Дружинина одним из важнейших исходных этапов любого задуманного исследования. В своих заветах молодым историкам ученый прямо утверждает: «Я всегда считал нужным сначала вчитаться и вдуматься в опубликованные источники, а уже потом отправляться в архивы и поднимать неизданные фонды. Большую ошибку делают молодые исследователи, которые спешат в архивы, не изучив имеющихся публикаций, и, открывая давно открытую Америку, напрасно тратят время и силы, вместо того чтобы создать прочную основу для своих дальнейших исследований» [15]. И тут же приводил пример из своего опыта: «Насколько полезно обследование старых, в частности хозяйственных, журналов, таящих в себе ценнейшие сведения и незаслуженно забытых, показала мне работа над плановой темой „Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г."» [16].

Работая над темой о государственных крестьянах и реформе Киселева, ученый «старался извлечь из источников все необходимые факты, чтобы решить поставленные вопросы — о возникновении реформы, т. е. о породивших ее хозяйственных предпосылках и движущих силах, об ее социально-экономической направленности, об условиях и итогах ее реализации, об ее историческом значении. Начиная собирать материалы под этим основным углом зрения, я стремился отрешиться от всяких предвзятых точек зрения, искать историческую истину в фактах самой действительности; перед моими глазами были отрицательные стороны научной деятельности М. Н. Покровского, который строил широкие предвзятые схемы, не утруждая себя систематическим анализом всех основных источников» (Там же, с. 107—108).

В 1946 г. читатели получили первый, а в 1958 г.— второй том исследования Н. М. Дружинина по данной теме. Первый том этого монументального исследования получил Государственную премию.

О научной добротности этого исследования красноречиво свидетельствует один факт. Подзаголовок к первому тому обещал осветить только «предпосылки и сущность реформы». На деле же под скромным наименованием «предпосылки реформы» в книге дана была почти на 500 страницах подробная история государственных крестьян за полтора века. История изучаемой категории крестьян от времен Петра I, когда пошло в ход само понятие «государственные крестьяне», и до кануна киселевской реформы, т. е. до второй половины 30-х годов XIX в. А ведь в нашей исторической науке, каковой она была в середине 40-х годов, эта важная проблема

Библиотека

сем не исследовалась. Между тем государственные крестьяне составляли без малого половину всего класса крестьянства в феодально-крепостнической Российской империи.

Высокими достоинствами порадовала научную общественность и изданная в 1978 г. монография ученого «Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг.». Сбор материалов для нее автор начал на рубеже 50-х — 60-х годов. Материалы нашлись чрезвычайно разнообразные и в огромном количестве. Главными группами источников послужили правительственные акты, самые разные по своей классовой направленности общественные выступления, в частности в периодической печати. Стоит напомнить, что за время с 1862 и по 1894 г. в России было издано до 1700 периодических органов. Во многих из них публиковались материалы о деревне и крестьянах в первые два десятилетия после отмены крепостного права. Ученый мобилизовал богатые статистические данные, и изданные, и хранящиеся в архивах. Сколько времени и сил потребовало выявление, собирание, проверка и перепроверка одного только цифрового статистического материала!

Исследование заполнило досадную лакуну в нашей историографии социально-экономической истории России — от 1861 и по 1880 г. (заполнило с заходами по ту и другую сторону от этих дат). Все материалы и факты, вся сумма наблюдений и аналитических размышлений автора над ними привели его к выводу о борьбе в экономической жизни русской деревни 60-х — 70-х годов прошлого века двух тенденций — оскудения хозяйства и в то же время медленного развития производительных сил. Основная масса деревенского люда пошла по пути постепенного упадка и раскрестьянивания. Но автор исследования прямо и твердо указал на определенные положительные сдвиги на селе, на ограниченное, но явное приобщение относительно небольшой зажиточной части пореформенной русской деревни к новой капиталистической формации. Социально-экономические процессы в деревне выявлены в монографии в двустороннем единстве их как с политикой правительства и усилиями класса землевладельцев-дворян, так и с борьбой разоряемых и эксплуатируемых крестьянских масс за свои интересы. В ходе этой борьбы, в тревожной революционной обстановке конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. четко наметились минимальные требования крестьянства. Постепенно складывались исторические предпосылки союза российского пролетариата, силы которого с этого времени неуклонно росли, с крестьянством. В итоге, заключал автор исследования, «перелом в жизни русской деревни стал предвестием аграрной революции, которая совершилась 25 лет спустя» [17].

Результаты двадцатилетних изысканий по данной теме и в этом труде Н. М. Дружинина изложены в характерной, присущей ему манере письма: точно, энергично, сжато; обобщающе концентрированно и строго конкретно; чистым русским научно-литературным языком; построение книги, изложение обильного фактического и цифрового материала достигают изящества законченных, органически сложившихся форм. Ленинская премия увенчала труд историка. В этом труде опыт Н. М. Дружинина по организации и ведению научно-исследовательской работы, его суждения об обязательности органического единства «большого» и «малого», соблюдения широты постановки и теоретической обоснованности проблемы с максимальной конкретностью реалий, фактов, событий, личностей получили новое, весомое по убедительности воплощение, а тем самым и подтверждение.

* * *

Теперь закономерно осмыслить путь в науку и основную тематику исследований Н. М. Дружинина, уяснить общественно-политические, историографические и личные мотивы, обусловившие эту тематику. В орбите интересов ученого рано возникли и затем явно первенствовали на протяжении трех четвертей века две главные проблемы: первая — история революционного и общественного движения в России; вторая — история крестьянства и деревни, массового крестьянского движения, крестьянского вопроса, история социально-экономического развития дореволюционной России. Обе проблемы тесно связаны.

Первая обширнее представлена в начале деятельности молодого ученого, вступавшего в советскую историческую науку в 20-х — начале 30-х годов. Находилась она тогда в прямой связи с его лекторской работой в агитационном отделении Политпросветотдела Военного комиссариата Москвы, с его секретарскими занятиями в секции по изучению движения декабристов в Обществе политических каторжан и ссыльнопоселенцев, наконец, с его службой в должности ученого секретаря Музея революции СССР. «100-летняя годовщина восстания декабристов подсказала мне в 1925 г.,— свидетельствует Н. М. Дружинин,— новую тему, которая и легла в основу моей первой диссертации. Со школьных лет я интересовался движением декабристов, позднее читал о нем лекции в различных аудиториях, писал о нем свою университетскую работу, а в 1924 г. по предложению Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев представил популярную брошюру „Кто были декабристы и за что они боролись?“, выдержавшую два издания» (Там же, с. 41). Живой интерес к первой проблеме находил воплощение и в позднейших монографиях и публикациях ученого об общественном движении в годы Крымской войны, о декабристах и А. И. Герцене.

Вторая проблема понималась ученым разветвленно, в контексте общего многовекового развития феодальной и капиталистической России. И судьбы крестьянства, народных движений против крепостничества раскрывались в комплексе вопросов социально-экономической истории России. Последние вопросы, в свою очередь, неизбежно увязывались с архисложным делом периодизации истории капиталистических отношений в России, складывания и обострения конфликта между производительными силами и феодальными производственными отношениями накануне крестьянской реформы 1861 г. Далее, естественно, возникало обращение к судьбам кресть-

янства и капиталистических отношений в пореформенной России. А все эти сюжеты были увязаны с борьбой классов, с внутренней политикой царского правительства, в конечном счете с эволюцией политического строя. Так появлялись важные историко-теоретические доклады и статьи ученого о просвещенном абсолютизме в России, о генезисе капитализма в России и особенностях его в сопоставлении со странами Западной Европы и США. Одновременно в 40—70-х годах выходили в свет его монументальные исследования о государственных крестьянах и реформах 30—60-х годов XIX в., о русской деревне на переломе в пореформенное двадцатилетие. Постепенно работы ученого по социально-экономической истории дореформенной России стали крупным явлением в жизни отечественной исторической науки нашего времени.

Обе проблемы в то время, когда Н. М. Дружинин начинал ими интересоваться, а затем и заниматься, были крайне слабо затронуты в научно-исторической литературе. О крестьянском вопросе еще можно вспомнить труды В. И. Семевского. История же революционного и общественного движения была до первой российской революции областью, недоступной историкам. Выбор этих проблем и сосредоточение всех творческих усилий на них говорит о новаторском и самостоятельном подходе ученого к разработке отечественной истории.

Устойчивое долговременное внимание к судьбам русской деревни, крестьянства дореволюционной России ученый определенно связывает со своими впечатлениями от российской действительности конца прошлого и начала нашего века и собственным жизненно-политическим опытом. «Интерес к истории крестьянства,— писал он в 1961 г.,— возник у меня под непосредственным влиянием крестьянского движения, особенно в годы лично пережитой революции 1905 г. Не реформа 1861 г., а положение и борьба крестьян толкали многих историков, и в частности меня, на изучение прошлого русской деревни» [18].

Несомненно, что и настойчивое устремление Н. М. Дружинина к исследованию истории русского освободительного движения (декабристы, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, В. В. Берви-Флеровский, революционные народники, первая российская революция, большевистские организации в годы между двумя революциями) складывалось в нем под воздействием политических событий в России начала нашего века и личного участия в революционной борьбе. В конечном счете этими же событиями определялись и особенности приближения Н. М. Дружинина к самостоятельному научному творчеству.

«Моя научная подготовка,— свидетельствует он,— прерывалась три раза: в 1905—1906 гг. я активно участвовал в революционном движении, в 1916—1917 гг. был мобилизован и служил в царской армии, в годы гражданской войны был снова мобилизован по постановлению профсоюзной организации и назначен заведовать лекционной работой в частях Московского гарнизона. Эти перерывы обогащали меня жизненным опытом, помогали теснее связать теорию с практикой, но не могли не замедлить хода моей специальной научной подготовки» (Там же, с. 4). Такой путь послужил важнейшей предпосылкой к тому, что творческая научная деятельность Н. М. Дружинина целиком развернулась именно в советский период. А в деятельности этой, по его собственным словам, он двигался в том же направлении, в каком развивалась вся советская наука,— в поисках и усвоении марксистско-ленинского метода.

Личности Николая Михайловича Дружинина и его научному творчеству присуще мастерство полной сосредоточенности. Характерен для него принцип совершенной самостоятельности в подходе к научным проблемам, к их постановке, к поискам их раскрытия и научного освещения. Принцип самостоятельности находится в диалектическом единстве с непременной опорой на конкретно-исторический материал, на достоверные представительные источники, на установленные наукой факты и на передовую теорию познания исторического процесса.

Труды, богатый опыт и мудрые мысли крупного ученого стали заметной, весомой величиной в нашей исторической науке.

[1] *Дружинин Н. М.* Воспоминания и мысли историка. 2-е изд. М., 1979, с. 118. (Далее ссылки на эту книгу даются в тексте в скобках: Воспоминания).
[2] *Прокофьев Вл.* Записные книжки К. С. Станиславского.— Театр, 1983, № 1, с. 92.
[3] *Жуков Е.* Выдающийся историк.— Правда, 1976. 10 янв.
[4] *Станиславский К. С.* Моя жизнь в искусстве.— Собр. соч.: В 8-ми т. М., 1954, т. 1, с. 302.
[5] *Дружинин Н. М.* Больше творчества и самостоятельности.— Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972, с. 237.
[6] *Дружинин Н. М.* Молодым историкам.— Будущее науки: Междунар. ежегодник. М., 1977, вып. 10, с. 240.
[7] Там же, с. 231.
[8] *Дружинин Н. М.* Открытое письмо итальянскому историку Франко Вентури.— История СССР, 1963, № 4, с. 182—187.
[9] Интервью с акад. Н. М. Дружининым.— Вопросы истории, 1969, № 6, с. 96—111.
[10] Обмен мнениями между профессором М. Бензингом (ГДР) и акад. Н. М. Дружининым.— Новая и новейшая история, 1971, № 1, с. 129—139.
[11] Там же, с. 138.
[12] Там же, с. 137.
[13] *Дружинин Н. М.* Молодым историкам, с. 232.
[14] *Рындзюнский П. Г.* Академик Н. М. Дружинин и его «Воспоминания и мысли историка».— В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию акад. Н. М. Дружинина. М., 1976, с. 9—10.
[15] *Дружинин Н. М.* Молодым историкам, с. 234.
[16] Там же, с. 235.
[17] *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе, 1861—1880 гг. М., 1978, с. 274.
[18] *Дружинин Н. М.* Открытое письмо итальянскому историку Франко Вентури, с. 183.

А. П. Новосельцев

Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в.— первой половины X в. (полюдье)

Арабская[1] географическая литература X в. сохранила весьма интересную информацию о восточных славянах и Древнерусском государстве. Подавляющее большинство этих известий переведено на русский язык[2] и активно используется при исследовании исторической географии Восточной Европы, внешнеполитических связей Древней Руси и некоторых других сюжетов. Известия восточных источников, как это давно показано исследованиями специалистов-востоковедов[3], представляют собой, за небольшим исключением, сложные, многослойные компиляции, в которых, как правило, отложилась информация нескольких источников. Особенностью арабской (и персидской) раннесредневековой литературы является большая устойчивость информативной традиции. Иногда авторы XII[4] и последующих веков упорно повторяли давно ставшие архаичными известия IX—X вв., не делая попытки отметить, что эти данные не соответствуют даже основной канве их собственного рассказа.

Особенностью арабских известий о славянах — и это тоже давно подмечено — является смешение данных о восточных, южных и западных славянах, поскольку для мусульманских писателей ранней поры славяне (ас-сакалиба) представлялись единым народом. Лишь после возникновения Древнерусского, Польского и других славянских государств арабские писатели, да и то лишь наиболее информированные из них, подходили к славянам более дифференцированно.

До сих пор камнем преткновения для исследователей является четкое противопоставление славян русам у арабских авторов. Объяснений этому много, но они не могут быть признаны вполне удовлетворительными.

Как это ни покажется странным, основная масса информации восточных авторов о славянах и в еще большей мере их сведения об общественном строе славян относятся к IX в. Это придает таким сведениям особую ценность, так как других известий по этим вопросам по IX в. почти нет. Вместе с тем, как уже отмечено, состав соответствующей информации настолько сложен, что в нем трудно, а порой и просто невозможно разобраться даже специалистам-ориенталистам.

Всю эту информацию можно разделить приблизительно на две группы, каждая из которых имеет свою хронологию и дает определенную линию в арабско-персидской литературе последующих времен[5]. Первая из них, очевидно, восходит к полной редакции географического труда Ибн Хордадбеха (IX в.). До наших дней дошли редакции Ибн Руста (начало X в.), Гардизи (начало XI в.) и некоторых других, менее полных и, как правило, более поздних[6]. Они содержат интересные описания страны славян, их обычаев, а также известный рассказ об острове русов.

Другая группа источников предположительно восходит к несохранившемуся географическому труду Абу Зейда Ахмеда ибн Сахля ал-Балхи, написанному в начале 20-х годов X в., но содержавшему информацию приблизительно 70—80-х годов IX в. Канва сведений этой группы — рассказ о трех группах русов[7]. В данной статье я в основном буду оперировать известиями первой группы.

Кроме того, в распоряжении исследователей есть цикл данных ал-Масуди (ум. 956 г.) о славянах, но он почти полностью относится к западным и южным славянам.

Особо надо сказать о таком источнике, как «Худуд ал-Алам» (80-е годы X в.). Скомпонованный неизвестным автором, который использовал источники обеих первых групп, а также и какие-то иные, «Худуд ал-Алам» содержит в весьма искаженной форме рассказы, находимые у Ибн Руста — Гардизи и у Истахри-Ибн Хаукаля. Автор «Худуд» механически их объединил, не указав трудов, откуда он их списал. «Худуд ал-Алам»[8] — источник ценный, но требует внимательного сопоставления с другими арабскими и персидскими материалами, особенно написанными ранее этого источника. В ином случае сведения «Худуд» не только трудно уяснить, но их буквальное восприятие может привести к грубым ошибкам.

В ранних арабских источниках содержится очень много важной информации об общественном и государственном строе Древней Руси. Один важный вопрос по этим источникам я уже попытался осветить — речь идет о титуле хакан у русского князя IX в.[9] В настоящей статье я постараюсь вычленить и рассмотреть известия ранних арабских авторов о полюдье у славян. Как ни странно, исследователи не анализировали эти сведения в данном плане. Исключение составляют последние труды академика Б. А. Рыбакова, где для характеристики славянского полюдья[10] привлечен данный источник, хотя отнесение его известий к вятичам вызывает сомнение.

В русских источниках полюдье упоминается под 945 г., когда древляне убили киевского князя Игоря[11]. Наиболее обстоятельное описание полюдья у Константина Багрянородного[12] относится приблизительно к этому же времени. Следовательно, данные восточных источников, о которых пойдет речь ниже, древнее этих наиболее известных описаний полюдья примерно на 70—80 лет. Тот факт, что полюдье — институт крайне архаичный, известен давно, и его истоки, несомненно, восходят ко времени ранних восточнославянских объединений, предшественников Древнерусского государства. С. М. Соловьев сделал вывод, что во время правления Ольги (945—964 гг.) полюдье было заменено более регулярными и совер-

шенными формами налогов — уставами и уроками [13]. С этим мнением в общем можно согласиться, хотя новейшие исследования внесли здесь определенные коррективы. Прежде чем перейти непосредственно к анализу известий восточных материалов о полюдье, полезно резюмировать данные Константина Багрянородного и Повести временных лет (ПВЛ). Согласно первому, русские *архонты* (мн. число.— *А. Н.*) каждый ноябрь отправлялись к различным славянским племенам на полюдье [14], которое Константин определял как «кружение» (γύρα). Эти славянские племена Константин именует пактиотами [15] Руси. Полюдье состояло в *кормлении* [16] русов в славянских землях до апреля месяца. ПВЛ, рассказывая о полюдье Игоря, а до этого — воспитателя князя Свенельда с *дружинами* [17], упоминает, что во время полюдья собиралась дань. Таким образом, полюдье, согласно этим источникам, включало в себя и сбор дани и полугодовое существование князя (или другого знатного лица) за счет местного, подчиненного Киеву населения. Кроме того, видно, что от полюдья были освобождены поляне и, по-видимому, новгородские словене [18].

Самое раннее восточное известие, которое Б. А. Рыбаков справедливо связал с полюдьем [19], встречается в сочинении Ибн Руста «Ал-А'лак ан-нафиса», написанном в самом начале X в.[20] Сомнительно лишь отождествление этого известия конкретно с землей вятичей. Так ставили вопрос Ф. Вестберг [21], В. Ф. Минорский [22], Т. Левицкий [23] и Б. А. Рыбаков присоединились к этому мнению. В свое время я уже привел некоторые аргументы против такого отождествления [24], тем более что и прежде ряд ученых (А. Я. Гаркави [25], Й. Маркварт [26]) в городе «Ва-т-Вантит» Ибн Руста (в «Худуд ал-Алам» город Вабнит) увидели *город* Киев. К этому надо добавить, что в тексте Ибн Руста о *стране* славян город Ва-т упомянут просто как первый славянский город, считая от печенегов, а дальше идет описание вообще страны славян, в конце которого есть фраза, переводимая «царь ежегодно объезжает их» [27] (славян). В арабском оригинале здесь использован глагол, который в данном контексте лучше перевести «собирать подать, дань» (глагол «джаба»), и тогда эта фраза будет звучать «и царем их ежегодно собирается дань», тем более что затем в контексте поясняется, что эти сборы состоят из хал'ат — сына, жены, рабыни, дочери [28]. Между тем Б. Н. Заходер совершенно справедливо подметил, что термин «хал'ат» (отсюда, кстати, русское «халат») может означать не только платье, но и подарок, подношение [29]. Следовательно, более правильным будет понимать этот отрывок как указание на ежегодное взимание царем славян каких-то подношений, в более широком плане — дани.

Любопытно, что последующие авторы («Худуд», Гардизи и др.) [30] опустили указанный сюжет, заменив его другим. Однако данное свидетельство Ибн Руста о полюдье не единственное у восточных авторов X в. Более того, все остальные писатели прямо говорят о русах, т. е. территории восточных славян как таковой.

К сожалению, здесь самый ранний памятник — труд Ибн Руста — соответствующего материала о русах не содержит. В тексте «Ал-А'лак ан-нафиса» от соответствующего рассказа уцелела лишь фраза: «Они (русы.— *А. Н.*) не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земель славян» [31]. Но в варианте, сохраненном Гардизи, изложение более конкретно. Он пишет: «Царь их взимает с торговли $^1/_{10}$. Всегда же 100—200 из них (русов) ходят к славянам и силой берут у них на свое содержание [32], пока там находятся».

Можно полагать, что в первоначальном источнике, не дошедшем до нас (предположительно сочинение Ибн Хордадбеха), которым пользовались и Ибн Руста, и анонимный автор «Худуд», и Гардизи, был более связный и цельный рассказ по интересующему нас сюжету. Еще у одного арабского писателя середины X в.— Мутаххара ал-Мукаддаси, кажется, есть особый реликт этого рассказа, когда этот писатель, говоря о взаимоотношениях русов и славян, отмечает, что первые «поедают» достояние последних и расхищают их добро [33]. К сожалению, «Худуд ал-Алам» сохранил лишь упоминание о десятине (с добычи и торговли), которую взимает царь (хакан) русов [34]. Наличие рассказа о десятине как раз у поздних авторов — анонима и Гардизи — может быть, говорит о том, что эти сведения относятся ко второй половине X в. и не восходят к первоисточнику IX в.

Таковы известия восточных авторов о полюдье у славян IX в. Это явно более древний вариант полюдья, нежели тот, что описывает Константин Багрянородный и ПВЛ, когда условия полюдья определялись соглашением [35]. В IX в., как можно заключить из арабских источников, полюдье носило более стихийный характер, мало отличный порой от набегов с целью взимания добычи. Истоки полюдья, очевидно, и восходят к таким набегам, элементы которых сохранились и в полюдье середины X в.

[1] Такие источники на персидском языке, как «Худуд ал-Алам» (80-е годы X в.) или географическая часть труда Гардизи (начало XI в.), всю свою информацию берут у арабских географов X в., и поэтому отделять их от арабской литературы в данном случае нельзя.

[2] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. 1; 1967. Т. 2; *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв.— В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 355—419.

[3] Труды Б. А. Дорна, В. Р. Розена, В. В. Бартольда, В. Ф. Минорского, И. Ю. Крачковского и др.

[4] Яркий пример — аль-Идриси (XII в), который давая огромную современную ему информацию о Руси, тут же приводит рассказ о трех группах русов, восходящий к IX в.

[5] *Новосельцев А. П.* Указ. соч., с. 372—419.

[6] Там же, с. 372—408.

[7] Наиболее ранние варианты — у ал-Истахри и Ибн Хаукаля (30—60-е годы X в.).

[8] До сих пор лучший комментарий этого источника сделан В. Ф. Минорским (Hudūd al-Alam. The regions of the World. L., 1937). Вероятно, настала пора

нового изучения этого памятника, прежде всего частей, относящихся к описанию нашей страны.

[9] *Новосельцев А. П.* К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя.— История СССР, 1982, № 4, с. 150—159.

[10] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 277.

[11] ПСРЛ, т. 1, с. 54—55; т. 2, с. 42—43.

[12] Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Washington, 1967, vol. 1, p. 62.

[13] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959, кн. 1, с. 156—157.

[14] πολύδια; кроме великого князя здесь, очевидно, имеются в виду князья — его вассалы, о которых упоминает ПВЛ (М., 1950, т. 1).

[15] Т. е. данниками Руси, обязанными платить эту дань согласно определенному договору.

[16] Глагол διατρέφω—кормить, содержать.

[17] Это означает, во-первых, что в полюдье ходили не только князья, а во-вторых, что дружина была также не только у князя.

[18] В тексте у Константина сказано, что в полюдье русские князья ездили к древлянам, дреговичам, кривичам, северянам и прочим славянам.

[19] *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества, с. 277.

[20] О нем см.: *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957, т. 4, с. 159; русский перевод отрывка см.: *Новосельцев А. П.* и др. Указ. соч., с. 387—389.

[21] *Westberg F.* Beiträge zur klärung orientalischer Quellen über Osteuropa.— Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, SPb., 1899, t. XI, p. 213.

[22] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 147.

[23] *Lewicki T.* Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w.— In: Slavia Antiqua, Warszawa; Poznań, 1961, t. VIII, s. 101.

[24] *Новосельцев А. П.* и др. Указ. соч., с. 394.

[25] *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, с. 264.

[26] *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 189.

[27] Так переводили Д. А. Хвольсон, А. Я. Гаркави, Б. Н. Заходер и автор этой статьи.

[28] *Ибн Руста.* Ал-А'лак ан-нафиса. Лейден, 1892, с. 145. На араб. яз.

[29] *Заходер Б. Н.* Указ. соч., т. 2, с. 124.

[30] *Новосельцев А. П.* и др. Указ. соч., с. 389—391.

[31] Цитируется по персидскому тексту: *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1973, т. 8, с. 39. Перевод мой.— *А. Н.*

[32] Словом «содержание» я перевожу термин оригинала «нафакат». Он означает также «расходы на жизнь», «средства на содержание семьи» и в современном фарси — «алименты».

[33] *Новосельцев А. П.* и др. Указ. соч., с. 398.

[34] Там же, с. 399.

[35] См. выше. Очевидно, нарушение таких соглашений Игорем, решившим собрать повторную дань с древлян, стало для последних поводом к его убийству.

В. Л. Янин

Роль Новгорода в отечественной истории

Говорить о роли Новгорода в отечественной истории и легко, и необычайно трудно. Легко потому, что выдающееся значение этого города никогда и никем не подвергалось сомнению. Со времен А. Н. Радищева и декабристов средневековый Новгород с его своеобразным политическим устройством был не только в центре внимания передовой общественной мысли России, но и идеалом свободолюбия. Вечевой колокол — символ вольнолюбивого духа — стал символом благородной деятельности А. И. Герцена, давшего своей газете имя «Колокол». Не оставляла Новгород без внимания и реакционная историография, для которой этот город сделался символом противоположного общественного начала; она провозгласила его колыбелью российской монархии, а вечевой колокол, форма которого легла в основу памятника «Тысячелетию России», преобразовала в апофеоз уваровского триединства — «православия, самодержавия и народности».

Трудности же в освещении роли Новгорода вызваны тем, что традиционные и столь противоречивые оценки возникали тогда, когда наука не располагала и десятой долей тех источников, которые известны сегодня. И лишь сейчас наступает время для трезвого взвешивания привычных выводов и лежащих в их основе аргументов.

В статье хотелось бы коснуться тех узловых проблем, которые имеют отношение к обозначенной в заглавии теме. Первая из этих проблем — возникновение самого Новгорода, юбилей которого исчисляется не от даты основания, а от даты первого упоминания города на страницах летописи. Сама по себе эта дата условна, однако очевидно, что она принципиально верна, поскольку процесс возникновения русских феодальных городов начался не ранее IX в., и, таким образом, Новгород действительно принадлежит к числу самых древних городов Руси. В более раннее время появлялись и укрепленные поселения, и поселения с заметно выраженным торгово-ремесленным обликом, но они еще не были городами в том смысле, который вкладывает в этот термин современная марксистская наука.

В настоящее время широко распространена концепция киевского происхождения Новгорода, согласно которой Новгород возник в результате объединения северорусских земель с Югом и был основан киевскими князьями как пограничная крепость на северных рубежах Киевской Руси. Логическим следствием такой концепции оказывается отрицание летописной даты раннего существования Новгорода, поскольку само возникновение объединенной Киевской

Руси относится к концу IX — началу X в., а не к середине IX в.[1]

Что по этому поводу сообщают новейшие научные данные? На первое место среди них я поставил бы языковые свидетельства новгородских берестяных грамот ранней поры, т. е. XI — начала XIII в. Лингвистический анализ этих документов, исчисляемых уже сотнями экземпляров, проведенный А. А. Зализняком, установил главные особенности новгородского диалекта, которые демонстрируют его своеобразие и резкое несходство с особенностями южнорусских древнейших языковых пластов. Эти новгородские особенности обнаруживают частичное совпадение с соответствующими элементами западнославянских языков[2]. А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что основной массив славянского населения русского Северо-Запада образовался за счет притока славян не с берегов Днепра, а из южной Прибалтики. Очень показательными оказываются близкие совпадения в новгородском и западнославянском именослове, а также в топонимике. О том же говорят данные археологии и антропологии. Весьма любопытную картину открывает топография древнейших монетных находок, которая показывает существование не только в IX, но даже и в XI в. двух экономически замкнутых областей с особыми денежно-весовыми системами в каждой: одна — на юге, а другая — на северо-западе Восточной Европы[3]. Археологическое изучение славянских поселений на Северо-Западе Руси показывает, что в них уже в VIII—IX вв. развиваются процессы выделения ремесла, классообразования, разложения самых основ военно-демократического общества.

Возникает ли в это время в Новгородской земле государство или государственность привнесена объединением Северо-Западной и Южной Руси, т. е. распространением политической системы Киева на новгородские земли? Рассмотрим эту проблему особо. Известно, что времени расцвета Новгорода в XII—XIV вв. соответствует весьма специфическая форма государственности — феодальная боярская республика, которая возникла в результате упорной антикняжеской борьбы новгородцев. В ходе этой борьбы одерживают верх над аппаратом княжеской власти такие республиканские институты, как посадничество и вече, которые отнюдь не возникают из изменчивой политической ситуации XI в., а генетически восходят к древнейшим институтам власти эпохи военной демократии: вечу предшествует народное собрание, посаднику — родоплеменные старейшины (последний старейшина Гостомысл титулуется летописцами конца XV — начала XVI в. и как первый посадник). Княжеская власть и вечевой строй образуют противоположные полюсы политической борьбы, имея разное историческое происхождение. И если в борьбе между этими институтами победу одержал вечевой строй, значит и свойственные ему формы государственности оказались более жизнестойкими. Они в то же время не могли возникнуть спустя столетия после установления княжеской власти и, таким образом, имеют более древнее происхождение, нежели последняя. Что касается княжеской власти, то в том аспекте, который имеет отношение к Новгороду, она не привнесена распространением на Новгород политической системы Киевской Руси. Напротив, общеизвестно, что импульс к объединению Северо-Западных и Южных русских земель был дан не из Киева, а из Новгорода известным походом Олега 882 г., когда Киев был завоеван новгородским князем, перенесшим туда свою резиденцию.

Говоря о возникновении в Новгороде княжеской власти во времена, предшествующие Олегу, мы вступаем в область сложных дискуссий, так или иначе связанных с вопросом о роли норманнов в русской истории. Этот вопрос отнюдь не сводится к элементарному голосованию: существовал Рюрик или не существовал. Он имеет совершенно иной смысл. В системе норманистских концепций так называемое призвание Рюрика трактуется как акт коренного преобразования восточного славянства. До этого акта не было якобы ни правопорядка, ни государственности, ни культуры. И все это было насажено на русской почве культуртрегерскими руками скандинавов. При этом вопрос об уровне правопорядка, государственности и культуры самих норманнов, как правило, не затрагивается.

Внешне сильными аргументами для норманистов были отсутствие среди древнерусских источников каких-либо материалов, говорящих о существовании на Руси процессуального кодекса вплоть до XIV—XV вв., а также традиционная трактовка «Русской Правды» как правового кодекса, введшего систему государственных штрафов лишь с принятием христианства в конце X в. Если указанные юридические нововведения, рассуждали норманисты, возникли столь поздно, то о каком же правопорядке можно говорить, имея в виду более ранний этап?

Между тем открытие в Новгороде берестяных грамот наносит сильнейший удар по этим взглядам. Выяснилось, что в конце XII в. при судебном разбирательстве применялись именно те детальные нормы, которые прежде были известны только по источнику XV в.[4] А существование системы государственных штрафов за преступления еще в языческие времена демонстрируется находкой деревянных бирок с надписями, принадлежавших сборщикам таких штрафов. Древнейшие из этих бирок найдены на Троицком раскопе в слоях 70-х годов X в.[5]

Самобытная культура Новгорода, не имеющая ничего общего со скандинавскими образцами, представлена многочисленными предметами из нижних пластов всех раскопов, где имеются горизонты X в. Это, между прочим, самые красивые комплексы предметов, относящихся еще к тому времени, когда ремесло работало не на рынок, а на заказ, т. е. еще не перешло к производству массовой стандартной продукции. Каждый мастер в соответствии со своим собственным вкусом и вкусами заказчиков стремился изготовить художественный шедевр, будь то ковш или ложка, рукоятка ножа или копыл саней.

Возвращаясь к вопросу о государственности, на этот раз в аспекте норманнской проблемы, я могу повторить все то, что уже было сказано относительно жизнестойкости ее древнейших форм, имеющих самобытное происхождение. Но к этому следует добавить

и еще один аргумент. Приоритет вечевых форм власти над княжескими очевиден и потому, что княжеская резиденция в Новгороде располагалась вне городской цитадели — Детинца. Возникла ли она первоначально на Городище или на Ярославовом дворище — в любом случае она находилась за стенами крепости, всегда и во всех случаях защищавшей главнейшие общественные институты, которые, таким образом, уже существовали к моменту приглашения князя. Сам акт приглашения князя в дальнейшем сделался формулой приоритета веча над княжеской властью: «Мы, новгородцы, вольны в князьях — где нам любо, там князя и поимем». Эта конституционная формула включает в себя, естественно, и право изгнания князя. Возникновение в Новгороде института княжеской власти, таким образом, не привело к уничтожению вечевых основ общественного строя, и это позволяет утверждать, что фундаментом системы государственности Новгорода в IX—XI вв. был договор между вечем и князем, накладывавший на обе стороны взаимные обязательства. Мы, разумеется, не имеем возможности реконструировать все статьи такого договора, однако об одной из них говорить вполне возможно.

Та проблема, которую мне предстоит затронуть, имеет отношение к сложнейшему в нашей историографии вопросу о существе ранних форм феодализма на Руси. В основе феодальных отношений всегда лежит система феодального землевладения. Обязательным ее элементом является наличие крупных форм землевладения. Поэтому Б. Д. Греков, не сомневавшийся в наличии феодализма на Руси в IX в., предполагал, что и крупная частная феодальная вотчина в указанное время уже существовала. Такой взгляд как нельзя лучше способствовал и выработке представления о механизме образования в Новгороде боярской республики. Было замечено, что в X—XI вв. новгородскими князьями становились старшие сыновья и наследники киевских князей. Поскольку Новгород рассматривался ими как промежуточный пункт на лестнице политической карьеры, князья-наместники не стремились обзаводиться здесь земельными владениями; так же поступали и их дружинники. В силу этого инициативе новгородского боярства в наступлении на общинные земли ничто не препятствовало, и постепенно, на протяжении XI в., бояре стали во много раз сильнее князя, что и позволило им в 1136 г., опираясь на народное восстание, победить и образовать республиканскую власть.

Между тем детальное исследование процесса формирования в Новгороде вотчинной системы установило, что частная собственность на землю в крупных формах, будь то домениальные княжеские владения или боярские вотчины, впервые возникла не ранее начала XII в. В то же время существенные успехи в антикняжеской борьбе новгородское боярство демонстрировало уже в XI в., на всем его протяжении, с того момента, когда завоевывало льготы у Ярослава Мудрого, но особенно во второй половине XI в., когда, в частности, возник особый орган боярской власти — посадничество. Само расхищение общинных земель оказывается не причиной, а следствием успехов боярства в его политической борьбе с князем [6]. На чем же основывалось в действительности экономическое могущество бояр, столь ярко проявившееся еще в довотчинный период?

Анализ археологических комплексов боярских усадеб X—XI вв. и показаний берестяных грамот XI в. позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос. Это могущество основывалось на крупном землевладении феодального типа, но на землевладении не вотчинном, а корпоративном, государственном. В отличие от других центров княжеской власти, где сбор земельной ренты осуществлялся князем с дружиной в форме всем хорошо известного полюдья, в Новгороде с его системой погостов сборщиками дани становились не дружинники князя (его дружина была варяжской), а представители богатейшей верхушки города, те, кто потом станет называться боярами. Согласно «Русской Правде», податные и судебные доходы делились между государством (князем), духовенством (в дохристианское время — жречеством) и самими сборщиками дани (вирниками, емцами, мечниками). Свидетельства такой деятельности вирников были собраны в ранних слоях тех усадеб, которые в более поздние времена принадлежали их потомкам — знаменитым боярам Мишиничам, Мирошкиничам и т. д.

Постоянные разъезды для сбора податей делали вирников особенно мобильными и давали им в руки еще один источник существенного обогащения — ростовщичество. Ранние берестяные грамоты пестрят сведениями о суммах, отданных в рост в разных уголках Новгородской земли: проценты с них стекались в городские усадьбы феодалов. И сама такая усадьба становилась важным источником доходов для ее владельца. На каждой из них уже в X—XI вв. существовали разнообразные ремесленные мастерские, работавшие на господском сырье. По-видимому, участие в сборе и разделе государственных доходов верхушки местного новгородского общества и было одним из обязательных условий договора веча и князя.

Иллюстрацией к характеристике новгородского боярина в так называемый «княжеский» период новгородской истории может служить один былинный сюжет, который причудливо связался с материалами археологических раскопок. На Троицком раскопе исследуется большой комплекс боярских усадеб, на рубеже XII—XIII вв. принадлежавших хорошо известной в Новгороде семье Мирошки Нездинича и его сыновей Дмитра и Бориса. В частности, этой семье принадлежала и ставшая широко известной усадьба художника Олисея-Гречина, который был священником в церкви Василия, построенной этой семьей. Нас, естественно, интересуют предки Мирошки Нездинича. Известно, что Незда (отец Мирошки) был, по летописному сообщению, биричем, т. е. чиновником княжеско-посадничьего смесного суда. В более древних слоях рубежа XI—XII вв. здесь же была обнаружена берестяная грамота, адресованная некоему Ставру, в котором мы, по месту находки этого документа, имеем возможность предполагать одного из предков Мирошки. Между тем единственный Ставр, известный в новгородской летопи-

си, жил как раз в начале XII в. и был соцким, т. е. важным сановником княжеской администрации. В 1118 г. он был схвачен в Киеве Владимиром Мономахом и подвергнут заточению [7].

Память об этом Ставре и о его киевской опале запечатлена в известной былине о Ставре Годиновиче. Былина повествует, как Ставр, приехав в Киев, стал похваляться перед киевлянами Новгородом, чего они стерпеть никак не могли. Вот в каких выражениях былина излагает эту похвальбу:

В Нове-городе живу да я хозяином,
Я хозяином живу да управителем
И полны́м лицом живу доверенным...
Ой глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что это за ограда во Киеве
У ласкового князь-Владимира?
У меня ль, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева [8].

Былинная самохарактеристика Ставра соответствует летописным сведениям о соцком Ставре. Но она в то же время как нельзя лучше совпадает с изложенным выше представлением о новгородском боярине ранней поры, который, располагая официальными должностями в аппарате княжеского управления, уходит корнями в местную почву, гордясь своим Новгородом, в котором жили и умирали его предки, не имевшие отношения к непосредственному окружению князя.

Подытоживая сказанное выше, я следующим образом сформулировал бы главный вывод. На заре формирования феодальных отношений в Древней Руси существовали два главных ядра новой государственности, возникшие независимо одно от другого: «Русская земля», политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде. Их объединение в конце IX в. с передачей верховенства Киеву сделалось фундаментом возникновения того грандиозного явления, которое историки позднее назвали Киевской Русью. В этом, на мой взгляд, состоит главная историческая роль Новгорода на раннем этапе его существования.

* * *

Перейдем теперь к периоду расцвета Новгорода в XII—XIV вв. и поговорим о том, что не записано в летописях, но что ярко отражено материалами раскопок. Новгород этого периода — город искусных ремесленников, великих зодчих, выдающихся художников. Культурный слой эпохи расцвета до отказа насыщен свидетельствами трудовой деятельности его населения — предметами ремесленного производства, орудиями труда, отходами производственного сырья. Изучение технологической рецептуры познакомило нас с ремесленными секретами мастеров, знавших все то, что было известно их собратьям в прославленных ремесленных центрах Западной Европы и Ближнего Востока. Открытые в раскопках мастерские исчисляются уже многими десятками, а специализация их всеобъемлюща. Разумеется, высокий уровень производств лишь частное проявление высокой культуры в целом.

Другим ее показателем оказывается не мыслимый прежними исследователями высокий уровень грамотности, проявляющийся буквально во всех слоях городского и, что особенно важно, сельского населения Новгородской земли. Постараюсь показать, что столь высокий уровень грамотности свойствен именно Новгороду и не найдет соответствия в других русских центрах.

Часто задают вопрос, почему в Новгороде берестяные грамоты исчисляются уже сотнями, а в раскопках других древнерусских городов лишь единицами. И часто приходится выслушивать суждение, что так получилось только потому, что в Новгороде ведутся раскопки особенно широкого масштаба. На самом деле масштаб раскопок здесь не играет особой роли. В одном из немногочисленных городских центров Новгородской земли — Старой Руссе раскопки были небольшими, но в ходе их найдены 23 берестяные грамоты, столько, сколько во вместе взятых остальных городах. Главной причиной изобилия грамот в Новгороде, на мой взгляд, является его республиканское устройство.

Дело в том, что постоянное обновление главных государственных должностей, происходившее каждый год, вынуждало новгородских землевладельцев концентрироваться в самом Новгороде. Если бы землевладелец пожелал постоянно жить в своей вотчине, он оказался бы вырванным из системы перманентной борьбы за власть, утратил бы и влияние, и возможности. Он был, таким образом, центростремителен. Напротив, в центрах безраздельной княжеской власти феодал, чтобы обрести относительную самостоятельность, стремился в вотчину, где в отдалении от центральной власти он обретал бóльшую свободу действий. В частности, подобный процесс формировал и удельную раздробленность Руси, не затронувшую в силу указанной особенности Новгородской земли. Иными словами, нигде на Руси не было столь последовательного разделения землевладельца с его землевладением, требовавшего постоянной переписки. Нужды хозяйственного управления понуждали к расширению грамотности. Я касаюсь особо этого вопроса, чтобы показать, как опосредованно проявляется воздействие форм государственного устройства на культуру. Как бы то ни было, но новгородец в своей массе был грамотнее русских людей из других областей Руси.

Это обстоятельство необходимо особенно учитывать, касаясь идейных, философских и общекультурных основ того расцвета искусства, который наблюдается в Новгороде республиканской поры и который оказал сильнейшее воздействие на искусство всей Руси. Тема культурного воздействия Новгорода на другие русские местные художественные школы заслуживала бы специального освещения. Но мне представляется более уместным коснуться иного аспекта формирования высокого искусства Новгорода.

Прежде, когда еще не были известны археологические комплексы, когда население Руси считалось даже самыми серьезными исследователями чуть ли не поголовно неграмотным, высокие шедевры новгородской живописи, архитектуры и торевтики казались прекрасными цветами, выросшими на пустыре. Возможность наслаждаться ими, казалось, носила сугубо элитарный характер и была достоянием самого узкого круга тех же профессионалов. Сейчас мы убедились, что высоко развитое эстетическое чувство было присуще всем слоям новгородского населения, проявляясь в массовом стремлении искусно украсить бытовые предметы. От незатейливого орнамента на деревянном или костяном гребне до создания подлинных шедевров прикладного искусства — таков спектр удовлетворения художественных потребностей. Порой деревянная ложка, вырезанная для того, чтобы хлебать ею щи, превращается в подлинное украшение музейной витрины, вызывая наше восхищение и замыслом, и его воплощением в руках безвестного средневекового мастера. На простых предметах утвари, на украшающей их резьбе мы обнаруживаем часто и следы ярких красок — этой традиции позднее было суждено воплотиться в великолепные произведения высокого искусства.

Открытие мира бытового искусства — очень большое достижение археологии, решившее, в частности, загадку белокаменной владимиро-суздальской резьбы, сюжеты которой казались привнесенными из других, порой экзотических, стран. И сама внешняя разница скупого декора новгородских храмов и изощренного резного ковра, покрывающего стены храмов Суздальской земли, породила устойчивое представление, противопоставляющее радостного хлебопашца владимирского Ополья суровому коренастому новгородскому мужику, который ловил рыбу и скреб сохой каменистую почву или вяз в болоте. В действительности внутренний мир новгородца оказался столь же пестрым и многоцветным. Только вот рыхлый ильменский известняк не воспринимал резьбы, которая, однако, процветала на дереве и кости, демонстрируя те же сюжеты, что и владимирская каменная резьба, только на три века раньше [9].

И еще одно обстоятельство, немаловажное для всей Руси. Как удачно выразился недавно один молодой писатель, Петр I вынужден был рубить окно в Европу там, где раньше была широкая дверь [10]. Иногда эта дверь захлопывалась войной, но все же на протяжении IX—XV вв. Новгородская земля оставалась важнейшей контактной зоной между всей Русью и Западной Европой. Археологические раскопки дали в руки археологов многие сотни предметов западноевропейского происхождения. На западном сырье работало средневековое новгородское ремесло, так как почва Новгородской земли бедна полезными ископаемыми. Но вместе с хозяйственным импортом заимствовались и достижения культуры. Новгород никогда не был замкнут в самодовольстве, обогащаясь культурным опытом других народов. До сих пор новгородский кремль украшает Грановитая палата, созданная в XV в. по замыслу немецкого зодчего, «а стенщики были новгородцы». Входящего

же в Софийский собор встречают бронзовые врата — плод работы немецких мастеров, дополненный новгородским скульптором.

Через Новгород мы постепенно узнаем подлинное лицо средневековой Руси, ее талантливого народа. И здесь необходимо сказать несколько слов еще об одном замечательном открытии. Кто бы мог еще 10 лет назад предположить, что нашему поколению доведется услышать звучание музыкальных инструментов XI или XIV в. И вот теперь достоверные модели древних гудков и гуслей, созданные из таких же материалов и по законам заложенной в найденных фрагментах архитектоники, зазвучали в талантливых руках В. И. Поветкина. Это достижение уже стало достоянием широкой общественности. И не пришло ли время создать в Новгороде центр изучения и пропаганды средневековых музыкальных инструментов, который проложил бы более широкую дорогу к узнаванию еще одной до сих пор недоступной исследованию области нашей национальной культуры?

Но новгородцы были не только творцами. Им приходилось с мечом и щитом в руках защищать созданные ими материальные и культурные богатства, а вместе с ними отстаивать и всю Русь. Огромна роль Новгорода в тяжелейшем для нашей Родины XIII в. В 100 верстах от Новгорода остановилось полчище Батыя и повернуло на юг, напуганное героизмом маленького новгородского пригорода Торжка и славой великого Новгорода. Однако не менее грозная опасность надвигалась тогда на Русь с запада. Агрессия немецкого ордена разбилась о героизм новгородцев, возглавленных Александром Невским, и с тех пор имя великого русского полководца неотделимо от воинской славы Новгорода. Новгород стяжал и позднее тяжелую, кровавую, но убедительную победу над Раковором, на многие десятилетия лишившую врага желания искать добычи на русских рубежах.

В XV в. Новгороду суждено было сыграть выдающуюся роль в истории нашей страны. Речь идет о завершающем этапе новгородской независимости. Но прежде всего остановимся на самом понятии независимости. Мы довольно часто злоупотребляем этим термином, говоря о Новгороде, и порой отождествляем этот термин с сепаратизмом. На протяжении многих столетий Новгород действительно отстаивал свою независимость не только от иноземных агрессоров, но и от попыток сильнейших русских князей подчинить его своей воле. Важнейшими историческими этапами этой борьбы было сопротивление новгородцев киевским князьям в XI—XII вв., знаменитая победа новгородцев над суздальцами в 1170 г., блестяще запечатленная в новгородской живописи, сопротивление «насилиям» Александра. Однако во всех упомянутых случаях речь шла о завоевании и защите республиканского, вечевого строя, тех «свобод», которые стали для Новгорода конституционными.

Во все эти времена Новгород оставался органической частью Русской земли, поддерживая спасительный в условиях постоянной иноземной угрозы союз с другими русскими областями, чему, в частности, служило и сохранение княжеского стола в системе рес-

публиканской государственности: приглашение князя было равнозначно заключению военно-политического союза с тем княжеством, откуда приходил в Новгород приглашенный князь. Даже в возникших с середины XIV в. условиях жесткого противостояния Москве измены общерусскому делу нет, о чем убедительнейшим образом свидетельствует участие новгородцев в Куликовской битве. В церкви Бориса и Глеба в Плотниках сохранялся скорбный синодик — поминание павших в сражениях новгородцев, в котором поминаются и погибшие на Дону при великом князе Дмитрии Ивановиче [11].

Как же в свете этой тенденции выглядит потеря новгородской независимости в 1478 г.? Современные буржуазные историки, особенно в США и ФРГ, очень любят проливать слезы по поводу этой акции. Азиатская деспотия, тирания Москвы, рассуждают они, подавила новгородскую демократию, монархия уничтожила республику и блестящий прогресс новгородского развития сменился темной ночью безусловного регресса. Союзников в таком рассуждении они отыскивают в русских историках-демократах от Радищева до Герцена.

Попытаемся разобраться в существе дела. Мы хорошо знаем теперь, что и декабристы, и Герцен идеализировали новгородские порядки, преувеличивая степень демократизма Новгорода. В борьбе с царизмом пример антимонархической борьбы Новгорода был особенно поучительным, становясь идеалом, которому при отсутствии достаточно представительной суммы источников придавались и неприсущие ему черты.

Новгородская республика была республикой боярской, классовым орудием крупнейших землевладельцев, которые с момента создания собственных государственных органов с особой жадностью принялись расхищать фонд общинных земель, превращая его в феодальные вотчины, лишая свободы массы новгородского населения и в деревне, и в городе и все более и более ужесточая формы его эксплуатации. Примерно к середине XIV в. процесс обояривания черных земель был практически завершен, и с этого момента главным объектом защиты со стороны боярского государства становится отнюдь не вечевой строй, а та система феодальных богатств, которая сосредоточилась в руках верхушки населения Новгорода.

Летопись показывает, как постепенно растет сопротивление народа боярскому государству, прорываясь в многочисленных восстаниях, накал страстей в которых боярство постоянно стремится использовать в собственных целях. Страх перед народным недовольством диктует боярству необходимость консолидации, которая проявляется в постоянном совершенствовании государственной системы власти. Последнее существенное ее преобразование происходит сразу же после самого мощного народного движения 1418 г., известного как восстание Степанки. Эта государственная реформа по существу ликвидирует вечевой строй, на смену которому приходит олигархия «Совета господ» [12]. Начиная с восстания Степанки летопись и берестяные документы неоднократно демонстрируют свершившееся прозрение, формирование антибоярского классового самосознания черного люда Новгорода. К XV в. относится цикл литературных произведений, обличающих мздоимство бояр и посадников, неправедность боярского суда. О каких-либо проявлениях демократии в XV в. говорить не приходится. И когда наступает решительный момент окончательного столкновения Москвы и Новгорода, оказывается, что простому населению Новгородской земли нечего защищать в сложившихся к тому времени порядках. Сражения не происходит. Требования великого князя о распространении на Новгород порядков Русского государства принимаются после недолгого сопротивления бояр, которые слезно молят Ивана III даже не о том, чтобы он сохранил в их руках власть, а о том, чтобы он не лишил их вотчин — «вывода бы не учинил». Поэтому присоединение Новгорода к Москве оказывается не актом подавления демократии, а актом, в котором реализовалось социальное недовольство низов новгородского населения. Не было столкновения деспотизма и демократии. Было столкновение двух однородных сил феодализма, в котором новгородская боярская власть не получила поддержки со стороны народа.

События 1477—1478 гг. сыграли в высшей степени выдающуюся роль в истории нашего Отечества. Именно они превратили Русское государство в Российское национальное государство. Как прежде, Киевская Русь встала объединением Новгорода и Киева на две ноги, так и теперь Россия обрела свое государственное могущество на основе объединения Москвы и Новгорода.

* * *

Расцвет Новгорода продолжался и в XVI в., свидетельством чему, в частности, остаются для нас многие памятники архитектуры и живописи той поры. Упадок Новгорода начинается с изменения системы торговых связей России и Европы. Он был усугублен жестоким деянием опричнины Ивана Грозного и еще больше шведским разорением начала XVII в.

Новый взлет Новгорода относится уже к нашему времени, когда он снова стал значительным центром промышленности и культуры. Новый Новгород снова играет важнейшую роль в истории нашей страны. В Новгороде есть чему поучиться и нам, людям, озабоченным развитием культуры и поддержанием лучших ее традиций, освоением опыта наших далеких и не столь далеких предков. В этом отношении Новгород по праву может быть назван лабораторией опыта. Именно здесь блестяще осуществлены в широких масштабах научные реставрации памятников древней архитектуры. Именно здесь созданы лучшие, на мой взгляд, в мире экспозиции по истории средневекового города. Именно здесь впервые проявилась в самых действенных формах государственная забота об охране нашей археологической сокровищницы — культурного слоя. И именно здесь практически найдены формы активного взаимодействия народнохозяйственных забот руководства города и области и интересов исторической науки, призванные способствовать развитию нашей культуры и делу патриотического воспитания нашего народа.

С момента своего возникновения Новгород называется «новым городом». Пусть всегда над ним сияет свет новых свершений, новых идей и, разумеется, новых открытий!

[1] *Куза А. В.* Новгородская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 173.
[2] *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1985.
[3] *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956.
[4] *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978, с. 133—134.
[5] *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде.— В кн.: Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982 ,с. 138—155.
[6] *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
[7] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 21, 205.
[8] Былины Печоры и Зимнего Берега. М.; Л., 1961, с. 112; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 126.
[9] *Арциховский А. В.* Колонна из новгородских раскопок.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 16—21.
[10] *Киселев Б.* Слово о Новгороде.— Литературная учеба, 1984, № 4, с. 11.
[11] *Шляпкин И. А.* Синодик 1552—1560 г. новгородской Борисоглебской церкви.— Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1911, вып. 5, с. 6—7.
[12] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 232—273.

А. Л. Хорошкевич

Городские движения на Руси второй половины XIII — конца XVI в.

Судьбы земель огромного Древнерусского государства в XIII—XVI вв. сложились по-разному. Иноземное нашествие пагубно сказалось на ходе социально-экономического развития этих земель, причем степень архаизации и консервации общественных отношений зависела от меры воздействия нашествия: наибольшей она была в землях Северо-Восточной, Юго-Восточной и Южной Руси, где установилось иноземное иго [1]. Замедленным оказалось и развитие северо-западных и западных окраин государства, хотя городам Северо-Западной Руси удалось отстоять свою государственную независимость (Новгородская феодальная республика просуществовала до 1478 г., Псковская — до 1510 г.). Княжества Западной, Юго-Западной и Южной Руси в течение XIII—XIV вв. вошли в состав Литовского государства, с конца XIV в.— Великого княжества Литовского, Жемайтского и Русского (далее: ВКЛ).

Особенности социально-экономического и политического развития земель Руси XIII—XVI вв., белорусских и украинских земель XV—XVI вв. в советской историографии послевоенного периода определены четко. Особенности же классовой борьбы, в частности в городе, остаются недостаточно выясненными, хотя вопрос о ней привлекает внимание историков в связи с различными аспектами истории городов: их общей характеристикой и ролью веча (А. М. Сахаров, В. Л. Янин), социальной дифференциацией в городе (А. А. Зимин), их ролью в объединении страны (М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин) [2]. Специально классовой борьбе посвящены работы П. П. Смирнова (конец XVI в.) и М. Н. Тихомирова (вторая половина XI—XIII в.) [3]. Сравнительно-исторический анализ городских движений на территории Древней Руси позволил бы лучше уяснить, как своеобразие социально-экономического и политического развития отразилось на городских выступлениях XIII—XVI вв.

Исследователь вопроса встречается с серьезными трудностями. Во-первых, если прошлое городов Северо-Восточной и Северо-Западной Руси запечатлено в комплексе летописей, то для городов Западной, Юго-Западной и Южной Руси этот вид источников практически отсутствует и история городских движений может быть восстановлена лишь по скупым данным актовых материалов. Во-вторых, понимание летописных рассказов затрудняет неадекватное изображение летописцами сущности и направленности городских движений. Для летописца все их формы, будь то классовая борьба, народно-освободительная или внутрифеодальная, были равнозначны, они характеризовались одними и теми же терминами: мятеж, брань, рознь, встань. Историкам трудно определить, до какой степени дошла «брань» в том или ином случае — до сражения, вражды, распри или просто ругани, был ли «мятеж» или «въстань» ссорой, раздором, беспорядком или классовым волнением [4]. Нечеткость летописной терминологии дает основание для различной трактовки сообщений о городских движениях, среди которых можно выделить три основных типа: народно-освободительные, антифеодальные и борьбу за городские вольности.

В середине XIII — первой четверти XIV в. выступления горожан в Северо-Восточной Руси носили ярко выраженный народно-освободительный характер. Они были направлены на подрыв, уменьшение степени иноземного владычества. В 1262 г. волна подобных выступлений прокатилась в Ростове, Угличе, Устюге, Ярославле. Восстание в наиболее развитом из них — Ярославле — было направлено и против монаха Зосимы, участвовавшего в сборе дани в пользу захватчиков и промышлявшего ростовщичеством [5]. Массовые народно-освободительные выступления, сопровождавшиеся вечевыми собраниями, в обстановке полного единодушия проходили и позже: в 1289 г., как и в 1320 г., «створиша вече» в Ростове и «изгнаша татар» [6]. Но в 1293 г. в Твери добиваться такого единодушия пришлось дополнительными мерами: «целоваша крест бояре к черным людем, такоже и черные люди к бояром, что с одиного битися с

татары»[7]. Различие в отношении к иноземным захватчикам ярко проявилось во время знаменитого тверского восстания 1327 г., когда, по словам Л. В. Черепнина, «часть феодальных кругов Твери выступала сторонницей мирной тактики»[8]. Сопротивление же горожан вылилось в стихийное восстание 15 августа 1327 г., баскак Чол-хан и все его приближенные были убиты «по ряду» (т. е. подряд, а не по соглашению горожан — «ряду», как трактует это выражение Л. В. Черепнин)[9]. В результате восстаний 20-х годов XIV в. была сметена система баскачества в Северо-Восточной Руси[10].

Новый этап городских движений открылся 1382 г., когда народно-освободительное движение горожан приобрело антибоярский характер. Во время нападения Тохтамыша на Москву ее защитники, настаивавшие на обороне столицы, заняли непримиримую позицию по отношению к «пораженцам» — «коромольникам и мятежникам» (по выражению Ермолинской летописи), которые хотели покинуть город вслед за великим князем Дмитрием Донским: «ни самого митрополита усрамилися, ни бояр великих устрашишася, но на вся огрозишася». Организуя оборону, они «сташа суймом, а инии по вратом, а инии на вратах на всех»; не выпуская бояр и «больших людей», защитники кидали в беглецов камнями, грабили их дворы, в том числе и приближенных митрополита, которые «единако с ним мятяху»[11]. В событиях 1382 г. важен факт роста классовой активности горожан в момент ослабления княжеской власти.

В конце XIV в. исчезли баскаки с их многочисленными отрядами, утверждавшие беззаконие завоевателей. В качестве посредников между населением страны и завоевателями наряду с ордынскими послами стали выступать собственные князья, позиция которых обусловливалась конкретными обстоятельствами (так, двумя годами раньше Дмитрий Донской решился на открытое противодействие ордам Мамая, а в 1382 г. счел возможным покинуть столицу со своим двором). Народно-освободительная борьба горожан в это время была уже невозможна без сочетания с классовой борьбой. Последовательными защитниками страны в этих условиях стали лишь сами горожане, но общегородские движения, направленные только против иноземных захватчиков, уже изжили себя.

Свое право на защиту города от ордынских полчищ в 1445 г. москвичам также пришлось доказывать в ходе восстания. Столица, кремль которой подвергся 14 июля опустошению из-за пожара, была наполнена тревожными слухами о поражении великокняжеского войска 7 июля под Суздалем и о пленении самого Василия II. Войска ордынцев двинулись к Владимиру и Мурому. Коренное население столицы и беглецы, спасавшиеся за стенами Кремля, стали покидать город. «Чернь», «худые люди» предприняли меры для предотвращения паники: они задерживали тех, кто хотел выйти из города, заковывали их («а хотящих из града бежати начаша имати и бити, и ковати»). Эти же «худые люди» приступили к строительным работам, прежде всего к починке ворот, по-видимому в наибольшей степени пострадавших от пожара. На этом волнение в городе прекратилось. Восстановлению подверглись стены («начаша град крепити»)[12] и жилища. Результатом социальной розни, доходившей до вооруженной борьбы черни и боярской и городской знати, стало принятие последними программы защиты столицы, предложенной чернью[13].

Ситуация повторилась спустя 35 лет. В 1480 г. только натиск городских низов, поддержанный наиболее дальновидными представителями церковников (в частности, ростовским архиепископом Вассианом Рыло), заставил князя-бегуна Ивана III вернуться к войскам, готовым дать решительный отпор хану Большой Орды Ахмату. На этот раз движение было направлено не только против боярской и купеческой верхушки столицы, но и против самого великого князя, которому пришлось выслушать резкие упреки и в несправедливом суде в мирное время, и в трусости — в военное. Опасаясь народного гнева, Иван III вынужден был выехать из Москвы в Красное село (ныне Красносельская ул.) к северу от столицы. Успенский летописец, выражая интересы горожан, зафиксировал обличения «злых человек сребролюбець, богатых и брюхатых, и предателей хрестьянских, а норовников бесерменьских»[14]. Усилия посажан и горожан не пропали даром: узнав о многочисленности русского войска, Ахмат бежал. Русь была освобождена от иноземного ига, продолжавшегося два с половиной века.

1480 годом завершается второй этап городских движений в Северо-Восточной Руси, в которых народно-освободительный момент отчетливо переплетался с социальной рознью в столице между боярско-купеческой верхушкой и великокняжеским окружением и рядовыми жителями. В XVI в. народно-освободительный фактор остался лишь в качестве второстепенного мотива городских движений: в 1547 г. слух о приближении крымцев сыграл роль катализатора народного возмущения боярским произволом. Готовясь к обороне от крымцев, которых якобы призвали Глинские, поднялись и вооружились горожане. Этот фактор исчез к концу XVI в. В городских восстаниях 1584 и 1586 гг. речь шла исключительно о внутрифеодальной борьбе, осложненной выступлениями горожан. Слухи о желании фаворита Ивана Грозного, Богдана Бельского, «извести бояр» (один из них, наиболее популярный, Н. Р. Юрьев, был задержан в Кремле), сгубить детей царя, чтобы самому занять престол, восстановить тиранию и опричнину, вызвали выступление московских дворян и «черни». Дворяне начали обстрел Кремля, городские же низы, вооруженные луками, копьями, дубинами, разгромили арсенал, находившийся у р. Неглинной вблизи от Земского двора (ныне территория Исторического музея) и присоединились к осаде Кремля. Блок мелкого дворянства и посадского населения прекратил феодальные распри и предотвратил опасность реставрации опричных порядков в стране[15].

Второй раз посадские люди столицы вмешались во внутрифеодальные свары в 1586 г. Около 14 мая этого года Кремль снова оказался в осаде «от мужиков». Гости, привилегированная часть купечества,— Федор Нагай, Голуб и другие поддержали Шуйских,

предложивших развести царя Федора и женить его на дочери самого знатного в стране Ф. И. Мстиславского. Размах народного движения, в которое были вовлечены и городские низы, испугал Шуйских, пошедших на сговор с Годуновыми. Хотя в восстании 1586 г. посадский элемент чувствуется больше, его результаты для развития страны оказались не столь существенны. Были проведены лишь мероприятия, укрепившие положение дворянства — опоры трона. Город ничего не выиграл.

На западе и юго-западе Древней Руси, в белорусских и украинских землях конца XVI в., антифеодальные движения низов горожан сопровождали восстание Северина Наливайки в 1595—1596 гг. Выступления горожан также носили освободительный — против Речи Посполитой — оттенок, наиболее ясно выражавшийся в вопросах вероисповедания [16].

Городские выступления на Северо-Западе не знали подъема народно-освободительного движения: ни Новгороду, ни Пскову не грозила потеря независимости со стороны Джучиева улуса. Лишь в 1257 г., когда прибывшие в Новгород ордынцы потребовали тамги и десятины, это вызвало народное волнение: «смятошася люди черес все лето». «На зиму», т. е. осенью, был убит посадник. Зимой же новгородцам удалось откупиться от послов дарами «цесарю». Если связывать убийство посадника с вопросом выплаты тамги и десятины, можно считать, что в Новгороде были разные представления о политике по отношению к агрессорам с востока. Отношение к западным агрессорам — Ливонскому ордену и Швеции — не вызывало никаких сомнений.

В 1259 г., когда послы Берка и Касачик потребовали проведения описи, снова начался «мятеж». Под угрозой введения иноземных войск «яшася новгородци по число». Это вызвало новое обострение социальных конфликтов в Новгороде, где в это время успешно завершался процесс феодализации. Волнения в Новгородской земле возникли в связи с соляным налогом — «туской» (от тюркского «туз» — соль). Скорее всего, эти волнения происходили в районе Старой Руссы, основном соледобывающем районе Новгородской земли. О проведении здесь описи известно из двух памятников — Уставной грамоты Всеволода Мстиславича и жалованной грамоты Василия II старорусским рыболовам. В первой из них указано, что «руская пись» поступает священникам купеческой церкви Иоанна Предтечи и Борисоглебской на Пискупли улице. Во второй — великокняжеские рыболовы освобождались от уплаты «сотной соли писчей» [17]. К какому бы времени ни относить уставную грамоту — к XIV в. (А. А. Зимин) или более раннему, ко второй половине XIII в. (В. Л. Янин), оба документа фиксируют ситуацию XIV в. (Василий II ссылается на грамоту Дмитрия Донского), когда в доходах от соледобычи в Руссе участвовали и священник патронального храма организации купцов Новгорода — Иванского ста (даже сторож этой церкви имел доход от «пятна» в Руссе и 10 ковшей-«конюхов» соли), и священник церкви на Владычной улице. Согласно грамоте Всеволода доходы от соледобычи в Руссе были столь же

значимы для новгородской церкви, как и доходы от торговли — «мерил торговых, скалв вощаных, пуда медового, гривенки рублевой, локтя Еваньского» [18]. Покушение ордынцев на эти доходы новгородской церкви и купеческой организации вызвали возмущение. Можно предполагать, что в качестве главной движущей силы выступления 1259 г. оказалось новгородское купечество, в том числе и тесно связанное с эксплуатацией соляных промыслов в Руссе, патрональными храмами которого были, вероятно, церкви Бориса и Глеба в Новгороде и Руссе. Послы, находившиеся в резиденции князя — на Городище, не чувствовали себя в безопасности даже под охраной сына посадника и детей боярских. По прибытии князя и послов в Новгород начали производить перепись — «ездити... по улицам, пишюще домы крестьянские». При этом «творяхуть... себе бояре легко, а меншим зло» [19]. Смысл этого замечания заключался в том, что из числа плательщиков были исключены бояре. Несмотря на недовольство населения Новгорода переписью, касавшейся всех жителей, и недовольство «меньших», в которых В. Л. Янин усматривает часть городского населения, не имевшую представительства в органах власти [20], оно не вылилось в восстание, подобное тем, которые тремя годами позднее прокатились по городам Северо-Востока Руси. Причин этому много.

Помимо внешнеполитического фактора, важно учесть особенности внутриполитического развития городской республики. Антиордынские настроения сдерживались социальной рознью, которая прорвалась в 1255 г., когда город стал ареной антикняжеского выступления, вернее, движения за городские вольности. В ходе его интересы «меньших» были преданы боярством. Несмотря на то что «меньшие» на вече у св. Николы «целоваша... како стати всем, любо живот, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину», им противодействовали «вятшие», составившие «зол» заговор, целью которого было «князя ввести по своеи воли». Попытки разорения двора сторонника князя были сорваны непоследовательной политикой посадника Онаньи, павшего впоследствии жертвой этого заговора. «Меньшие» потерпели поражение, князя приняли на тех условиях, которые диктовал он [21]. Если сравнить уровни движения за городские вольности и антиордынского выступления, станет ясно, что первое имело значительно более резкие формы, нежели второе. В результате же антиордынского выступления в Новгороде область взимания дани в пользу ордынцев была ограничена. В. Л. Янин определяет ее как территорию Торжка и его области, расширение же этого района связано с новгородско-московскими, а не новгородско-ордынскими отношениями.

В истории Новгорода борьба за городские вольности один раз пересеклась с борьбой против ордынского владычества над Русью. Это произошло в 1269 г., когда выступление против князя Ярослава приняло форму вооруженной борьбы: был убит посадник Иванка, разорены дворы сторонников князя — тысяцкого Ратибора, Гаврилы Кыянинова. Новгородцы предъявили князю несколько претензий: о захвате для княжеской охоты поля под Новгородом и Волхова —

главной торговой артерии, захвате двора одного новгородца, несправедливом взимании «серебра» с трех других, «выводе» «иноземцев, которые у нас живут». На этот раз Ярослав, подобно князьям Северо-Восточной Руси, решил прибегнуть к помощи «цесаря», т. е. ордынского хана. Итогом «мятежа» 1269 г. явилось утверждение очередного новгородско-княжеского договора, послужившего основой для дальнейших взаимоотношений Новгорода с князьями, приглашаемыми в город [22].

Впоследствии основной причиной волнений в Новгороде стали не антикняжеские настроения, а внутрифеодальная рознь между отдельными боярскими группировками, стремившимися утвердить свою власть и расширить долю доходов (пошлин) от суда. Возможно, в игру входил и передел земли. Одним из таких движений было волнение 1359 г., когда жители Славенского конца добились возведения посадника Сильвестра Леонтиевича, не принятого жителями остальных сторон. На вече на Ярославовом дворе произошла «проторжь... и сеча», во время которой «бояр многых побиле и полупили». Представители сторон готовы были к продолжению битв, софияне хотели отомстить «бещестие братьи своеи, а славеньская — от живота и от голов». До второй сечи дело не дошло. Вместо Сильвестра был избран Микита Матвеевич, села незадачливого кандидата Славенской стороны были взяты «на щит» (т. е. в добычу [23]), конфискованы и другие села славенских бояр. Вряд ли правильно истолкование этого волнения как проявления социальной розни. «Ставкой» была земля и власть, сопряженная с получением дополнительных доходов. Это отчетливо заметно не только в движениях XIV, но и XV в.

В 1421 г. предметом «в споре» оказалась земля некоего Климентия Ортемьина, на которую, по-видимому, выдвинули притязания два конца — Неревский и Славенский [24]. Не следует эту «брань» рассматривать как «последнее в истории Новгорода организованное движение черни» [25]. Таким образом может быть охарактеризовано только одно восстание 1418 г., когда «классовая борьба причудливо переплелась с внутрифеодальной борьбой» [26]. В ходе восстания, начатого неким Степанкой против боярина Данила Ивановича, вооруженные («в доспесех со стягом») горожане разграбили дом боярина и другие усадьбы на Кузьмодемьянской улице, «берег» на Яновой (где, вероятно, находилась пристань с судами бояр той же улицы), боярские дворы на Чудинцевой, Людогощей и Прусской улицах, разорили боярские житницы в монастыре Николы на Поле. В конфликт Софийской стороны с Торговой была замешана «чернь» Торговой стороны, участвовавшей в разгроме усадеб бояр Неревского и Загородского концов. Подобный же конфликт Софийской и Торговой сторон 1388 г.[27] произошел без массовых погромов боярских дворов, житниц и «берега».

В целом в городских движениях Новгорода наряду с вопросом о власти, на которую претендовало боярство разных концов, ставились и имущественные проблемы, касавшиеся отчасти и «черни». Лишь восстание 1446—1447 гг. было вызвано неблагополучием денежного

обращения, т. е. типичной для городского хозяйства проблемой. Недовольство новым неполноценным денежным знаком, перелив которого причинил серьезные убытки, было направлено первоначально против посадника, руководившего реформой денежного дела, но боярские власти сумели ограничить конфликт, направив возмущение горожан против одних только «ливцов» [28].

Если сравнивать движения в Новгороде с движениями в Северо-Восточной Руси, легко убедиться, что городские выступления в Москве более соответствовали общенародным внешнеполитическим интересам Руси, нежели в Новгороде. Они содействовали освобождению страны, а вместе с тем открывали широкие пути ее дальнейшего развития. Несомненно, волнения городских низов не сумели освободиться от опеки и влияния боярских группировок. В Новгороде они переплетались с внутрифеодальной борьбой, подобно тому, как это было в Москве в конце XVI в. В Северо-Восточной Руси народные массы участвовали в решении проблемы национальной независимости и освобождения, в Новгороде же внешнеполитические общенародные задачи были не столь злободневны для городских низов, особенно в XIV и XV вв.

На юге Руси, если верить сообщению Никоновской летописи под 1284—1285 гг., население основанных ордынцами слобод — торговое и ремесленное — не только не участвовало в освободительной борьбе, но, напротив, стремилось поступить в подданство ордынских баскаков [29].

В советской литературе оживленно дискутируется вопрос о позиции городов по отношению к проблеме объединения страны, поразному вставшей перед городами Северо-Востока, Северо-Запада и Запада Древнерусского государства. Взгляды по этому вопросу весьма разноречивы: И. У. Будовниц полагал, что города поддерживали политику объединения, новейший исследователь этого вопроса Ю. А. Кизилов отмечает, что «объединительные усилия великокняжеской власти» в XIII — начале XIV в. «оказались сломленными партикуляризмом городских движений в Новгороде Великом, Переяславле, Москве, Костроме и Нижнем Новгороде» [30]. Действительно, город, в котором весьма сильны были позиции феодалов, ни в XIV, ни даже в XV в. не забыл традиций городских вольностей. Антибоярские выступления, как правило, принимавшие первоначально форму вечевых собраний, в которых проявлялась «тенденция к борьбе против феодального господства» [31], вспыхивали там, где стоял вопрос о политической принадлежности города (в 1304 г. в Костроме против бояр, стремившихся подчинить город Твери, в 1305 г.— в Нижнем Новгороде, в 1340 г.— в Торжке против бояр, втянувших город в антимосковскую борьбу).

Вопрос сохранения городских вольностей для западных центров Руси, таких, как Полоцк, Витебск, Смоленск, решался несколько иначе, чем в других ее районах. Переход этих городов в состав ВКЛ сопровождался заключением договора—ряда, основа которого восходила к «ряду» этих городов с князьями периода независимости. Хотя в течение конца XIV—XV в. эти «привилеи» дополня-

лись, коренные основы оставались в неприкосновенности [32]. Медленная эволюция городов в ВКЛ, в которых до конца XV в. существовала городская община, скрадывала социальные конфликты и противоречия. Феодальная война в ВКЛ в 30-е годы XV в. привела к упрочению положения мещанства, а попытки отделиться от ВКЛ в это время обеспечивали классовый мир внутри города. Завершение войны сопровождалось мощным взрывом борьбы за городские вольности в Смоленске. Первоначально горожане отказались от присяги великому князю Казимиру, на втором этапе движения городские низы — «черные люди, кузнецы, кожемяки, перешевники, мясники, котельники», вооруженные «сулицами, и стрелами, и косами, и топорами»,— посадили воеводой князя А. Д. Дорогобужского. Бояре не приняли его, поскольку он был приглашен черными людьми. Социальными конфликтами умело воспользовался Казимир, в результате двух походов на Смоленск горожанам пришлось принять его ставленника — Андрея Саковича. Тем не менее Казимир вынужден был дать Смоленску — владыке, князьям и панам, и боярам, и мещанам, всему «поспольству» — привилей на права и вольность, подобный тем, которые имели Полоцк и Витебск [33]. Итогом выступления черных людей оказалось закрепление городских вольностей Смоленска.

В дальнейшем выступления были направлены на сохранение тех прав, которыми пользовались города ВКЛ, против злоупотреблений великокняжеских воевод и старост. Так, в 1536 г. в Каневе и Черкасах развернулось движение против воевод Остафия Дашковича и Василия Тышкевича, облагавших городское население дополнительными пошлинами и повинностями (как-то поставка подвод, заготовка сена, поставка рыбы к воеводскому столу) и отобравших ряд источников дохода (корчму, пасеки на Тясмине, отумерщину и т. д.) [34]. Движение сопровождалось и рознью между самими горожанами.

Борьба за городские вольности в своей основе противоречива. Субъективно и по форме она направлена на сохранение старины, объективно и по существу, в особенности тогда, когда в нем участвуют низы города,— создает предпосылки освобождения города от опеки сеньора, уменьшает тяготы, лежащие на горожанах, создает основу для более широкого развития товарно-денежных отношений, ускоряет ход исторического процесса. В этом плане показательно движение в Пскове в 80-е годы XV в. Черные люди города, добиваясь увеличения вклада великокняжеского наместника и принадлежавших ему смердов в строительство городских стен, что соответствовало прежнему порядку, выступили не только против наместника, но и против поддерживавших их бояр. В течение кратковременного периода Псков дружно выступал против наместника. Боярская же верхушка, как всегда непоследовательная, изменила идеалам сохранения старины и пошла на компромисс с великокняжеской властью. Благодаря этому Псков почти четверть века спустя был присоединен мирным путем [35].

За исключением народно-освободительного движения, ни один другой тип городских движений не выступает в чистом виде. Народно-освободительные движения в Северо-Восточной (в XIII—XVI вв.) и Северо-Западной Руси (в XIII в.) переплетались с антикняжескими и антибоярскими выступлениями. Классовая борьба в Новгороде XIII—XV вв. и Москве в XVI в. сочеталась с внутрифеодальной рознью и использовалась отдельными группировками правящих сословий в корыстных целях. Движения за городские вольности в ВКЛ в XV в., на Северо-Востоке в XIV в. и Северо-Западе в конце XV в. зачастую сопровождались борьбой антикняжеского и антибоярского характера. Ни один из регионов не выделяется городскими движениями одного и того же типа, что свидетельствует об общности социального развития городов на всей территории бывшего Древнерусского государства даже тогда, когда было утрачено политическое и преобразовалось этническое единство, в условиях формирования трех народностей — русской, украинской и белорусской, входивших в разные политические образования. Тем не менее можно отметить ведущие линии: главной целью классовой борьбы в Северо-Восточной Руси XIII—XV вв. было освобождение страны, в Новгороде XIII в., Смоленске и Пскове XV в.— сохранение городских вольностей. Классовые выступления городских низов, направленные против князей и бояр и вливавшиеся во внутрифеодальные распри, не отличались зрелостью и последовательностью. Длительное существование несвободного населения сковывающе действовало на все виды активности городского населения. Классовая борьба городских низов существенно воздействовала на внешнеполитическую ситуацию, в том числе способствовала освобождению Руси. Борьба за сохранение городских вольностей имела значение в создании благоприятных условий для развития производительных сил городов.

[1] *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973.

[2] *Сахаров А. М.* Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957; *Он же.* Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

[3] *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л., 1947, т. 1; *Тихомиров М. Н.* Городские и крестьянские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955.

[4] Брань — вражда, распря, тяжба, спор, битва, сражение, ругань (Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975, вып. 1, с. 317—318); въстань — восстание, смятение, раздор (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. 1, стб. 421; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976, вып. 3, с. 151); мятеж — волнение, движение, беспорядок, смута, возмущение, ссора, раздор (*Срезневский И. И.* Указ. соч. М., 1958, т. 2, стб. 259; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1982, вып. 9, с. 349).

[5] ПСРЛ, т. 25, с. 144.

[6] Там же, т. 7, с. 179; т. 25, с. 166.

[7] Там же, т. 15, с. 346.

[8] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 477.

[9] Там же, с. 479.
[10] *Зимин А. А.* Народные движения 20-х годов XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси.— Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. М., 1952, т. 9, № 1, с. 61—65.
[11] ПСРЛ, т. 23, с. 128.
[12] Там же, т. 18, с. 195.
[13] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 782.
[14] ПСРЛ, т. 6, с. 224, 230—232. Ср.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва..., с. 232—236; *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 878—882; *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в.— В кн.: Древнерусское искусство XIV—XV вв. М., 1984, с. 283—312.
[15] Бездынинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова/Публ. В. И. Корецкого.— Записки ОР ГБЛ. М., 1977, вып. 38, с. 196—197, 208; См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений: (Предпосылки первой Крестьянской войны в России). М., 1985.
[16] *Грицкевич А. П.* Социальная борьба горожан Белоруссии (XVI—XVIII вв.). Минск, 1979, с. 56—58, 119, 121.
[17] Памятники русского права. М., 1953, вып. 2, с. 163; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. М., 1964, т. 3, № 13, с. 29; № 21, с. 37, 1456—1461 гг., около 1484—1504 г. Грамоту Ивана III А. А. Зимин датирует более ранним временем (Памятники русского права, вып. 2, с. 207).
[18] *Янин В. Л.* К хронологии «Торгового устава» князя Всеволода.— В кн.: Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977, с. 60—69.
[19] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее: НПЛ). М., 1950, с. 82, 311.
[20] *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 146; *Он же.* «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв.— В кн.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983, с. 107.
[21] НПЛ, с. 81, 307—308. О толковании термина «совет зол» см.: *Тихомиров М. Н.* Городские и крестьянские восстания..., с. 268.
[22] НПЛ, с. 88; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, № 3.
[23] *Срезневский И. И.* Указ. соч. М., 1958, т. 3, стб. 610.
[24] НПЛ, с. 366, 409.
[25] *Черепнин Л. В.* Указ. соч., с. 685.
[26] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 431; Ср.: *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 240; НПЛ, с. 410—411.
[27] НПЛ, с. 382.
[28] ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 442—443.
[29] ПСРЛ, т. 10. М., 1965, с. 162—165; ср.: *Смирнов П. П.* Указ. соч., т. 1, с. 46; *Клосс Б. М.* Никоновская летопись. М., 1980.
[30] *Будовниц И. У.* Поддержка объединительных усилий Москвы населением русских городов.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952, с. 117—122; *Кизилов Ю. А.* Городской строй России XIV—XV вв. в сравнительно-историческом аспекте.— Вопросы истории, 1982, № 12, с. 25.
[31] *Сахаров А. М.* Указ. соч., с. 207.
[32] *Якубовский И. В.* Земские привилеи Великого княжества Литовского.— ЖМНП, 1903, № 3, 5.
[33] ПСРЛ, т. 32, с. 158—159; т. 35, с. 109—110, 143—144, 158—159, 223—233; Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846, т. 1, № 213.
[34] *Яковлев А.* Бунт черкасцев и каневцев в 1536 году: (Эпизод из жизни украинских городов в XVI в.). Киев, 1907, с. 10—15.
[35] *Черепнин Л. В.* К вопросу о происхождении и составе Псковской Судной грамоты.— Ист. зап., М., 1946, т. 16, с. 213—231; *Алексеев Ю. Г.* Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980.

29Б—2

А. А. Преображенский

К проблеме исторического прогресса в России (от средневековья до конца XVIII в.)

Поставленная в статье проблема[1] специально не изучалась в советской историографии, хотя те или иные ее аспекты нашли отражение в многочисленных трудах по истории феодальной России. Поэтому мы отказались от ссылок на конкретно-исторические исследования и избрали форму заметок-размышлений по некоторым социально-экономическим вопросам. Среди них — вопросы о формах ренты в связи с эволюцией феодализма, месте и роли крепостного права как фактора исторического процесса, соотношении феодальных и буржуазных явлений в России XVII и XVIII вв. Попытка осмысления проблемы на основе трудов В. И. Ленина занимает особое место в статье.

Рабовладение, феодальная зависимость, капиталистическая эксплуатация юридически свободного рабочего — такова линия восхождения общества по ступеням прогресса. Достигнутая на почве развития производительных сил смена одной формы эксплуатации трудящихся масс другой служит показателем поступательного, прогрессивного движения общества. Однако сама эксплуатация сохраняется и тем самым ограничивает возможности прогресса общества в целом и свободного развития личности. В. И. Ленин указывал: «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью»[2].

При оценке уровня развития общества советские историки исходят из марксистско-ленинского положения о естественноисторическом процессе смены социально-экономических формаций. Вместе с тем учитывается динамика исторического движения самой формации. Особое внимание уделяется решению принципиальной важности вопроса о стадиях, этапах, эпохах, в пределах которых происходят количественные и качественные сдвиги, характеризующие становление, зрелые формы и закат соответствующей социально-экономической формации. Исходя из этого принципа осуществляется научная периодизация исторического процесса. Применительно к феодализму принято выделять три периода: раннефеодальное общество, развитой феодализм, поздний феодализм.

Одно время в советской историографии была тенденция связывать прогрессивное развитие феодального общества в России с эволюцией форм ренты: от отработочной в период Древней Руси до денежной в условиях кризиса феодально-крепостнических отношений. Рассмотренные К. Марксом виды докапиталистической ренты привлекались для обоснования такой постановки проблемы, наибо-

лее отчетливо выраженной в трудах академика Б. Д. Грекова. В этом случае подчас логический, в известной мере абстрактно-аналитический путь рассуждений К. Маркса принимался за последовательно-исторический ряд, вследствие чего отработочная рента в качестве наиболее примитивной связывалась с ранними стадиями развития. Тезис о «втором издании» крепостничества в странах Восточной Европы получил известное распространение в историографии 40—50-х годов XX в., однако высказывались и серьезные сомнения в правомерности его приложения ко всем государствам региона, в том числе и к России.

Расширение и углубление конкретно-исторических исследований, дальнейшее теоретическое осмысление накопленного материала не подтвердили наметившейся в литературе схемы. Обнаружилась картина чрезвычайной пестроты рентных отношений на всех стадиях феодальной формации, что не позволяло избрать данный признак в качестве универсального в изучении поступательного движения общества. До сих пор остается актуальным для исследователей вопрос о реальном соотношении отработочной, продуктовой и денежной форм ренты в России XIV—XVI вв. Главным препятствием на пути решения этой задачи является недостаток источников.

Установление того факта, что денежная рента уже существовала во многих феодальных вотчинах русского средневековья, ставит перед исследователями новые нелегкие проблемы. Так, возникает вопрос о характере денежной ренты в условиях развитого феодализма, о ее сходствах и различиях с денежной рентой позднефеодальной поры. И одновременно в сравнительно-историческом плане выдвигается необходимость сопоставить отработочно-барщинную форму ренты на различных этапах ее существования. Чтобы оставаться на позициях подлинного историзма и не впасть в «грех» умозрительных построений, думается, целесообразно руководствоваться принципом всестороннего по возможности учета разнообразных факторов исторического развития на каждом этапе формации. Вполне очевидно, что совокупность условий и обстоятельств развития будет различной, скажем, в период феодальной раздробленности XIV—XV вв. и во время расцвета абсолютистской монархии XVIII в. Но можно ли без всяких оговорок сказать, что широкое распространение барщины в XVIII в. — признак регресса по сравнению с той эпохой, когда выразительнее прослеживается действие денежной ренты? С точки зрения форм ренты как будто бы наблюдается попятное движение. Однако такой вывод был бы во многих отношениях неверным. Достаточно сопоставить два показателя: уровень развития производительных сил и характер производства на протяжении соответствующих периодов.

В первом случае речь идет о крупных сдвигах, происшедших в сфере сельского хозяйства и промышленности, а также в рыночных отношениях. Если не было кардинальных изменений в производительности земледелия (урожайность полей), то сельскохозяйственная техника шагнула вперед весьма заметно, выросла номенклатура возделываемых культур. Зарождается в XVIII в. русская агрономическая наука, разрабатывается теория и практика систем земледелия на основе накопленного в течение веков производственного опыта.

Таким образом, изменившиеся исторические условия определили различия в оценке места и значения отдельных форм ренты. В этой связи вопрос об отработочной ренте на позднефеодальной стадии развития России также должен рассматриваться в «контексте» эпохи. В литературе показано распространение в XVIII в. товарной барщины, т. е. производства сельскохозяйственной продукции на рынок. Это никак не «ворота капитализма», о чем писали П. Б. Струве и его последователи еще в конце XIX в. Но и «тупиковой» формой развития барщинное хозяйство также признать нельзя. Тому свидетельство — латифундиальное землевладение пореформенной эпохи, сочетавшее крепостнические и капиталистические черты. Корни его, без сомнения, уходят в предыдущее время. Барщина с товарным уклоном была рычагом преобразования феодального поместья на буржуазный лад. Разумеется, в этом случае мы имеем дело с весьма консервативным путем развития, более замедленным, сохраняющим крепостную зависимость крестьянства. Однако уместно напомнить ленинское указание на то, что «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму» [3]. Ф. Энгельс констатировал диалектически противоречивый характер исторического развития сельского хозяйства на путях его перехода от феодальных отношений к капиталистическим: «Капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян» [4].

Более внушительно выглядят перемены в области промышленности. От мелкого ремесленного производства средних веков, рассчитанного на заказчика и на узкий местный рынок, промышленность России в позднефеодальный период стала переходить к мануфактуре. Крупное производство завоевало прочные позиции в экономике. А рыночный сбыт неизмеримо расширился, принимая всероссийские масштабы. Изучая характер производства, нельзя не отметить, что в средние века его цель по преимуществу отвечала потребностям натурального хозяйства, столь же самопроизводящего, сколь и самопотребляющего. Другое дело — поздний феодализм. Здесь наряду с сохранением натурально-потребительских функций производства неизмеримо возрастает доля продукта, предназначенного для отчуждения на рынке. Роль товарного производства увеличивается, оно в ряде случаев приобретает черты капиталистического производства.

Отмечая потребительские черты хозяйства феодальных владений XVII—XVIII вв., необходимо помнить и о внутренней эволюции этого, казалось бы, самого неподвижного и консервативного элемента экономики той эпохи. Дело в том, что сама «натуральность» меняла свое назначение по мере распространения товарно-денежных отношений. В средние века она была таковой в силу своей внутренней

природы. Со временем производство потребительских продуктов феодальной вотчины все чаще имело и другую функцию — противостоять товарной форме продукта и деньгам, выступить в роли некоего щита, ограждавшего помещика от излишних расходов. (Деньги еще довольно дороги, соблазнительность дарового труда крепостных слишком велика.) На первых порах денежное богатство выступает в форме накопления сокровищ, лежит «мертвым капиталом» в сундуках и коробьях феодалов. Поэтому натуральный характер тех или иных отраслей экономики барского владения находит свое объяснение и обоснование лишь в связи с распространением товарно-денежного хозяйства, составляя как бы оборотную сторону его.

Конечно, консервация натуральных устоев феодальной вотчины тормозящим образом сказывалась на развитии аграрных отношений, замедляя общественный прогресс. Но не в меньшей степени поступательному движению препятствовало монопольное землевладение феодалов. Не только своим существованием оно обязано этой отрицательной исторической роли. В условиях «нового периода» русской истории и упрочения государственного единства России расширение власти и прав феодалов над землей и крестьянами имело своим следствием тенденции своеобразной «децентрализации» хозяйственной жизни, наперекор которой шел процесс экономического слияния ранее обособленных областей, земель и княжеств. Только принимая во внимание эту центробежную тенденцию социально-экономического развития, возможно более правильно и объективно оценить ростки нового, упорно прокладывавшие себе дорогу в толще феодально-крепостнических отношений.

Сколь трудным был процесс экономической консолидации страны даже в условиях позднефеодального периода, говорит знакомство с положением города, например, XVII в. Известно, что Москва в этом столетии являла собой сложный конгломерат слобод и сотен различной ведомственной принадлежности: светские частновладельческие, церковно-монастырские, дворцовые, стрелецкие, черные ремесленно-торговые, ямские, иноземческие. В значительно более скромных масштабах такая картина имела место и в других городах России той поры. И все же под воздействием развивающегося товарно-денежного хозяйства и рынка эта средневековая пестрота разнообразных не только ведомственных, но и социальных перегородок постепенно изживалась. В XVIII в. существенно упрощается иерархия городской жизни, слободы и сотни растворяются в массе тяглого посадского населения, которое получает общегородские сословные организации. Определенным шагом на этом пути была реформа предыдущего времени — «посадское строение» 1649—1652 гг., в результате которого было потеснено частнофеодальное землевладение на посадах многих городов, прежде всего Москвы.

* * *

Один из кардинальных вопросов — место и роль крепостного права в исторических судьбах России. В имеющихся спорах и разногласиях по этому поводу чаще всего под системой крепостного права

имеется в виду ее поздняя вариация, сближающая крепостного с рабом, т. е. предельно жесткая форма зависимости непосредственного производителя материальных благ. Следует напомнить, что В. И. Ленин придавал более широкое значение понятиям «крепостное право», «крепостничество», включая сюда и оброчно-договорные формы отношений между помещиком и крестьянином, более легкие и «свободные» в сравнении с барщиной. Это многообразие взаимосвязей феодала и крестьянина, не сводимых только к «барщинному крепостничеству», сохранилось и в позднефеодальную эпоху. «Круг освобождения» крестьянства расширялся за счет распространения оброка (прежде всего денежного) и роста отхода из деревни на заработки в города и на промышленно-торговые предприятия.

До определенного исторического момента крепостнические (в их крайнем выражении) отношения распространились главным образом на особую категорию угнетенного населения — холопов. Встречные процессы «окрестьянивания холопов» и «охолопливания крестьян», отмеченные почти в афористической форме В. О. Ключевским, и в советской историографии принимаются с некоторыми уточнениями и модификациями. Ужесточение форм крепостного гнета с отменой урочных лет сыска беглых и превращение его в законодательную норму общегосударственного характера, последующее наступление крепостников на имущественные и гражданские права крестьян, апогей крепостничества в середине XVIII в. нередко трактуются как показатели силы и жизнеспособности феодально-крепостнического строя. Пишут и говорят о «расцвете», «вершине могущества» этого строя, о том, что он еще не исчерпал своих возможностей и был способен развиваться.

С нашей точки зрения, прогрессивные черты феодальных отношений в средневековом хаосе политических и экономических интересов, в обстановке местной ограниченности и замкнутости, междоусобных войн (а до известного времени набегов соседей, вторжений ордынских отрядов) проявлялись в следующем. Во-первых, в тех условиях крестьянин должен был искать чисто военной защиты от посягательств на собственную жизнь и на жизнь его семьи, уберечь свой дом, хозяйство, добро. Под покровительством феодала (как правило, военного человека) крестьянин чувствовал себя в большей безопасности. Во-вторых, создание минимально необходимых условий, обеспечивающих возможности производительного труда, было той равнодействующей эпохи, которая в определенной мере устраивала и крестьянина, и феодала. Причем последний и фактически, и юридически становился господином, в пользу которого крестьянин отбывал повинности. В-третьих, при характеристике развитого феодализма (в плане выяснения путей прогресса) весьма существенно уяснить роль местного фактора. Мы имеем в виду обстановку локальной ограниченности, раздробленности политической и экономической, слабости контактов с внешним миром. На первый взгляд может показаться, что такая обстановка почти исключает какой-либо прогресс, если сравнить ее с условиями более позднего времени — времени завершения складывания централизованного госу-

дарства и начала «нового периода» русской истории. Однако это не так. Можно говорить о замедленности развития, но не об отсутствии прогресса вообще.

Любые нововведения, скажем, в области сельского хозяйства и ремесла требовали освоения и закрепления опыта не одним поколением тружеников. Разработка местных природных ресурсов, когда естественно-географический момент был преобладающим в выборе занятий, требовала немалого времени. Отличаясь теми или иными чертами производственной деятельности от ближних и дальних своих соседей, при разнообразии локальных условий, пестроте социальных отношений жители определенной местности уже в обстановке натурального хозяйства закладывали элементы будущей специализации продуктов своего труда на широком внутреннем рынке. Поэтому средневековье со всеми его отрицательными свойствами составляло вместе с тем важный этап в прогрессивном развитии России. Вспомним, что В. И. Ленин считал: «Вся эта пестрота была естественна и необходима в средние века, во времена далекого прошлого» [5].

В-четвертых, крестьянин нуждался в представительстве его интересов за пределами вотчины. И это выпадало на долю феодала и его доверенных лиц, действовали принципы феодального патроната. В итоге повседневная действительность изрядно затушевывала эксплуататорскую сущность развивавшихся в вотчине отношений, придавала им видимость своего рода естественного «обмена услуг», патриархальности. Подобное положение оставляло за крестьянином некоторую свободу хозяйственной деятельности, да и гражданская неполноправность еще не достигла той степени, которая присуща более поздней исторической эпохе. Крепостничество пока не обрело своих самых жестких, бесчеловечных форм.

Вкратце обрисованные выше порядки, как можно полагать, были присущи периоду развитого феодализма, когда тот не исчерпал своих возможностей. Его никак нельзя рассматривать в качестве некой идиллической страницы истории. Свои противоречия и катаклизмы сопровождают этот этап феодальной формации, хронологически простирающийся примерно до грани XVI—XVII вв. В литературе обращалось внимание на то, что вторая половина XVI в. по некоторым показателям экономического развития уступала первой половине столетия (последствия опричнины, Ливонской войны и пр.).

Главное при феодализме противоречие между наделенным средствами производства крестьянином и феодальной собственностью с ее внеэкономическим принуждением порождает различные проявления классовой борьбы. Эти последние не приобретают еще широкого масштаба, свойственного «новому периоду русской истории» с его мощными крестьянскими войнами.

Глубокие перемены в общественно-экономической структуре наступают «примерно с 17-го века». Господствующий класс феодалов в рамках объединенного Российского государства делает громадный шаг по пути присвоения дарового труда закрепощаемого крестьянства или результатов этого труда. Собственно государственные по-

требности также возрастают, подчас даже быстрее, чем в частнофеодальном секторе. Основная производственная ячейка феодальной системы — крестьянский двор — испытывает возрастающее давление фискального пресса и всяческих мер внеэкономического принуждения. К временам позднего феодализма относится расширение господского хозяйства, что ведет к стеснению экономических возможностей крестьянского двора. Помещик, с одной стороны, пытался извлечь дополнительный доход с зависимых крестьян-отходников, с другой — в ряде случаев стремился подавить на рынке конкурирующего с ним богатого крестьянина. В частности, это сказывается в области промышленного предпринимательства помещиков. Широкое развитие дворянского винокурения, на которое шли огромные партии зерна, вызывалось преимущественно потребностями рыночной реализации. Винокуренная промышленность стала важной доходной статьей для дворянства. «Благородное» сословие добилось монопольного права на это выгодное производство. Мобилизация хлебных ресурсов для винокурения самым непосредственным образом затрагивала крестьянские хозяйства соответствующих дворянских имений. Изыскивая дешевое сырье, владельцы не останавливались перед всевозможными, в том числе принудительными, мерами выкачивания хлеба у зависимых крестьян. Как отмечалось в литературе, развитие винокуренного производства дворян означало уже в первой половине XVIII в. начало разложения феодального хозяйства [6]. Близкая картина наблюдалась в других отраслях помещичьего предпринимательства, прежде всего связанных с переработкой сельскохозяйственной продукции.

Перед лицом всех этих фактов совсем нередким явлением становится нарушение условий простого воспроизводства крестьянских хозяйств и неизбежное следствие этого — разорение, обнищание деревни. Следовательно, углубляются главные социальные противоречия феодального общества. Его «нормальное» функционирование все чаще дает перебои. Кроме того, характерное для феодального патроната предыдущей поры охранительное начало в условиях укрепления внешней безопасности и изживания межфеодальных усобиц в значительной мере утрачивает свое первоначальное значение. По мере ослабления роли дворянства как военно-служилого сословия меняется и отношение к нему в крестьянской среде. Все более обнаженный характер приобретает эксплуататорская сущность социальных верхов в глазах народа. Хозяйничающий в своем имении барин, уже освобожденный от обязательной службы государю, воспринимался как своего рода «лишний человек», от которого нет никому пользы. Положение усугублялось желанием дворян жить на широкую ногу, мотовством, участившимися закладом и продажей земель и крестьян, привилегиями, ущемлявшими другие сословия.

Высшей точкой развития народного самосознания в этом направлении следует считать манифесты и указы Е. И. Пугачева, ставящие вопрос о ликвидации дворянства как класса, провозглашающие, что богатство помещиков нажито нетрудовыми путями и

потому по своему происхождению — «крестьянского кошта»[7]. Все это указывает на то, что феодальная формация вступает в полосу своего перерождения, движения по нисходящей. Даже распространение феодализма «вширь», на новые территории в XVII—XVIII вв., вовлечение в орбиту крепостничества новых категорий населения не в состоянии принципиально изменить ситуацию.

Нам представляется, что явления прогресса позднефеодального общества следует искать не столько в продолжении традиционной линии развития предыдущей эпохи, сколько в обогащении ее новыми компонентами. Уточним: присущими уже не феодальному строю, а ранним стадиям буржуазной эволюции страны. Если до определенной поры феодальное общество воспроизводилось на собственной социально-экономической основе, то в условиях «нового периода русской истории» положение существенно меняется. В позднефеодальную эпоху господствующий строй развивается уже не в качестве целостной системы, а лишь в тех своих звеньях, которые так или иначе включают элементы новых производственных отношений. В этих случаях старые отношения не только деформируются, но и приобретают черты, позволяющие лучше приспособиться к изменяющимся условиям.

В самом деле, появление и утверждение крупной промышленности в форме мануфактуры — своего рода антитеза феодальному поместью с его натуральным обликом жизни. Это общепризнанный в советской историографии факт.

Широкое применение принудительного труда на мануфактурах XVIII в. вовсе не является свидетельством «прочности», «расцвета» стареющего общественного строя. Соединение в процессе производства технических и социальных условий капиталистического толка с несвободным трудом работников не означает, по нашему мнению, превращения предприятия в крепостную или феодализированную мануфактуру. Дело в том, что мануфактура и в этом случае выпускала товары, цель производства была далека от натурально-потребительской направленности. Лишь немногие предприятия помещиков-крепостников были ориентированы на обеспечение нужд вотчинного хозяйства. Наиболее отягченная крепостничеством отрасль промышленности XVIII в.— металлургия, прежде всего уральская, была неотъемлемым звеном складывающейся системы капиталистического хозяйства. Методы и формы эксплуатации рабочих буржуазными предпринимателями сочетались с внеэкономическим принуждением, с использованием владельческого права. На первых ступенях генезиса капитализма такое сочетание не является исключительным. В некотором роде имеем аналогию с плантациями и рудниками Америки, где широко применялся труд рабов, доставленных из Африки. При всем своеобразии этого варианта мы имеем дело с частью мирового капиталистического хозяйства. Иначе говоря, налицо те самые бесконечные вариации и градации одного и того же экономического базиса, о которых говорил К. Маркс. Многоликость исторической действительности в данном случае проявляется вполне отчетливо.

Что же касается крепостного права, то оно, на наш взгляд, отнюдь не является показателем прогрессивного развития феодальной формации. Оно целиком служило интересам феодалов, и прежде всего барщинной форме эксплуатации крестьян. Крепостное право всемерно стесняло мелкое крестьянское хозяйство, а именно: с его поступательным движением был связан прогресс в развитии тогдашнего общества. В обстановке, когда экономические рычаги феодальной системы исчерпали свои созидательные возможности, господствующий класс встал на путь усиления всех форм внеэкономического принуждения. Главнейшим из этих средств и было крепостное право. Вместо преобразования, усовершенствования производительных сил, предоставления зависимому населению более полной самостоятельности экономической деятельности феодалы в своем большинстве стали ориентироваться на выжимание прибавочного продукта из маломощных крестьянских хозяйств посредством ужесточенных крепостнических приемов. В. И. Ленин, говоря о сущности «аграрного вопроса» в России, указывал на необходимость крутой ломки крепостнического землевладения, так как «старое слишком старо»[8]. Таким образом, крепостничество являлось как бы последним резервом феодального общества, который был брошен на чашу весов истории, чтобы продлить существование этой социально-экономической формации.

* * *

Социально-экономическое развитие России XVII—XVIII вв. характеризовалось большой сложностью и противоречивостью, переплетением явлений феодального и буржуазного порядка. Важнейшие признаки феодальной формации остаются на всем протяжении ее существования, следовательно, и в дореформенную эпоху, включая XVII—XVIII вв. Однако, как образно заметил академик С. Г. Струмилин, феодализм в эту эпоху «Федот, да не тот». Еще три десятилетия назад Н. М. Дружинин писал о том, что генезис капитализма в России растянулся «на длительный период, охвативший не менее трех столетий», что элементы, зачатки, ростки новых отношений восходят к XVII в.[9] Л. В. Черепнин тоже считал одной из характерных черт позднефеодального периода тот факт, что «можно уловить зачатки капитализма» в XVII в.[10] Происходит значительная деформация всех институтов феодализма. Вместе с тем рост буржуазных элементов еще не столь интенсивен (в силу господства помещиков-крепостников и материальной основы их могущества — крупного землевладения), чтобы капитализм мог создать решительный перелом в свою пользу и занять командные позиции в экономике страны.

В этот период появляются такие формы производства, которые синтезируют феодальные и буржуазные черты. А так как будущее за буржуазными производственными отношениями, то четкая фиксация всех проявлений их действия, безусловно, важна для понимания позднефеодальной эпохи. Замедленность развития буржуазных

элементов, перерастающих во второй половине XVIII в. в капиталистический уклад, имела прямую связь с феодальными формами, облекавшими сплошь и рядом новые отношения. Это обстоятельство влияло на темпы и глубину прогресса во всех областях жизни русского общества. Усугубление тяжести эксплуатации, вернее, сочетание феодальных и буржуазных ее форм, их борьба пагубным образом воздействовали на трудящиеся массы деревни и города.

Одним из несомненных проявлений прогрессивного развития России следует, в частности, признать рост городов. Этот процесс в позднефеодальную эпоху ускорился, несмотря на многочисленные феодально-крепостнические рогатки. Свидетельством глубоких противоречий, тормозящей роли феодального строя служит тот факт, что в России XVII—XVIII вв. вырабатывается весьма своеобразный тип внегородских торгово-промышленных пунктов. Не имея юридических прав городов, эти селения по своему экономическому значению, а нередко и по численности жителей превосходили многие старые города.

Процесс общественного разделения труда, результатом которого было отделение промышленности от сельского хозяйства и города от деревни, протекал вопреки всевозможным препонам. В этом плане существенно отметить, что в позднефеодальную эпоху он заметно шагнул вперед. Уже к исходу XVII в. начало обозначаться, а в последующее время оформляться экономическое районирование России. Речь идет в первую очередь о выделении Центрально-промышленного и Черноземного центров — главнейших экономических районов страны. Разумеется, естественно-географические условия наложили свой отпечаток на становление этих зон, однако весьма велико было значение углубления общественного разделения труда. Одним из примечательных явлений этого типа была работа многих промышленных предприятий Нечерноземного центра на дальнепривозном сырье, в том числе из других экономических районов.

Наиболее отчетливо сказалось общественное разделение труда на промышленном производстве. Выделение новых отраслей промышленности, прежде всего отделение добывающей от обрабатывающей, указывало на определенные сдвиги в этой сфере экономики страны. Одновременно происходило выделение самостоятельных профессий в различных ремеслах, перераставших в мелкотоварное производство. Расширялась номенклатура ремесленных изделий, поступавших на рынок, переступавших рамки местной ограниченности, выходя на всероссийский уровень. Важным показателем поступательного развития ремесла в XVII—XVIII вв. служит появление на рынке и таких товаров, которые представлены полуфабрикатами, теми или иными составными частями готового продукта.

О крупной мануфактурной промышленности речь шла выше.

Подготовка в мелком промышленном производстве и на мануфактуре кадров работников — важнейшее явление прогрессивного порядка. Происходило, хотя и замедленными темпами, формирование рынка рабочей силы для промышленности и транспорта. Со временем наемный труд проникает во все сферы производства. Независимо от того, являлся работник лично свободным или крепостным крестьянином-отходником, этот факт не подлежит сомнению. Начальная фаза развития рабочего класса России уходит своими корнями в позднефеодальный период ее истории [11].

Наметилась также специализация сельскохозяйственных районов, причем с ориентацией на товарное производство соответствующих продуктов (льноводческие области Северо-Запада, ростовское огородничество, саратовско-астраханское бахчеводство, разведение табака на Украине, вологодское и холмогорское животноводство). Менее заметно, чем в промышленности, и здесь фиксировалось развитие практики наемного труда, являющегося основным показателем генезиса буржуазных отношений вообще и в сельском хозяйстве в частности. Крепостничество, с наибольшей силой тяготевшее над крестьянством, в немалой мере разоряло деревню. Характерно, что В. И. Ленин относительно Германии говорил, имея в виду крестьянские хозяйства с карликовыми наделами, что здесь «воплощается связь крепостнической системы общественного хозяйства с капиталистической, их историческая близость и их родство, прямое переживание крепостничества в капитализме» [12]. Эти слова применимы и к России. В литературе собран значительный материал, говорящий о том, что во многих феодальных владениях, отдельных районах и более широких регионах обнаруживается процесс перерастания имущественного неравенства деревни в социальное расслоение. Этот процесс присущ практически всем категориям крестьян, имея некоторые особенности по каждой из них. Для нас важно подчеркнуть всеобщность этого процесса, который не в силах сдержать и общинная организация крестьянства.

Различия в понимании ленинского положения о «новом периоде русской истории» во многом связаны с тем, что некоторые ученые это положение связывают лишь со сферой обмена, торговли. Едва ли не впервые подобное толкование предложил академик С. Д. Сказкин. Он в своем докладе на Московской сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в 1959 г. высказал мысль о том, что соответствующий текст касается только сферы обмена и понятие «буржуазные связи» не имеет отношения к области производства в России «примерно с XVII века». «Если бы В. И. Ленин,— писал С. Д. Сказкин,— имел в виду капиталистические отношения, он бы искал их, как он всегда это делал, в сфере производства, а не в сфере одного лишь обмена» [13]. В этой связи уместно сказать, что от авторов, которые писали и спорили по данному вопросу, ускользнуло следующее. В. И. Ленин несколькими строками ниже, продолжая полемику с Михайловским, упрекал его, что тот не избежал «буржуазных пошлостей», поясняя: «*пошлостей* потому, что объяснял институт наследства детопроизводством и его психикой, а национальность — родовыми связями; *буржуазных* — потому, что принимал категории и надстройки одной исторически определенной общественной формации (основанной на обмене) за категории настолько же общие и вечные, как воспитание детей...» [14]. Вряд ли можно сомневаться, что здесь по-

нятие общественной формации не может быть сведено только к обмену, а имеет более широкое значение буржуазной формации. По поводу трактовки проблемы рынка как относящейся лишь к сфере обмена академик М. В. Нечкина, думается, справедливо отметила, что «тут обходится важнейшая сторона вопроса: рынок не понимается как социальное явление, как факт общественной дифференциации» [15]. В. И. Ленин подчеркивал применительно к концу XIX в. историческую связь всевозможных форм буржуазного хищничества — «от самого примитивного и первобытного кулачества до самого новейшего, рационального предпринимательства» [16]. Соединение торгового и промышленного капитала в доиндустриальный период, как писал В. И. Ленин, «держалось веками» [17].

При рассмотрении вопроса о докапиталистической деревне В. И. Ленин считал, что она немыслима «без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков. Капитализм стягивает вместе эти рынки, соединяет их в крупный национальный, а затем и всемирный рынок, разрушает первобытные формы кабалы и личной зависимости, развивает вглубь и вширь те противоречия, которые в зачаточном виде наблюдаются и в общинном крестьянстве,— и таким образом подготовляет разрешение их» [18]. Эта ленинская характеристика перекликается с его положением о формировании всероссийского рынка в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и с правомерностью приведенной выше ее трактовки.

Естественно, что, касаясь истории России, В. И. Ленин усматривал глубокие корни капитализма в экономике страны задолго до падения крепостного права, применяя к российским условиям учение К. Маркса и Ф. Энгельса о стадиях развития буржуазного строя. В этой связи примечательно высказывание В. И. Ленина, согласно которому, «Россия представляет из себя буржуазное общество, выросшее из крепостного уклада...» [19]. Чрезвычайно важна мысль В. И. Ленина, выраженная им в полемике с «Русским богатством», когда этот народнический официоз тщился объявить «наш капитализм не естественным и необходимым процессом, завершающим вековое развитие товарного хозяйства в России, а случайностью, не имеющей прочных корней, означающей лишь уклонение с пути, предписываемого всей исторической жизнью нации» [20].

До того момента, когда крупная машинная индустрия утверждает господство капиталистического способа производства и буржуазной формации, происходят глубинные изменения в экономике страны. Для трудящихся города и деревни подчинение капиталу начинается «*торговым и ростовщическим капиталом*, затем переходит в индустриальный капитализм, который в свою очередь сначала является технически совершенно примитивным и ничем не отличается от старых систем производства, затем организует мануфактуру,— которая все еще основывается на ручном труде, покоится на преобладающих кустарных промыслах, не нарушая связи наемного рабочего с землей,— и завершает развитие крупной машинной индустрией» [21].

При освещении вопроса о формах «соединения промысла и земледелия» в русской пореформенной экономике В. И. Ленин, по сути дела, выделил исторически обусловленные типы крестьянских хозяйств, начиная от времен «средневекового хозяйственного режима» и кончая развитыми капиталистическими формами. Если первые две формы вполне укладываются в рамки патриархально-натуральных отношений, то начиная с третьей («патриархальное земледелие соединяется с мелким производством промышленных продуктов на рынок, т. е. с товарным производством в промышленности») можно говорить о тяготении к применению наемного труда и капиталистическому производству. С этого пункта В. И. Ленин считает возможным также признать «известную степень разложения крестьянства» как необходимое условие такого превращения [22].

Глубокие корни буржуазных отношений в социально-экономическом строе России В. И. Ленин подчеркивал и тогда, когда выражал согласие с тезисом, согласно которому «капиталистическое производство наступает с того момента, когда между производителем и потребителем становится *капиталист*, хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар» [23].

Приведем еще одно чрезвычайно существенное для нашей темы положение В. И. Ленина. Он отметил, что в пореформенной России быстрое развитие фабричной промышленности в сельской местности, ее тенденция «забираться в глубь деревенских захолустий, оторванных, казалось бы, от мира крупных капиталистических предприятий... показывает нам, во-1-х, с какой быстротой крупная машинная индустрия преобразует общественно-экономические отношения. То, что прежде складывалось веками, осуществляется теперь в какой-нибудь десяток лет. Стоит сравнить, напр., образование таких неземледельческих центров, как... «кустарные села»: Богородское, Павлово, Кимры, Хотеичи, Великое и пр.,— с процессом создания новых центров современной фабрикой...» [24]. Замедленность развития неземледельческих сельских центров на предыдущих стадиях (т. е. мелкотоварной и мануфактурной) сменяется ускоренным прогрессом при машинной индустрии. Примечательно здесь указание на длительность преобразования производственных отношений по буржуазному пути («веками»), единство общей линии развития.

Таким образом, анализ ленинских оценок и характеристик дает необходимые основания для признания того факта, что прогресс в позднефеодальной России (в «новый период» ее истории) правомерно изучать в тесной связи производственной и рыночной сфер экономики России.

Разумеется, проблема исторического прогресса далеко не исчерпывается намеченными выше ее гранями. За пределами нашего рассмотрения остались такие важные сферы общественного развития, как классовая борьба, культура и быт, природно-географическая среда, демографические процессы, но все это требует специальных разработок в теоретическом и конкретно-историческом плане.

[1] Понятие «исторический прогресс» специально не рассматривается. По этому поводу см.: *Сухов А. Д.* Прогресс и история. М., 1983; и др. Указывалось также, что «в специальной разработке нуждается и теория прогресса» (*Пашуто В. Т.* Научный историзм и содружество муз.— Коммунист, 1984, № 5, с. 85).
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43. с. 229.
[3] Там же, т. 39, с. 76.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 19, с. 341. Ср.: т. 21, с. 248.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 381; ср.: Там же, с. 57.
[6] *Волков М. Я.* Очерки истории промыслов России, Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Винокуренное производство. М., 1979.
[7] Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений, 1773—1774 гг. М., 1975, № 22, с. 36; № 41, с. 48; № 43, с. 49; № 45, с. 50.
[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 310.
[9] *Дружинин Н. М.* Генезис капитализма в России.— В кн.: Десятый Международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955 г. М., 1956, с. 194, 200, 215.
[10] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 251.
[11] Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983.
[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 19, с. 331.
[13] *Сказкин С. Д.* К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1959 г. М., 1961, с. 28.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 154.
[15] Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969, с. 120.
[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 497—498.
[17] Там же, т. 3, с. 199.
[18] Там же, с. 383.
[19] Там же, т. 1, с. 276.
[20] Там же, т. 2, с. 61.
[21] Там же, т. 1, с. 459—460.
[22] См.: Там же, т. 3, с. 378—379.
[23] Там же, т. 1, с. 472.
[24] Там же, т. 3, с. 523.

Н. И. Павленко

К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах

Вопрос об участии казачества в крестьянских войнах издавна привлекал внимание историков. В любой работе, посвященной крестьянским войнам, этому сюжету уделено должное внимание. Появились статьи и монографии, специально посвященные исследованию роли казачества в крестьянских войнах [1].

Размер статьи лишает возможности рассмотреть проблему в историографическом плане и проследить, как формировались взгляды дореволюционных и советских историков на роль казачества, в особенности донского, в ходе вооруженной борьбы народных масс в период позднего феодализма. По этой же причине не освещается первая крестьянская война, резвернувшаяся в те годы, когда казачество переживало период своего становления и находилось еще на начальной стадии формирования как особого сословия.

Социальная природа казачества с конца XVII в. позволяет выделить его в особую категорию населения страны. Казаки были близки к крестьянам, ибо в хозяйственной деятельности тех и других определенное место занимал производительный труд. Однако между ними имелись принципиальные различия: у крестьянина хозяйство являлось единственным источником его существования, оно обеспечивало благополучие его семьи; у казака были и иные источники пополнения его экономических ресурсов. Второе различие состояло в характере хозяйственной деятельности, в сферах приложения энергии: крестьяне были земледельцами, пашня обеспечивала их основными жизненными потребностями; основным занятием казаков до XVIII в. было не земледелие, а скотоводство и рыбные промыслы. Но главное отличие казака от крестьянина состояло в том, что последний являлся объектом прямой феодальной эксплуатации со стороны помещика и государства, в то время как в районах расселения казаков феодальное землевладение отсутствовало, как отсутствовали и постоянные представители коронной администрации.

Более того, противопоставление крестьян казакам можно продолжить: первые платили налог, в то время как вторые получали из казны хлебное и денежное жалованье, а также зелье и прочие воинские припасы. Этот источник существования казаков сближал их с приборными служилыми людьми — стрельцами, затинщиками и пр. Но отождествлять казаков со служилыми людьми по прибору тоже нет оснований.

Казаки отличались и от служилых людей по прибору и от крестьян тем, что они пользовались еще одним источником существования — разбоем. Походы за «зипунами», ежегодно совершаемые под Азов, в Крым и на города южного побережья Черного моря, равно как на Волгу и на Каспий, приносили его участникам немалые доходы. Со временем значение этого источника падало.

Следует также учитывать, что и сами казаки нередко являлись объектом набегов со стороны крымских и калмыцких феодалов. Походы за «зипунами», как и необходимость быть начеку, чтобы отразить набеги хищных соседей, создавали особый уклад жизни казаков. Стремительные набеги, как и не менее стремительная надобность менять орудия лова рыбы на орудия самообороны, превращали казаков в людей предприимчивых и смелых, владеющих военными навыками. Эти навыки, крайне необходимые в крестьянских войнах, и позволяли казакам выступать в роли зачинателей и военных руководителей вооруженной борьбы народа с угнетателями. Конечно, казачий способ ведения военных действий был далек от совершенства и более походил на партизанские действия, чем на действия регулярной армии, но и партизанские навыки казаков находились на недосягаемой для крестьян высоте.

Донское казачество пользовалось существенными привилегиями, придававшими Донской земле черты автономии. Одна из привилегий состояла в праве не выдавать беглых крестьян помещикам, выра-

зительно и лаконично формулированной фразой: «С Дона выдачи нет». Право не выдавать беглых противоречило интересам землевладельцев, настаивавших на его отмене, но правительство мирилось с этим нарушением феодального правопорядка, ибо того требовали нужды обороны южных границ государства. Именно сторожевая служба донских казаков вынуждала правительство не только смотреть сквозь пальцы на Дон как средоточие беглого населения, но и оказывать казакам царскую милость в форме хлебного и денежного жалованья.

По этой же причине правительство терпело и вторую привилегию донских казаков, их право на внешние сношения. Это право, хотя и распространяемое на ближайших соседей донских казаков, тоже противоречило принципам централизованного государства, превращавшегося в абсолютистскую монархию. Наконец, правительство до поры до времени мирилось еще с одной привилегией донских казаков, придававшей им автономию,— правом на самоуправление.

Новый этап в истории донских казаков наступил после Азовских походов Петра Великого. Овладение Азовом, расположенным южнее Донской земли, превращало эту крепость в форпост борьбы с крымско-османской агрессией. Земля Донская таким образом из окраинной территории превращалась во внутреннюю область России. Отсюда наступление правительства на привилегии донских казаков, лишение их права не выдавать беглых и отмена права внешних сношений. Обе акции правительства ущемляли интересы всех слоев казачества, поскольку лишали их дешевой рабочей силы и людей, готовых класть головы в опасных для жизни походах за «зипунами». Ущемляло интересы казаков и запрещение сноситься с ближайшими соседями. Нередко эти сношения были выгодны казакам, но противоречили стратегическим замыслам русской дипломатии: вместо своеволия казаков, не считавшихся с общей внешнеполитической ситуацией, правительство желало иметь дело с послушными исполнителями своих предписаний. Правительство, кроме того, встало на путь резкого пресечения походов за «зипунами».

Заметим, что участь донских казаков, лишенных прежних привилегий, разделили и яицкие казаки. Еще более сурово царское правительство обошлось с запорожскими казаками — оно разгромило Запорожскую Сечь [2]. Они подверглись наступлению правительства на их привилегии после того, как границы России передвинулись на юго-восток и правительство создало мощную опору для своего господства в крае — Оренбург. На Яике произошло то же, что и на Дону: автономия казаков была резко ограничена — самоуправление яицких казаков фактически было ликвидировано, делами на Яике заправляли старшины, происходил интенсивный процесс унификации управления областью яицкого казачества с управлением внутренними губерниями России [3].

Наступление на привилегии казачества вызвало с его стороны ожесточенное сопротивление. В некоторых случаях оно приобрело широкий размах. Сопоставляя три народных движения, вспыхнувшие

в России на протяжении второй половины XVII—XVIII в., нетрудно обнаружить некоторые общие черты. Одна из них общеизвестна и многократно высказывалась исследователями: зачинателями и руководителями восстаний выступали казаки. Именно казачья среда поставляла как предводителей движения, так и его атаманов.

Вторая общность осталась за пределами наблюдений. Ее можно формулировать так: в крестьянских войнах под предводительством С. Т. Разина и Е. И. Пугачева прослеживается два этапа, отличающихся друг от друга как составом участников движения, так и характером чаяний, за которые боролись восставшие. На первом этапе движение носило преимущественно казачий характер; в нем казаки составляли движущую силу, казачьими являлись и лозунги восстания, формулированные в прелестных письмах и манифестах, а также отраженные в действиях восставших. Для второго этапа характерно участие в движении широких масс крестьянства. Этот этап отличается от предшествующего не только составом его участников, но и содержанием лозунгов, с которыми они выступали,— казачьи требования сменяются крестьянскими, движение приобретает характер крестьянской войны. Эта тенденция развития событий, т. е. перерастание казачьего выступления в крестьянскую войну, отчетливо прослеживается в движениях под предводительством как Разина, так и Пугачева.

Казачий характер начального этапа выступлений разинцев выражался в том, что оно было разбойным. Прелестных писем, отразивших именно эту цель похода на Волгу, в распоряжении историков нет, но сохранились свидетельства современников о том, что происходило на казачьих кругах, с какими целями казаки в 1670 г. отправлялись на Волгу. Костька Косой рассказал о круге, обсуждавшем в Черкасске вопрос, куда казакам держать путь: «И ясоулы де докладывали в кругу, что под Озов ли итить, и козаки де в кругу про то все умолчали. А в другой де докладывали — на Русь ли им на бояр иттить, и они де „любо“ молвили небольшие люди. А в третей де докладывали, что итить на Волгу, и они де про Волгу завопили» [4]. Из текста следует, что большинство участников круга привлекала Волга, где можно было заполучить добычу с меньшими потерями, чем при походе на Азов.

Еще один круг состоялся в Паншинском городе в первой половине мая, т. е. в канун похода. Имеется два свидетельства о мнениях, высказывавшихся участниками круга по поводу целей похода. Казак Нестерко Санбуленко поведал: «И казаки донские, которые тут же были в кругу, говорили ему: мы де готовы за дом пресвятыя богородицы и за великого государя умереть и головы свои положить и служить, а что де бояря не велят нам ходить на море и на Волгу, и от того мы стали наги и голодни. И ныне де пойдем на бояр и на воевод на Волгу за то, что де бояря и воеводы нас голодом морят» [5]. Итак, цель похода — добиться восстановления права совершать походы за военной добычей, отмененного боярами. Казаки выступали не против бояр вообще, а против тех из них, которые препятствовали походам за «зипунами».

На кругу в Паншине перед казаками выступил и Разин. Согласно свидетельству попа Н. Иванова, передавшего содержание речи предводителя похода, на кругу было заявлено: «Не добры де к ним, донским казаком, бояря князь Юрья Алексеевич Долгоруково, князь Микита Иванович Одоевской, да думной дьяк Дементей Башмаков, да голова стрелецкой Артемон Матвеев» [6]. Фамилии других бояр поп запамятовал. Вина названных бояр состояла в том, что они задерживали отправку на Дон «государева жалованья».

Как видим, бояре были достойны расправы — одни за то, что препятствовали походам за «зипунами», другие за то, что не присылали на Дон «государева жалованья». И в том и в другом случае казаки пеклись не о крестьянских, а о своих сословных интересах.

Правда, Разин в речи на кругу в Паншине говорил о целях, выходивших за рамки похода за «зипунами». «И им бы (казакам.— *Н. П.*) де всем постоять и изменников из Московского государства вывесть и чорным людем дать свободу». Заметим, однако, что призыв бороться за интересы «черного люда» повис в воздухе, ибо из последующих действий казаков вытекает, что в движении возобладали разбойные элементы. Тот же Разин на кругу перед походом на Черный Яр «говорил, чтоб им итить в Астрахань всем грабить купчин и торговых людей: не дороги де им бояря, дороги де им купчин и торговых людей животы» [7].

В представлении казаков вольного Дона, где феодальное землевладение отсутствовало, олицетворением социальных недругов были люди, обладавшие властью в царской администрации: бояре в Москве и воеводы в провинции. Поэтому Разин, по словам очевидца попа Н. Иванова, призывал казаков в Царицыне «итти вверх по Волге под государевы городы и воевод из городов выводить или б де итти к Москве против бояр» [8].

Состав участников движения в этот период совпадает с его целями: движущей силой восстания были казаки, они же оказывали решающее воздействие на его цели, о которых шла речь на кругах.

С начала августа 1670 г., когда разинцы двинулись вверх по Волге и достигли районов феодального землевладения, содержание прелестных писем восставших, как и характер их действий, существенно изменилось. Разин призывал наряду с «изменниками» «и мирских кравапивцев выводить». В ряды восставших он звал «кабальных» и «апальных». Движение все более отражало интересы крестьянства. В соответствии с этой метаморфозой изменялись направленность действий восставших и их состав. Широкое вовлечение в движение крестьян Среднего Поволжья придало ему характер крестьянской войны, нацеленной на ликвидацию феодального землевладения и уничтожение феодалов. На этом этапе движения главными противниками восставших выступают не купцы и не представители администрации, а вотчинники, землевладельцы.

В Корсунском уезде повстанцы помещиков своих «побивают и домы их грабят» [9], по другой версии — «а ездя де они, воровские

козаки, по уездам, рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а чорных де людей, крестьян и боярских людей, и козаков, и иных чинов служилых людей, никово не рубят и не грабят» [10]. Согласно отписке воеводы Ю. А. Долгорукова, отправленной в приказ Казанского дворца во второй половине ноября 1670 г., в Галичском уезде появился разинский атаман Илья Иванов, который «воровским письмом посадцких людей и помещиковых и вотчинниковых крестьян прельщает и многих прельстил на всякое воровство и на бунт» [11]. В обобщенном виде чаяния трудового населения выражены в единственной, сохранившейся в подлиннике прелестной грамоте от имени Степана Разина, разосланной в сентябре 1670 г., приглашавшей кабальных и опальных вступать в полки, чтобы «мирских кравапивцев вывадить» [12].

Два этапа — казачий и крестьянский — прослеживаются и в Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева. За вековой отрезок времени, отделяющий одну крестьянскую войну от другой, в жизни казаков произошли существенные перемены, в частности утратили значение походы за «зипунами». Поэтому казачьи чаяния в манифестах Пугачева обрели иное отражение.

Обратимся к первому указу Е. И. Пугачева, обнародованному 17 сентября 1773 г. В нем «император» Петр Федорович жаловал яицких казаков «рякою с вершын и до усья, и землею, и травами, и денежным жалованьям, и свиньцом, и порахам, и хлебным правиантам» [13]. Если бы в указе не был назван адресат, к которому обращался Пугачев, простой перечень пожалований свидетельствует о намерении предводителя привлечь на свою сторону не крестьян, а казаков, которых интересовали река с рыбными промыслами, денежное и хлебное жалованье, свинец, порох. Слова «и землею» теряются в ряду прочих пожалований, они упомянуты как бы мимоходом. О том, что дело обстоит именно так, свидетельствуют прочие указы Пугачева. Например, в указе, адресованном неделю спустя гарнизону и жителям Рассыпной крепости, упоминание о земле отсутствует — «император» пожаловал их «вечною волностию, реками, лесами, всеми выгодами, жалованьем, правиантом, порохом и свинцом, чинами и честию» [14].

Упоминание слова «землею» в указе Пугачева от 17 сентября 1773 г., видимо, было столь же случайным, как и упоминание «морей» в указе жителям и гарнизону Оренбурга от 1 октября того же года [15]. Не поддается объяснению, как могли жители Оренбурга, далеко отстоявшего от морских берегов, воспользоваться благами морей. Кстати, морем жаловал Пугачев и башкир, хотя дары его могли интересовать их еще меньше, чем жителей Оренбурга.

Набор пожалований остался неизменным в указах 6, 17 и 23 октября, а также 5 ноября 1773 г. Все без исключения указы удовлетворяли казачьи интересы. Даже в том случае, когда указ был адресован не казакам, а приписным к заводам крестьянам, перечень пожалований остался неизменным, хотя для приписных крестьян главным являлось не право пользоваться рекой и сенными покосами, а освобождение от заводской барщины. Из этого, конеч-

но, не вытекает, что реализация обещаний, перечисленных в указах и манифестах Пугачева первых месяцев крестьянской войны, ничего крестьянам не сулила. Некоторые пожалования, адресованные казакам, были полезны и крестьянам. Подобное совпадение вытекало из некоторой общности положения казаков и крестьян, о чем речь шла выше.

Перелом в содержании указов наступил в декабре 1773 г., когда «злодеями» названы не должностные лица царской администрации, а «помещики и вотчинники». «А естли кто не будет,— читаем в манифесте от 1 декабря 1773 г.,— на сие мое воздаваемое милосердие смотреть яко то: помещики и вотчинники, так, как сущих преступников закона и общаго покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то есть казнить смертию, а домы и все их имение брать себе в награждение» [16]. Впрочем, изложенные в этом манифесте идеи еще нельзя признать прочно устоявшимися: в некоторых из манифестов последующего времени фигурируют «пахотные земли» как показатель возрастающего влияния крестьянских масс, другие продолжают называть в качестве злодеев традиционных бояр, генералов, майоров, капитанов «и иных» [17].

Тем не менее тенденция развития правотворчества участников движения прослеживается достаточно определенно: составители указов и манифестов уже не довольствовались обращением к казакам и взяли на вооружение такие более широкие по смыслу понятия, как «наши верноподданные рабы», обещание привести их «в благоцветущее состояние». Оба понятия свидетельствуют о расширении конгломерата социальных сил, участвующих в движении.

Кульминацией законотворчества восставших является манифест Пугачева от 31 июля 1774 г. Он содержит наиболее полный перечень пожалований крестьянам: освобождение от крепостной зависимости, «рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей», в безоброчное владение им передаются земля, лесные и сенокосные угодья, рыбные ловли и соляные озера. Манифест освобождал крестьян от феодальных повинностей и призывал к поголовному истреблению «противников нашей власти и возмутителей империи и раззорителей крестьян», под которыми подразумевались «злодеи феодалы». Но и этот самый «крестьянский» из манифестов Пугачева не освободился от влияния представлений о казачьих вольностях. Оно выразилось в том, что манифест награждал крестьян «вольностию и свободою и вечно казаками» [18].

Итак, первый — казачий — этап восстания под предводительством Пугачева охватывал сентябрь—ноябрь 1773 г. В последующие месяцы казачье выступление переросло в крестьянскую войну.

Переходя к изложению событий на Дону в 1707—1708 гг., отметим, что начальный их период ничем существенным не отличался от того, что происходило в 1670—1671 и 1773—1775 гг. Сохранившиеся источники — прелестные письма, свидетельства участников движения, служебная переписка — позволяют проследить чаяния восставших и ответить на вопрос, подвергались ли они изменениям,

как то мы наблюдали в крестьянских войнах под предводительством Разина и Пугачева, или на всем протяжении восстания оставались неизмененными.

Для удобства разделим цели восставших на локальные, не выходившие за пределы Дона и предусматривавшие определенные перемены на Донской земле, и более общие, простиравшиеся за пределы территорий, которые были заняты донскими казаками. Самое раннее свидетельство первого порядка относится к осени 1707 г., когда участвовавшая в восстании голытьба намеревалась, раздобыв коней, ружья и платье, двинуться на Азов и Таганрог, чтобы освободить там ссыльных, «которые им будут верные товарищи». В следующем году восставшие тоже были озабочены внутренней жизнью Дона, походом на Черкасск, с тем чтобы, овладев им и расправившись со старшинами, отправиться в Азов и Таганрог. Конечная цель восстания, ограниченная локальной территорией,— восстановление порядков, господствовавших на Дону до наступления правительства на казачьи вольности. Источники сохранили на этот счет множество свидетельств.

23 марта 1708 г. татарин показал в Козловской воеводской канцелярии, что он слышал «от них, воров, что де собрався им итить в Черкаской отомана убить за то, что де он с азовскими боярыи знаетца и вместе думает, и итить де им, ворам, под Озов, и нужно де им бояре» [19].

На основе показаний лазутчиков и расспросов участников восстания козловский воевода кн. Г. И. Волконский в донесении царевичу Алексею так писал о планах восставших: «А собрався, итить им в Черкаской войскового атамана убить за то, что де с азовскими боярами он знаетца и вместе думает». По другой версии: «А итить де им до Черкаского, чтоб побить старых казаков. А как де старых казаков побьют, то де пойдут до Москвы». Примерно о тех же целях восставших доносил 6 апреля 1708 г. в Разряд воронежский воевода С. П. Колычев: «А имеет де он, вор Булавин, свое воровское намерение итить водою и сухим путем в Черкаское побить стариков». Тем же днем, 6 апреля 1708 г., датировано донесение козловского воеводы царевичу Алексею: восставшие во главе с Булавиным держат путь на Черкасск «для того, что де казаки старшины живут с ними неправдою и их де не слушают». Козловец Козьма Анцыфоров показал 14 апреля, что казаки направляются в Черкасск «для истребления старшин, для того что бутто продали реку».

Вслед за овладением столицей войска Донского булавинцы намеревались захватить Азов и Таганрог: «И чтоб им то место, где ныне Озов и Таганрог очистить, чтоб было все их казацкое» [20].

О восстановлении прав и привилегий казачества как цели восстания сообщал И. С. Мазепе 15 июня 1708 г. Малороссийский приказ. Донские казаки, согласно сведениям приказа, ожидали помощи от запорожцев, чтобы совместными усилиями бороться за то, чтоб «им быть казаками как было искони казатство» [21]. Цель движения в изложении грамоты Малороссийского приказа нисколь-

ко не противоречит тому, о чем писал сам К. А. Булавин в Посольский приказ месяцем раньше: собрались они, «чтоб у нас в войску Донском было по-прежнему, как было при дедах и отцах наших». Эту же мысль Булавин повторил и в «отписке» запорожским казакам 17 мая 1708 г.: они стоят за то, «чтоб ы в нашем войску Донском... и по иным рекам утвердить по-прежнему, как казачья обыкновения у дедов и отцов наших и у нас» [22].

Итак, рассмотренные выше устремления восставших, а количество свидетельств на этот счет можно увеличить, имели в виду решение внутренних вопросов, волновавших прежде всего не крестьян, а донских казаков. Одни из них были порождены социальными противоречиями на Дону, наличием там домовитых и голутвенных казаков; отсюда стремление овладеть Черкасском и истребить ненавистных атамана и старшин. Другая цель — ликвидировать оплот правительства на юге: недавно завоеванный Азов и вновь построенный Таганрог. Тем самым восставшие рассчитывали восстановить старинные права и привилегии «казацтва», из этого следует, что восставшие пеклись о казачьих, а не о крестьянских интересах.

Казачьи мотивы прослеживаются и в планах булавинских атаманов Ивана Павлова и Игнатия Некрасова, отправившихся во главе отрядов на Волгу. Правда, эти планы носили более скромный характер. Согласно сведениям, которыми располагал азовский губернатор И. А. Толстой на 7 июня 1708 г. и которыми он поделился с Разрядом, «намерение те воры имеют итить Волгою на низ на Хвалынское море и на Аграхань» [23].

С намерением организовать поход за «зипунами» казаки не расставались и месяц спустя. Впрочем, единодушия среди них уже не было. Отражением разногласий между павловцами и некрасовцами был круг в Царицыне, на котором «Некрасов говорил, чтоб взять ис Царицына алтилерию и со всем иттить на Дон, а Ивашко говорил, чтоб алтилерии не давать, а с Царицына со всем итти плавною по Волге на море». Диспут принял острый характер, в дело были пущены кулаки: «И в том великой у них был спор и подрались, и бутто голудьба вступилась за Ивашку Павлова и приезжих с Некрасовым многих били и пограбили» [24].

Как видим, чаяния некрасовцев были территориально локализованы Доном, а поход на Каспий, за который ратовали павловцы, хотя и выходил за пределы Донской земли, являлся тоже чисто казачьим мероприятием.

Выше речь шла о требованиях казаков, распространявшихся на территорию войска Донского. Но у булавинцев были намерения более общего плана, которые они собирались осуществить после того, как утвердятся в Черкасске и овладеют Азовом и Таганрогом. Пользуясь всем комплексом сохранившихся источников, можно сконструировать всю совокупность требований булавинцев.

Самое раннее из них относится к марту 1708 г. Дьячок Иван Попов показал: «Да они ж де воры говорили: дела де им, ворам, до бояр, да до него, полковника князя Григорьева Ивановича (Волконского.— *Н. П.*), да до прибольщиков, да до подъячих, чтоб

перевесть». Стольник Василий Данилов доносил Волконскому о намерении идти на Тамбов и Тулу, где у них «дела де им до начальников и подьячих». Ниже в этом же документе в числе лиц, которых надобно было «выводить», названы прибыльщики, немцы и обидники [25].

Этот же набор лиц, подлежавших уничтожению, встречаем и в показаниях козловского подьячего Ивана Соколова: «Им де, ворам, то и служба, что вывесть прибыльщиков да немцев и обидников». Козловцам Дементию Сушкову и Тимофею Кусову тоже было известно, что булавинцы собирались выводить «бояр, да прибыльщиков, да немцов» [26].

Азовский губернатор И. А. Толстой доносил царю 14 апреля 1708 г., что Булавин «хочет войною итти к Азову и к Троицкому и побить воевод и начальных людей и немцев и тюрьмы разпустить». Истреблять бояр, воевод и прибыльщиков булавинцы намеревались не только в Азове и Троицком, но и на Руси. Воевода С. П. Бахметев изложил содержание письма, полученного им от Л. Хохлача. Булавинский атаман писал: «А им нет дела ни до бояр, ни до торговых людей, ни до черни, ни до солдат, ни до драгун. Только им нужды — немцы, прибыльщики» [27]. Отсутствие в перечне бояр и воевод, а также ограничение списка своих противников только немцами и прибыльщиками станет понятным, если мы учтем, что прелестное письмо с призывом примкнуть к восстанию было адресовано воеводе.

Документы, исходившие от самого Булавина, никаких новых категорий лиц не называют: «А которым худым людем князем и бояром и прибыльщиком и немцом за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не пущать» [28].

Изложенное выше позволяет составить перечень лиц, которые «неправду делают». В них зачислены князья, бояре, воеводы, начальные люди, приказные люди, немцы, прибыльщики и обидники. Не подлежит сомнению, что воеводы, начальные люди, приказные и обидники представляли коронную администрацию. Столь же бесспорными являются термины «князья и бояре». Оба термина имели собирательный смысл, под ними булавинцы подразумевали тоже представителей администрации, но более высокого ранга. В пользу именно такой интерпретации «бояр и князей» нас склоняют намерения восставших убить атамана в Черкасске «за то, что де он с азовскими бояры знаетца и вместе думает». Другой источник сообщает, что цель похода в Азов и Таганрог состояла в истреблении «бояр, да немцов, да прибыльщиков» [29]. Бояр, как известно, в Азове не было, должность губернатора справлял там И. А. Толстой.

Остается выяснить, почему в разряд социальных противников донских казаков включены немцы и прибыльщики. Заметим, что авторы исследований, посвященных восстанию на Дону, разъяснений на этот счет не дают. Относительно «немцев» можно высказать предположение: донские казаки считали их своими недругами на том основании, что их было немало среди офицеров русской армии. А так как казаки участвовали в сражениях Северной войны, то естествен-

но полагать, что действия немцев-офицеров вызывали у них острое недовольство. Возможно также, что на донских казаков оказали влияние события в Астрахани, где, как известно, восставшие истребили всех иноземцев. Но какое отношение к донским казакам имели прибыльщики, предстоит выяснить.

Подойдем к составу противников, подлежавших, с точки зрения донских казаков, уничтожению, с другой стороны. Одному из авторов, изучавших восстание на Дону, Е. П. Подъяпольской, удалось персонифицировать врагов восставших, т. е. привести пофамильный перечень лиц, против которых выступали булавинцы. «В этой категории,— пишет она,— оказываются конкретные лица: полковник князь Г. И. Волконский, козловский воевода; азовский губернатор И. А. Толстой, офицеры Азова и Троицкого („азовских и троецких афицеров хочет побить до смерти"), бригадир Ф. В. Шидловский, полковник В. В. Долгорукий, начальник правительственного войска, посланного для усмирения Дона; тамбовский дворянин Сидор Пешков, начальник на лесозаготовках, войсковой атаман Лукьян Максимов, мояцкие старшины, борисоглебский и дмитровский воеводы Иван Палеологов и Данила Титов, „полковники" карательных отрядов, воеводы, „начальные люди" Азова и Троицкого» [30].

Все названные здесь лица относятся к представителям администрации. Упор на бояр, воевод и начальных людей обусловлен тем, что именно с ними доводилось иметь дело донским казакам: бояре присылали хлебное и денежное жалованье, они же отправляли сыщиков для выявления беглых, препятствовали организации походов за «зипунами» и т. д.

Таким образом, восстание на Дону ничем не отличалось от начального этапа движения Разина и Пугачева — оно было казачьим и по своим целям, и по движущим силам. Если, однако, восстания, предводительствуемые С. Т. Разиным и Е. И. Пугачевым, переросли в крестьянские войны, то движение К. Булавина так и осталось на уровне казачьего выступления. Оно было локализовано преимущественно на территории Дона, где не было помещичьего землевладения. Отсюда отсутствие в прелестных письмах и прочих документах призывов к ликвидации помещиков и феодального землевладения. Главная цель движения — восстановление сословных привилегий казаков.

Из сказанного не следует, что крестьяне не участвовали в восстании на Дону, но их влияние на ход событий не проявилось в той мере, в какой оно прослеживается в крестьянских войнах.

А как быть со свидетельствами современников, на которые, кстати, опираются и советские исследователи, утверждавших, что большая часть участников восстания принадлежала не к казакам, а к крестьянам? Как, например, следует отнестись к заявлению И. А. Желябужского о том, что в сражении на реке Битюг 29 апреля 1708 г. взято в плен «143 человека, и в том числе донских казаков 36 человек, а те все беглые крестьяне» [31]. Следовательно, три четверти восставших были крестьянами. Думается, что объяснить это свидетельство не представляет большого труда.

Начнем с того, что стольники М. Н. Кологривов и М. Ф. Пушкин, а также Ю. В. Долгорукий, отправляясь на Дон для сыска беглых (первые два — в 1703 г., второй — в 1707 г.), руководствовались указом о возвращении с Дона всех пришельцев, появившихся там после 1695 г.[32] С точки зрения правительства и его уполномоченных, крестьянами считались все беглые, пришедшие на Дон после 1695 г. Поскольку бремя налогов и повинностей стало усиливаться со времени строительства флота в Воронеже в 1695—1696 гг. и начала Северной войны в 1700 г., то поток беглых на Дон во много раз увеличился именно в эти годы. Факт этот зарегистрировал Ю. В. Долгорукий. Переписывая население в Обливенском городке в 1707 г., он обнаружил там только 6 казаков и 200 новопришлых, а в Ново-Айдарской станице — 12 казаков и 150 новопришлых [33].

Приведенные цифры отражают соотношение между старыми и новопришлыми казаками. Вопрос состоит в том, должны ли историки руководствоваться правительственными критериями при определении, кого из беглых надлежит считать крестьянами, а кого — казаками. В литературе на этот счет нет ясности.

В. В. Мавродин писал: «Но когда вчерашний крепостной крестьянин добирался до донских казачьих городков или станиц, он становился казаком» [34]. Е. П. Подъяпольская придерживалась иного мнения: «Однако жизнь на Дону не являлась светлым праздником, а превращение беглеца в донского казака не было так просто, как иной раз изображается. За переход на территорию Дона, про который говорили: „с Дона выдачи нет", приходилось платить деньгами и вином. Многие беглецы оказывались в зависимости от казацкой старшины, работали у нее в батраках. Через пять-семь лет беглец по решению войскового собрания („круга") становился казаком» [35].

Е. П. Подъяпольская сослалась на труд К. В. Маркова «Крестьяне на Дону», но в нем не назван срок, необходимый для превращения беглого крестьянина в казака. Не находим там и сведения о плате за переход деньгами и вином. У Маркова имеются самые общие суждения, относящиеся к тому же ко времени после событий 1707—1709 гг. на Дону: «Правда, далеко не все пришлые могли сразу войти в ряды казачества. Нужно было иногда долгое время культивироваться на Дону, пройти известный искус, чтобы добиться казачьего звания». Беглый крестьянин становился на Дону бурлаком, который постепенно менял бродячую жизнь на оседлую. «Затем бурлак должен был исподволь приобщиться к казачьей службе: давать казакам „подмогу", быть „заверстанным в десяток", сделаться „оружейным" и т. д. Только такой бурлак мог быть уже взят в поход, а потом, в случае пригодности, стать и настоящим казаком» [36].

Взгляды А. П. Пронштейна, в последние годы много занимавшегося историей войска Донского, ближе к воззрениям К. В. Маркова, чем В. В. Мавродина. Он писал о том, что с последней трети XVII в. доступ беглых в ряды казачества был затруднен. «...Быть зачисленным в Войско и стать „добрым" казаком мог лишь тот, кто обзавелся конем и воинским оружием, то есть имел определен-

ные средства. Бездомных бедняков, бежавших на Дон от крепостнического гнета, перестали принимать сразу в ряды казаков». В одной из своих статей он писал, что для этого надлежало прожить на Дону «несколько лет» [37].

На наш взгляд, вопрос о превращении беглого крестьянина в казака имеет два аспекта: юридический и фактический. В оценке фактического положения новопришлого на Дону можно согласиться с В. В. Мавродиным — поселенец приобретал три важнейших ипостаси казака: он освобождался от крепостной зависимости, феодальной эксплуатации и повинности в пользу государства. Но неслужилый, или новопришлый, казак не участвовал в дележе хлебного и денежного жалованья, в выборах атаманов и т. д. Полноценным казаком он становился лишь после того, как его принимал круг. Какое для этого требовалось время? Во всяком случае, не 12 лет, как считало правительство, а значительно меньше; но независимо от того, включен ли был новопришлый в ряды казаков или нет, он, участвуя в восстании, боролся не за крестьянские, а за казачьи права. На игнорировании этого обстоятельства и покоится утверждение о преобладающей роли крестьян в восстании на Дону под предводительством Булавина. В действительности, оно по своей направленности было казачьим по преимуществу. Крестьяне если и участвовали в восстании, то в масштабах, которые не придали ему значения крестьянской войны.

[1] *Розпер И. Г.* Казачество в крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966; *Пронштейн А. П., Мининков И. А.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д, 1983; *Белявский М. Т.* Первый этап крестьянской войны 1773—1775 годов и его особенности.— История СССР, 1975, № 1; и др.
[2] *Голобуцкий В. А.* Черноморское казачество. Киев, 1956; *Он же.* Запорожское казачество. Киев, 1957.
[3] *Розпер И. Г.* Яик перед бурей: (Восстание 1772 г. на Яике — предвестник Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева). М., 1966.
[4] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1954, т. 1. 1666 — июнь 1670 гг., с. 162.
[5] Там же, с. 253.
[6] Там же, с. 235, 236.
[7] Там же, с. 235, 237.
[8] Там же, с. 188.
[9] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1957, т. 2, ч. 1, с. 77.
[10] Там же, с. 109.
[11] Там же, с. 285—286.
[12] Там же, с. 65.
[13] Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975, с. 23.
[14] Там же, с. 25, 29.
[15] Там же, с. 29, 30, 31, 32.
[16] Там же, с. 36.
[17] Там же, с. 37, 38.
[18] Там же, с. 48.
[19] Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М., 1935, с. 165.
[20] Там же, с. 174—176, 183, 184, 206.
[21] Там же, с. 387.

[22] Там же, с. 455, 457.
[23] Там же, с. 424.
[24] Там же, с. 436.
[25] Там же, с. 166, 167.
[26] Там же, с. 175, 187, 196.
[27] Там же, с. 200, 230.
[28] Там же, с. 451.
[29] Там же, с. 165, 196.
[30] *Подъяпольская Е. П.* Восстание Булавина, 1707—1709. М., 1962, с. 107.
[31] *Желябужский И. А.* Записки.— Записки русских людей. СПб., 1891, с. 110.
[32] Булавинское восстание, с. 21, 113.
[33] Там же, с. 137, 138.
[34] *Мавродин В. В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Л., 1961, т. 1, с. 504.
[35] *Подъяпольская Е. П.* Указ. соч., с. 56.
[36] *Марков К. В.* Крестьяне на Дону.— Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1912, вып. 11, с. 60.
[37] *Пронштейн А. П.* Войско Донское накануне Булавинского восстания.— В кн.: Вопросы военной истории России, XVIII и первая половина XIX в. М., 1969, с. 316; *Пронштейн А. П., Мининков И. А.* Указ. соч., с. 211.

В. А. Федоров

Торговое земледелие крестьян центрально-промышленных губерний России в первой половине XIX в.

В конце XVIII — начале XIX в. в России возникли отдельные очаги и центры торгового земледелия, свидетельствовавшие о складывании капиталистических отношений и в сфере сельского хозяйства. Для центрально-промышленных губерний (Московской, Владимирской, Костромской, Ярославской, Тверской, Калужской и Нижегородской) характерным было то, что торговое направление в первую очередь приняло разведение технических культур и огородничество. Так же, как и в промышленности, здесь складывалось преимущественно крестьянское сельскохозяйственное предпринимательство. При общем промышленном облике данного региона разнообразие природных и экономических условий определило специфику торгового земледелия крестьян.

Так, в Московской губернии в конце XVIII — начале XIX в. сформировались районы торгового хмелеводства (в Богородском и Бронницком уездах), луководства (в Верейском уезде), огородничества (в Москве и ее окрестностях).

Центром хмелеводства являлась Гуслицкая волость Богородского уезда, принадлежавшая помещикам Позеным. В селениях, расположенных по течению рек Гуслица и Нерская, крестьянское хозяйство всецело «держалось на хмельниках». Характерно, что хмелеводством в торговых целях еще с конца XVII — начала XVIII в.

занимались преимущественно помещичьи крестьяне. Данный район хмелеводства имел наиболее высокий удельный вес крепостного населения: более 90% крестьян принадлежали помещикам. На этих территориях преобладали тощие песчаные почвы, а размеры крестьянских наделов были невелики: на 1 душу м. п. приходилось всего 1,75 дес. пахотных и прочих угодий. Удобрялись только усадебная земля и хмельники. Остальные угодья многие крестьяне «отдают внаймы», довольствуясь покупным хлебом [1].

Богородский уезд был одним из наиболее промышленно развитых в Московской губернии. Основная масса крестьян этого уезда была занята в хлопчатобумажной, шелкоткацкой и фарфоро-фаянсовой промышленности как на дому, так и в отходе, что неоднократно отмечалось современниками. «Хлебопашество крестьян (в Богородском уезде.— *В. Ф.*) пренебрежено,— писал один из корреспондентов „Земледельческой газеты",— крестьяне так мало занимаются земледелием и так удалились от сей промышленности, что не только не имеют достаточного количества домашнего скота, но и лошадей зимою мало держат» [2]. Московский губернатор в годовых отчетах (за 50-е годы XIX в.) постоянно указывал, что «почти все жители (этого уезда.— *В. Ф.*), за исключением некоторого времени полевых занятий, работают на фабриках и заводах, находящихся в уезде» [3].

Казалось бы, широко развитая промышленность в Богородском уезде должна была привлекать крестьян Гуслицкой волости и прилегающих к ней селений более, чем хмелеводство. Однако крестьяне, находившиеся преимущественно на барщине (на оброке было всего 11% помещичьих крестьян уезда), не имели возможности уходить на длительное время на фабрики. Впрочем, в 40-е годы XIX в. гуслицкие крестьяне стали соединять хмелеводство и с неземледельческими занятиями, но такого рода, ради которых не приходилось отлучаться «на сторону». Широкое развитие получил гребеночный промысел. В с. Хотеичах (центре Гуслицкой волости) в 1846 г. насчитывалось 20 гребеночных мастерских, для которых сырье (рога) «в огромном количестве» закупалось в Москве, Петербурге, Тамбове и Полтаве. Отходы гребеночного производства — роговая стружка и «терлужина» (мягкие части рога) — служили удобрением для хмельников.

Заметим, что земля под хмельниками не переделялась. Эта часть крестьянского надела фактически превратилась в постоянное и наследственное землевладение крестьян. Помещик, исходя из своих материальных интересов, не препятствовал [illegible] практике [4]. Хмелеводческое хозяйство крестьян развивалось и на [illegible] землях [5].

В 1860 г., несмотря на сокращение размеров хмелеводства из-за конкуренции других хмелеводческих центров страны, из одной Гуслицкой волости было вывезено хмеля на 20 тыс. руб. серебром [6]. Хмель сбывался через скупщиков-посредников в Москву, Петербург, Орел, Тулу, Харьков, Рыбинск, Казань, Торжок и Вышний Волочек. Торговое хмелеводство дало толчок развитию агротехники хмеля. В Гуслицкой волости известным хмелеводом-экспериментатором

был В. К. Гусев, который в выведении новых сортов хмеля достиг лучших результатов, чем известные французские и бельгийские агрономы [7].

Центром района торгового луководства в Верейском уезде являлась Вышегородская волость, составлявшая вотчину Шуваловых. Своим производством высококачественного лука на продажу она была известна издавна. Почва здесь также мало благоприятствовала хлебопашеству, крестьянские наделы были сравнительно невелики, и торговым земледелием занимались преимущественно помещичьи крестьяне, сочетая его с неземледельческими промыслами, которые, однако, в этом уезде были развиты значительно слабее.

Член Вольного экономического общества А. Людоговский, предпринявший в начале 60-х годов XIX в. исследование верейского луководства, указывал, что еще в начале XIX в. верейские луководы снабжали своей продукцией Москву и отчасти Петербург [8]. К середине XIX в. торговое луководство здесь еще более расширилось. В «Московских губернских ведомостях» за 1850 г. сообщалось, что в лук — «главный предмет торговли» крестьян этой волости и «нет селения», которое не занималось бы выращиванием лука специально на продажу [9]. Здесь выделились богатые луководы-предприниматели, которые вели свое хозяйство на покупной и арендованной земле. Они же скупали лук у более мелких крестьян-луководов и перепродавали его крупными партиями в Москве [10]. Богатые крестьяне Вышегородской волости занимались не только предпринимательским луководством. В подворной описи вотчины за 1841 г. указаны два владельца хлопчатобумажных заведений, два мелких ремесленника (по-видимому, владельцы небольших мастерских) и четыре «торговца». С различными видами «сторонних заработков» соединяли свое земледелие и другие крестьяне вотчины. По данным той же описи, из 586 дворов неземледельческие промыслы были зафиксированы в 310 дворах [11].

В московских подгородных селениях широкое развитие получило торговое огородничество. По свидетельству С. Чернова, автора «Статистического описания Московской губернии», изданного в 1812 г., уже тогда около Москвы «целые поля были обращены под огороды». Выращенные крестьянами овощи «в великом множестве» отвозились на продажу в Москву. «Значительные огороды» находились также в черте города Москвы, которые содержали главным образом крестьяне Ростовского уезда Ярославской губернии [12]. Другой статистик В. Андроссов сообщал, что в 1824—1830 гг. огороды занимали шесть[illegible] территории Москвы: «от Земляного до Камер-Кол[illegible]ского [illegible] тяну[illegible]ные огороды». Огороды находились [illegible] черте [illegible]мляного вала [illegible]рь Садовое кольцо) и даже в центре города: «кроме самых только заселенных частей города, Тверской и Яузской, во всех прочих есть огороды». По данным В. Андроссова, в черте Москвы в 1824 г. насчитывалось 226 огородов, а в 1830 г.— 279 [13]. В 1830 г. в черте Москвы под огородами находилось свыше 1 тыс. дес. При этом отмечалось быстрое развитие огородничества как в черте Москвы, так и в ее окрестностях, а также ак-

тивная деятельность в развитии московского торгового огородничества ярославских крестьян [14].

Крупные огородники-предприниматели из крестьян Ярославской губернии имели обширные огородные участки на покупной и арендованной земле. Это подтверждается документами вотчинных архивов Паниных и Голицыных (владельцев ярославских имений, где было развито торговое огородничество). Их крестьяне в 30—50-х годах XIX в. содержали в Сущевской и Басманной частях и Тверской-Ямской слободе обширные огородные участки, которые оценивались тогда в 2—3 тыс. руб. серебром каждый. Содержавшие свое огородное хозяйство на арендованной земле платили аренды от 300 до 600 руб. серебром в год. По этим данным можно судить о значительных размерах их доходов. Богатые предприниматели-огородники владели капиталами в десятки и сотни тысяч рублей [15]. Помещики, имевшие собственные земельные участки в черте Москвы, получали немалые доходы от сдачи их в аренду ярославским огородникам. Так, С. М. Голицын, владелец с. Сулость с деревнями в Ростовском уезде Ярославской губернии, сдавал в аренду земельные участки в Москве крестьянам этого села. От этого он получал двойную выгоду: доход от аренды и высокий оброк с тех же арендаторов — своих крестьян. Практиковалась и субаренда огородных участков в Москве. Например, один из крестьян с. Сулость, Василий Зайцев, сняв в аренду в 1817 г. крупный участок огородной земли на пять лет, затем сдавал ее мелкими участками погодно другим огородникам того же села Сулость [16].

На капиталистическую организацию хозяйства богатых ростовских крестьян-огородников в Москве указывает широкое применение ими наемного труда. Обычно огороды этих богатеев обрабатывали их односельчане, относящиеся, как правило, к категории «последнего состояния» по своему имущественному положению. Подобные факты найма богатыми огородниками-предпринимателями своих односельчан часто встречаются в документах вотчинного архива с. Сулости [17].

Еще в конце XVIII — начале XIX в. ростовское огородничество приобрело ярко выраженный предпринимательский характер. Основными центрами ростовского огородничества были села: Поречье, Сулость, Угодичи, Воржа, принадлежавшие крупным земельным магнатам Орловым, Паниным, Голицыным. Наличие плодородных пойменных земель около оз. Неро, где находились эти селения, высокая плотность населения, недостаток в пахотных и сенокосных угодьях, а главное, близость к крупным торгово-промышленным центрам — Москве и Ярославлю — явились важными условиями для развития предпринимательского огородничества в этом районе [18].

Главными торговыми культурами у ростовских огородников были зеленый горошек, цикорий, лук и лекарственные травы (возделывалось до 85 названий лекарственных трав). Зеленый горошек был предметом экспорта в Германию, Голландию и Англию, лекарственными травами ростовцы снабжали все аптеки России. Во второй четверти XIX в. предпринимательское огородничество вышло далеко за

пределы селений, расположенных в пойме оз. Неро. По свидетельству местного краеведа Н. Земского, к 1850 г. выращиванием зеленого горошка, цикория и других огородных культур занимались почти в двух третях Ростовского уезда [19].

Предпринимательское огородничество ростовских крестьян получило широкое развитие в крупных городах и промышленных центрах страны. Оно существовало не только в Петербурге и Москве, но и в Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани, Выборге, Гельсингфорсе и даже за границей. «Ростовские огородники,— писал в 1838 г. неизвестный корреспондент «Земледельческой газеты»,— распространились не только в наших обеих столицах и других городах, а также в остзейских губерниях, но мы слышали, что они поселились даже в Польше, Пруссии и близ Вены» [20].

Характерно, что в связи с возрастанием отхода ростовских огородников «на сторону» увеличивался приход в Ростовский уезд крестьян на заработки из других губерний, преимущественно из Владимирской и Тверской. На сторону уходили огородники-специалисты, которые нанимались на огородные работы, требующие большого навыка и опыта, а главное — наиболее высокооплачиваемые. На их место приходили менее квалифицированные земледельческие рабочие, нанимавшиеся обычно на черные и подсобные работы. «Все черные и тяжелые работы в промышленных селениях и домах Ростовского уезда исполняются преимущественно владимирцами (т. е. крестьянами Владимирской губернии.— *В. Ф.*) по найму,— писал В. А. Колесников.— Владимирцы ведут весь огородный обиход, начиная с кошки гряд до окончания уборки огородных растений. Владимирцы отправляют сенокос. Владимирцы пасут стада. Владимирцы — батраки и стряпухи... Таким образом, ростовский крестьянин, промышляя на стороне, доставляет хлеб и деньги чужеземцу на своей родине» [21]. Ростовские крестьяне нанимали владимирцев даже «для исправления барщины» [22].

В 40—50-х годах XIX в. в Ярославской губернии, и особенно в Ростовском уезде, торговой культурой стал картофель. Посевы его особенно увеличились именно в эти годы. По данным губернаторских отчетов, в 40-х годах в губернии высевалось 85,5 тыс. четв. картофеля, из них 26 тыс. четв. (т. е. около трети) приходилось на Ростовский уезд. В 50-х годах посевы картофеля возросли до 210 тыс. четв., при этом две трети этих посевов сосредоточивались в Ростовском уезде [23]. Быстро развивалась техническая переработка картофеля — в крахмал и патоку. Развитие крахмало-паточного производства было вызвано потребностями растущей хлопчатобумажной, бумажной и пищевой промышленности центральных губерний.

Отдельные очаги торгового картофелеводства возникли в Гороховецком, Меленковском, Муромском и особенно в Суздальском уездах Владимирской губернии. Здесь картофель шел преимущественно на винокурение и лишь отчасти на производство крахмала для хлопчатобумажных фабрик губерний.

Традиционной торговой технической культурой был лен. В Центрально-промышленном регионе торговое льноводство наиболее было

развито во Владимирской, Ярославской и Костромской губерниях. В Муромском, Гороховецком, Вязниковском и Меленковском уездах Владимирской губернии посевы льна занимали у крестьян до трети ярового клина. Уездный город Меленки был крупным центром скупки и обработки льноволокна. Почти вся губернская торговля льном сосредоточивалась в этом городе. Лен из Меленок значительными партиями отправлялся в Петербург и в Архангельск на экспорт. В Ярославской губернии льноводство приобрело торговый характер преимущественно в Ростовском, Ярославском и Угличском уездах, в которых сосредоточивалось до двух третей общегубернских посевов льна. Главным центром льноторговли и льнообработки здесь было с. Великое, известное и как крупный центр полотняной промышленности Ярославского края [24]. Торговое льноводство в Костромской губернии было распространено в ее поволжских уездах — Костромском, Нерехтском, Кинешемском и Юрьевецком. Лен из этих уездов поставлялся на полотняные мануфактуры Костромы, Нерехты и Ярославля, однако значительная его часть (200 тыс. пуд. из 900 тыс.) отправлялась в Петербург и в Архангельск на экспорт [25].

В Калужской и Нижегородской губерниях коноплеводство все более ориентировалось на рынок. «Пенька составляет один из важных предметов сбыта в другие губернии, а для крестьян некоторых местностей — исключительный источник их благосостояния»,— писал калужский губернатор в отчете за 1857 г.[26] Коноплеводство сосредоточивалось преимущественно в южных уездах губернии — Козельском, Жиздринском и Перемышльском. Центром торговли конопляным семенем, пенькой был заштатный город Сухиничи, известный и как перевалочный пункт хлебной торговли в губернии. В нем же сосредоточивались многочисленные мелкие предприятия по обработке пеньки (пенькотрепальни) и конопляного семени (маслобойни) [27]. В Нижегородской губернии торговое коноплеводство было значительно развито в южных земледельческих уездах — Сергачском, Лукояновском и Ардатовском. Крупное торговое село Стексово, принадлежавшее Голицыным, было центром закупки и переработки пеньки и конопляного семени [28].

В центрально-промышленных губерниях в исследуемый период было немало селений, специализировавшихся на производстве какого-либо вида торговой сельскохозяйственной продукции. Так, близость Москвы и ведущих к ней транзитных магистралей, предъявлявших большой спрос на фураж, способствовала значительному распространению в Александровском и Покровском уездах Владимирской губернии посевов овса на продажу. Овес здесь занимал до трех четвертей ярового клина [29]. Ряд селений Ардатовского, Арзамасского и Сергачского уездов Нижегородской губернии специализировался на торговом табаководстве. Главными центрами табаководства были помещичьи села Шарапово Сергачского уезда и Леметь Ардатовского уезда. Эти же села служили и центрами скупки и обработки табака. Шарапово также снабжало сортовыми семенами табака все табаководческие селения округи. Был выведен даже особый сорт табака — шараповский [30].

В первой половине XIX в. в исследуемом регионе сформировались отдельные очаги и центры торгового животноводства. В Ярославской губернии разводили улучшенные породы скота. Были выведены известные породы ярославских коров, романовских овец, брейтовских (с. Брейтово) свиней. Торговый характер ярославского животноводства неоднократно отмечался современниками. Так, П. Островский сообщал, что крестьяне в окрестных селениях г. Ростова «содержат коров преимущественно для получения от них молока, масла и творога, которые отвозят в близлежащие города» [31]. Наиболее благоприятные условия для развития мясо-молочного скотоводства в торговых целях существовали в Мологском и Пошехонском уездах Ярославской губернии. При слиянии рек Шексны и Мологи с Волгой находилось 277,7 тыс. дес. прекрасных заливных лугов. Производство молока, масла и мяса на продажу в этом районе было отмечено в хозяйственных описаниях Ярославской губернии уже в XVIII в.[32] Разведением молочного скота в торговых целях занимались и помещики, использовавшие для этого труд своих крепостных крестьян. Мусины-Пушкины, как показывают документы их вотчинного архива, в 20—50-х годах XIX в. ежегодно продавали в Петербурге крупные партии так называемого чухонского масла (славившегося своим качеством), а также другие продукты животноводства [33].

Разведение рогатого скота в торговых целях отмечено и в Тверской губернии. Этим же занимались, по свидетельству известного статистика В. И. Покровского, и помещики. Молочный скот они отдавали обычно «в аренду» своим крестьянам на таких условиях: в качестве арендной платы крестьянин должен был давать от 20 до 30 фунтов масла, 1 пуд творога от дойной коровы в год и одного теленка от двух коров. Помещики заводили и небольшие предприятия по переработке молока (маслодельные и сыроваренные заводы), выступая и в роли скупщиков молока у своих и соседних крестьян [34].

В Покровском и Александровском уездах Владимирской губернии существовал «промысел выпаивания телят для Москвы». Здесь в окрестных селениях Троицкого Посада, по свидетельству А. Соловьева, «скотоводство до того распространено, что почти в каждом селении приходится на десятину более 4 голов крупного рогатого скота» [35]. В Нижегородском уезде ряд селений специализировался на выкармливании бычков. Крестьяне скупали по окрестным селениям 4—6-недельных бычков, откармливали их и продавали на мясо оптовым торговцам-прасолам [36].

Крупным очагом торгового птицеводства была так называемая Кураковщина — обширная вотчина Куракиных в Ростовском уезде Ярославской губернии. 6 тыс. крестьян 20 селений специализировались на откорме для продажи каплунов (петухов-кастратов) и пулярок (молодых курочек). Для этого они скупали цыплят не только в своем, но и в соседних уездах, затем сажали их в особо устроенные садки и откармливали овсяной мукой и творогом.

Росту торгового птицеводства в этой округе значительно бла-

гоприятствовало открытие в 1851 г. Петербургско-Московской железной дороги. Время доставки птицы в Петербург сократилось с 12 до 2 дней. «Каплуны начали доставляться свежее, а оттого и требование на них там увеличилось»,— писал в 1854 г. корреспондент Вольного экономического общества Н. Земский [37]. В начале 50-х годов XIX в. в Кураковщине откармливалось и отсылалось в Петербург до 10 тыс. пар каплунов и пулярок [38]. Селения Семибратово, Гвоздево, Кладовицы, Приимково, Полежайка и Никола-на-Перевозе вотчины Куракиных занимались исключительно откормом каплунов и пулярок на продажу. «Каждая семья в этой вотчине занимается выкармливанием цыплят, и редкие семьи получают от этого менее 60 руб. сер., и многие — от 60 до 120 руб.; некоторые даже до 200 руб. сер. в год». Обычно семья покупала для откорма по 100—150 пар цыплят, но некоторые по 1 тыс. и более [39]. Это были уже значительные предпринимательские хозяйства. Секретарь Юрьевского общества сельского хозяйства С. Маслов, побывавший в 1854 г. в селе Семибратове, рассказывал, что он видел настоящие «откормочные заводы» крестьян. В качестве примера он приводит «завод» одного крестьянина, выкармливавшего до 2 тыс. пар каплунов. Но этот крестьянин «еще большее число их (каплунов.— *В. Ф.*) раздает на выкорм в село и окрестные деревни, доставляя для этого овес и муку» [40].

Эти же птицеводы-предприниматели выступали и в роли скупщиков птицы у остальных крестьян-птицеводов. По свидетельству А. А. Титова, мелкие птицеводы «выкормленных, заколотых и ощипанных каплунов продают особым скупщикам из местных крестьян, а эти в свою очередь перепродают более крупным гуртовщикам, которые направляют скупленные партии в столицы» [41]. Как видим, и здесь эта отрасль торгового птицеводства была подчинена торговому капиталу в лице многочисленных мелких и крупных скупщиков-посредников, которые одновременно являлись и птицеводами-предпринимателями, как имевшими свои откормочные «заводы», так и раздававшие птицу на откорм на дом.

Итак, еще при крепостном праве в центрально-промышленных губерниях России возникли очаги и центры специализированного, предпринимательского земледелия и животноводства. Своеобразный профиль торгового земледелия — выделение торговых технических и огородных культур — был обусловлен промышленным обликом региона, возрастанием спроса на сырье для промышленности и на продукцию огородничества для растущего промышленного населения. Близость торгово-промышленных центров обусловила и возникновение очагов торгового животноводства, преимущественно мясо-молочного направления.

Характерно, что торговое земледелие возникало не только в земледельческих, но и в промышленных селениях, что позволяло соединять крестьянам торговое земледелие с неземледельческими промыслами. Очаги торгового земледелия и животноводства вследствие своей ориентации на производство технических и огородных культур, мясо-молочное хозяйство предъявляли спрос не только на продукцию промышленности, но и сельского хозяйства. Так, крестьяне гуслицкого хмелеводства и верейского луководства, со слабо развитым хлебопашеством, «жили на покупном хлебе».

Приведенные данные показывают, что в районах и очагах торгового хмелеводства, луководства, огородничества, льноводства, коноплеводства, табаководства и животноводства еще при крепостном праве складывались капиталистические отношения. Крупные предприниматели вели свое хозяйство на купчей и арендованной земле, применяли наемный труд. Мелкие товаропроизводители были подчинены капиталу скупщика, в роли которого выступал тот же предприниматель. Соединение предпринимательского хозяйства с торгово-ростовщическими операциями — характерное явление для нарождавшегося капитала и в сфере торгового земледелия.

С торговым земледелием был связан и рост его агротехнического уровня. Крестьяне применяли новейшие агротехнические достижения, выводили новые сорта сельскохозяйственных культур, разрабатывали более совершенные способы их возделывания и последующей технической обработки, изобретали различные технические усовершенствования, разводили более продуктивные породы скота и птицы. Специалисты отмечали, что некоторые крестьяне-экспериментаторы внесли существенный вклад в агрономию тех или иных культур [42].

Все значительные очаги и центры торгового земледелия (как и промышленного предпринимательства) в центрально-промышленных губерниях России возникли не в казенной, а в помещичьей деревне. Это объясняется не только тем, что губернии Промышленного центра отличались высоким удельным весом крепостных. Накануне отмены крепостного права помещичьи крестьяне здесь составляли 55% по отношению ко всему населению региона, в то время как по стране в целом — 34%. Характерно, что наиболее промышленно развитые уезды (Богородский — Московской и Шуйский — Владимирской губерний) были и наиболее «крепостными»: помещичьи крестьяне как в том, так и в другом уезде, составляли свыше 90% к населению этих уездов. Следует отметить также, что крупные центры торгового земледелия (например, села Сулость и Поречье Ярославской губернии, Хотеичи и Вышегородская волость Московской, Шарапово-Нижегородской губернии) и известные промышленные центры (Иваново, Лежнево, Павлово, Тейково, Кохма, Кимры и др.) принадлежали крупнейшим титулованным магнатам России — Шереметевым, Голицыным, Паниным, Орловым, Шуваловым, которые оказывали определенное «покровительство» крестьянскому предпринимательству. Стремление помещиков при крепостном праве защищать промыслы своих крестьян от конкуренции «чужих» промышленников и способствовать их развитию в своих имениях создавало для них «средневековое благополучие», указывает В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» [43]. За помещичье «покровительство» крестьянам приходилось расплачиваться дорогой ценой: оно вело к дальнейшему усилению феодальной эксплуатации, росту оброков и прочих поборов с «промышляющих» крестьян.

[1] *Железнов Н. И.* О разведении хмеля в средней России. М., 1851, с. 29, 33.
[2] *А. М.* Статистические сведения о Богородском уезде.— Земледельческая газета, 1834, № 9.
[3] ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 6, д. 66, л. 136; ЦГА г. Москвы, ф. 16, оп. 102, д. 494, л. 56.
[4] *Железнов Н. И.* Указ. соч., с. 40.
[5] *Литвак Б. Г.* О земельной собственности крепостных.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962, сб. 5.
[6] ЦГИА СССР, ф. 1281, оп. 6, д. 63 (Отчет московского губернатора за 1861 г.), л. 197.
[7] *Железнов Н. И.* Указ. соч., с. 46.
[8] *Людоговский А.* Верейское луководство.— Тр. Вольного экон. о-ва, 1863, т. 2, вып. 4, с. 301.
[9] Московские губернские ведомости, 1850, № 41, часть неофиц.
[10] *Людоговский А.* Указ. соч., с. 308.
[11] ЦГИА СССР, ф. 1092 (Шуваловых), д. 1378 (подворная опись 20 селений Вышегородской волости за 1841 г.), д. 1368, л. 2 об.; см.: *Федоров В. А.* Сельское хозяйство помещичьих крестьян центрально-промышленных губерний России в первой половине XIX в.— В кн.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974, сб. 8, с. 229—231.
[12] *Черёов С.* Статистическое описание Московской губернии. М., 1812, с. 68.
[13] *Андроссов В.* Статистические заметки о Москве. М., 1832, с. 24—25.
[14] *Протопопов Д. С.* Об огородничестве в Москве и ее окрестностях.— Журнал Министерства гос. имуществ, 1841, ч. 3, с. 274—275, 281.
[15] *Федоров В. А.* Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (конец XVIII — первая половина XIX в.).— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1962, № 6, с. 62.
[16] Отдел письменных источников Гос. Исторического музея, ф. 14 (Голицыных), оп. 1, д. 3173, л. 22.
[17] Там же, д. 3115, л. 134; ЦГАДА, ф. 1263 (Голицыных), оп. 4, д. 164, л. 1; д. 165, л. 1.
[18] См.: *Федоров В. А.* Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде...
[19] *Земский И.* Хозяйство и промышленность Ростовского уезда Ярославской губернии.— Ярославские губернские ведомости, 1854, № 47, часть неофиц.
[20] Земледельческая газета, 1838, № 96, с. 768.
[21] *Колесников В. А.* Огородничество в селе Поречье Ростовского уезда Ярославской губернии. Ярославль, 1897, ч. 1, с. 31—33.
[22] *Ушаков А.* Очерк характера Ростовской сборной ярмарки и промышленности Ростовского уезда. М., 1861, с. 10.
[23] *Федоров В. А.* Сельское хозяйство помещичьих крестьян..., с. 225.
[24] Исследование о состоянии льняной промышленности в России. СПб., 1847, с. 36—38.
[25] *Крживоблоцкий Я.* Костромская губерния. СПб., 1861, с. 232—233.
[26] Государственный арх. Калужской области, ф. 32, оп. 1, д. 68, л. 11 об.
[27] *Ляметри П.* О пеньковой промышленности в Калужской губернии.— Калужские губернские ведомости, 1862, № 24, часть неофиц.; *Попроцкий М.* Калужская губерния. СПб., 1863, т. 1, с. 511.
[28] Государственный арх. Горьковской обл., ф. 61, оп. 216, д. 38. (Статистическое описание Нижегородской губернии за 1859 г.), л. 45 об.— 47.
[29] Журнал Министерства гос. имущества, 1854, т. 50, с. 137.
[30] *Сахаров Л.* Табачная производительность в Нижегородской губернии.— Тр. Вольного экон. об-ва, 1856, т. 1, с. 21—29.
[31] *Островский П.* Сельскохозяйственное статистическое описание Ростовского, Угличского и Романово-Борисоглебского уездов Ярославской губернии.— Тр. Вольного экон. о-ва. 1860, т. 5, с. 300.
[32] ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19178 (Топографическое описание Ярославской губ.), л. 155.
[33] ЦГАДА, ф. 1270 (Мусиных-Пушкиных), оп. 1, д. 5802.
[34] *Покровский В. И.* Историко-статистическое описание Тверской губернии. Тверь, 1822, т. 1, вып. 4, с. 170.

[35] *Соловьев А.* Об устранении препятствий к правильному развитию хозяйства и промышленности во Владимирской губернии.— Журнал сел. хоз-ва, 1855, № 2, с. 8.
[36] *Мельников П. И.* Записки о Нижегородской губернии.— Москвитянин, 1851, № 5, с. 18.
[37] *Земский И.* Указ. соч., с. 127.
[38] Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1859, вып. 2, с. 92—93.
[39] *Земский И.* Указ. соч., с. 125—127.
[40] *Маслов С.* Путевые заметки при поездке в г. Юрьев.— Журнал сел. хоз-ва, 1854, № 12, с. 149.
[41] *Титов А. А.* Кураковщина: Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1886, с. 5, 6.
[42] *Соколов А.* Огородник-новатор Ефим Грачев. Ярославль, 1949.
[43] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 333, 403.

Ю. Ю. Кахк

О внутренних противоречиях барщинного помещичьего хозяйства в Прибалтике в первой половине XIX в.

Проблемы внутреннего механизма дворянского помещичьего хозяйства, особенно на последнем этапе феодальной формации, издавна привлекали внимание исследователей. В отношении России вопрос принципиально и остро был поставлен на рубеже XIX—XX вв. В. И. Лениным в его полемике с П. Б. Струве. В своих трудах Струве пытался доказать полную «жизнеспособность» помещичьего барщинного хозяйства в XIX в., утверждая, что прогресс сельского хозяйства шел именно через него, а не через крестьянское хозяйство.

Не отрицая того, что помещичье хозяйство с середины XIX в. мучительно медленно перерождалось в капиталистическое юнкерское хозяйство, Ленин показал и доказал, что 1) перерождение помещичьего хозяйства происходило не в форме органической эволюции внутренних сил, а под напором внешних факторов, в том числе и антифеодальной борьбы крестьянства, и 2) капиталистическая эволюция шла бы более широко и быстро в результате буржуазной революции, когда во главе движения шло бы крестьянское хозяйство. Выступая в 1908 г. против аграрных программ правительства, которые поддерживал и Струве, Ленин подчеркивал, что они «сходятся в том, что надо капиталистически „очистить“ обветшалый аграрный строй России посредством сохранения помещичьей земельной собственности» [1]. Этой программе пролетариат, руководимый большевиками, противопоставил свою программу, которая предусматривала: «*капиталистически* „очистить“ обветшалый аграрный строй России посредством насильственного уничтожения помещичьей зе-

мельной собственности»[2]. Противостояние выражено ясно. В одном случае помещичье хозяйство — носитель прогресса, в другом — фактор регресса (в дальнейшем замедляющий движение), который надо уничтожить.

Историографической традицией советской исторической науки стала отрицательная оценка исторической роли помещичьего хозяйства. Так, З. К. Янель, подчеркивая, что в ост-эльбском регионе преобладания барщинной системы путь дальнейшего прогресса шел не через крупное помещичье хозяйство, а через крестьянское, писала о роли собственно помещичьего хозяйства накануне смены феодальной формации капиталистической: «Фольварк тем самым попадает в порочный круг неразрешимых внутренними силами противоречий, незнакомых крестьянскому товарному хозяйству»[3]. Однако надо признать, что раскрываются эти внутренние неразрешимые противоречия барщинного помещичьего хозяйства в нашей литературе недостаточно. Часто авторы ограничиваются перечислением внешних признаков и результатов экономического упадка, таких, как увеличивающаяся задолженность помещиков, банкротства, разорение помещичьей деревни. Много написано о паразитическом образе жизни дворян, но редко подвергается анализу внутренний механизм барщинного помещичьего хозяйства.

Если поближе ознакомиться с материалами экономической деятельности помещиков, то обнаруживаются явления и тенденции, которые условно можно охарактеризовать как парадоксы политэкономии феодализма.

В 1963 г. польский историк В. Кула, опираясь на наблюдения Я. Рутковского, показал, что высокая рентабельность дворянских фольварков в конце XVIII в. в Польше была возможна только потому, что они могли использовать даровой барщинный труд крестьян. Если бы им пришлось платить жалованье сельскохозяйственным работникам, то они сразу же обанкротились бы[4]. На такое же явление, но на материалах помещичьих имений Эстляндии XVII в., в 1954 г. указал А. Соом[5]. В отношении помещичьих имений Лифляндии и Эстляндии первой половины XIX в. это было показано нами в 1978 г.[6]

При дальнейшей работе выяснилось, что возможностью феодалов опираться в своей хозяйственной деятельности на даровой труд объясняются некоторые интересные аспекты сложного процесса перехода от феодализма к капитализму. Об этом свидетельствуют конкретный материал из истории аграрного законодательства царизма и прибалтийского дворянства в первой половине XIX в. и некоторые результаты анализа хозяйственной деятельности прибалтийских помещиков того периода[7].

Начнем с анализа Положения для крестьян Лифляндской губернии, которое царское правительство и местное дворянство вынуждены были издать в 1804 г. под напором классовой борьбы и в надежде решить некоторые хозяйственные проблемы. Текст этого Положения для крестьян Лифляндской губернии 1804 г.— любопытный памятник рубежа двух эпох. Он был написан людьми, кое-что знавшими о буржуазной политической экономике, возможно читавшими труды Адама Смита, но цель составления закона — укрепить господствующие порядки, обеспечить дальнейшее получение феодальной ренты. Если в одних параграфах эта феодальная рента маскируется модной терминологией, то другие статьи регулируют функционирование феодальных методов эксплуатации (личная крепостная зависимость крестьян, предоставленное помещикам право домашней расправы и т. п.). «Как все подати, крестьянами платимые помещику... не иное... как доход с земли, собственность помещиков составляющей и в пользование крестьян предоставленной, то для сохранения всевозможной соразмерности податей с пространством крестьянских участков...»[8], выработаны специальные таксы и инструкции для измерения крестьянской земли и установления доходности их хозяйств.

Для установления указанной «соразмерности» была выработана своеобразная модель барщинно-обязанного хозяйства. В основу модели был положен принцип: отданный в пользование крестьянину участок земли, на котором он может высеять бочку ржи (14 тыс. квадратных шведских локтей, или примерно 0,45 га), должен принести помещику доход, равный стоимости тоже одной бочки ржи; на этом основании он мог требовать от крестьянского хозяйства 30 дней пешей барщины или 22,5 дня барщины с упряжкой. В § 58 Положения 1804 г. приводятся в качестве примера типичные данные о четверть-гаковом крестьянском хозяйстве (гак — традиционная для Прибалтийских губерний единица измерения и обложения земли; по Положению 1804 г. крестьянское хозяйство в 1 гак должно было иметь от 60 до 72 бочек высева, т. е. от 30 до 36 га пашни). В четверть-гаковом хозяйстве должно было быть не менее трех работоспособных мужчин и столько же женщин. За имевшиеся в их распоряжении 8,25 га пашни среднего качества (при трехпольной системе ежегодно засевалось 5,5 га) они должны были в течение года выполнить 495 пеших дней или 371 день с упряжкой.

В утвержденном также в 1804 г. Положении для крестьян Эстляндской губернии тот же принцип в § 3 выражен следующим образом: по уже «издавна установившемуся закону каждое крестьянское хозяйство должно за каждую бочку высева в трех полях среднего качества исполнять в течение всего года один день барщины с упряжкой в неделю — и... такое же количество пеших дней»[9]. В ст. 7 уточняется, что крестьянское хозяйство с высевом 6 бочек в трех полях должно в течение всего года в каждую неделю исполнять 6 дней с упряжкой и в летнюю пору еще дополнительно 6 пеших дней барщины.

Постараемся выяснить, сколько барщины должен был выполнять один так называемый 3-дневный хутор, расположенный в Эстляндии. (Нас интересуют прежде всего дни с упряжкой.) На 23 недели сельскохозяйственного сезона падали по закону 69 дней ординарной барщины с упряжкой (ординарная барщина выполнялась регулярно, каждую неделю определенное число дней; экстраординарная, или вспомогательная, барщина выполнялась в виде определенных

сезонных работ). Но это количество можно было, как указано в § 8, увеличить, переводя пешие ординарные дни в дни с упряжкой экстраординарной барщины. Количество дней с упряжкой в летнее время могло подняться до 100 дней и даже больше.

Так как в зимнюю пору барщинные дни с упряжкой могли быть использованы только в форме подводной повинности или на лесозаготовках, то помещики старались как можно больше переносить эти дни с зимних месяцев на лето.

Отличительной чертой крестьянских законов, утвержденных в 1804 г. для обеих губерний, было то, что они оставляли помещикам большую свободу действий: возможность замены одних видов барщины другими, перенос их с одного периода на другой и т. п. В конечном счете выходило, что после введения законов несколько уменьшилось общее количество барщинных дней за счет зимних дней, зато увеличилось их количество в страдную пору. Заменяя неподвижные традиционно-феодальные нормы модернизированными (и подкрепленными авторитетом государства) нормами и правилами, помещики гарантировали себе возможность продолжать феодальную эксплуатацию крестьян.

У нас имелась возможность ознакомиться с тем, как в действительности воспользовались помещики предоставленным им правом изменения и урегулирования объема барщинных повинностей. В Центральном государственном историческом архиве в Тарту сохранились составленные в Лифляндии, где были проведены землемерные работы для установления величины крестьянских участков, так называемые вакенбухи, т. е. документы, в которых были зафиксированы размеры крестьянских участков, рабочая и тягловая сила и повинности [10].

Анализ вакенбухов показал, что, например, так называемое 3-дневное крестьянское хозяйство имело в своем распоряжении (учитывая качество земли) такое количество пашни, на котором можно было высеять от 16 до 25 бочек зерна (при трехпольной системе фактически ежегодно высевалось от 10 до 16 бочек) и за это оно должно было каждое лето исполнять 100—115 дней с упряжкой. Так называемое 4-дневное хозяйство ежегодно фактически высевало (опять учитывая качество земли) от 16 до 26 бочек и выполняло 140—160 дней с упряжкой.

В архиве нам удалось обнаружить любопытный документ — маленькую рукописную книжку, составленную в 1830 г. лифляндским помещиком Унгерн-Штернбергом, в которой зафиксированы его размышления, хозяйственные наблюдения и расчеты [11]. По его данным, на пахотные работы для обработки одного тюндерного места (пользуемся этим термином для обозначения участка, на котором можно было высеять 1 бочку — по-немецки и по-эстонски 1 тюндер зерна) пара, одного тюндерного места озимых и одного тюндерного места яровых потребовалось в общей сложности 20 дней барщины с упряжкой (за все лето требовалось для обработки этих трех полей всего около 80 рабочих дней с упряжкой).

Как было показано, мы можем исходить из предположения, что

так называемое 4-дневное крестьянское хозяйство должно было отдавать имению в течение лета не более чем 160 дней с упряжкой. В течение лета из 160 рабочих дней на обработку пашни (включая и перевозку навоза) можно было использовать только часть (остальные дни были использованы при сенокосе и уборке урожая). Мы не знаем точно, какая доля этих рабочих дней была сконцентрирована на те примерно 65 календарных дней, которые в течение лета были использованы для обработки полей. Слишком большая концентрация практически была не возможна, так как количество рабочего скота в крестьянском хозяйстве было величиной постоянной и не могло в течение года измениться. Поэтому мы можем исходить из предположения, что рассматриваемое крестьянское хозяйство могло отдать в форме барщины для обработки мызных полей от 65 до 100 рабочих дней с упряжкой. В течение этих дней можно было обработать от 3 до 5 тюндерных мест в трех полях (65:20≈3; 100:20=5). Если предположить, что урожайность была сам-4, то на этой площади (на двух полях) выращивалось от 24 до 40 тюндеров ржи ($6 \cdot 4 = 24$; $10 \cdot 4 = 40$).

Примерно к такому же, но более скромному, результату мы придем, исходя из принципа, что на обработку всех трех полей в течение всего лета требовалось 80 дней с упряжкой. Тогда получается, что, используя 160 дней, можно было обработать два (160:80=2) тюндерных места в трех полях, всего 6 тюндерных мест. При урожайности сам-4 можно было получить с 4 тюндерных мест, на которые при трехпольной системе высевалось зерно, всего 16 тюндеров зерна.

За выполнение этих повинностей помещик отдавал в распоряжение хозяина четверть-гакового или 3-дневного двора пашни в общей сложности в среднем 21 тюндерное место, т. е. 7 тюндерных мест в трех полях. Принимая опять-таки урожайность в сам-4, мы приходим к выводу, что с такой площади земли можно было получить 80 тюндеров зерна ($7 \times 4 + 7 \times 4 = 56$). По нормам закона помещик отдавал крестьянам в пользование 21 тюндерное место земли, за что они обрабатывали у него от 9 до 15 тюндеров пашни.

Мы пришли в некоторой степени к парадоксальному выводу. Помещик отдавал землю, с которой он мог бы получить 56 тюндеров зерна, а взамен получал рабочую силу, обрабатывавшую его землю, которая дает ему 24 или 48 тюндеров зерна. По законным нормам с такого участка летом надо было высылать в имение в среднем 2,5 барщинника. Следовательно, от работы одного барщинника помещик получал 9,5—16 тюндеров зерна.

Как обстояло дело в тех случаях, когда помещики того времени применяли наемный труд? В нашем распоряжении имеются расчеты одного лифляндского помещика, Циммермана, которые он опубликовал в 1816 г.[12] По этим данным, барщиннику с женой, т. е. двум работоспособным, выдавалось жалованье в 12 тюндеров хлеба, за что они должны были ежедневно выходить на работу. В течение лета они могли, таким образом, отработать 280 (140+140) рабочих дней. Если считать, что барщину с упряжкой выполнял только муж,

то помещик получал 140 летних барщинных дней, из которых на обработку земли можно было использовать только 65 дней. Таким количеством дней можно было обработать 3 тюндерных места в трех полях (65:20≈3) и при урожайности сам-4 получить с двух находившихся под посевом полей 24 тюндера зерна. Следовательно, в этом случае помещик отдавал 12 тюндеров и получал 24 тюндера зерна. На одного рабочего было получено 24 тюндера зерна.

Другой лифляндский помещик, П. Сиверс, писал в опубликованной в 1845 г. статье, что с поселенными у него мызными батраками он вступил в свободные отношения [13]. В общей сложности он имел 8 бобыльских семей, которые работали в имении поденщиками. За день он платил мужчине 22,5 коп. серебром (90 коп. ассигнациями по тогдашнему курсу). «В отношении того, как эти бобыли пользуются своими полями и как они себя содержат, я являюсь только наблюдателем...» [14]. В течение лета на обработку одного тюндерного места требовалось, по расчетам Унгерн-Штернберга, около 80 дней, т. е. это обошлось бы в 18 руб. серебром. За эти деньги можно было бы купить 18 тюндеров зерна. На одного рабочего можно было (при урожайности сам-4) получить 24 тюндера зерна, как и в предыдущем случае. За это надо было платить жалованье в размере, соответствовавшем бы примерно 18 тюндерам зерна. Помещик, следовательно, должен был отдавать 18 тюндеров зерна за то, что он получал 24 тюндера зерна.

Владелец имения Муналаскме в Северной Эстонии привел в своей опубликованной в 1830-е годы книге данные о содержании мызного батрака, которое обошлось ему в 40 руб., что по тогдашним ценам соответствовало 13 тюндерам ржи [15]. За это мызный батрак работал в течение лета 140 дней, 65 дней использовалось для обработки полей. За это количество рабочих дней можно было распахать 3 тюндерных места в трех полях (65:20≈3), с которых при урожайности сам-4 можно было получить 24 тюндера (3×4+3×4) зерна. Помещик отдавал 13 тюндеров и получал 24 тюндера зерна, продукция одного работника равнялась 24 тюндерам зерна.

Эстляндский помещик фон Грюневальд, по опубликованным в 1833 г. данным, платил своим так называемым депутатистам в течение года примерно 28 руб. серебром, а получал за продукты их труда доход в 128 руб.[16] Если ограничиться только данными о зерноводстве, то оказывается, что он давал своим депутатистам земли и платил жалованье, соответствующее 19 тюндерам зерна, а получал с обработанных ему земель (при урожайности сам-4) 24 тюндера.

В имении Кудина барона Кампенхаузена каждое хозяйство мызного батрака пользовалось 2-пурными местами (=1-тюндерному месту) в трех полях и должно было за это обработать 4-пурных места в трех мызных полях (пар был ликвидирован, и на третьем поле выращивали клевер). В течение пяти лет (1853—1858) с каждого пурного места мызных полей был получен чистый доход в 3 руб. 20 коп. «Следовательно, при новых порядках я отдаю одну треть урожая как жалованье и получаю две трети урожая себе» [17],— писал барон. Следовательно, современники более или менее ясно понимали, что эффективность дворянско-помещичьего хозяйства при переходе к наемному труду в условиях кризиса феодально-крепостнической системы была очень низкой. Для того чтобы поднять производительность, требовалась определенная инвестиция — нужны были те 10—20 тюндеров ржи, которые пришлось бы истратить на содержание одного работника с лошадью. Вопрос состоял не в том, что помещикам неоткуда было взять эти средства. Альтернатива была другая: или продолжать жить так, чтобы без каких-либо затрат получать ежегодно с каждого хозяйства 24—40 бочек, или от каждого работника 9—16 бочек ржи или иметь ежегодно расходы в 12—19 бочек и в конечном счете получать примерно тот же доход — 24 бочки на хозяйство или на человека. Практика, сама жизнь вскоре подсказала вывод о невыгодности перехода от барщины к наемному труду; даже те помещики, которые в своих имениях его ввели, скоро от него отказались.

К такому выводу пришел упомянутый нами Е. фон Унгерн-Штернберг. Он учился в 1818—1831 гг. в Тартуском университете камералистике и сельскому хозяйству. Его маленькая записная книжка — своеобразный набросок учебника или настольной книги по ведению сельского хозяйства. Во вступительной части книги находим довольно пространные теоретические рассуждения, представлявшие собой своеобразную теорию политэкономии феодального сельского хозяйства. По мнению Унгерн-Штернберга, высшая цель сельскохозяйственной деятельности «извлекать из земельной площади самый высокий возможный денежный чистый доход и увеличивать его от года в год путем повышения земельной аренды» [18]. Для достижения этой цели надо учиться у промышленности: применять машины; понимать, что воздух — это лаборатория, в которой действуют такие факторы, как водяные пары, теплота, свет и электричество. Но Унгерн-Штернберг в то же время считал, что помещики не должны слепо подражать методам фабрикантов. Это подражание выражалось в том, что из земли умеют только извлекать «без возвращения туда средств для повышения естественных сил имения». В результате эти силы «истощаются, и вместо того чтобы подняться, естественные силы и экономика имения падают» [19].

Земледелие можно вести, по мнению Унгерн-Штернберга, как экстенсивно, так и интенсивно. При интенсивном ведении хозяйства доля движимого капитала в сравнении с мертвым капиталом более высокая. Общий вывод Унгерн-Штернберга ясно сформулирован: «В большинстве случаев доход, полученный из земель при собственной обработке, очень далеко отстает от стоимости продукта барщины...» [20]. На основе тщательных экономических расчетов Унгерн-Штернберг утверждает, что при барщине земля дает помещику самые большие доходы. Но при погоне за увеличением своих доходов помещики старались все больше получить с земли, не отдавая ничего взамен и не проводя мелиорации земель. «В большинстве имений практикуется выращивание кормовых в слишком ограниченном масштабе или без достаточного удобрения, что приводит к

стагнации, или мы имеем дело с постоянным паром и интенсивной обработкой всегда открытых полей, что сопровождается постепенным снижением урожайности...» [21].

Барону Кампенхаузену, в 1850-е годы тоже организовавшему в своем имении хозяйство с мызными батраками, удалось добиться того, что если по нормам барщинной работы для уборки урожая требовалось четыре дня, то наемный работник делал ту же работу за два дня. Но все же он не верил в будущее свободного труда — этому препятствовал, по его мнению, сезонный характер сельскохозяйственных работ (в короткий промежуток времени надо иметь много рабочих, которым впоследствии нечего делать) и привычка этих рабочих портить и ломать орудия труда [22]. В конкретной исторической действительности «все эти попытки вести хозяйство мызными батраками, которых мы в последние 10 лет часто видели, не дали удовлетворяющих результатов и, как правило, быстрее исчезали, чем они возникали...» [23]. По мнению барона, труд мызных батраков можно было использовать только в сочетании с применением сельскохозяйственных машин, но этих машин не было [24].

Указывая на то, что во многих странах уже перешли от барщины к вольнонаемному труду и что это усиленно проповедуют теоретики сельского хозяйства, О. фон Грюневальд спрашивал в 1833 г.: «Как должны мы осуществлять передовые теории? Кажется, что это можно очень легко достичь таким путем, что мы ликвидируем крестьянские хозяйства, присоединим их земли к мызным и по примеру западных хозяев начнем вести хозяйства с поденниками и мызными батраками» [25]. Но сделать это, по его мнению, практически нельзя, так как нечем было бы платить мызным батракам. Если бы рабочую силу крестьян пришлось оплачивать хотя бы по весьма низким тарифным нормам, то, по его расчетам, пришлось бы выплачивать своим барщинникам 12 600 руб. в год, в то время как за зерно, собранное с полей имения, он получил бы на рынке всего 10 080 руб., т. е. возник бы дефицит примерно в 2 тыс. руб.[26]

В ЦГИА СССР в фондах II департамента Министерства сельского хозяйства сохранилась документация о сдаче в аренду в 1840-е годы казенных имений Прибалтики. Своеобразием этих лет было то, что при заключении (или обновлении) арендных договоров органы министерства всегда вычисляли и размер так называемого инвентарного капитала, т. е. выясняли, сколько должен был арендатор израсходовать денег, если бы лишился барщины и должен был обзавестись собственным инвентарем (стоимость рабочего скота и сельскохозяйственных орудий). Оказывается, что эта сумма была довольно значительной — в среднем она равнялась 60% годового брутто-дохода [27]. А при отмене барщины и при переходе к вольнонаемному труду приходилось иметь не только средства для выплаты жалованья, но и для покупки рабочего скота и сельскохозяйственных орудий.

Переход к новым методам хозяйствования мог совершиться разными способами: в результате революционного взрыва или радикальных реформ или в форме мучительно затяжных реформ. Теоретически можно представить себе три пути перехода: 1) барщина *отменяется* безвозмездно, в результате этого помещики экономически разоряются (они теряют 70% своих доходов, которые получали в форме дарового труда барщинных крестьян, и должны сразу же закупать рабочий скот и сельскохозяйственные орудия за сумму, равную 50% годовых доходов); 2) барщина *заменяется* денежной арендой — помещики в год потеряли бы 50% своих доходов, которые пошли бы на приобретение рабочего скота и инвентаря; 3) барщина *постепенно* в длительное время *заменяется* денежной арендой — помещики ежегодно лишались бы 3—4% своих годовых доходов (сумма, нужная для замены крестьянского инвентаря собственным инвентарем). Для помещиков был, конечно, приемлем только третий вариант.

Как видно, противоречия проявляются по существу не внутри экономической системы помещичьего хозяйства, а между помещичьим и остальными секторами народного хозяйства. В системе помещичьего хозяйства нет стимулов хозяйственного и технического прогресса. Нерентабельность барщинного помещичьего хозяйства начинает проявляться только тогда, когда оно подвергается влиянию мирового рынка.

Если бы мы считали, что в помещичьем хозяйстве заключались какие-то внутренние силы развития в сторону капитализма, то никаких внешних факторов, никакого революционного натиска для перехода от феодализма к капитализму не потребовалось бы. Отвечая на вопрос, какие силы заставили самодержавие и крепостников отменить отжившие свой век крепостные порядки, Ленин указывает: «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты»... заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*» [28]. В этих ленинских словах образно показано, какое значение имели внешние и революционные факторы в крушении старой, отжившей свой век социально-экономической системы.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 30.
[2] Там же, с. 31.
[3] *Янель З. К.* О некоторых вопросах «второго издания» крепостного права и социально-экономического развития барщинного поместья в России.— Ист. зап., М., 1965, т. 78, с. 156.
[4] *Kula W.* Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963, s. 235—238.
[5] *Soom A.* Der Herrenhof in Estland im 17. Jahrhundert. Lund, 1954, S. 373.
[6] *Кахк Ю.* Хозяйство имения Сангасте и некоторые проблемы развития помещичьего хозяйства в Эстонии в период позднего феодализма.— Изв. АН ЭССР, 1978, т. 27, Обществ. науки, № 1, с. 21—38.
[7] *Кахк Ю. Ю.* К вопросу об аграрной политике царизма в Лифляндии в начале XIX столетия.— История СССР, 1962, № 2, с. 124—137; *Kahk J.* Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland (Das zweite Viertel des 19. Jahrhunderts). Tallinn, 1969.
[8] ПСЗ. СПб., 1830, т. 28, 1804—1805 гг., с. 115, § 54.

[9] Eestimaa Tallorahwa Seädus..., 1805 aasta sees (Крестьянский закон Эстляндии... опубликован в 1805 г.). В Полное собрание законов Российской империи текст этого закона не был включен.
[10] ЦГИА ЭССР, ф. 567.
[11] Там же, ф. 1423, д. 72.
[12] Aus einem Briefe an den Herausgeber (von dem Herrn von Zimmermann, Rath in der Ober. Direction des Kreditsystems).— Neueres ökonomisches Repertorium für Livland, Dorpat, 1816, Bd. 3, St. 4, S. 547—548.
[13] *Sivers P.* Ueber einige auf dem Gute Heimthal etablierte Häuslerfamilien. (Aus einem Brief an den Herausgeber).— Neueres ökonomisches Repertorium für Livland, Dorpat, 1815, Bd. 3, S. 530.
[14] Там же, с. 536—537.
[15] *Hueck C. A. F.* Das Gut Munnalas in Estland... Reval, 1845, S. 74.
[16] *Grünewaldt zu Koik O. von.* Ueber die Benutzung der Bauerländereinen im Betrieb der Ehst- und Livländischen Landwirtschaften überhaupt.— Livländische Jahrbücher der Landwirtschaft, 1833, Bd. 3, St. 1, S. 13.
[17] *Campenhausen zu Orellen.* Einige Erfahrungen bei dem Betriebe mit der Knechtswirtschaft. Riga, 1858, S. 11—13.
[18] ЦГИА ЭССР, ф. 1423, оп. 1, д. 72, л. 2.
[19] Там же.
[20] Там же, л. 7.
[21] Там же, л. 5—6.
[22] *Campenhausen zu Orellen.* Op. cit., S. 6—9.
[23] Там же, с. 5.
[24] Там же, с. 7.
[25] *Grünewaldt zu Koik O.* Op. cit., S. 9.
[26] Там же, с. 13.
[27] *Kahk J.* Eesti ala kroonumõisate rendidokumentatsioon kui allikmaterjal feodalismilt kapitalismile ülemineku perioodi alguse (1840-ndate aastate) majanduslike protsesside uurimiseks.— Изв. АН ЭССР, 1972, т. 21, Обществ. науки, № 2, с. 149.
[28] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

А. И. Клибанов

К характеристике идейной стороны крестьянского побега в первой половине XIX в.

Объективным содержанием социально-экономического развития России в первой половине XIX в. является углубление процесса разложения феодализма вплоть до его кризиса и возникновение революционной ситуации накануне 1861 г. Классовая борьба крестьянства на этом отрезке времени была закономерным продуктом социально-экономических процессов, характеризующих эти более чем полвека истории, и одновременно являлась могучей силой, воздействовавшей на ход и развязку основных социально-экономических противоречий времени. Методологической основой в изучении форм идеологической борьбы крестьянства служит обобщение В. И. Ленина, писавшего: «*Поскольку* в нашей деревне крепостное общество вытесняется „современным" (буржуазным) обществом, *постольку*

крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую). *Поскольку* сохраняются еще крепостные отношения,— *постольку* „крестьянство" продолжает еще быть классом, т. е., повторяем, классом не буржуазного, а крепостного общества. Это „поскольку — постольку" существует в действительности в виде *крайне сложного* сплетения крепостнических и буржуазных отношений в современной русской деревне»[1]. В той мере, в какой крестьянство оставалось классом крепостного общества, оно продолжало многие традиции идеологической борьбы, сложившиеся еще во второй половине XVII в. и проходившие сквозь всю историю крестьянства в XVIII в. Само собой разумеется, что и в XVIII, и тем более в первой половине XIX в. эти традиции видоизменялись и преобразовывались, однако характерно наличие и давних традиций в фонде ценностей крестьянства. Поскольку происходил процесс социально-классового разложения крестьянства, возникали и новые формы идеологической борьбы его с господствующими классами, политическими и духовными орудиями их господства, т. е. с крепостническим государством и казенно-полицейской православной церковью. Перемены, охарактеризованные В. И. Лениным в истории крестьянства как класса, происходившие в XIX в., представляли собой сложный процесс, и потому явления и формы идеологической борьбы крестьянства на этом этапе его истории не всегда могут быть вычленены, часто они являются смешанными, сочетая элементы традиционных форм идеологического протеста крестьян с формами, появлявшимися заново. В арсенале способов и форм классовой борьбы крестьянства оставались и в это время факты нанесения ущерба помещичьей собственности: потравы, порубки, поджоги, разные формы бойкота, «гражданского неповиновения», а также массовые побеги и, наконец, восстания.

Все эти способы классовой борьбы крестьянства имели то или иное идеологическое облачение, хотя в ряде случаев трудно охарактеризовать, как именно мотивировали крестьяне наиболее распространенные, но и наименее развитые формы его борьбы, а именно те, которые относились к локальным пространственно и к локальным по своему существу действиям протестующих крестьян.

Высшей формой классовой борьбы крестьянства являлись восстания. С XVII по XVIII в. эти восстания перерастали в крестьянские войны. В первой половине XIX в. крестьянские войны не возобновлялись. Тем не менее восстания крестьян в первой половине и в 60-х годах XIX в. достигали высокой степени остроты, отличались широким масштабом, усилением моментов организованности и обогащением идеологического обоснования борьбы. Было бы целесообразно выделить наиболее устойчивую и массовую на протяжении всего периода позднего феодализма форму классовой борьбы крестьянства.

В этом плане выделяется такая форма классовой борьбы, как побег. Эта форма классовой борьбы крестьянства, отнюдь не будучи самой высокой, но являясь непременной и чрезвычайно широкой по

массе ее участников, обусловлена была самим характером крестьянства как класса крепостного общества, прикреплением крестьянина к земле, закрепощением его личности. В этом смысле побег является специфической для закрепощенного крестьянства формой его борьбы за волю, а землю крестьянин чаял найти далеко за пределами владений, в рамках которых протекала его жизнедеятельность. Вопрос о специфических формах борьбы закрепощенного крестьянства можно пояснить на примере истории борьбы рабочего класса. Особенности его положения в системе капиталистического производства выдвигали на передний план стачку как форму борьбы с капиталистической эксплуатацией. Сошлюсь на коллективную монографию «Стачки: история и современность», в которой читаем: «В условиях и в исторических границах капиталистического общества, капиталистического способа производства забастовка есть необходимая форма бытия рабочего класса. И в этом смысле о стачке можно говорить как о специфической форме классовой борьбы пролетариата. Специфической — не значит единственной и в любых обстоятельствах наиболее предпочтительной» [2].

Существует иерархия форм классовой борьбы угнетенных масс. Их целесообразно классифицировать как взаимообусловленные и взаимосвязанные моменты общего процесса классовой борьбы. Представляется, в частности, плодотворным суждение И. И. Игнатович, писавшей: «Формы классовой борьбы могут быть рассматриваемы как отдельные стадии одного развивающегося процесса... Так, часто начиная с легальных форм борьбы, крестьяне быстро переходили к нелегальным ее формам, а пассивное сопротивление зачастую перерастало в активное выступление... Волнение могло тянуться годами с повторяющимися вспышками, которые принимали все более и более активные формы. Получался особый тип затяжного волнения» [3].

Исконная форма классового протеста и борьбы крестьянства — побег — достигает в первой половине XIX в. огромных размеров. Обычно исследователи выделяют побеги крестьян в середине 50-х годов из центральных губерний, а также и из губерний Екатеринославской, Херсонской, из них, в свою очередь, бежали в Таврическую губернию и Закавказье. Статистики этого движения не существует, однако речь идет о многих десятках тысяч крестьян. Очевидец рассказывает, что в 1856 г., находясь в Екатеринославской губернии, он наблюдал, как «уходят почти поголовно крестьяне Екатеринославского и Верхнеднепровского уездов». По его же свидетельству, крестьяне массами устремлялись в Крым, убежденные «злонамеренными» лицами (очевидец всей душой крепостник), что «в золотой палатке сидит царь и всем пришедшим раздает волю, а не явившиеся или опоздавшие остаются по-прежнему в панской неволе» [4].

На самом же деле побеги совершались и в начале XIX в., продолжая традиции предыдущих. Из исследователей только Игнатович в своей книге о помещичьих крестьянах обратила внимание на явление массовых побегов крестьян, продолжавшихся с 20-х по

50-е годы включительно. По данным исследователя, бежали из Саратовской, Воронежской, Пензенской, Симбирской, Могилевской, Харьковской, Екатеринославской, Херсонской, Подольской, Волынской, Тамбовской, Курской, Витебской губерний. Это были «крупные массовые движения, где можно отметить и общее настроение, и однородность действий крепостного населения целых уездов и даже губерний. В этих движениях нельзя еще найти общей организованности, но отдельные двигающиеся толпы крестьян имели в своем движении некоторую организацию и выявляли большую солидарность и сплоченность. Правительству приходилось при таких массовых движениях выставлять более или менее значительные военные силы для задержки беглецов и возвращения их на родину. Военным командам приходилось иногда выдерживать сильный натиск крестьян, пытавшихся прорваться через военный заслон и вступавших иногда в своего рода бой с солдатами, результатом чего бывали убитые и раненые. Эти массовые побеги являли собой грозный симптом пробуждающейся солидарности крепостных *масс*, их активности в поисках выхода из крепостной неволи, а потому были более опасны для помещиков и правительства, чем обычные неповиновения, разрозненные, мирные по форме и внушавшие опасения лишь ростом их количества и той разрухой, которую они вносили в помещичьи хозяйства» [5].

Бежали не только в Таврию, но и далеко на Восток, в Зауралье, в губернии Восточной Сибири вплоть до китайской границы. Бежали на Запад, даже в Австрию. Бежали в Бессарабию и Закавказье.

Обратимся к идеологической стороне массовых побегов крестьян. Здесь приходится сталкиваться со ставшим традиционным в исторических исследованиях разделением форм классовой борьбы крестьянства на активные и пассивные, насильственные и ненасильственные. Массовые побеги крестьян берут истоки еще в XVI в., продолжаются в XVII—XVIII вв. и в течение всего XIX в. Таким образом, существует история массовых побегов крестьянства, проходящая разные этапы, протекающая в разных общественно-экономических условиях, тем самым имеющая всякий раз свои отличительные черты. Классовая борьба крестьян есть процесс, в котором происходит чередование форм классовой борьбы. Эти формы имеют множество точек соприкосновения. Рассмотрение их в отрыве и противопоставлении друг другу противоречит принципу историзма.

Районы сосредоточения беглых крестьян не раз составляли исходную базу для восстаний. Поражения в восстаниях заставляли крестьян возвращаться на исходные места или искать новые убежища. Ненависть крестьян к помещикам и стремление уничтожить их господство оставались непоколебимыми. В бегство пускались крестьяне разных категорий — государственные, дворцовые, однако основной категорией беглых были помещичьи крестьяне. Эта форма борьбы помещичьих крестьян определялась самим местом их в системе общественно-производственных отношений эпохи феодализма. Первая половина XIX в. уже ознаменована явлениями «расслоения» крестьянства, что побуждало волю к побегу и в среде крестьян

государственных. Отсюда и разнообразие идеологических форм, под которыми развивался побег крестьян как устойчивое и широкое социальное явление.

Миграционные процессы феодально-крепостнической России включали наряду с массовыми и индивидуальными побегами крестьян вольнонародное переселенческое движение, а также колонизационную политику правящих верхов с целью хозяйственного освоения далеких окраин страны и укрепления на них государственной власти. Массовые побеги крестьян — явление не сплошь стихийное. В них прослеживаются моменты организованности, а идеологическая мотивация их отнюдь не исчерпывалась стремлением крестьянина бежать от помещика, нещадно эксплуатировавшего его труд. То и другое позволяет понять, почему районы крестьянских побегов становились исходными пунктами их восстаний. И начало организованности, и элементы классового самосознания бежавших крестьян представляли собой потенциал для грядущих массовых выступлений.

В рукописном сборнике, относящемся к интересующему нас времени, под заголовком «Объявление путешествию» есть глава «Дорога за границу» [6]. Название сочинения соответствует его содержанию. В нем описываются маршруты с подробным указанием географических пунктов, ведущие двумя дорогами в Турцию, одной — в Молдавию и одной — в Австрию. Характерно, что в этом же сборнике дается описание маршрута в сказочное Беловодье. Названные в нем пункты, якобы уводившие в Беловодье, в большей части представлены на географической карте — они вели в Бухтарминскую и Уймонскую долины [7]. Хозяева пересылочных пунктов назывались пристанодержателями (надо заметить, что пристанодержателями зачастую выступали и помещики тех губерний, в которых ощущалась нехватка рабочих рук). Пристанодержательство преследовалось законом, особенно которое служило целям крестьянского побега в «вольные земли». Нас интересует пристанодержательство, обслуживавшее крестьянский побег.

В 50-х годах XIX в. число таких пересылочных пунктов, насколько позволяют судить источники, превышало 1200. Они располагались, как правило, в глухих и малопроходимых местах и имели тайные выходы на случай, если будут обнаружены специальными воинскими командами, направлявшимися для розыска беглых и ликвидации «пристаней». Сами пристанодержатели были далеко не бескорыстными и наживались за счет крестьян, которым предоставляли убежища. Это были разбогатевшие крестьяне, нередко и купцы. Пристанодержательство, о котором мы располагаем сведениями, преимущественно развивалось в русле староверческого движения, той его специфической отрасли, что получила название «бегунство». Бегунство, хотя и было движением широким, составляло только долю в общем крестьянском побеге, но значение его принципиальное. Бегунство — один из примеров способности крестьян к организованным действиям. Они осуществлялись в рамках религиозного движения, но это рамки, в пределах которых крестьянство было наиболее способно проявить свою организованность.

Так происходило не в одной феодально-крепостнической России. Как писал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии», «самый факт одновременности всех отдельных восстаний (в этом и сказывалось организующее начало.— *А. К.*) доказывает, что во главе движения стояли лица, заранее организовавшие его через посредство анабаптистских и других эмиссаров» [8].

Уже упоминалось о массовых побегах крестьян в южные губернии России. Таковыми были Екатеринославская, Херсонская, Таврическая губернии. Это губернии массового земледельческого отхода. Как пишет Е. И. Дружинина, «число официально зарегистрированных рабочих, отпущенных на заработки помещиками и крестьянским миром в Новороссию, составляло в среднем 100 тыс. чел. в год. Гораздо более массовый характер носил поток «беспаспортных бродяг», или «бесписьменовидцев», которые стекались в украинские степи «из всей России». Губернаторы сообщали, что местные жители охотно дают им пристанище, «особенно во время производства полевых работ». Земской полиции нелегко было противодействовать передвижению этих людей в обширных степях» [9].

Не может быть никаких сомнений насчет того, что крестьяне центральных губерний знали о наличии свободных земель на юге Украины, о том, что большинство местного трудового населения имело статус государственных крестьян, о том, что в Приазовье находилось казачье войско, пользовавшееся относительной самостоятельностью, и, наконец, о том, что в приморских уездах Новороссии находился контингент так называемых вольных матросов. Все это служило мощным стимулом к массовому исходу в «Таврию за волей», что относится к 1855 г.

Исход этот имел длительную предысторию. По данным Е. И. Дружининой, в одной Херсонской губернии за десятилетие 1841—1850 гг. было сыскано более 16 тыс. беглых. Крестьянские движения «за волю», имевшие прямые социально-экономические корни, ни в одной из известных массовых форм не являлись бездумными — они связывались в представлениях крестьян с общими переменами в их судьбах. В крестьянском движении 1855 г. царь «в белой палате», раздававший волю, выступал в роли освободителя и избавителя от тяжкой доли всего крестьянства — этот уровень общественного сознания крестьян был нижележащим. Кое-что из представления о царе, раздающем волю, мы можем добавить из сочинения П. Г. Лебединцева, очевидца событий 1855 г.: «Крестьяне везде тормошили священников, требуя предъявить указ об освобождении крестьян от помещиков, искали его с помощью сельских грамотеев в домах священников, в церквах, заглядывая и под св. престолы; в воображении своем сочинили, что указ этот написан золотыми литерами, что на нем крест, дорога и золотые китицы (кисти) по углам» [10]. Это общественное сознание, еще включенное в социально-утопические легенды. Оно родственно представлениям Антона Петрова, руководителя Бездненского восстания, говорившего крестьянам: «А когда прийдет час, приедет сюда от царя младый юноша 17 лет, на правом плече золотая медаль, а на левом — серебряная, тому поверь-

те и меня выдайте» [11]. Эти представления показательны для фольклорного уровня общественного сознания. Царь в данном случае не самодержец, восседающий на престоле со скипетром и державой в руках. Это красочная, гипостазированная и персонифицированная воля. Существенным в данном случае является то, что не столько царь олицетворяет волю, сколько воля предстает царственной по своему достоинству, по «рангу» своему. Одной из характерных черт фольклорного мышления «является объективизация образа и произведения в целом, восприятие его как существующего объективно, вне творческой фантазии человека. Этим объясняется присутствие, например, в фольклоре ряда народов Севера объективизированного образа песни или рассказа» [12].

Фольклорное осмысление одного из героев социально-утопических легенд — Константина Павловича, что относится ко второй четверти XIX в., чрезвычайно характерно именно в этом отношении. Странники-богомольцы встречаются на дороге в Воронеж. Один из них говорит: «„Я видел волю; она по свету ходит!“ — „А какая она?“ — спросили богомольцы. „Со мною лицом схожа“,— отвечал странник.— „А кто видит эту волю?“ — „Теперь вы видите, а скоро и все ее увидят!“». Странник поясняет: «„Я та самая воля, что вы ждете! Я — Константин Павлович. Много лет хожу я по земле и смотрю, как люди живут и как маются — не видать вам воли. Много исходил — теперь уже меньше осталось“» [13]. Это сознание чувственно-наглядное, образно-предметное. Оно характерно для крестьянства патриархального, но для него и это сознание выступало в роли действенного фактора антикрепостнической борьбы. Действовали в качестве фактора классовой борьбы крестьянства и другие формы его общественного сознания, хотя зачастую и не без доли социально-утопических легенд.

У начал крестьянских миграционных движений первой половины XIX в. стоит Сидор Андреев, бежавший то ли от крепостной неволи, то ли от солдатчины. В конце первого десятилетия XIX в. он объявился в Саратовской губернии, где повел деятельную проповедь среди местных молокан. Андреев учил: «Бог пошлет молоканам избавителя, соберет их в землю, кипящую медом и млеком, и даст им царя и первосвященников». И далее: «Земля эта близ Араратских гор... он „ее видел“ и горячо желал себе и братьям своим на ней утвердиться...» [14]. Андреев был схвачен властями и сослан.

Его преемником стал помещичий крестьянин Исай Крылов. Он проповедовал не в одной Саратовской губернии и не только в среде молокан, но широко и среди православного крестьянства. Его проповеди о «царстве божием на земле» собирали «тысячи народа» [15]. Крылов был схвачен и забит кнутом насмерть. Многие другие крестьянские проповедники возглашали «кончину мира» (эсхатология) и наступление «царства божия на земле» (хилиазм). Они имели успех в народной среде. Это свидетельство экстремальности общественной ситуации. Так она запечатлевалась в сознании крестьян. Эсхатологическая и хилиастическая проповедь содержала отречение от старого мира, проклятие его, «антихристова». Она внушала страстное убеждение, что старый мир сменится новым миром, где однажды восторжествует крестьянская правда, она же правда божья.

До нас дошло сочинение крестьянина (молоканина) Ф. И. Булгакова (1809—1876) «Сионская книжка». Чтобы дать представление об этом сочинении, а с ним и о проповеди, которую вели последователи Булгакова и другие ему подобные крестьянские проповедники, приведем цитату. «Во всех странах света,— писал Булгаков,— произойдет разделение „верных“ от „неверных“, детей божиих от детей антихристовых: вся связи телесной любви и державы расторгнутся силою всемогущего бога, и все сердца обратятся в чувства иноя, тогда превратится вся создания века сего в новая устроения на земли благодарного царства сира господа нашего и Иисуса Христа, царя славы» [16].

Во второй половине 20-х годов XIX в. появилось сочинение «Разглагольствование тюменского странника», автором которого был представитель бегунской отрасли староверия Василий Москвин. Сочинение это и идеи его получили отзыв в староверческой среде Западной Сибири, Приуралья и Поволожья. Москвин утверждал, что антихрист в лице императорской власти «пошлет свои полки бесовские изыскать таковых, кои скрылись от лица его, и привести их на поклонение...». Москвин предупреждал: «Кто озверевшему антихристу повинится, и нечестное его житие содержит или словом, или делом наричет, сиреч оную власть, или благочинным или благородным, и той причастится с ним испити чашу мучения». Он призывал: «Блажени иже тогда подвигнутся на мучителя (т. е. антихриста — императора.— *А. К.*)... и самого того сына погибельного попрут, и победители будут...». Москвин заявлял недвусмысленно: «Кто славит и величает: милостию божьею Николай Первый богом избран, благопочтенный и богом превознесенный, благочестивый и благоверный, и святым елеем помазанный...», тот «верует в отца своего диавола» [17].

С 20-х годов XIX в. приверженцы бегунского направления устремлялись из губерний Центра на юго-восток, к низовьям Волги. Они ожидали того же, чего ожидал Булгаков, его крестьянские единомышленники,— конца старого мира и воцарения «Нового Иерусалима», но не на небе, а на земле. Один из самых информированных знатоков вопроса, непосредственно изучавший бегунскую среду, П. И. Мельников писал: «Ожидая Нового Иерусалима на месте Каспийского моря, последователи страннической (бегунской.— *А. К.*) секты стремятся преимущественно к Астрахани... Отправляются они на Каспийское море Волгою... и слывет она в народе „божьей дорогой, вольным путем“» [18]. Мельников писал о Волге, что слывет она в народе «божьей дорогой, вольным путем», как бы указывая, что это была трасса крестьянской миграции.

Антикрепостническая сущность движений, устремлявшихся под знаком крестьянской «правды» к лучшему, выражалась в том, что проповедь молокан, бегунов и представителей других противоцерковных течений увлекала многих крестьян, не являвшихся их единоверцами. Еще за 20 лет до «похода в Таврию за волей» произо-

шло массовое движение крестьян, устремленное в Закавказье. Очевидец пишет: «В 1833 году между молоканами повсюду открылось сильное движение. Огромными обозами потянулись они из разных губерний на Кавказ... Как будущие граждане имеющего открыться града господня — Иерусалима, молокане шли в новую землю с торжеством и веселием: нередко под открытым небом, или во время самого шествия, или останавливаясь и составляя круги, они громогласно пели псалмы и разные духовные песни. Такое ликование путешественников привлекало к ним новые толпы молокан, встречавшихся на пути. Из всех молокан, которые или сами не решались оставить родину, или удержаны были от переселения помещиками, многие продали свои дома, оставили хозяйственные работы и с нетерпением ждали небесного избавителя». И вот что знаменательно: «Даже православные крестьяне, среди которых жили молокане, были в волнении. Многие православные были так легковерны, что принявши молоканскую веру, оставляли родину и имущество и вместе с странствующими еретиками шли отыскивать новый обетованный Иерусалим» [19]. Известны песни, сопровождавшие этот крестьянский исход:

Соберемся, братья, сестры,
Во едино место!
От радости возрыдаем,
От веселья просияем.
Запоем новую песню:
Идите вы за нами,
Вы — с хулою,
С кандалою...

Горестно прощались переселенцы с крестьянами, оставшимися на своих местах:

Мы пойдем с кандалами,
Зальемся слезами.
Скажем: прощай мир, прощай!
Несчастные люди
На месте остались,
Греху достались.
Тебе, мир, не видно,
Тебе будет стыдно:
Мы пойдем далече,
Скажем: прощай, мир, прощай!..[20]

Массовый исход крестьян в южные губернии начался на самом пороге века и непрерывно продолжался в течение всей его первой половины. В нем выделяются две высокие волны: первая в начале 30-х годов, вторая — в 1855 г.

«Поход за волей» в его идеологическом аспекте не может быть полно охарактеризован, если пользоваться только данными, которые оставил Лебединцев о движении 1855 г. Дело не ограничивалось ни царистскими иллюзиями, ни теми или иными мотивами легендарно-утопического происхождения. Постепенно в крестьянстве шла переоценка ценностей, не всегда выходившая наружу. Наиболее адекватным явилось бы заключение, что массовые побеги крестьян в первой половине XIX в. были, хотя и по-разному, идеологически мотивированными. Побеги не являлись географически однонаправленными, например, в южные районы страны. Менее массовые, потому и менее изученные, крестьянские побеги устремлялись далеко на Северо-Восток. Теперь уже ни Урал, ни Западная Сибирь, ни даже Алтай не служили надежным местом укрытия. И туда простерлась власть самодержавно-полицейской администрации и крепостников. Процессы развития социальных противоречий в среде самих крестьян в районах побегов требовали от малоимущих, чтобы насиженные места были оставлены. Характерно, что во второй четверти XIX в. оживает социально-утопическая легенда о Беловодье. Однако не менее показательно и то, что легенда деформируется. Беловодье представляется уже не в виде страны всеобщего благоденствия с соответствующим распорядком и неслыханным изобилием даров природы, а лишь вольной землей, на которой крестьяне могли жить не в навязанных крепостничеством формах, вне эксплуатации одними крестьянами других, а в формах общежительства, отвечавшего их исконным стремлениям [21].

Отмечая деформирование социально-утопической беловодской легенды, мы обратили внимание на то, что она освобождалась как раз от утопического элемента.

Крестьянская мысль, все еще в сфере религиозных фантазий, постепенно прокладывала путь к прямой постановке острых социальных проблем. Прежде всего и больше всего там, где для этого имелись объективные социально-экономические предпосылки. Николай Ильин, образовавший в середине 40-х годов среди рабочих и служащих Баранчинского и Нижнетагильского заводов общество «Десное братство», обращался с характернейшей для социальных низов молитвой к богу: «К твоему закону свободы, равенства и братства не наберется и 700 из всех образованных людей... Из простонародья же нашлось бы может быть и 70 миллионов, но по укоренившемуся в них вековому суеверию они не имеют уши услышать такой странный глагол твой сей» [22].

В среде горнорабочих, в которой имелись и приписные крестьяне (категория приписных крестьян продержалась, как известно, до отмены крепостного права), Ильин проповедовал идею свободы слова и *передвижения*: «Выражай всем мысль свою, будь свободен, как в раю, где кто хошь, так и гуляй, разъезжай из края в край» [23].

Ильин был человеком образованным, он служил на Уральских заводах приемщиком артиллерии. За свою деятельность он поплатился заточением в Соловецкий монастырь. Но и не имевший образования крестьянин Максим Рудометкин, человек до крайности религиозно-экзальтированный, с не меньшей, чем Ильин, силой и убедительностью обличал гражданские и церковные власти. Ареной деятельности Рудометкина явилось Закавказье, среда молокан, некогда двинувшихся туда из Поволжья, а впоследствии пополнив-

шаяся ссыльными. Рудометкин свято верил в ближайшее установление царства божьего на земле. Он предрекал: «О страшная борьба, которая будет простираться по земле с половиною три года! Всюду везде вспыхнет всемирная республика, чрез которую истребится вся власть земная: престолы всех лжехристианских царей опустеют» [24]. С непоколебимой и страстной верой и надеждой он восклицал: «Жду новогрядущую вечно живую свободу, светлую, несозерцаемую награду...» [25]. В 1860 г. его заключили в тюрьму Соловецкого монастыря, он и оттуда слал своим далеким закавказским единомышленникам зажигательные письма, на этот раз обличавшие самого коронованного властителя. Он писал: «Помни всяк начало дня страшного суда божия, который внезапу падет на Русского царя, яко же и тогда пал на египетского царя Фараона... Вот почему я и смело указываю вам здесь ныне тот злейший фараонов пример — прямо на русского кровьми пьяного царя» [26]. Самого себя он титуловал так: «вечный наследник престола земного царства Христова... именем Максим Гаврилович Рудометкин! Или по племени Артемкин. Уроженец Тамбовской губернии, Моршанского уезда села Алгасова» [27]. Рудометкин был переведен из Соловецкого монастыря в тюрьму Суздальского монастыря, в которой в 1877 г. скончался.

Мы мало знаем о подлинной широте влияния и глубине усвоения крестьянами идей, распространявшихся народными идеологами, с которыми мы встречались на разных путях массовой крестьянской миграции, происходившей в разных формах на широких пространствах России. Знаем, однако, что идеи эти охватывали тысячи крестьян и сплачивали их во многие миграционные потоки. Может быть еще показательнее то, что идеи эти продолжали жить вопреки всем карам, обрушивавшимся на их проповедников и приверженцев, и передавались из одного поколения в другое. Это соответствовало неискоренимости крестьянского антикрепостнического протеста. Это не раз поддерживалось и социально-психологически, например бурными взрывами религиозной экзальтации, охватывавшей массы крестьян. Такие взрывы были, например, в Таврической губернии в 1833—1836 гг., в Самарской и Саратовской губерниях в 1842 г. Идеологический протест преломлялся сквозь систему внутренних условий духовного мира каждого крестьянина, что вслед за прямыми социально-экономическими причинами в их региональных особенностях определяло многоплановость и пестроту общей картины идеологической борьбы крестьянства.

Желание «быть свободным» Маркс называл «*первым* актом свободы» [28].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 312.
[2] Стачки: история и современость. М., 1978, с. 7.
[3] *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963, с. 454.
[4] *Романов А. А.* В Таврию за волей: (Воспоминания очевидца).— Ист. вест., СПб., 1901, апрель, с. 264—273.
[5] *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. 3-е изд. Л., 1925, с. 304—305.

[6] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, собр. Барсова, ед. хр. 184, л. 1—25.
[7] Там же.
[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 403.
[9] *Дружинина Е. И.* Южная Украина в период кризиса феодализма, 1825—1860 гг. М., 1981, с. 26.
[10] Записки протоиерея П. Г. Лебединцева о «Козащине» 1855 года.— Киевская старина. Киев, 1900, т. 70, кн. 1/2, с. 38.
[11] Крестьянское движение в 1861 г. после отмены крепостного права. М.; Л., 1949, ч. 1, с. 63.
[12] *Гусев В. Е.* Эстетика фольклора. Л., 1967, с. 229.
[13] *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 212.
[14] Арх. Географ. о-ва СССР, разряд 36, оп. 1, ед. хр. 42, л. 43, 43 об., 44.
[15] Исторические сведения о молоканской секте.— Православный собеседник. Казань, 1858, ч. 8, с. 77—80.
[16] *Булгаков Ф. И.* Сионская книжка: (Рукопись середины XIX в.).— ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 648 (А. И. Клибанова), карт. 19, л. 19.
[17] ОР Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Титова, д. 2216, л. 9—14.
[18] *Мельников П. И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии.— Сборник Нижегород. ученой архивной комиссии в память П. И. Мельникова. Нижний Новгород, 1910, т. 9, ч. 2, с. 218.
[19] *Епископ Иаков.* Исторические сведения о молоканской секте.— Православный собеседник. Казань, 1858, ч. 3, с. 301, 302.
[20] *Максимов С.* За Кавказом.— Отеч. зап., 1867, № 6, с. 486.
[21] *Мамсик Т. С.* Беловодцы и Беловодье: По материалам следственного дела о побеге 1827—1828 гг.— В кн.: Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982, с. 135—164; *Она же.* Фольклорные герои и историческая действительность.— В кн.: Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начала XX в.). Новосибирск, 1983, с. 120—134.
[22] *Ивановский Н.* Материалы для характеристики секты, известной под именем Сионской вести.— Православный собеседник. Казань, 1876, май, с. 112.
[23] Там же, с. 106—107.
[24] *Рудометкин М. Г.* Пятая книжка.— В кн.: Дух и жизнь. Книга Солнце. Лос-Анджелес, 1928, с. 330.
[25] Там же, с. 323.
[26] *Рудометкин М. Г.* Девятая книжка.— Там же, с. 451.
[27] Там же, с. 467.
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 28.

Л. Г. Захарова

Главный комитет по крестьянскому делу 1858—1861 гг.

В ряду политических институтов абсолютной монархии, разрабатывавших крестьянскую реформу, важное место занимал Главный комитет по крестьянскому делу. Он был создан из прежнего Секретного комитета (указ Сената от 18 февраля 1858 г.) и просуществовал вплоть до принятия «Положений 19 февраля 1861 г.»[1]. История Главного комитета непосредственно связана с деятельностью бюрократии, борьбой группировок и расстановкой сил в правительстве,

взаимоотношением власти и дворянства и помогает глубже понять и раскрыть кризис «верхов» в период первой революционной ситуации в России.

В литературе есть работы о Секретном комитете 1857 г. и интересное исследование Н. М. Дружинина о Главном комитете по устройству сельского состояния 1861—1881 гг. Значительно меньше изучена история Главного комитета по крестьянскому делу [2]. В данной статье ставится задача охарактеризовать Главный комитет 1858—1861 гг. как политический институт абсолютной монархии, его отличие от предшествовавших Секретных комитетов, место в системе высших и центральных органов государственной власти, роль в подготовке реформы, особенно в изменении правительственной программы реформы — признании выкупа крестьянами надельной земли в собственность, принятии новой программы 4 декабря 1858 г. Богатые по содержанию и разнообразные по характеру источники по истории Главного комитета еще недостаточно изучены. Секретный комитет превратился в Главный комитет в связи с публикацией первых рескриптов Александра II «об улучшении быта бывших помещичьих крестьян». Состав Комитета оставался прежним. Председательствующим в отсутствие Александра II являлся председатель Государственного совета и Комитета министров генерал-адъютант кн. А. Ф. Орлов (в сентябре 1860 г. его сменил вел. кн. Константин Николаевич); управляющим делами — государственный секретарь В. П. Бутков; членами Комитета были: гр. Д. Н. Блудов, кн. П. П. Гагарин, генерал-адъютанты Я. И. Ростовцев (до смерти в феврале 1860 г.) и К. В. Чевкин, шеф жандармов и начальник III отделения с.е.и.в. канцелярии кн. В. А. Долгоруков, министры В. Ф. Адлерберг, А. М. Княжевич, С. С. Ланской. М. Н. Муравьев, В. Н. Панин. Члены Комитета принадлежали к высшим слоям бюрократии, многие являлись представителями аристократии, крупными земельными собственниками. Абсолютное большинство было противниками освобождения крестьян.

Коренная связь Главного комитета с Секретным комитетом выражалась еще и в том, что он унаследовал его программу — первые рескрипты (виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову от 20 ноября, петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву от 5 декабря 1857 г., который стал типовым для всех губерний). В рескриптах провозглашалось право помещиков на всю земельную собственность, за крестьянами признавалось только право выкупа усадеб. Вопрос о надельном землевладении окончательно в рескриптах не определен. Крестьянам предоставлялось право пользования наделом, однако при этом отсутствовали термины: «вечное» или «постоянное», что не давало оснований считать надел неотъемлемым от крестьян и конечную перспективу массового безземельного освобождения крестьян исключенной. Вотчинная власть помещиков сохранялась. Рескрипты в целом были ориентированы на сохранение феодальных отношений в помещичьей деревне и после преобразований. Этой программой руководствовались дворянские губернские комитеты, учреждавшиеся на шесть месяцев для составления

проектов местных положений предстоящей реформы, и Главный комитет до конца 1858 г.[3]

Однако, несмотря на эту преемственность в программных установках и неизменность состава, условия деятельности Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу были существенно различными, что и определило в конечном счете различия в характере и функционировании этих учреждений. Сама гласность подготовки реформы означала отрыв от устойчивой традиции секретности в подходе правительства к решению крестьянского вопроса. Главный комитет по крестьянскому делу не мог сохранять прежнюю изолированность и обособленность в системе государственного строя абсолютной монархии, присущую Секретным комитетам. Вместе с тем, лишившись покрова тайны, он испытывал в значительно большей степени, чем Секретные комитеты, давление извне — складывавшейся в стране первой революционной ситуации.

Деятельность Главного комитета, особенно в 1858 г., была тесно связана с открытием губернских дворянских комитетов. Состав их комплектовался самим дворянством, и только два члена (в каждом из них) назначались правительством. Дворянство впервые принимало такое широкое участие в решении государственного вопроса, и это способствовало выявлению в его среде различных политических течений и группировок. В губернских комитетах почти везде сложилось реакционно-консервативное большинство и либеральное меньшинство. И хотя борьба между ними, по определению В. И. Ленина, шла «*исключительно* из-за меры и формы *уступок*»[4], она влияла на политику государственной власти, на деятельность государственных учреждений, и в первую очередь на Главный комитет. Наличие в среде дворянства противоборствующих тенденций, получивших организационное оформление в губернских комитетах, ставило власть перед необходимостью выбора (ориентации, опоры) и поддержки реакционно-консервативных, крепостнических, или либерально-буржуазных группировок и их проектов. Перед этим новым, неожиданным для себя фактом, отразившим всю глубину кризиса в среде господствующего сословия, оказался Главный комитет по крестьянскому делу.

Позиция Главного комитета определилась не без трудностей и не вдруг. Одно из первых серьезных столкновений произошло в Нижегородском губернском комитете в июне 1858 г.: большинство потребовало, не считаясь с рескриптом, установить открытый выкуп за личное освобождение крестьян, допустив «дерзкие и оскорбительные» выражения в адрес несогласного с ним меньшинства. Несколько членов меньшинства и председатель губернского комитета, предводитель дворянства, покинули заседание, а большинство поручило председательство своему лидеру и продолжало заседание. В связи с донесением начальника губернии А. Н. Муравьева об этих событиях министр внутренних дел Ланской представил Александру II записку 26 июля 1858 г. «О несогласии между членами Нижегородского комитета». Он предлагал отвергнуть подписанное большинством Комитета мнение о выкупе крестьянами личной сво-

боды, а лидеру большинства сделать по «высочайшему повелению выговор», председателю и членам меньшинства объявить «благоволение» царя, начальнику губернии открыть прерванные заседания Комитета. Резолюция Александра II на представлении министра гласила: «Исполнить и внести в Главный комитет» [5].

Заслуживает внимания то, что Ланской, минуя Главный комитет, представил нижегородское дело Александру II, и царь, решив его, поставил Комитет перед необходимостью принять соответствующее постановление в своем журнале от 27 июля 1858 г. Такая тактика не была случайностью. Большинство в Главном комитете, как и в дворянских губернских комитетах (за исключением одного Тверского), было на стороне крепостников. Поэтому либеральная бюрократия в лице министра внутренних дел заручилась поддержкой Александра II, чтобы вынудить Главный комитет принять сторону меньшинства Нижегородского комитета. Это снимало открытую постановку вопроса о выкупе личности и разрушало надежды реакционных членов Главного комитета на возможность безземельного освобождения крестьян с денежным вознаграждением помещикам. Главный комитет оказался вынужденным принять навязанную ему позицию. Так впервые в государственной практике было реализовано одно из основных требований политической доктрины либеральной бюрократии — необходимость для государственной власти опираться в своей преобразовательной деятельности на либеральное («просвещенное») дворянство [6].

Мотивы действий Александра II, поддержавшего либеральную бюрократию, имели серьезные основания и были продиктованы далеко не только данными локальными событиями. Начав подготовку реформы, царь внимательно присматривался и прислушивался к настроениям, требованиям, действиям не только дворянства, но и крестьянства. Он признавал в крестьянстве силу, с которой власти в определенной степени необходимо считаться. Член Главного комитета, убежденный сторонник безземельного освобождения крестьян Гагарин записал в своем дневнике беседу, которую вел с ним Александр II в феврале 1858 г. о значении провозглашенного рескриптом права крестьян на выкуп усадьбы. «Если только дадут народу его усадьбы и огороды, будет спокойно, но это прекратится, как только у него заберут эти земли, а спокойствие народа гораздо важнее несправедливого ропота нескольких дворян» [7].

Новым явлением в государственной практике была организация регулярной информации членов Главного комитета о волнениях крестьян и их настроении, а также о ходе работ в губернских комитетах. Еженедельные доклады министра внутренних дел Александру II, независимо от желаний, интерпретации и тактики самого Ланского, неоспоримо свидетельствовали о случаях неповиновения и беспорядков, крупных и менее значительных, но постоянных и повсеместных. Еще более тревожным фактом для власти было растущее недовольство крестьян в связи с затянувшимся ожиданием отмены крепостного права [8].

В такой обстановке сообщение о волнениях крестьян Эстонии произвело сильное впечатление на Александра II и на правительство. Они начались в конце апреля 1858 г. в связи с реализацией нового Эстляндского положения о крестьянах 1856 г. и продолжались в течение трех месяцев, а в начале июня вспыхнула «война в Махтре» [9]. Выступление крестьян было подавлено. Из Петербурга на место событий был послан генерал-майор свиты Александра II Н. В. Исаков, который прислал рапорт шефу жандармов (члену Главного комитета) 8 июня и два доклада Александру II (в июне и сентябре). Особенно интересен последний доклад о причинах волнений с резолюцией Александра II: «Весьма замечательно и стоит, чтобы было представлено в Главный комитет». Общий вывод Исакова сводился к тому, что одна личная свобода без решения земельного вопроса не может удовлетворить крестьян. Доклад убедительно опровергал версию о бесконфликтных последствиях отмены крепостного права в прибалтийских губерниях. Эти материалы, как и сами события, должны были произвести тем большее впечатление, что многие члены Главного комитета и сам Орлов были сторонниками «остзейского образца» безземельного освобождения крестьян [10].

Крестьянские волнения в Эстонии вызвали всеобщее замешательство в «верхах», пошатнули авторитет «остзейского образца», лишили его сторонников уверенности и силы. Этому способствовал и «Колокол», который осуждал «государственных людей», разделявших «остзейскую систему» [11], критиковал позицию большинства членов Главного комитета, отстаивавших безземельное освобождение крестьян [12]. Заслуживает внимания тот факт, что «Колокол» знали и читали в «верхах»: сам Александр II, его министры, члены Главного комитета [13]. Интерес царя к лондонским изданиям стимулировался тем влиянием, которое они оказывали на европейское общественное мнение. Воздействие «Колокола» на общественно-политическую жизнь России было разносторонним, как прямым, так и опосредованным. Сплочение сил революционно-демократического лагеря, все, чему служил «Колокол», подталкивало вместе с тем либеральные силы в дворянстве и бюрократии к более решительным действиям.

Внешние давления на бюрократию и правительственные учреждения усиливались. В стране назревала революционная ситуация. И это вплотную подвело к перелому в ходе подготовки реформы, в деятельности Главного комитета. В октябре—ноябре 1858 г. Главный комитет принимает ряд важных постановлений, которые фактически дают новую по сравнению с рескриптами программу реформы.

В октябре обсуждается и решается дело о Тверском комитете в связи с конфликтом и расколом, возникшим по поводу основного, земельного вопроса реформы. 14 членов во главе с предводителем дворянства, председателем Комитета А. М. Унковским большинством в один голос постановили включить в понятие «усадебная оседлость» не только усадебные, но также полевые земли и все угодья,

необходимые для ведения крестьянского хозяйства, о чем еще в конце августа была достигнута конфиденциально договоренность Унковского с Ланским. Меньшинство, 13 членов, отвергало это расширение толкования усадебной оседлости и настаивало на соблюдении точного смысла рескрипта. 14 членов обратились за содействием правительства и собирались подать в отставку в случае отказа поддержать их мнение. Ланской представил в Главный комитет 16 октября записку «О недоумении, возникшем в Тверском комитете по толкованию выражения „усадебная оседлость“» и дал положительное заключение о постановлении большинства. Вместе с тем министр подчеркивал решающую роль правительства в определении сущности реформы [14]. 27 октября Главный комитет принял свое постановление: заключение записки Ланского одобрялось, Тверскому комитету (в связи с просьбой большинства) разрешалось представить постановление о выкупе полевой земли крестьянами в собственность, но отдельно от выкупа усадьбы. 30 октября Александр II утвердил этот журнал [15]. Так было преодолено категорическое отрицание идеи выкупа полевой земли крестьянами в правительственной программе реформы. Правительство вновь (после нижегородского дела) поддержало либеральную часть дворянства в борьбе группировок в губернском комитете по самому кардинальному вопросу отмены крепостного права — земельному.

Однако Главный комитет не придал этому решению значения общей меры. Специально подготовленный циркуляр министра внутренних дел о выкупе крестьянами вместе с усадьбой и полевой земли, который предполагалось рассылать в губернии, был оставлен [16].

Только в случае запросов других комитетов о выкупе полевой земли их должны были ставить в известность о состоявшемся решении. Вместе с тем на ходатайство Унковского о разрешении напечатать журналы Тверского комитета к всеобщему сведению Главный комитет ответил отказом. Эти факты говорят о вынужденности либеральных постановлений Главного комитета, о продолжающихся в нем и в «верхах» колебаниях и борьбе между различными группировками бюрократии.

Несмотря на локальный характер постановления по Тверскому комитету, оно свидетельствовало об изменении правительственного курса в понимании задач реформы и неизбежности пересмотра общих программных установок. Это произошло в связи с решением Александра II обсудить в Главном комитете основное содержание «всеподданнейших» писем Я. И. Ростовцева. Ростовцев, самый близкий к царю сановник, наиболее влиятельный в правящих «верхах» и среди членов Главного комитета, под воздействием обострявшейся общественно-политической обстановки в стране и событий личной жизни летом 1858 г. круто изменил свое отношение к отмене крепостного права, оторвался от реакционеров и перешел на либеральные позиции [17]. Находясь за границей, он послал Александру II в августе—сентябре четыре «всеподданнейших» письма, в которых пересмотрел все основные вопросы подготовки реформы.

«Для предупреждения волнений и бунтов» необходимо, признавал он, чтобы все губернские комитеты при представлении своих положений «объяснили подробно, чем состояние помещичьих крестьян улучшится». В осторожности и предусмотрительности Ростовцева нетрудно уловить связь с тем впечатлением, которое произвели на правящие «верхи» волнения эстляндских крестьян. Сам он видел выход в том, чтобы разрешить крестьянам выкуп надельной земли, считая, что превращение их в собственников может «оградить надежность» осуществления предстоящей реформы. В вопросе о правовом положении крестьян письма Ростовцева сочетали новые идеи о крестьянском самоуправлении с признанным в рескрипте и апрельской программе сохранением вотчинной власти помещиков [18].

Александр II под непосредственным впечатлением от сентябрьского доклада Исакова распорядился подготовить «Извлечения» из писем Ростовцева и обсудить их в Главном комитете. Состоялось несколько заседаний: 18 октября, 19, 24 и 29 ноября 1858 г. Решения Главного комитета соответствовали предложениям Ростовцева, основные формулировки были заимствованы из «Извлечений». Однако появились и новые положения. Признавалась целесообразность принятия общего для России Положения вместо отдельных для каждой губернии положений. Это должно было существенно повлиять на соотношение различных звеньев механизма подготовки реформы — усилить значение центральных и высших органов государственной власти и ослабить роль дворянских комитетов [19].

В трех ноябрьских заседаниях были приняты новые «главные основания» реформы. Крестьяне получали права «свободных сельских сословий», свое сословное выборное общественное управление, мирское и волостное. Община сохранялась, помещик должен был иметь дело только с миром, не касаясь личностей. Очевидно было, что вотчинная власть не могла оставаться в той степени, какая указывалась в рескриптах. Однако характер отношений между миром и помещиком еще не был ясен. Общая установка относительно устройства поземельных отношений формулировалась в последнем, 12-м пункте «главных оснований»: «Содействовать всеми возможными мерами к ограждению большого сельского хозяйства, но без стеснения личной свободы крестьян и без нарушения тех прав, кои будут им дарованы, оказывая всемерно покровительство устройству и малых хозяйств, дабы сохранить нашу земледельческую промышленность и устранить всякое опасение в доставлении хлеба, нужного для продовольствия войска и городов, и поддержать нашу хлебную торговлю с иностранными государствами» [20].

Это определение по сравнению с прежней программой вносило радикально новое начало в правительственную программу отмены крепостного права — ставилась задача развития двух типов хозяйства после реформы: не только помещичьего, но и крестьянского, с большим преимуществом для первого. Эти заново сформулированные цели реформы совпадают с конечными задачами программы Н. А. Милютина и его проекта освобождения крестьян Карловки, и по редакции, и по терминологии особенно напоминают соответст-

вующие места «Записки об освобождении крестьян» К. Д. Кавелина [21].

Из «Памятной записки Я. И. Ростовцева 24 ноября 1858 г.» видно, что большинство членов Комитета было против предложений Ростовцева [22].

Дневник П. П. Гагарина передает остроту противоречий в Главном комитете, давление Александра II на его членов в целях принятия новой программы. Этот яркий материал еще не вводился в научный оборот. Гагарин был возмущен, что членов Главного комитета срочно обязали обсуждать «Извлечения» из писем Ростовцева. 17 октября, вернувшись домой в 11 час. вечера, Гагарин обнаружил напечатанные «Извлечения» с предписанием прочитать их к следующему дню и быть готовым к заседанию 18 октября. «Я полагаю,— записал он в дневник,— что за несколькими исключениями с остальными членами Комитета обошлись не лучше» [23]. А позже, когда Гагарин получил журнал этого чрезвычайно ответственного заседания Главного комитета, он обнаружил, что в него были внесены статьи, которые вовсе не обсуждались на заседании. В тот же день, 27 октября, состоялось объяснение Гагарина с государственным секретарем Бутковым, который не стал отрицать, что сознательно отправил ему журнал с необсуждавшимися статьями на подпись, чтобы не вызывать новой дискуссии. На заседании Главного комитета 27 октября Гагарин заявил о несвоевременности вообще изучения «личных проектов», в то время, когда основное внимание следовало сосредоточить на рассмотрении проектов губернских комитетов [24]. Он повторно настаивал на этом предложении, поддержанный другими членами Главного комитета, на заседании 19 ноября. Однако Александр II, не реагируя на оппозицию, обращаясь поочередно к каждому из членов Комитета, просил ответить на вопрос, не следует ли правительству взять за основу предложение Ростовцева предоставить помещичьим крестьянам права свободных сословий. Гагарин и большинство выступавших требовали дать им для изучения хотя бы один проект губернского комитета, говоря, что «нужно все проверить и изучить», а затем принимать решение. Ростовцев подчеркивал, что члены Главного комитета никогда не смогут выработать единого мнения и достигнуть общего согласия. Спор прервал Александр II, который сказал, что считает этот вопрос решенным положительно [25].

На заключительном обсуждении «Извлечений» из писем Ростовцева на заседании 29 ноября Гагарин выступил против предложенного решения земельного вопроса, отстаивая неприкосновенность всей земельной собственности дворянства. Он доказывал, что при рассмотрении проектов губернских дворянских комитетов необходимо взять за основу принцип сохранения крупного сельскохозяйственного производства, «дабы при улучшении быта крестьян сохранить земледельческую нашу производительность и устранить всякое опасение в доставлении хлеба, нужного для продовольствия войск и городов, при возможном поддержании хлебной нашей торговли с иностранными государствами». Ростовцев в ответ заявил,

что разделяет мнение Гагарина, а сам, в свою очередь, требует, чтобы была оказана защита мелкой крестьянской земельной собственности. Гагарин горячо отстаивал развитие в результате реформы исключительно крупного помещичьего хозяйства, отрицая необходимость и возможность образования и утверждения мелкой крестьянской собственности. Он с ужасом характеризовал позицию Ростовцева и его немногочисленных сторонников как «ультралиберальную», «демократическую» [26].

По записям дневника видно, что Гагарин четко осознавал свою позицию в крестьянском вопросе: «Я защищал интересы крупного хозяйства (la grande culture)» [27].

Журнал трех ноябрьских заседаний Главного комитета был подписан Александром II 4 декабря 1858 г., и в тот же день принято «высочайшее» повеление «Об основаниях, которые должны служить руководством при рассмотрении проектов Губернских комитетов» [28]. Так появилась новая правительственная программа реформы, которая, сохраняя феодально-крепостнические пережитки, открывала вместе с тем перспективы буржуазного преобразования помещичьей деревни. Эта программа, признававшая либеральную идею выкупа полевой надельной земли крестьянами в собственность, была вырвана развитием революционной ситуации в стране и выражала наступление кризиса «верхов».

В связи с пересмотром правительственной программы реформы в официальной политике появилось стремление укрепить роль «членов от правительства» в дворянских комитетах и поддержать сложившиеся в них либеральные меньшинства. 1 декабря Главный комитет принял предложение Ланского, чтобы один из членов от правительства был непременным членом редакционной комиссии в каждом губернском комитете, функции которой заключались в составлении журналов заседаний и проектов положений реформы [29]. В соответствии с этой ориентацией Главного комитета министр 29 декабря разослал начальникам губерний циркуляр «О значении, правах и обязанностях членов от правительства». В нем разъяснялось, что те постановления Главного комитета, которые были приняты в отсутствие обоих членов от правительства, считать недействительными. Другой циркуляр, от 29 декабря, требовал от начальников губерний проявлять заботу о положении меньшинств в губернских комитетах, чтобы их мнения вносились в журналы комитетов [30].

Таким образом, определив впервые свое отношение к либеральному меньшинству губернских комитетов (по нижегородскому делу в июле 1858 г.), Главный комитет под воздействием усиливавшейся революционной ситуации в стране не только продолжал придерживаться этой тактики в дальнейшем, но и рядом мер содействовал укреплению роли либеральных меньшинств в подготовке реформы. Правда, инициатива, как правило, исходила от Министерства внутренних дел, предложения которого санкционировал Александр II. Так что Главный комитет, сам в большинстве своем состоящий из реакционеров-крепостников, вынужден был поддерживать либеральные

20 * — 2

меньшинства губернских комитетов и принять новую, либеральную программу реформы в известном журнале 4 декабря 1858 г.

Если в 1858 г. Главный комитет в системе высших органов государственной власти играл в конечном счете решающую роль в подготовке отмены крепостного права, в пересмотре программы реформы, то в последующие более чем полтора года он утратил это доминирующее положение. Именно принятие новой, буржуазной по своим целям программы реформы, которая вместе с тем оставляла открытыми, нерешенными многие важнейшие вопросы (условия выкупа крестьянами земли в собственность, величина крестьянских наделов, размеры повинностей, пределы власти общины и помещика и др.), необходимость согласования ее с рескриптом и проектами губернских комитетов, расколовшихся на большинство и меньшинство (каждое со своим проектом), усиление кризиса в среде господствующего сословия, необходимость создания одного общего для всех губерний законодательства (вместо утверждения губернских проектов в отдельности) — эти задачи оказались непосильными для Главного комитета. Созданная 15 июля 1858 г. Особая комиссия из четырех членов Главного комитета — Ланского, Муравьева, Панина, Ростовцева (по типу Приуготовительной комиссии Секретного комитета 1857 г.), которой вменялось рассмотрение проектов губернских комитетов, так и не приступила к своим обязанностям. Опыт и практика Секретных комитетов отжили свое время.

Новая программа реформы потребовала создания нового, нетрадиционного учреждения. 17 февраля 1859 г. было принято «высочайшее» повеление «об учреждении Редакционных комиссий» для составления Общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Создание и деятельность Редакционных комиссий выражала дальнейшее углубление кризиса «верхов» в период первой революционной ситуации. Статус Комиссий, их положение в системе высших органов власти, их отношение к Главному комитету определились не сразу, а в процессе их организации и деятельности. Комплектование Редакционных комиссий поручалось их председателю — Я. И. Ростовцеву, назначенному Александром II. Выбор членов Комиссий утверждался царем. Главный комитет не имел влияния на подбор сотрудников в Комиссии.

Составленные наполовину из представителей различных ведомств, наполовину из членов-экспертов (помещиков, ученых, общественных деятелей, знающих крестьянский вопрос), Редакционные комиссии отличались от Главного комитета, как и от всех других институтов абсолютной монархии, от губернских дворянских комитетов тем, что большинство в них было либеральным. Ведущая роль в Комиссиях принадлежала Н. А. Милютину, его сотрудникам и единомышленникам — Ю. Ф. Самарину, В. А. Черкасскому, ближайшему помощнику Ростовцева П. П. Семенову (впоследствии Тян-Шанскому). Противник освобождения крестьян с землей за выкуп и либерального курса Редакционных комиссий, консерватор по убеждениям П. А. Валуев имел все основания сказать: «Они были составлены так, что никто не мог противоречить системе

большинства»[31]. Члены Редакционных комиссий, не согласные с мнением большинства, имели право подать особое мнение, но подчинялись постановлениям большинства, что было узаконено в июне 1859 г. Во время деятельности Редакционных комиссий Главный комитет не имел влияния на составление проектов реформы. Через своих председателей (сначала Ростовцева, а с февраля 1860 г. Панина) Комиссии подчинялись непосредственно Александру II. «Как ни утверждают,— писал Гагарин,— что Комиссия, возглавляемая им (Ростовцевым.— *Л. З.*), подчиняется нашему Комитету, единственная реальная власть у него»[32]. Вызов членов губернских комитетов для обсуждения проектов реформы в столицу, долженствовавший по первоначальному плану состояться при Главном комитете («высочайшее» повеление 15 июля 1858 г.), в действительности был осуществлен Редакционными комиссиями в два этапа (в августе—октябре 1859 г.— первый призыв, в феврале—апреле 1860 г.— второй призыв). Причем избрание от каждого комитета двух членов по «собственному усмотрению» было откорректировано в циркуляре министра внутренних дел 9 мая 1859 г. требованием избрать одного члена от большинства, а другого от меньшинства там, где они образовались[33].

П. П. Семенов-Тян-Шанский отмечал, что Редакционные комиссии — учреждение, «доселе небывалое в России», поставленное «вне всякой зависимости от... Государственного совета и от Главного комитета»[34]. Представитель реакционного меньшинства Редакционных комиссий М. П. Позен с возмущением писал, что Комиссии не стали «канцелярией Главного комитета», а «приняли характер какого-то самостоятельного установления»[35]. Обвиняя Ростовцева и Комиссии в «опасном» для государства курсе, Гагарин призывал быть выше тех «необычайно сложных и редко встречающихся обстоятельств», в которых находилась Россия[36]. Это фактическое признание общественно-политического кризиса особенно ценно. Материалы Редакционных комиссий печатались в количестве 3 тыс. экземпляров и рассылались высшим сановникам и губернскому начальству, в отличие от журналов Главного комитета, которые были опубликованы в 1915 г. Гласность, однако, не являлась нормой в практике деятельности государственных учреждений абсолютной монархии, она была допущена под давлением обстоятельств и по мере возможности сдерживалась или вновь сменялась секретностью.

После ликвидации Редакционных комиссий проекты их в тайне от всех обсуждались в Главном комитете. Были отстранены и члены Комиссий, хотя в свое время их участие в обсуждении предусматривалось. Однако в день своего нового назначения председательствующим вместо заболевшего Орлова 18 сентября 1860 г. вел. кн. Константин Николаевич добился у Александра II разрешения видеться с Милютиным, Самариным, Черкасским, П. Семеновым и другими, которые часто консультировали его и некоторых членов Главного комитета по основным положениям проектов[37]. Механизм государственной системы абсолютной монархии возвращался к

старым, привычным методам секретности в решении важных государственных вопросов.

С 10 октября 1860 г. до 14 января 1861 г. проекты Редакционных комиссий обсуждались в Главном комитете. Состоялось 45 заседаний, темпы работы сохранялись почти такими же напряженными, как в Комиссиях.

Редакционные комиссии представили в Главный комитет кодифицированные проекты, ставшие основой законодательства 19 февраля 1861 г. Они не повторяли ни один из проектов губернских комитетов. Особенность реформы в России составители проектов Комиссий видели в том, чтобы одним законодательным актом решить вопрос об отмене крепостного права и о конечной цели устройства поземельных отношений — переходе крестьян на выкуп при сохранении помещичьего землевладения. Это достигалось осуществлением таких принципов, как бессрочность, вечность пользования наделами и неизменность однажды определенной за них повинности. Именно эти положения проектов Комиссий в первую очередь способствовали довольно быстрому переходу крестьян из временнообязанного полуфеодального состояния на выкуп, хотя он и признавался для помещиков добровольным, необязательным. Редакционные комиссии также принципиально решили вопрос о величине надела, приняв за исходное «существующий надел» с корректировкой на минимум и максимум.

Однако под натиском дворянских депутатов от губернских комитетов (и либеральных, и в еще большей степени реакционных) пришлось уменьшить надел и несколько увеличить повинности за него. Решение земельного вопроса сочеталось в проектах с личным освобождением крестьян, с созданием крестьянского самоуправления (сельского общества и волости), хотя и ограниченного в своих правах. Проведение реформы передавалось новому институту мировых посредников, дворянскому по составу, но не подчиненному дворянским собраниям, обладавшему в определенной степени независимостью, несменяемостью, гласностью в своих действиях. Прежний план продления полномочий губернских комитетов, включения в их компетенцию реализации Положений отпал. Они прекратили существование. Проекты Редакционных комиссий были компромиссом, предусматривая развитие и сосуществование в пореформенном аграрном строе двух типов хозяйства: крупного помещичьего и мелкого крестьянского. Проектируемая реформа открывала возможности для развития капитализма путем буржуазной эволюции помещичьего и крестьянского хозяйств, предоставляя большие преимущества для первого. Однако ее буржуазное содержание было насквозь пронизано феодальными пережитками [38].

Новый председательствующей Главного комитета вел. кн. Константин Николаевич поддерживал проекты Редакционных комиссий, а также и непосредственные контакты с их лидерами. Боясь оппозиции большинства членов Комитета, он решил обсуждать проекты не в целом, а по параграфам, причем земельный вопрос, который называл в своем дневнике «страшным», отложил на

ноябрь. Действительно, в Главном комитете возникли острые разногласия по всем основным вопросам реформы. Процедура обсуждения проектов Комиссий в Главном комитете предупреждала попытку выступления оппозиции с контрпроектом. Однако фактически контрпроект был выдвинут тремя членами — В. А. Долгоруковым, А. М. Княжевичем, М. Н. Муравьевым. Если объединить их отдельные мнения (письменные) и выступления в заседаниях по всем кардинальным вопросам реформы, то явно обнаруживается иная, чем у Редакционных комиссий, программа. В ее оформлении самое активное участие закулисно принял Валуев. Три члена Главного комитета добивались, чтобы реформа заключалась не в реализации единой, утвержденной правительством программы, а в добровольных частных соглашениях между помещиками и крестьянами, а это открывало простор для безземельного освобождения крестьян и полного господства дворян-помещиков в системе местного управления. Четвертый член Комитета Гагарин, как и эти трое, голосовавший против проектов Редакционных комиссий, заявил свое отдельное мнение. Как и в Секретном комитете 1857 г., он настаивал на полном праве помещиков распоряжаться своей земельной собственностью [39].

После длительной и упорной борьбы за голос Панина, проекты Редакционных комиссий по основным вопросам реформы (в целом они не голосовались) были приняты Главным комитетом шестью голосами против четырех. По некоторым положениям Редакционных комиссий Главный комитет внес свои изменения. Наиболее существенные из них — по земельному вопросу. Он допустил дальнейшее уменьшение наделов и увеличение повинностей, что усилило грабительский характер освобождения крестьян и сохранение феодальных пережитков. В Государственном совете наделы подверглись еще большему уменьшению. Было принято также предложение Гагарина о дарственном четвертном наделе, что увеличило отрезки. Но в целом проекты были утверждены Александром II, несмотря на противодействие большинства членов Совета.

Исследование деятельности Главного комитета по крестьянскому делу приводит к заключению, что как политический институт абсолютной монархии он существенно отличался от Секретного комитета 1857 г. Учрежденный и функционирующий в период первой в России революционной ситуации, он оказался вынужденным принять буржуазную по содержанию реформу, сохранявшую множество феодально-крепостнических пережитков. Состоящий в большинстве из крепостников, Главный комитет под давлением углублявшегося кризиса в стране в целом, но не сразу и не без борьбы, поддержал политику и программу либеральной бюрократии. И после провозглашения реформы Главный комитет по устройству сельского состояния под председательством вел. кн. Константина Николаевича — как это убедительно раскрыто в исследовании Н. М. Дружинина — в своей политике и в расстановке сил в «верхах» продолжал традиции Главного комитета по крестьянскому делу, отстаивал законодательство 19 февраля 1861 г. от попыток реакционных исправлений,

подготовил проекты о понижении выкупных платежей и обязательном выкупе и, «несмотря на классово-помещичий характер» своих постановлений, «распространял принципы крестьянской реформы на все разряды крестьян» [40].

[1] С.-Петербургские сенатские ведомости, 1858, 4 марта; ЦГИА СССР, ф. 1180 (Главного комитета по крестьянскому делу), оп. XV, д. 8, л. 9, 33—33 об.
[2] *Дружинин Н. М.* Главный комитет по устройству сельского состояния 1861—1881 гг.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России. М., 1971, с. 269—286. О деятельности Главного комитета по крестьянскому делу в связи с изучением правительственной программы реформы см.: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856—1861 гг. М., 1984.
[3] Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб., 1861, т. 1, с. 2—3, 81—84, 86—92, 156—168; Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу (далее: Журналы). Пг., 1915, т. 1, с. 41—43, 45; Об апрельской программе см.: *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права..., с. 92—102.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.
[5] ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 31, л. 115—137; *Соловьев Я. А.* Записки о крестьянском деле.— Русская старина, 1882, кн. 5, с. 400—401, 407—410; Журналы, т. 1, с. 305.
[6] ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 230, л. 20.
[7] Там же, ф. 728, оп. 1, кн. 5, д. 2197, ч. 6, л. 16.
[8] ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 17, 25, 26, 27; д. 33, л. 198—200; см.: *Соловьев Я. А.* Записки.— Русская старина, 1881, кн. 4, с. 740—753; кн. 5, с. 3—27.
[9] ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 17, л. 116—122; д. 33, л. 206—218; ф. 1286, оп. 19, д. 581, л. 23—27 об.; *Захарова Л. Г.* Значение крестьянских волнений в Эстонии 1858 г. в истории подготовки отмены крепостного права в России.— Изв. АН ЭССР, 1984, № 33, с. 34—45; *Кахк Ю. Ю.* Эстония в общероссийской революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х годов.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965, с. 259—283.
[10] ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 2538а, л. 4.
[11] Колокол, 1858, 1 окт., л. 25, с. 205; 15 апр., л. 26, с. 210—211.
[12] Колокол, 1858, 15 июля, л. 19, с. 153, 157—159; 15 авг., л. 21, с. 169—173; 1 сент., л. 22, с. 181; 15 сент., л. 23—24, с. 182; и др.
[13] ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, д. 2538а, л. 39 об., 42; *Унковский А. М.* Записки.— Русская мысль, 1906, кн. 6, с. 192.
[14] ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 33, л. 192—193, 195, 198—200; *Трубецкая О.* Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М., 1901, т. 1, кн. 1, прил. 9, с. 111—114.
[15] Журналы, т. 1, с. 271—275.
[16] ЦГАОР СССР, ф. 815 (В. А. Арцимовича), оп. 1, д. 466, л. 5 об. Письмо А. Ф. Штакельберга от 13 нояб. 1858 г.
[17] *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права..., с. 123.
[18] Крестьянское дело в царствование Александра II: Материалы для истории освобождения крестьян/Сост. А. Скребицкий. Бонн-на-Рейне, 1862, т. 1, с. 908—910.
[19] ЦГИА СССР, ф. 1291 (Земского отдела Министерства внутренних дел), кн. 1, дел-во 1, д. 11, л. 23—24.
[20] Журналы, т. 1, с. 298—299.
[21] *Захарова Л. Г.* Записка Н. А. Милютина об освобождении крестьян (1856).— В кн.: Вопросы истории России XIX — начала XX века. Л., 1983, с. 24—33; *Кавелин К. Д.* Записка об освобождении крестьян в России (1855).— Собр. соч. СПб., 1898, т. 2, с. 28—29, 35, 44.
[22] Русский архив, 1886, кн. 7, с. 398—399.
[23] ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, кн. 5, д. 2197, ч. 6, л. 57 об.
[24] Там же, л. 60.

[25] Там же, л. 66 об.— 67.
[26] Там же, л. 41—43.
[27] Там же, ч. 5, л. 10.
[28] Сборник правительственных распоряжений..., т. 1, с. 41—42.
[29] ЦГИА СССР, ф. 1180, оп. XV, д. 35, л. 3—4; Журналы, т. 1, с. 302; Сборник правительственных распоряжений..., т. 1, с. 209—210.
[30] Сборник правительственных распоряжений..., т. 1, с. 215—216.
[31] *Валуев П. А.* Дневник, 1847—1860 гг.— Русская старина, 1891, кн. 11, с. 411. Запись 2 ноября 1860 г.
[32] ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, кн. 5, д. 2197, ч. 7, л. 23 об.
[33] Сборник правительственных распоряжений..., т. 1, с. 31—33, 242.
[34] *Семенов-Тян-Шанский П. П.* Мемуары. Пг., 1915, т. 3, с. 129—130.
[35] Бумаги по крестьянскому делу М. П. Позена. Дрезден, 1864, с. 324.
[36] ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, кн. 5, д. 2197, ч. 7, л. 42—43.
[37] Дневник вел. кн. Константина Николаевича.— ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 92, л. 73 об., 74 об.
[38] *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права..., с. 156—214.
[39] Журналы, т. 2, с. 88—93, 130—139, 228—229, 295, 332, 392; Приложения к «Журналу Главного Комитета по крестьянскому делу». Пг., 1915, с. 166—217, 255—278, 294—300, 349—354, 403—405, 451—458, 551—554; *Валуев П. А.* Дневник, 1847—1860 гг.— Русская старина, 1891, кн. 11, с. 401—405, 411—415, 418—419, 425; Дневник вел. кн. Константина Николаевича.— ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 92, л. 87 об.— 88, 100—100 об.; и др.
[40] *Дружинин Н. М.* Указ. соч., с. 285—286.

Б. Г. Литвак

Археографическое и историографическое значение серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.»

Почти за одно десятилетие (с 1959 по 1968 г.) вышли в свет 10 томов документальных сборников серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.». В восьми из них в научный оборот введено приблизительно такое же количество новых материалов о крестьянском движении в XIX в., какое было опубликовано советскими археографами за предыдущие 42 года [1].

Это издание — результат огромной работы коллектива историков и архивистов под научным руководством Николая Михайловича Дружинина. Ему принадлежит не только идея и план издания, но и тщательно разработанная инструкция по его подготовке. Н. М. Дружинин скрупулезно выверял каждый документ, все компоненты публикации вплоть до выхода томов в свет. Недаром в обиходе эту серию называют дружининской. Прошло достаточно времени с момента появления серии, чтобы можно было определить ее место в археографии и историографии вопроса.

Прежде всего следует отметить, что вся археографическая работа была проведена по единой методике, что придает этому корпусу структурную стройность и научную ценность. Неоднократно отмечалось новаторское значение «Хроники крестьянского движения в России», публикуемой в каждом сборнике. Следует подчеркнуть естественность ее возникновения — это был научный ответ на вопрос о путях развития эдиционной археографии массовой документации в условиях интенсивного выявления все новых и новых пластов документов по истории крестьянского движения. «Хроника» как своеобразная регестная передача содержания документов, текст которых из-за их множества не может быть опубликован, благодаря дружининской серии получила широкое распространение. Более того, она стимулировала внедрение статистического метода в изучение крестьянского движения [2].

Обратим внимание на повышение информационной емкости серии благодаря «Хронике». Например, за 1796—1825 гг. в серии имеются 279 документов и 1038 статей «Хроники», т. е. на каждый опубликованный документ приходится почти четыре статьи «Хроники». Если учесть, что за 1800, 1801 и 1824 гг. не опубликовано ни одного документа, а в «Хронике» находим за эти годы 93 статьи, станет ясно, насколько «Хроника» расширяет наши сведения о фактах крестьянского движения. За 1826—1849 гг. аналогичная картина: 212 документов и 1499 статей «Хроники» (на каждый документ — семь статей), за 1835 год, не представленный документами, в «Хронике» дается 41 статья. 1850—1856 годы представлены 239 документами и 548 статьями «Хроники», за 1857—1861 (май) гг. опубликовано 198 документов и 1438 статей, а с июня 1861 по 1869 г.— 209 документов и 1709 статей «Хроники». Малая пропорция статей «Хроники» к документам по первой половине 50-х годов XIX в. и резкое повышение этого соотношения со второй половины 50-х годов и до конца 60-х (1 : 7,7) — объективное свидетельство не только большей изученности фондов за предреформенные и первые пореформенные годы по сравнению с первым семилетием 50-х годов, но и практической исчерпанности информативных возможностей этих фондов.

Отметим далее, что если за семилетие 50-х годов в серии удалось выявить документы только о 309 новых фактах крестьянского движения, то за семилетие с 1857 по 1863 г. их оказалось уже 1111, т. е. более чем в 3 раза. Дело не только в том, что на последнее семилетие приходится пик крестьянского движения в XIX в., но и в том, что «Хроника» включила сведения, почерпнутые из литературы, основанной на изучении местных архивных фондов. За 1870—1880 гг. соотношение опубликованных документов и статей «Хроники» 163 : 394, за 1881—1889 гг.— 353 : 585; 1890—1900 гг.— 212 : 559. Это соотношение не свидетельствует о столь резком преобладании статей «Хроники», но все же «Хроника» оперирует документами, содержащими сведения о 810 случаях крестьянского движения за это 30-летие, не учтенных в документах, опубликованных в серии.

Таблица 1

Великорусские губернии по частоте представленности в сборниках серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.»

№ п/п	Губерния или область	Общее число лет, за 1796—1900 гг.	Из них	
			1796—1858 гг. (63 года)	1859—1900 гг. (42 года)
1	Воронежская	35	14	21
2	Саратовская	33	15	18
3	Орловская	25	6	19
4	Пензенская	23	9	14
5	Курская	22	8	14
6	Новгородская	22	9	13
7	Вятская	21	6	15
8	Тамбовская	21	6	15
9	Нижегородская	20	10	10
10	Московская	19	10	9
11	Рязанская	19	10	9
12	Пермская	18	6	12
13	Самарская	18	2	16
14	Смоленская	18	10	8
15	Ставропольская	18	2	16
16	Тверская	18	7	11
17	Костромская	17	9	8
18	Петербургская	17	8	9
19	Симбирская	17	10	7
20	Псковская	16	6	10
21	Тульская	16	6	10
22	Калужская	15	5	10
23	Казанская	13	3	10
24	Владимирская	12	5	7
25	Уфимская	12	—	12
26	Вологодская	11	4	7
27	Оренбургская	11	6	5
28	Ярославская	10	6	4
29	Область Войска Донского	8	3	5
30	Олонецкая	5	3	2
31	Архангельская	2	1	1
32	Астраханская	2	1	1
33	Выборгская	1	1	—
34	Кубанская обл.	1	—	1
35	Тобольская	1	1	—

Заметная разница в соотношении документов и статей «Хроники» за семилетие с 1857 по 1863 г. по сравнению с другими периодами, особенно с последним тридцатилетием XIX в., создает впечатление о далеко не исчерпанных возможностях местных архивов. Сравнительное изучение их за указанное семилетие резко повысило количество выявленных крестьянских выступлений. О степени обоснованности этого впечатления будет сказано особо. Здесь важно отметить это в связи с определением информативной емкости серии.

Обратим внимание и на другой фактор количественного выражения информативной емкости — степень охвата крестьянского движения документальной информацией в хронологическом и территориальном разрезе. Как видно из табл. 1, ни одна из 35 губерний и областей бывшей Российской империи, составляющих сейчас территорию РСФСР, не представлена в серии документами за все указанные годы. Наибольшее количество лет, которые представлены в серии документами, падает на Воронежскую губернию — 35, т. е. из 105 лет, рассматриваемых нами и охваченных серией, только по третьей части их зафиксированы факты крестьянского движения в данной губернии. Расположив в таблице губернии по убывающему числу лет, в которых они представлены в серии документами, мы получили объективную картину степени интенсивности крестьянского движения в каждой из них. Объективную потому, что в процессе выявления, естественно, представительность губерний или лет не дозировалась. Со своей стороны, эта неравномерность в представительности является косвенным, но очень доказательным свидетельством научной объективности публикаторов при выявлении документов в ЦГИА СССР, ЦГИАМ СССР, ЦГАДА и ЦГВИА и их отборе к печати.

То обстоятельство, что обследовались по преимуществу только центральные архивы Москвы и Ленинграда, т. е. материалы делопроизводства высших и центральных учреждений империи, часто приводится как доказательство неполноты выявленных документов. На самом деле это обстоятельство является важным преимуществом документального комплекса серии, так как он не только охватил документальными свидетельствами наиболее существенное в крестьянских движениях изучаемого периода [3], но и дал представление о степени информированности государственных учреждений, определявших политику по крестьянскому вопросу.

Данные табл. 1 позволяют выделить три группы губерний по степени интенсивности проявления крестьянского движения: первая (в нее мы включили губернии, представленные в серии с 35 лет до 21 года) — 8 губерний; вторая (от 20 до 11 лет) — 19; третья (от 10 лет до одного года) — 8 губерний. Третья группа — район слабого развития помещичьего земле- и душевладения, а первая группа представляет район крепостнический. Не должно смущать, что в третью группу вошла Ярославская губерния — она была по преимуществу оброчной, а это, как известно, наиболее легкая форма крепостнической ренты; в первую группу — Саратовская губерния,

в интересующий нас период в ней завершался процесс крепостнической колонизации.

Если же попытаться периодизировать рассматриваемые 105 лет и расчленить годы по каждой губернии в соответствии с этими периодами, то выявленные закономерности получат новые подкрепления фактами. Качественным признаком — основанием для периодизации крестьянских движений в XIX в.— является, с нашей точки зрения, год начала первой революционной ситуации в России — 1859-й. Как показывает табл. 1, за первые 63 года губернии крепостнической первой группы «появились» в серии в пределах от 15 до 6 лет, т. е. раз в 4—10 лет, а за последние 42 года — от 21 года до 13 лет, т. е. примерно раз в два-три года. В третьей группе интенсивность за первый период составляла от одного раза в каждые 10 лет до абсолютного отсутствия, а во втором периоде — через каждые 8 лет в Области Войска Донского до абсолютного отсутствия в Тобольской губернии. Для третьей группы различие в периодах несущественно, поскольку она вообще отражала периферию крестьянских движений, зато для 19 губерний, которые не вошли в первую и третью группы и составляют большинство, интенсивность в указанные два периода весьма различна. В первом периоде частота от одного раза в 6 лет до одного — в 20 лет, а во втором — от одного раза в 3 года до одного — в 8 лет. При этом наибольшая частота падает на годы первой революционной ситуации — 1859—1861 гг.

В украинских губерниях (см. табл. 2) мы можем отметить те же процессы, которые наблюдались в великорусских губерниях: район крепостнической колонизации дает наименьшую интенсивность крестьянских движений, а район давнего крепостничества — наибольшую, особенно возросшую с момента начала революционной ситуации. Так, если в Подольской губернии в первый период наблюдается проявление крестьянского движения в среднем раз в десятилетие, то во второй — через год. Аналогично положение в Черниговской губернии. В общем частота этих проявлений во втором периоде превышает частоту в первом в 2—5 раз. Даже в Таврической губернии она увеличилась в 3 раза. По абсолютному количеству лет, документально представленных в серии, Подольская, Черниговская, Киевская и Харьковская губернии не уступают первой группе великорусских губерний, потому что они также район давнего крепостничества.

Данные по белорусским губерниям также подтверждают сказанное (см. табл. 3), но частота фиксации в серии за первый период несколько выше, чем это наблюдалось в украинских губерниях.

Губернии современных Прибалтийских республик дают следующую картину: на первом месте идет Ковенская губерния, которая представлена в серии документами за 20 лет (4 года первого периода и 16 — второго), аналогично: Виленская — 16 лет (все во втором периоде), Лифляндская — 8 лет (по 4 года за каждый период), Эстляндская — 8 (по 4 года за каждый период), Курляндская — 6 лет (2 и 4 года). Как видим, губернии Литвы по этим

Таблица 2

Украинские губернии по частоте представленности в сборниках серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.»

№ п/п	Губерния	Общее число лет за 1796—1900 гг.	В том числе	
			за 1796—1858 гг.	за 1859—1900 гг.
1	Подольская	31	7	24
2	Черниговская (Новгород-Северская)	30	5	25
3	Киевская	23	6	17
4	Харьковская (Слободско-украинская)	23	6	17
5	Полтавская	16	2	14
6	Волынская	14	4	10
7	Екатеринославская	14	5	9
8	Херсонская	10	3	7
9	Таврическая	8	2	6

своим параметрам похожи на белорусские, украинские и великорусские губернии. Иначе обстоит дело с Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниями, которые и в абсолютном числе лет и в их распределении по периодам отражают своеобразие этого края, где крепостное право было отменено законами 1816—1818 гг.

Таблица 3

Белорусские губернии по частоте представленности в сборниках серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.»

№ п/п	Губерния	Общее число лет за 1796—1900	Из них	
			за 1796—1858 гг.	за 1859—1900 гг.
1	Минская	27	5	22
2	Могилевская	27	10	17
3	Витебская	19	8	11
4	Гродненская	17	3	14
5	Белорусская	1	1	—

Губернии Закавказья так представлены в серии: Кутаисская и Тифлисская (Грузия) — за 11 лет, из них на первый период падает 5, на второй — 6 лет; Елисаветпольская — 1 год (второй период); Эриванская — 3 года (второй период).

Бессарабская область представлена за 3 года, а регион нынешних среднеазиатских республик и Казахстан — за один год.

Можно с уверенностью утверждать, что в центральных учреждениях империи, а следовательно в центральных архивах, отложилась документация, отражающая принципиально важные явления в крестьянских движениях этих регионов. Отсюда она и попала на страницы серии как представительная выборка. Характерно, что даже те исследователи, которые склонны преувеличивать неполноту дружининской серии, ввиду ее ориентированности на фонды центральных архивов, при всех попытках статистического выражения динамики крестьянского движения обращаются именно к этой серии, особенно к ее «Хронике». Так, Л. П. Мулявичюс, много поработавший над уточнением количественных характеристик крестьянского движения в Литве по материалам местных архивов, в своей новейшей работе при всех оговорках о неполноте дружининской серии все же использует данные «Хроники» для содержательных таблиц, характеризующих интенсивность и направленность крестьянского движения в Российской империи в 1864—1900 гг.[4] Так же поступают многие другие историки, говорящие о неполноте дружининской серии. Чем же объяснить такое положение?

Во-первых, тем, что серия собрала принципиально представительную документацию, отражающую крестьянское движение в России, а «Хроника» составлена, исходя из единых методических позиций, что делает ее материал пригодным для любых группировочных экспериментов. Этими качествами, к сожалению, не обладает совокупность локальных исследований. Во-вторых, априорно говоря о неполноте дружининской серии, никто не попытался проверить точность этого категоричного утверждения. Считалось само собой разумеющимся, что если документы для публикации, как правило, извлекались из центральных архивов, то они были исключительно «центрального происхождения». Данные табл. 4 опровергают это.

Если даже донесения жандармских офицеров относить к документам центральных учреждений, то и тогда только 23% источников, опубликованных в дружининской серии, составлялись в центральных учреждениях, остальные — в местных. Именно этим объясняется, что за очень редким исключением в серии представлено все существенно важное и значительное в истории крестьянского движения. Вот почему можно утверждать, что за указанный период документация, отражающая факты крестьянского движения, археографически освоена. Конечно, поиск новых документов будет продолжаться, но их археографическое освоение целесообразней всего осуществить в регестной форме типа статей «Хроники» дружининской серии. Это наиболее рациональный путь пополнения источниковой базы для изучения крестьянского движения в великорусских губерниях бывшей империи.

Таким образом, поиск документов о новых фактах крестьянских выступлений перестает занимать центральное место в исследованиях, а вместе с этим, можно надеяться, исчезнет застарелая привычка, которая свойственна даже опытным исследователям,— стремление ссылаться обязательно на неопубликованный архивный мате-

Таблица 4

Классификация документов, опубликованных в сборниках серии «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX в.»

Хронологические рамки сборников, годы	Количество опубликованных документов	Из них по происхождению						
		крестьянских	помещичьих	уездных учреждений	воинских команд	губернских учреждений	центральных учреждений	Представителей центральных учреждений на местах (губернских, жандармских управлений)
1796—1825	279	72	5	25	9	134	34	—
1826—1849	212	39	3	33	12	105	20	—
1850—1856	239	26	5	17	12	107	28	44
1857—май 1861	198	23	6	13	7	85	19	45
май 1861—1869	209	22	—	12	2	124	5	44
1870—1880	163	13	4	9	1	57	10	69
1881—1889	353	9	1	7	—	279	43	14
1890—1900	212	12	1	17	—	129	14	39
Итого	1865	216	25	133	43	1020	173	255
%	100	11,6	1,3	7,2	2,3	54,6	9,4	13,6

риал, хотя тот или иной факт крестьянского движения уже известен по публикациям.

Обратимся к характеристике качественной стороны серии. Как известно, качество научной публикации определяется не только полнотой комплекса документов и культурой их археографической обработки, но и квалифицированно подготовленным научно-справочным аппаратом. Иначе говоря, все археографические атрибуты должны быть подкреплены материалом, облегчающим источниковедческий анализ и историческую интерпретацию публикуемых документов. К нему в первую очередь относятся предисловия и примечания. Они занимают по объему весьма солидное место в серии [5]. Во введении к серии Н. М. Дружинин дал обобщенную характеристику ее задач и структуры, принципов и источников отбора документов, их систематизации и комментирования [6]. Во-первых, утверждается, что документальная серия должна раскрыть исторические корни союза рабочего класса и крестьянства, причем подчеркивается значение крестьянства как субъекта исторического процесса. Во-вторых, дана схема периодизации крестьянского движения, которая исходит не из внутренних его импульсов, а строится «соответственно главным изменениям социально-экономической жизни» [7].

Н. М. Дружинин намечает четыре этапа, которые прошло крестьянское движение: «1) нараставшую борьбу против крепостнической эксплуатации в первой половине XIX в.; 2) наивысший подъем антикрепостнического движения в период назревания и развития

революционной ситуации 1859—1861 гг.; 3) борьбу крестьян против феодальных пережитков и капиталистической эксплуатации в рамках пореформенного периода 1861—1900 г.; 4) новый подъем крестьянского движения под растущим влиянием рабочего класса в период военно-феодального империализма (1900—1917 гг.)» [8]. «Границами отдельных томов» служат «важнейшие события эпохи», в качестве примеров таких событий называются восстание декабристов и революционные ситуации в XIX — начале XX в. И в данном случае не внутренние процессы в крестьянском движении, а внешние факторы обусловили распределение материала.

Между тем в предисловиях к томам их авторы пытаются представить крайние даты каждого тома как грань некоего периода в крестьянском движении. Эта идея не была высказана во введении, и она, действительно, не имеет под собой реальной основы. Так, представляется неубедительной аргументация С. Н. Валка качественной разницы крестьянского движения 1796—1797 гг. по сравнению с предшествующим периодом. Таким качественным признаком Валк считает «лозунг перехода в казенное ведомство», широко использованный в эти годы. Но этот лозунг является прямым продолжением идеи пугачевского указа от 31 июля 1774 г., и он доминировал в идейных импульсах крестьянского движения вплоть до отмены крепостного права, поэтому «совершенно иным» крестьянское движение в 1796—1797 г., как пишет С. Н. Валк, не было [9]. Другое дело, что в крестьянском движении в эти годы наблюдается заметное оживление, но причины его не связаны с этим лозунгом: требование Павла I о присяге помещичьих крестьян создавало иллюзию изменения их правового статуса, превращения в государственных крестьян.

А. В. Предтеченский в предисловии к тому также отмечает, что количество выступлений в 1826 г. «было больше, чем в предыдущие и последующие годы (за исключением 1848 г.)» [10], и воспринимает этот отрезок времени как определенный период. Хронологические рамки томов 1861—1869, 1890—1900 и даже 1850—1856 гг. авторами предисловий также трактуются как определенные периоды в крестьянском движении. Более точен С. Б. Окунь, автор предисловия к тому за 1857—1861 гг. Он пишет: «Охватывая хронологически небольшой отрезок времени с 1857 по май 1861 г., собранные в томе документы характеризуют борьбу крестьянства в чрезвычайно напряженный послевоенный период и в годы первой революционной ситуации» [11]. Он не усматривает качественных различий крестьянского движения за годы до революционной ситуации и во время ее, а поэтому не решается выделить отрезок времени, за который помещены документы в томе, в самостоятельный период крестьянского движения. Не находим мы точных указаний о 70-х годах как отдельном периоде и в предисловии Н. М. Дружинина к соответствующему тому. Если рассматривать все предисловия как нечто целое, то получим очерк о внешних проявлениях крестьянского движения в 1796—1900 гг. в России, их социально-экономических причинах (с бо́льшим акцентом на экономические причины),

некотором статистическом выражении этих проявлений[12]. Однако важный для теории вопрос о периодизации, т. е. о качественных сдвигах, происходивших в крестьянском движении, в этих предисловиях выражен недостаточно четко.

Большим достоинством предисловий является стремление к анализу содержания и форм крестьянских движений и группировке их, систематизации фактов историографии и археографии крестьянского движения до момента выхода томов серии, что точно определяет место данного тома в литературе вопроса. Археографическая часть предисловия — важный элемент публикации, позволяющий определить источниковедческую ценность издания.

Вместе с тем археографическая часть предисловий несет существенную эвристическую нагрузку. Это особенно видно в тех случаях, когда документы выявлялись в различных архивах. Описание причин поисков документов в том или ином архиве и фонде одновременно указывает и наиболее вероятное место их концентрации. Степень ценности этих указаний зависит от степени «исхоженности» фонда и, в меньшей мере, от квалификации археографов и их осведомленности не только в содержании архивных документов, но и в литературе вопроса. Важной деталью в характеристике фондов, откуда извлекаются документы, является общая оценка степени достоверности содержания документов в зависимости от функций учреждений, в которых они были созданы. Не только простую констатацию необходимости «строго критически относиться к этим документам и, отбрасывая субъективные и пристрастные оценки их авторов, извлекать из них действительные факты...»[13] встречаем мы в археографической части предисловий, но и в меру возможностей градацию степени доверия к документам различного делопроизводственного назначения.

Так, А. В. Шапкарин наряду с общей рекомендацией отмечает меньшую объективность губернаторских отчетов по сравнению с жандармскими донесениями, большую ценность материалов прокурорского надзора по сравнению с жандармскими материалами[14]. Эта градация обогащает методику источниковедческого анализа. Отметим, что и Н. М. Дружинин писал: «Наиболее лаконичны, деловиты и, в известной мере, независимы от влияния местной администрации донесения... жандармов своему шефу»[15]. Частичное выявление функциональных и личностных особенностей публикуемой документации государственных учреждений обеспечивает более глубокую критику классовых позиций авторов документов, остерегает от прямолинейности и упрощенчества, что расширяет информативную отдачу опубликованных источников. Сказанное касается и крестьянских документов.

Важным эвристическим элементом является указание на смену учреждений-фондообразователей, в которых в наибольшей концентрации отлагались документы о крестьянском движении. Но на качественном различии этой документации в учреждениях до и после буржуазных реформ авторы предисловий не фиксируют внимания. Между тем материалы, например, Департамента полиции исполни-

тельной МВД, являвшиеся главной источниковой базой для первых двух десятилетий XIX в., отличаются по форме, методам сводки фактов и проч. от документов III Отделения, созданного позже. То же можно сказать о документах Министерства юстиции и всей судебно-следственной службы до и после судебной реформы и т. д. Такой детальный источниковедческой оценки материалов в предисловиях нет.

Видное место в серии занимает «Хроника», которую публикаторы считают частью научно-справочного аппарата, что вряд ли правомерно. На самом деле «Хроника» в этой серии — своеобразная форма издания документов, напоминающая регесты, но далеко не тождественная им. «Хроника» оперирует всем документальным материалом о крестьянском движении, так или иначе уже введенным в научный оборот до издания каждого данного тома, а также впервые публикуемым. Таким образом она информирует о всем источниковом материале, выявленном к определенному времени, и подает его содержание в единой форме, пригодной для анализа. В этом смысле каждая статья «Хроники» не отличается от регеста, но так как в ней редко встречаются прямые дословные цитаты отдельных клаузул документа и она часто излагает информацию нескольких документов, ее нельзя отождествлять с регестной формой публикации.

Поскольку «Хроника» была для публикаторов видом научно-справочного аппарата, они первоначально не считали необходимым подробно сообщать о принципах ее составления[16]. Но в томе дается довольно подробный перечень источников «Хроники», форм движения, учтенных ими, и описание приемов построения «Хроники»[17]. В дальнейших томах эти общие положения повторяются, но конкретизируются приемы составления статей «Хроники». Все это свидетельствует о последовательном усилении интереса составителей к «Хронике» и пересмотре первоначального взгляда на нее как на чисто вспомогательную часть публикации.

Можно утверждать, что до появления «Хроники» не было достаточного материала для достоверной статистики крестьянского движения. Известные сводки Министерства внутренних дел, начиная от первых, появившихся в публикациях Н. В. Варадинова, и кончая сводками III Отделения и двухнедельными донесениями министерства, опубликованными в советское время, не содержали сведений об источниках — первичных материалах подсчетов, и поэтому они вызывали определенное недоверие. «Хроника» радикально изменила положение: она не только показала неполноту этих сводок, но и создала прочную основу для статистики крестьянского движения.

Правда, «Хроника» как своеобразный концентрат сведений всех возможных источников не может ответить на все запросы статистического изучения, и, наоборот, статистическое изучение должно приспособить свою методику к улавливанию любых сведений из «Хроники» путем их соответствующей группировки. Какова бы ни была неудовлетворенность исследователей «Хроникой» дружининской серии, и особенно методикой группировки ее сведений в ста-

тистических таблицах, а они явно далеки от совершенства, остается незыблемым тот факт, что «Хроника», во-первых, открыла путь для введения в научный оборот сведений из документации, полная публикация которой ввиду ее громоздкости нерациональна, и, во-вторых, явилась главным условием к становлению и развитию статистического изучения крестьянского движения.

Не только «Хроника», но и примечания выполняли порой функцию ввода в научный оборот новых документов и сведений. Эвристическое значение этой функции в примечаниях более ярко выражено. Следует, однако, отметить существенный недостаток примечаний в серии: они почти никогда не ориентируют читателя в комплексе документов, из которых некоторые извлечены для опубликования, а другие частично использованы в примечаниях. Вырванные из контекста комплекса, эти документы приобретают тональность, отличную от той, которая была им присуща в момент их возникновения. Поскольку такая судьба ожидает любой документ, оторванный от «среды делопроизводственного обитания», а этой судьбы в публикациях избежать невозможно, следует стремиться уменьшить отрицательные последствия такого отрыва. Некоторые элементы, например датировку документа, публикаторы восстанавливают по его «окружению», но это только малая часть того, что можно извлечь. В примечаниях можно было по бумагам, окружающим публикуемый документ, сообщить о поводе, вызвавшем его появление, а это немаловажно, если речь идет, например, о жалобе, не говоря уже о других формах протеста.

В целом же примечания представляют серьезное подспорье в изучении публикуемых документов. Немаловажное значение имеет «Перечень статей свода законов, упоминаемых в томе». Исполняя функцию своеобразных примечаний, он вместе с тем повысил интерес исследователей к законодательству о крестьянах и способствовал более углубленной оценке правового статуса различных категорий феодального и пореформенного крестьянства.

Если упомянуть о географическом и именном указателях и перечне использованных фондов и литературы, то можно утверждать, что ни одна советская публикация документов до дружининской серии не имеет такого богатого научно-справочного аппарата, источниковедческое значение которого трудно переоценить.

Таким образом, дружининская серия аккумулировала все ценное из советской публикаторской практики, значительно продвинула вперед методику и теорию эдиционной археографии. Что же касается источниковедческого значения серии, то она до сих пор остается наиболее полным систематизированным собранием документов и сведений, отражающим практически все существенно важное в истории крестьянского движения XIX — начала XX в.

Советская историография крестьянского движения в России XIX — начала XX в. еще не знает ни одного обобщающего исследования, равного по хронологическому и территориальному охвату дружининской серии. Эта серия обеспечила прочную источниковую базу для такого исследования.

[1] Кроме того, следует иметь в виду вышедшие в этой серии тома: Крестьянское движение в России, Июнь 1907 г.— июль 1914 г.: Сб. документов/Под ред. А. В. Шапкарина. М.; Л., 1966 (204 документа); Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны, Июль 1914 г.— февраль 1917 г.: Сб. документов/Под ред. А. М. Анфимова. М.; Л., 1965 (253 документа).

[2] *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967.

[3] По всем существенно важным крестьянским движениям, не получившим документального отражения в серии, даются редакционные объяснения.

[4] *Мулявичюс Л. П.* Характер крестьянского движения в Европейской части Российской империи в 1861—1914 гг.— Тр. АН ЛитССР. Сер. А, Обществ. науки, 1983, т. 2 (83), с. 84—95.

[5] В общей сложности предисловия занимают около 17 печ. л., а примечания — 21 печ. л.

[6] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.: Сб. док./Под ред. С. Н. Валка. М., 1961, с. 5—8.

[7] Там же, с. 6.

[8] Там же, с. 7.

[9] Там же, с. 9.

[10] Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. документов/Под ред. А. В. Предтеченского. М., 1961, с. 13.

[11] Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 г.: Сб. документов/Под ред. С. Б. Окуня, К. В. Сивкова. М., 1963, с. 7.

[12] Характерно, что статистические выкладки не были заранее предусмотрены, а получились спонтанно. С. Н. Валк привел свою таблицу подсчетов в тексте предисловия тома за 1796—1825 гг. (с. 18), а тома, вышедшие раньше этого тома, никаких статистических данных не давали. После появились специальные таблицы в приложениях томов за 1826—1849, 1861—1869, 1870—1880 гг.

[13] Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.: Сб. документов/Под ред. А. В. Шапкарина. М., 1959, с. 27.

[14] Там же, с. 28.

[15] Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.: Сб. документов/Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1968, с. 49.

[16] Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг., с. 29.

[17] Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг., с. 819.

А. М. Анфимов

О методике учета крестьянских выступлений и количества участников в них

Обращение к этой теме вызвано явно неблагополучным положением дела в исторической науке с определением масштабов крестьянского движения по районам и в целом по стране. Конечно, в основе исследования крестьянского движения у нас лежит качественный анализ, связь его с социально-экономическими условиями, его влияние на ход исторического развития. Дополнением к нему, и очень существенным, служит статистический метод, позволяющий для определенных периодов (XIX — начало XX в.) показать интенсивность

Таблица 1

Выступления крестьян в 1905—1907 гг.

Автор	1905 г.			1906 г.			1907 г.		
	январь — апрель	май — август	сентябрь — декабрь	январь — апрель	май — август	сентябрь — декабрь	январь — апрель	май — август	сентябрь — декабрь
С. Н. Прокопович	74	91	240	120	249	72	44	28	3
Е. А. Мороховец	85	104	261	121 *	250	72	44	28	3

* В таблице Мороховца — 21 (явная, но незамеченная опечатка).

движения, его подъемы и спады, строить динамические ряды количества выступлений. Более того, нередко качественный анализ без количественной сводки выступлений превращается в метод иллюстративный. Но и обращение к статистике выступлений часто дает искаженную картину движения, главным образом в сторону преувеличения его размаха. Еще в конце 50-х годов В. К. Яцунский отмечал наличие «чрезвычайного преувеличения размеров крестьянского движения при помощи неправильных статистических приемов, которые, к сожалению, получили у нас широкое распространение» [1].

Статистический метод не нов, но в весьма оригинальном виде он получил распространение с легкой руки С. Н. Прокоповича. Это подсчеты уездов, охваченных крестьянским движением [2]. Источниками явились данные периодической печати, а также сообщения корреспондентов по анкете Вольного экономического общества [3]. Любого сообщения из уезда о выступлениях крестьян достаточно было автору, чтобы зачислить данный уезд в число охваченных движением. Уже из одного этого факта вытекает ненаучный характер методики автора.

Эстафету от С. Н. Прокоповича принял в 20-х годах Е. А. Мороховец [4]. Он несколько скорректировал итоги С. Н. Прокоповича, дополнив данными по Прибалтике. Получилось следующее (см. табл. 1). Эти данные Е. А. Мороховца, а также его же аналогичные данные по районам Европейской России (без Прибалтики) и получили самое широкое распространение в нашей литературе для оценки размаха и динамики крестьянского движения в 1905—1907 гг. При этом ни один автор не обратил внимания на их ненаучность.

Метод Прокоповича—Мороховца в свое время воспринял и Л. М. Иванов. Он признал охваченными по Украине в 1905 г. 64 уезда из 116. По формам движения цифры Л. М. Иванова на единицы превышают итоги Прокоповича. Проценты «охваченных»

уездов, по Мороховцу, приведены в статье А. В. Иванова по Белоруссии [5].

Первым выступил против «поуездного» метода В. К. Яцунский. В упомянутом выше издании он писал о докладе В. В. Чепко: «Насчитав за первую четверть XIX века в 19 уездах 29 выступлений крестьян в 53 селениях, она в своей таблице отмечала, что волнениями было охвачено 19 уездов. Лишь при подготовке доклада к печати В. В. Чепко сочла возможным заменить в таблице слова „охвачено уездов“ выражением „число уездов, где были выступления“» [6]. Но это предостережение, к сожалению, не возымело действия. Методике Прокоповича последовали авторы главы о революции 1905—1907 гг. в 6-м томе многотомной «Истории СССР», приведя без критики цифру Прокоповича: «Осенью 1905 г. крестьянское движение достигло своего апогея: оно охватило 240 уездов европейской части России, т. е. $^1/_2$ их общего числа (без Прибалтики и Кавказа)» [7].

Указанной методике следует В. И. Тропин. Данные Е. А. Мороховца он дополнил сведениями об «охваченных» уездах по Кавказу [8].

Одновременно с книгой Тропина вышла работа Т. И. Жукова, посвященная уже всему периоду первой революции, в основе которой лежит метод Прокоповича — «охват» уездов, сопровождаемый подсчетами С. М. Дубровского. Здесь фигурируют те же числа уездов, что и в работе Мороховца [9]. Полностью воспроизведены сделанные Е. А. Мороховцом подсчеты «охваченных» уездов в работе С. П. Трапезникова [10].

Данные В. И. Тропина приводятся без критики в обобщающем труде о первой революции в России: «В январе—апреле крестьянским движением было охвачено 103 уезда Европейской России и Кавказа (читай: Закавказья.— *А. А.*), в мае—августе — уже (!) 113, т. е. $^1/_5$ их общего числа» [11]. Отмечено и то, что в последнюю треть 1905 г. крестьянское движение охватило 291 уезд (цифра В. И. Тропина) той же территории, т. е. более половины [12].

Более того, характеристика движения по рассматриваемому методу проникла на страницы «Истории Коммунистической партии Советского Союза», причем в искаженном виде: «Под могучим воздействием Октябрьской стачки поднялась новая волна крестьянских выступлений. Конец октября—ноябрь 1905 г.— высшая точка крестьянского движения за все годы революции. Оно охватило тогда около 37 процентов всех уездов Европейской России» [13]. Заметим для сравнения, что даже если, по данным Мороховца, за сентябрь—декабрь 1905 г. было «охвачено» уездов 261, т. е. от 501 уезда Европейской России — 52%, то как же могло случиться, что в октябре—ноябре 1905 г. «в высшей точке» было «охвачено» лишь 37% уездов?

Из сказанного должно быть ясно, что примененный буржуазным экономистом С. Н. Прокоповичем порочный, антинаучный способ оценки размаха крестьянского движения по «охвату» уездов, проникший в советскую историческую литературу и на десятки лет ут-

вердившийся в ней, должен быть решительно изгнан из арсенала средств исследователей, изучающих аграрную историю страны.

К настоящему времени подавляющее большинство исследователей пришло к убеждению, что статистическому учету подлежат не территориальные единицы, как в рассмотренных выше случаях, а конкретные факты крестьянских выступлений. Теоретическая возможность и практическая ценность применения статистического метода, на наш взгляд, хорошо показана в специальной работе Б. Г. Литвака. Он, в частности, писал, что «крестьянское движение относится именно к таким общественным явлениям, когда количественные показатели определяют качество, в данном случае — силу воздействия на господствующий класс. Поэтому даже самое блестящее описание самых драматических событий останется только иллюстрацией и не даст материала для серьезных научных обобщений»[14]. Проведенный им опыт анкетного обследования архивов доказал возможности статистического изучения крестьянского движения.

Однако подсчет зафиксированных в документах фактов выступлений (волнений) не решает дела. В предисловии к книге И. И. Игнатовича акад. Н. М. Дружинин писал: «В настоящее время наши требования к методике количественного учета массовой борьбы стали более строгими: чтобы судить о масштабах борьбы, мы считаем недостаточным знать число волновавшихся деревень или имений; необходимо взвесить цифры непосредственных участников движения, степень его остроты и продолжительности, его влияние на соседние районы и т. д.»[15].

Из многих аспектов методики изучения крестьянского движения остановимся здесь на одном вопросе — об учете численности участников выступлений, о чем говорит акад. Н. М. Дружинин. Перед нами 10-томная документальная серия «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века», главным редактором которой является Н. М. Дружинин, изданная с 1959 по 1968 г. Среди многих методических указаний составителям было обеспечение сопоставимости данных о крестьянском движении, с тем чтобы исследователи имели возможность представить движение в динамике, определить различия по районам и т. д. Этой цели служило единообразие отбора выступлений для публикации документов и составления «Хроники крестьянского движения», прилагаемой к каждому тому. Правилом было принимать к учету в качестве массовых выступлений такие, в которых участвовало 10 и более человек. Но в «Хронике» мы находим и некоторые исключения. Например, фиксировались убийства помещиков или их управляющих, поджоги строений или стогов сена помещиков, противоправительственная агитация. Это в основном действия одиночек, но они отражали настроения, волю, а то и тайные сговоры крестьян. Принимались к учету и некоторые выступления малочисленных групп, если они по своему общественному воздействию равнялись массовым.

При подсчетах и составлении таблиц убийства помещиков выделялись в отдельную графу. Поджоги в итог выступлений не вклю-

чались и показывались отдельно. В сборнике за 70-е годы XIX в. отдельная таблица учитывала факты антиправительственной пропаганды (агитация, распространение листовок и нелегальной литературы и т. д.). Однако таблицы приложены не ко всем сборникам.

Методике, принятой в сборниках, последовал Л. П. Мулявичюс, составивший за 1864—1904 гг. «Список», включающий 231 выступление, из которых 111 выявлено им самим, а 69 — В. Ю. Меркисом. Обратим внимание на основную методическую посылку автора: «В „Список“ включены только коллективные выступления; несмотря на то что в 14 случаях число участников не достигало 10 человек или 5 семей, они фиксируются нами, так как эти выступления сопровождались сильными эксцессами. Акты классовой борьбы, в которых принимали участие лишь члены одной семьи, а также такие формы, как поджоги, мелкие порубки и потравы, во внимание не принимались»[16]. Итак, мы видим почти полное сходство с методикой серии «Крестьянское движение в России», за исключением того, что не учтены отдельно поджоги. Методикой сборников «Крестьянское движение в России» пользовался Э. М. Савицкий[17]. Учет поджогов и мелких выступлений внес путаницу в оценку размаха крестьянского движения.

Большая заслуга в изучении крестьянского движения в России XX в. принадлежит С. М. Дубровскому, возглавившему грандиозную работу по подсчету крестьянских выступлений за 1900—1914 и за 1917 гг. При всех недостатках его методики не имеется других данных о масштабах и динамике движения в разные периоды революции 1905—1907 гг., кроме его подсчетов, широко используемых в работах о первой революции. Эффективность этих подсчетов неизмеримо выше метода «охвата» уездов и тем более губерний, рассмотренного нами.

Обратимся к методике С. М. Дубровского. Он пишет: «В отношении крестьянских выступлений в материалах, как правило, не указывается количество участвовавших в них крестьян. Поэтому подсчет мог быть произведен только по количеству крестьянских выступлений»[18]. Следовательно, в подсчет вошли и поджоги, и мелкие выступления. Но поскольку в 1905—1907 гг. преобладали именно массовые выступления, а поджоги сопутствовали разгромным действиям и выделить их трудно, то указанное явление, вероятно, не оказало заметного влияния на общие итоги. Другое дело — период спада революции и период столыпинской реформы, когда крупные выступления уступают место мелким, а поджоги становятся преобладающей формой движения. Объединение всех этих форм дало за 1907—1913 гг. итог в 20 429 выступлений, а за 1908—1913 гг.— 17 872, или в среднем по 2979 выступлений в год[19]. Заметим, что, по данным того же автора, за 1905—1907 гг. было 7165 выступлений, или в среднем по 2388 случаев, т. е. на 20% меньше, чем в годы реакции. Почему не бросилось в глаза автору это очевидное несоответствие, приходится только гадать. Между тем округленные цифры 20 тыс. и 17 тыс. обошли множество книг, брошюр, учебников[20].

Под влиянием критики автор выделил собственно выступления, исключив поджоги. Но и оставшиеся цифры оказались завышенными. Это выяснилось еще во время подготовки к печати сборника документов за 1907—1914 гг.[21] Сравнение получилось следующим:

Год	Данные С. М. Дубровского [22]	Данные «Сборника» [23]
1908	855	154
1909	819	80
1910	928	147
1911	507	113
1912	307	160
1913	128	146
Итого	3544	800

Заметим, что круг источников С. М. Дубровского намного уже, чем в сборнике. И все же его данные в 4,5 раза превышают итог по «Хронике» сборника. Это можно объяснить не чем иным, как включением в подсчет мелких выступлений. Поэтому и появилось в кратком курсе «Истории ВКП(б)» утверждение: «За 1910—1914 годы произошло свыше 13 тысяч крестьянских выступлений»[24]. Это почти вдвое больше, чем в период революции 1905—1907 гг., по данным самого С. М. Дубровского.

Вполне естественно, что привлечение местных материалов увеличивает количество выступлений, отраженных в «Хрониках» упомянутых сборников, составленных преимущественно на основе фондов центральных архивов и литературы. Но весь вопрос в сравнимости. Так, В. И. Крутиков по всем источникам насчитал по Тульской губернии за 1801—1860 гг. 232 выступления, а по «Хронике» сборников значится 82. За 1858—1863 гг. соответственно 213 и 72 выступления[25]. Судя по объяснениям автора, его методика близка к методике «Хроник», данные можно считать сопоставимыми. Выяснить, насколько за счет этого расширяется масштаб движения, можно только при соблюдении одинаковых способов подсчета. Больше всего преувеличений относится за счет огульного подсчета порубок, потрав и недоказанных поджогов.

Что касается порубок, исследователи могли бы учесть давнее предостережение Б. Г. Литвака, который писал, что «подсчеты единичных случаев чреваты субъективным подходом к определению понятия «коллективные порубки», тогда как только эти случаи могут быть названы формой борьбы»[26]. К сожалению, и он не указал, при скольких участниках порубки она может считаться коллективной.

Еще сложнее с поджогами. Мотивация их вообще весьма затруднительна, и составители сборников придерживались принципа доказанности и мотивированности поджога. «В годы реакции разгромы и поджоги усадеб встречаются в виде редкого исключения... Составители «Хроники» отбирали те сведения о поджогах, где подчеркивался характер этого поджога как выражения недовольства крестьян. Так как в источниках в большинстве случаев указывалось, чье имущество было подожжено, то это также отражено в таблице.

В ряде документов бывают также указания, что подозрение о поджоге не подтвердилось, тогда эти случаи не учитывались»[27].

В «Хронике» за 1908—1913 гг. зафиксировано 345 доказанных поджогов[28]. За эти же годы в сводках С. М. Дубровского учтено 14 328 поджогов[29], т. е. в 42 раза больше. Разница потрясающая. Отголоском этих «впечатляющих» цифр были преувеличения в литературе. Например, сравнение за 1907—1914 г.:

Поджоги	«Хроника крестьянского движения» [30]	«Очерки истории СССР» [31]
Помещиков	446	3200
Кулаков	134	6828

Сведения о поджогах чаще всего застревали в низших инстанциях, не достигая органов центральной власти, поэтому местные данные, конечно, предпочтительнее, если доказана их причинность.

Встретился случай, когда в число выступлений включались жалобы крестьян, ставшие законными. Так, В. А. Виноградов и Е. К. Розов пишут: «К пассивным выступлениям мы относим отказ от выполнения повинностей и другие формы, сопровождающиеся только подачей жалоб»[32]. При таком подходе у них получается следующее (см. табл. 2):

Таблица 2

Выступления крестьян Тверской и Новгородской губерний в 1861—1895 гг.

Выступления	Тверская губ.	Новгородская губ.	Всего
Активные	850	160	1010
Пассивные (жалобы)	514	120	634
Итого	1364	280	1644

Несмотря на различие этих двух форм, авторы считают все села, в которых были те и другие выступления, «охваченными» движением. Таких селений в обеих губерниях оказалось 2605. Было подсчитано и «количество участников борьбы». «Количество участников борьбы,— пишут авторы,— учитывалось по документам. Если же в источнике эти данные отсутствовали, то за число участников условно принималось мужское население данного селения по уставной грамоте»[33]. Получилось 160 690 душ м. п., или 28,6% к числу бывших помещичьих крестьян. Процент явно завышенный как за счет огульного «охвата» селений, так и за счет селений-«жалобщиков». Добавим, что число выступлений было бы еще больше, если бы авторы не отказались от подсчета порубок и потрав.

Ю. И. Смыков насчитал по Среднему Поволжью (по Казанской, Симбирской, Самарской губерниям) за 1861—1900 гг. 602 вы-

ступления, а по «Хроникам» сборников было зафиксировано 317. Разница составляет 285 случаев, в общем нормальная в связи с привлечением местных архивных материалов. Но и этот автор не указал минимального числа участников выступлений, принятых к учету.

Заслуга автора состоит, в частности, в том, что он подсчитал количество выступлений по разрядам крестьян Казанской губернии, а также по народностям, не приведя, однако, всей численности населения этих народов, что лишает возможности определить меру участия каждого из них в движении [34]. Такое сопоставление по Воронежской губернии сделал В. А. Степынин за 1905—1907 гг. [35] По разрядам крестьян распределил выступления Л. П. Мулявичюс. Соотношение же с общим числом душ мужского пола по разрядам не показано [36]. Отметим, что, кроме этих трех авторов, никто, к сожалению, движение крестьян разных разрядов не изучал статистически.

Различия в подсчетах выступлений у разных авторов бывают весьма значительными из-за различий в методике. Выше Ю. И. Смыковым показаны данные по трем губерниям Среднего Поволжья (по 27 уездам) за 1861—1900 гг.— 602 выступления, в том числе 34 выступления чувашей за 40 лет. И. Д. Кузнецов почти за те же годы (1860—1899) по 8 уездам, где расселилась большая часть чувашей (около половины населения этих уездов), насчитывает 576 выступлений, т. е. почти столько же, сколько и по 27 уездам. Среди них указываются, например, забастовки крестьян-сезонников у промышленников, бегство из деревни. Как мы узнали у С. М. Дубровского, в 1905—1907 гг. во всей России было 7165 выступлений, из которых, если верить И. Д. Кузнецову, за исключением 6 поджогов, 870, или 12,1%, произошли в 8 уездах, населенных чувашами [37].

Итак, на примерах работ (главным образом помещенных в «Ежегодниках» аграрного симпозиума) можно видеть, что сколько авторов, столько и методик учета крестьянских выступлений. Усовершенствование методики стало насущной задачей.

Первым, кто предпринял попытку в этом направлении, можно по праву назвать Н. Н. Лещенко. «Всего же в течение 60-х годов XIX ст.,— отметил он в докладе на первом аграрном симпозиуме 1958 г.,— на Украине произошло 2871 выступление крестьян, которыми было охвачено не менее 4391 села с населением свыше 2,2 миллиона человек, что составляло 2/5 общего числа бывших помещичьих крестьян украинских губерний» [38]. Итак, им учитывались: а) число волнений; б) численность селений в селах, где они происходили, и населения в каждом из них; в) общая численность охваченного движением населения; г) отношение его к общей численности населения данной территории.

Уловив новизну и перспективность предлагаемой методики, В. К. Яцунский тогда же написал: «Н. Н. Лещенко приводит данные о числе крестьян, принимавших участие в волнениях, и сопоставляет это число с общей численностью крестьян на соответствующей территории. Это является крупным достоинством его доклада.

Жаль только, что он чрезвычайно глухо говорит о том, как эти данные им получены» [39].

Далее последовала длительная дискуссия между Н. Н. Лещенко и Д. П. Пойдой о том, что́ принимать за единицу учета — выступление или селение и т. д. Небольшой объем статьи не позволяет подробнее изложить этот сюжет, но отметим, вслед за Б. Г. Литваком [40], что методика Д. П. Пойды является шагом назад по сравнению с методикой Н. Н. Лещенко. Д. П. Пойда, по существу следуя методике С. Н. Прокоповича, вводит, кроме уездов, еще селения, или имения, охваченные движением, не учитывая даже форм движения и количества участников [41].

Вернемся к работам Н. Н. Лещенко: позднее он раскрыл методику своих подсчетов, указав, что делит выступления на две категории — массовые и групповые. К первой — по примеру определения крупных промышленных предприятий, применяемого историками рабочего движения,— отнесены выступления крестьян более 15 человек (очевидно, описка: надо думать — 15 и более человек, иначе цифра 15 пропадет.— *А. А.*), ко второй — от 3 до 14 человек. К массовым волнениям относились некоторые групповые выступления и даже выступления одиночек, если они в ходе дальнейшей борьбы получали поддержку более значительных групп населения (порубки, отбор вырубленного леса, сопротивление властям) или действовали по поручению общества (поджоги имений). Отдельной графой выделялся учет повторных выступлений в том или ином селении, ранее полностью прекращенных [42].

Несомненной заслугой Н. Н. Лещенко является введение понятия «групповые выступления» и учет таковых. В самом деле, в «Хрониках» сборников «Крестьянское движение в России» выступления с числом участников менее 10 человек (за исключением особо выдающихся случаев — убийства помещиков и т. д.) как бы пропадали, исчезали из поля зрения читателя. А сколько было этих мелких выступлений — вопрос не праздный, не лишенный научного интереса.

Между тем в интересах сопоставимости данных при дальнейших исследованиях целесообразнее принимать за минимум число участников массовых выступлений не 15, а 10 человек, как сделано в «Хрониках» сборников, относя остальные к групповым и индивидуальным и учитывая их отдельно, не вводя в общие итоги. (Определение размера крупного промышленного предприятия наличием 15 и более рабочих к крестьянскому движению не имеет, конечно, никакого отношения.) Другое пожелание — вывести из числа массовых выступлений поджоги и учитывать их отдельно от массовых и групповых выступлений, как это делается в таблицах сборников. То, что поджигатели «действовали по поручению общества», по документам недоказуемо, а предположения, даже логически правильные, для статистики противопоказаны. Тем более, что учет поджога ведет к тому, что селение считается «охваченным» и все его население зачисляется в валовой итог участников.

«Во избежание преувеличений,— отмечал Лещенко,— число сел и население в них, приходящееся на групповые и повторные выступления, нами не учитывались»[43]. В таком случае неправомерно рядом с числом «охваченных» сел приводить общий итог выступлений. Это сбивает с толку читателя. Например, данные за 1896—1899 гг.[44] и 1905—1907 гг.[45]:

	1896—1899 гг.	*1905—1907 гг.*
Количество крестьянских выступлений	492	6 802
В том числе: повторных	22	873
групповых	67	29
Число сел, охваченных ими (какими? — *А. А.*)	562	10 684
В них крестьян	713 721	13 079 803
% их к общему числу населения	3,5	

Любой читатель отнесет «охваченные» села к числам 492 и 6802, тем более что не выделено число выступлений, соответствующее числу охваченных сел. Более того, сам Н. Н. Лещенко дает к этому повод. Так, он пишет, что с 1881 по 1894 г. на Украине произошло не менее 1008 (964 массовых и 44 групповых) крестьянских выступлений, в которых приняли участие 1135 сел с населением свыше 1,6 млн. человек[46].

В общей сводке (по губерниям и Украине в целом) фигурирует не число массовых выступлений, а та же цифра 6802, без выделения групповых и повторных. В их число одной графой вошли «поджоги имений, разбор имущества, убийства угнетателей». Следовательно, подсчитаны вместе и поджоги, и убийства, и групповые, и массовые выступления. Все это, конечно, говорится не в укор автору, поскольку остается несомненной его заслуга в подсчете групповых выступлений. Что же касается введения в общий итог повторных выступлений, то в этом упрекнуть автора нельзя. Их можно было принимать за самостоятельные, поскольку, по его словам, речь шла о выступлениях, «ранее полностью прекращенных». И не следовало опасаться повторного счета. Известно, например, что в период революции 1905—1907 гг. число стачечников намного превышало число рабочих Петрограда за счет повторных стачек[47].

С чем мы, однако, не можем согласиться, это с учетом сел, где были выступления, независимо от числа участников. Учет населения в селах, где совершены были поджоги и убийства помещиков, причисление этого населения к числу «охваченных» движением ведет, естественно, к завышению масштабов движения. Это по сути дела модификация методики С. Н. Прокоповича с той разницей, что вместо уезда единицей учета становится «охваченное» село.

Другим путем пошел Л. П. Мулявичюс. Им зарегистрированы все случаи, где показано число участников, и средняя экстраполирована на все выступления (к сожалению, он не привел математического доказательства возможности такой экстраполяции). В результате получилось расчетное число участников крестьянских выступлений в Литве за 1864—1904 гг.[48].

Имеют место разногласия в вопросе о том, как, по какой форме принимать к учету выступление, если в нем проявились две формы борьбы. Например, вслед за массовой порубкой последовала схватка с полицейскими, отбиравшими в селе срубленный лес. В свое время П. Н. Абрамовым был предложен и применен учет таких выступлений по высшей форме[49]. По этой методике сделаны наши подсчеты выступлений за годы первой мировой войны, теперь уже устаревшие[50]. То же у Б. Г. Литвака: «Мы считали, что должна учитываться только одна форма, ибо в противном случае мы бы искусственно увеличивали число селений, втянутых в крестьянское движение»[51]. Пример: крестьяне подали жалобу, а потом прекратили исполнение барщины. Выступление регистрируется по последней высшей форме. По этой же форме оно было бы учтено, если бы события последовали в ином порядке.

Против учета сложных выступлений по высшей форме выступил Ю. И. Кирьянов, отметивший, что в работах ряда историков «все выступления, заканчивавшиеся столкновениями с полицией, учитывались как «столкновение с полицией» (см., напр., П. Н. Абрамов). Такая методика нам представляется неправильной, так как она затушевывает причину выступления»[52]. По принципу причины первоначальной формы им сгруппированы выступления за 1914—1917 гг.[53], но при этом теряется представление об остроте, накале борьбы. Так, за бесстрастными цифрами рубрики «На почве дороговизны» стоят целые восстания, погромы магазинов, стычки с полицией и войсками и т. д.

Н. А. Мальцева предложила способ учета, при котором сохраняется и то и другое. Например, данные за 1907—1914 гг.[54]:

	Без сопротивления	*С сопротивлением властям*	*Итого*
Выпасы, потравы	105	23	128
Порубки	86	26	112

Этот способ может быть рекомендован для учета сложных (смешанных) выступлений. Следовало бы также ввести рубрику «Индивидуальные выступления» (или, как у Б. Г. Литвака, «индивидуальный террор»)[55].

Отсутствие единой методики сбивает с толку аспирантов, а их научные руководители не могут порекомендовать автора, методика которого была бы безупречной. Поэтому диссертации вносят еще больше путаницы. Смоленский диссертант М. И. Рабинович ввел в статистические таблицы рубрику «Индивидуальные выступления», отнеся к ним случаи убийства помещиков. Но в ту же рубрику им включены случаи агитации, проводимой отдельными крестьянами[56], тогда как все факты агитации в таблицах сборников «Крестьянское движение в России» учитываются отдельно. В. Н. Шевченко включил поджоги в общий итог выступлений (за массовые он принимает, как и Н. Н. Лещенко, выступления с числом участников 15 и более человек, а за групповые — от 2 до 14 человек)[57]. В «Хронике» за 1861—1869 гг. в Петербургской губернии зарегист-

рировано всего лишь 2 выступления, а диссертант В. А. Казаченко насчитал более 3 тыс.[58], т. е. примерно столько же, сколько учел Н. Н. Лещенко за эти же годы по девяти украинским губерниям.

Что необходимо для того, чтобы данные были сравнимы и отражали действительные масштабы крестьянского движения? По нашему мнению, надо делать следующее: 1) составлять подробные хроники движения по губерниям или районам с привлечением местного материала; 2) к массовым относить выступления, по предложению Н. М. Дружинина, с числом участников 10 и более человек; 3) учитывать, по примеру Н. Н. Лещенко, групповые выступления, но отдельно, не смешивая с массовыми; 4) ввести рубрику «Индивидуальные выступления» (убийства помещиков, кулаков, представителей власти и другие действия одиночек); 5) вести отдельный учет поджогов, не включая в итоги массовых или групповых выступлений; 6) так же поступать при учете случаев агитации, распространения нелегальной литературы и т. д.; 7) ввести, по примеру Л. П. Мулявичюса, учет числа участников выступлений в сравнении с общим числом крестьян (там, где число показаний репрезентативно и допустима экстраполяция); 8) исключить из практики характеристику движения по «охвату» губерний, уездов, волостей и селений.

[1] Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г. Таллин, 1959, с. 9.
[2] *Прокопович С.* Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912.
[3] Аграрное движение в России в 1905—1906 гг. СПб., 1908. Т. 1, 2.
[4] *Мороховец Е. А.* Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху первой русской революции. М.; Л., 1926.
[5] Революция 1905—1907 годов в национальных районах России: Сб. ст. М., 1949, с. 83, 176.
[6] Ежегодник..., 1958 г., с. 9.
[7] История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12-ти т. М., 1968, т. 6, с. 171.
[8] *Тропин В. И.* Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970, с. 155.
[9] *Жуков Т. И.* Більшовики у боротьбі за селянство у революції 1905—1907 рр.: (На матеріалах Европейской частини Росії). Львів. 1970.
[10] *Трапезников С. П.* Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос: В 2-х т. М., 1974, т. 2, с. 108.
[11] Революция 1905—1907 годов в России. М., 1975, с. 106.
[12] Там же, с. 198.
[13] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, т. 2, с. 121. Эта же цифра (37%) со ссылкой на данное издание повторяется в кн.: *Жуков Т. И.* Указ. соч., с. 115.
[14] *Литвак Б. Г.* Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М., 1967, с. 29.
[15] *Игнатович И. И.* Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века. М., 1963, с. 11.
[16] *Мулявичюс Л. П.* Крестьянское движение в Литве в 1864—1904 гг.— В кн.: Ежегодник..., 1968 г. Л., 1972, с. 280.
[17] *Савицкий Э. М.* Крестьянское движение в Белоруссии в годы первой мировой войны (август 1914 — февраль 1917 г.).— В кн.: Ежегодник..., 1966 г. Таллин, 1971, с. 501.
[18] *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, с. 39.

[19] На аграрном фронте, 1925, № 1.
[20] «За 1908—1914 гг. только в европейской части России произошло свыше 17 тыс. крестьянских выступлений» (Очерки истории СССР, 1907 — март 1917/Под ред. А. Л. Сидорова. М., 1954, с. 109).
[21] Крестьянское движение в России, июнь 1907 г.— июль 1914 г.: Сб. документов/Под ред. А. В. Шапкарина. М.; Л., 1966.
[22] *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. М., 1963, с. 518.
[23] *Мальцева Н. А.* О количестве крестьянских выступлений в период столыпинской аграрной реформы (3 июня 1907 г.— 1 авг. 1914 г.).— История СССР, 1965, № 1, с. 126.
[24] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс. М., 1950, с. 143.
[25] *Крутиков В. И.* Крестьянское движение в Тульской губернии в 1858—1863 гг.— Ежегодник..., 1963 г. Вильнюс, 1964, с. 713, 714. Заметим, что в общие итоги автором включены поджоги: в первом случае 48, во втором — 62.
[26] *Литвак Б. Г.* Указ. соч., с. 49.
[27] *Мальцева Н. А.* Указ. соч., с. 131.
[28] Там же, с. 126.
[29] *Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа, с. 518, 541.
[30] *Мальцева Н. А.* Указ. соч., с. 129.
[31] Очерки истории СССР, 1907 — март 1917, с. 107, 108.
[32] *Виноградов В. А., Розов Е. К.* Об источниковедческой базе изучения крестьянского движения.— В кн.: Ежегодник..., 1971 г. Вильнюс, 1974, с. 349.
[33] Там же, с. 347, 348.
[34] *Смыков Ю. И.* Крестьянское движение в Среднем Поволжье в 60—90-х годах XIX в.: (К вопросу о методике его статистического изучения).— Там же, с. 356.
[35] *Степынин В. А.* Об участии бывших государственных крестьян в революции 1905—1907 гг.: (По материалам Воронежской губернии).— Там же, с. 361, 365.
[36] *Мулявичюс Л. П.* Указ. соч.
[37] *Кузнецов И. Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963, с. 374.
[38] *Лещенко Н. Н.* Изменения в аграрных отношениях на Украине в результате проведения реформы 1861 г.— В кн.: Ежегодник..., 1958 г., с. 198.
[39] Там же, с. 10.
[40] *Литвак Б. Г.* Указ. соч., с. 83—84.
[41] *Пойда Д. П.* Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период, 1866—1900 гг. Днепропетровск, 1960.
[42] *Лещенко Н. Н.* Основные этапы, направленность и формы классовой борьбы в украинской деревне в эпоху домонополистического капитализма.— В кн.: Ежегодник..., 1971, с. 335.
[43] Там же, с. 335.
[44] *Лещенко М. Н.* Класова боротьба в українському селі в епоху домонополістичного капіталізму (60—90-ті роки XIX ст.). Київ, 1970, с. 288.
[45] *Лещенко М. Н.* Українське село в революції 1905—1907 рр. Київ, 1977, с. 343.
[46] *Лещенко Н. Н.* Основные этапы, направленность и формы классовой борьбы...— Ежегодник... 1971 г., с. 338.
[47] История рабочих Ленинграда: В 2-х т. Л., 1972, т. 1, с. 354.
[48] *Мулявичюс Л. П.* Указ. соч., с. 296.
[49] *Абрамов П. Н.* Из истории крестьянского движения 1905—1906 гг. в центрально-черноземных губерниях.— Ист. зап., 1956, т. 57, с. 296.
[50] *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962, с. 362.
[51] *Литвак Б. Г.* Указ. соч., с. 43.
[52] *Кирьянов Ю. И.* Крестьянское движение на Украине в годы первой мировой войны (до февральской революции 1917 г.).— Ежегодник..., 1960 г. Киев, 1962, с. 536.
[53] Там же, с. 544—545.
[54] *Мальцева Н. А.* Указ. соч., с. 128.
[55] *Литвак Б. Г.* Указ. соч., с. 66.

[56] *Рабинович М. И.* Крестьянское движение в Смоленской губернии в 1907—1914 гг. Смоленск, 1984.

[57] *Шевченко В. Н.* Положение крестьянства Левобережной Украины и его революционная борьба накануне первой российской революции, 1900—1904 гг. Киев, 1984.

[58] *Казаченко В. А.* Крестьянское движение в С.-Петербургской губернии в 60-е годы XIX века. М., 1982.

И. Д. Ковальченко

О многомерной группировке крестьянских хозяйств

Важнейшей задачей при изучении истории крестьянства в эпоху феодализма и особенно в период капитализма является выделение в его среде различных по своей внутренней природе слоев. Для этого необходима группировка крестьянских хозяйств. Объективность группировки (классификации, типологизации) любой совокупности социальных объектов, т. е. адекватное отражение ею реального положения, определяется теми принципами и критериями, которые положены в ее основу. Выбор этих принципов и критериев представляет собой не только чрезвычайно важную, но и весьма сложную исследовательскую процедуру. Эта сложность обусловлена многообразием тех черт, свойств, функций и взаимосвязей, которые присущи этим объектам. К тому же все они находятся в непрерывном изменении и движении. Поэтому всякая типологическая группировка, т. е. группировка, имеющая своей целью выделение *качественно* отличных совокупностей однородных (одноименных) объектов, должна начинаться с определения ее *цели*. Лишь на этой основе могут быть определены принципы и критерии группировки.

Применительно к крестьянству в России эпохи капитализма всестороннее обоснование методологических подходов и методических приемов группировки крестьянских хозяйств и их практическая реализация в конкретно-историческом исследовании блестяще выполнена В. И. Лениным (прежде всего в работе «Развитие капитализма в России»). Разработанные им общие принципы и конкретные критерии группировки крестьянских хозяйств лежат в основе всех советских исследований, связанных с изучением дифференциации, расслоения и разложения крестьянства в феодальную и капиталистическую эпохи. В претворении ленинского подхода в исследовательскую практику историков, особенно в разработку вопроса об исторических этапах и стадиях расслоения крестьянства, внес существенный вклад Н. М. Дружинин.

Рассматривая вопрос о группировке крестьянских хозяйств земскими статистиками, В. И. Ленин подчеркивал: «Экономическая статистика необходимо должна положить в основание группировки

размеры и типы хозяйства. Признаки для различения этих типов должны быть взяты сообразно с местными условиями и формами земледелия; если при экстенсивном зерновом хозяйстве можно ограничиться группировкой по посеву (или по рабочему скоту), то при других условиях необходимо принять в расчет посев промышленных растений, техническую обработку сельскохозяйственных продуктов, посев корнеплодов или кормовых трав, молочное хозяйство, огородничество и т. д. Когда крестьянство соединяет в широких размерах и земледельческие и промысловые занятия,— необходима комбинация двух указанных систем группировки, т. е. группировки по размерам и типам земледелия и группировки по размерам и типам „промыслов“» [1].

Таким образом, учет ведущих направлений хозяйственной деятельности позволяет выявить те признаки, которые должны быть положены в основание группировки, а учет размеров хозяйств — установить границы качественной определенности выделяемых групп. Тем самым открывается возможность раскрыть не только экономическую, но и социально-классовую природу этих групп и при отсутствии прямых данных о последней. Эта возможность блестяще продемонстрирована В. И. Лениным при анализе разложения крестьянства по данным земской статистики конца XIX в. В. И. Ленин указал и те конкретные критерии, на основе которых при наличии соответствующих сведений можно непосредственно выделять социально отличные типы крестьянских хозяйств — пролетарские, собственно крестьянские, или мелкобуржуазные, и капиталистические. В. И. Ленин относил к первым дворы, в которых большинство трудоспособного населения «является наемными рабочими», ко вторым — хозяйства, в которых «число семейных рабочих больше числа наемных», к третьим — хозяйства, в которых «число наемных рабочих больше числа семейных» [2].

Таковы основные принципы группировки крестьянских хозяйств, позволяющие выделять в среде крестьянства существенно отличные в производственно-экономическом и социальном отношении слои. Основной методологической сутью ленинского подхода является *целостность* (*системность*), *многоаспектность* рассмотрения крестьянского хозяйства, вытекающая из многообразия его реальной природы. В полной мере такой подход может быть реализован на основе *многомерной* группировки крестьянских хозяйств, учитывающей не отдельные характеризующие его черты, а определенную их совокупность и присущую им взаимосвязь. В. И. Ленин подчеркивал: «Смешно было бы думать, напр., что отдельные данные о распределении лошадей в состоянии разъяснить хоть что-нибудь по вопросу о крестьянском разложении. Это распределение ровно еще ничего не доказывает, если не взять его в связи *со всей совокупностью* данных о крестьянском хозяйстве» [3].

Диалектико-материалистические принципы многомерной типологической группировки крестьянских хозяйств (как и других социальных объектов), разработанные В. И. Лениным, намного опережали свое время и в полной мере могут быть реализованы лишь на

современном этапе развития науки. Сам В. И. Ленин и другие марксисты, изучавшие процесс разложения крестьянства в России, не располагали необходимыми для этого первичными подворными сведениями о крестьянском хозяйстве. Они вынуждены были пользоваться различными сводными данными, которые в силу несостоятельности теоретико-методологических посылок, из которых исходили их составители, в большой мере обесценивали исходные показатели. С другой стороны, в то время еще не были разработаны и эффективные методы многомерного математико-статистического анализа.

Эти методы существуют в настоящее время. Стали доступными и все более широко вовлекаются в научный оборот и различные первичные подворные сведения о крестьянском хозяйстве. Особенно много таких сведений по концу XIX — началу XX в. Это первичные материалы земских подворных описаний крестьянских хозяйств и подобных им обследований, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., описаний крестьянских хозяйств, обращавшихся за ссудами в Крестьянский земельный банк и ипотечные банки, и другие подворные сведения. Анализ всех этих материалов чаще всего связан с той или иной группировкой крестьянских хозяйств. Она до сих пор, как правило, является одномерной, т. е. крестьянские хозяйства группируются по какому-либо одному признаку. Иногда такая группировка корректируется учетом некоторых других показателей или проводится одномерная параллельная группировка по разным признакам[4]. Подобный подход вполне правомерен и, как показано во многих работах, дает эффективные исследовательские результаты. Вместе с тем он может быть дополнен и многомерной группировкой, что позволяет углубить анализ расслоения крестьянства.

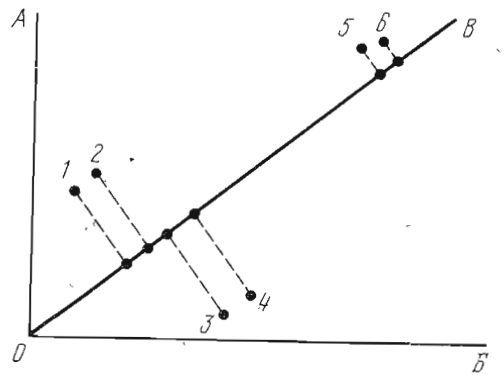
Краткая характеристика сути такой группировки и некоторых ее методов и является целью настоящей статьи.

* * *

Суть многомерного анализа различного рода объектов состоит в том, что он базируется на учете не отдельных показателей, характеризующих эти объекты, а целой их совокупности. Поскольку многомерный математико-статистический анализ предполагает использование ЭВМ, число включаемых в этот анализ показателей лимитируется лишь техническими возможностями. В настоящее время это могут быть десятки и даже сотни показателей. Разумеется, это никоим образом не означает, что при многомерном анализе надо стремиться к включению в него как можно большего числа признаков, отражающих свойства изучаемых объектов. Успех здесь определяется не количеством, а содержательной весомостью показателей в плане поставленной исследовательской задачи. Обоснованный отбор показателей — важнейший этап многомерного анализа.

Особенностью многомерного анализа, порождающей определенные сложности при его использовании представителями гуманитарных наук, является его абстрактный характер[5]. Исследуемые объекты фигурируют в нем не как некие реальные субстанции, о свойствах которых можно судить по конкретно воспринимаемым признакам, а как их геометрическое отражение, как совокупность точек, расположенных в многомерном пространстве и характеризуемых различными абстрактно-математическими соотношениями. Проиллюстрируем суть такого перехода на примере двухмерного пространства, которое можно представить наглядно (см. диаграмму).

Допустим, что имеется шесть крестьянских хозяйств, состояние которых характеризуется данными о размерах посевов (линия АО) и количестве продуктивного скота (линия ОБ) на душу населения. Пусть 1-й и 2-й дворы имеют средние размеры посевов и низкую обеспеченность продуктивным скотом, 3-й и 4-й дворы, наоборот, среднюю обеспеченность продуктивным скотом и небольшие размеры посевов, а 5-й и 6-й дворы отличаются высоким уровнем и посевов, и обеспеченности продуктивным скотом. Тогда на диаграмме эти дворы будут располагаться как указано. Если мы будем группировать эти дворы по размерам посевов, то в высшей группе будут дворы 5-й и 6-й, в средней — 1-й и 2-й и в низшей — 3-й и 4-й. Если же мы выделим группы по обеспеченности продуктивным скотом, то в высшей группе окажутся дворы 5-й и 6-й, средней — 3-й и 4-й и низшей — 1-й и 2-й, т. е. переход к другому группировочному признаку даст иное распределение 1-го — 4-го дворов по группам.



Диаграмма

Выявленная ограниченность одномерной группировки может быть преодолена переходом к группировке двухмерной. Но для этого надо отвлечься от реальных значений признаков и рассмотреть соотношение между точками, отражающими положение дворов в двухмерном пространстве. О сходстве дворов по двум указанным признакам можно судить по расстояниям между точками. В данном случае очевидно наличие трех групп. В первую входят 1-й и 2-й дворы, во вторую — 3-й и 4-й и в третью — 5-й и 6-й. При более сложной картине необходимо измерение этих расстояний.

Очевидность наличия трех групп дворов еще не дает ответа на вопрос о том, насколько существенными были различия между ними по совокупному значению двух признаков, т. е. единому фактору, который в данном случае отражает уровень развития основных отраслей сельского хозяйства. Следовательно, нужен показатель, который будет характеризовать этот уровень. Этот показатель может

быть определен таким образом. Надо найти такую линию, расстояние от которой всех шести точек было бы наименьшим. На диаграмме это линия ОВ. Затем на эту линию проецируются все шесть точек. Расположение их на этой линии будет ранжировать каждый двор по совокупности двух признаков. Этот ранг может быть выражен количественно в виде индекса, который называют факторным весом и который в данном случае будет отражать различия между дворами по уровню развития сельскохозяйственного производства. Как видно из диаграммы, этот уровень, во-первых, в 5-м и 6-м дворах значительно более высок, чем в 1-м — 4-м, и, во-вторых, различие между группами, в которые входили 1-й — 2-й и 3-й — 4-й дворы, несущественно. Это наводит на предположение о том, что по совокупности двух признаков, т. е. по единому интегральному показателю (факторному весу), дворы 1-й — 4-й относятся к одной экономической группе. Методы многомерной группировки позволяют установить это. Такая группировка может быть проведена по показателям факторных весов. При этом число выделяемых групп задается исследователем, а само выделение основывается на формировании максимально однородных групп. Тем самым преодолеваются трудности одномерных группировок, связанные с определением интервалов для значений группировочных признаков.

Такова предельно упрощенная суть одного из возможных методов многомерной группировки различных объектов, в том числе и крестьянских хозяйств. Предпочтительность этого метода для многомерной группировки крестьянских хозяйств определяются тем, что число выделяемых групп хозяйств может задаваться исследователем в зависимости от исследовательских задач. Кроме того, этот метод лишен той неопределенности в выделении качественно отличных типов хозяйств, которые могут возникать при кластерном анализе, и тех трудностей, с которыми сопряжены методы распознавания образов. Разумеется, когда многомерной группировке подвергаются значительные совокупности объектов (практически это могут быть сотни объектов), характеризуемые десятками различных показателей, вся процедура является значительно более сложной и ее выполнение невозможно без применения ЭВМ. Достаточно указать на то, что в абстрагированном виде анализируемая совокупность объектов представляет собой «облако» точек в пространстве, размерность которого определяется числом учитываемых показателей, и математический анализ этого «облака» не столь прост, как это было в рассмотренном примере. Но принципы этого анализа те же.

Предельное абстрагирование, связанное с многомерным анализом, нередко вызывает у гуманитариев, привыкшим к методам анализа, основанным на чувственном восприятии, опасение отрыва от реальных объектов познания. Эти опасения неосновательны. В. И. Ленин соглашался с мнением, что «математика, постепенно удаляясь от пространств, доступных чувственному восприятию, и возвышаясь до пространства геометрического, не удаляется, однако, от реального пространства, т. е. от истинных отношений между

Таблица 1

Социальный строй и уровень крестьянского хозяйства Пензенской губернии (1913 г.)

Производственно-экономические группы хозяйств	Социальные группы хозяйств				Всего
	I	II	III	IV	
А. Количество дворов в группах					
1	58	28	3	3	92
2	24	45	24	11	104
3	5	17	18	10	50
4	2	2	4	7	15
Итого	89	92	49	31	261
Б. Производственно-экономическая структура социальных групп, в %					
1	62,2	30,4	6,1	9,8	35,2
2	30,0	48,9	49,0	35,4	39,9
3	5,6	18,5	36,7	32,2	19,2
4	2,2	2,2	8,2	22,6	5,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

вещами. Она скорее приближается к ним»[6]. Это в полной мере подтверждается опытом применения многомерного анализа в гуманитарных исследованиях, в том числе и при типологической группировке различного рода социальных объектов[7].

* * *

Для конкретного выявления целесообразности и эффективности многомерной группировки крестьянских хозяйств рассмотрим два примера. Речь идет о подворных данных бюджетных обследований крестьянского хозяйства Пензенской губернии (1913 г.)[8] и Воронежской губернии (1887—1896 гг.)[9]. Первоначально эти данные, наряду с другими крестьянскими бюджетами, были подвергнуты анализу с целью изучения социального строя различных групп хозяйств, выделенных традиционными методами одномерной группировки[10].

Бюджетное обследование по Пензенской губернии в своем роде является уникальным. В нем учтены затраты собственного труда в своем хозяйстве, а также продажа и найм рабочей силы. Это дало возможность провести группировку дворов на основе прямых данных о социальной природе крестьянских хозяйств. Было выделено четыре группы таких хозяйств (см. табл. 1).

К *группе I* (89 дворов) были отнесены такие хозяйства, в которых продажа рабочей силы превышала затраты своего труда в своем хозяйстве. Это был слой сельских пролетариев с наделом и мизерным собственным хозяйством.

В *группу IV* (31 двор) вошли хозяйства, в которых наемной рабочей силы применялось больше, чем продавалось своей. Наемный труд составлял здесь 44,6% к затратам собственного труда в своем хозяйстве. И хотя в целом крестьяне этой группы еще не были капиталистами в полном смысле, они представляли собой мелких сельских аграриев, из которых вырастали собственно капиталисты.

Группы II и III представляли средний слой деревни.

К *группе II* (92 двора) были отнесены дворы, в которых было продано своей рабочей силы больше, чем нанято, но везде затраты собственного труда в своем хозяйстве превышали продажу рабочей силы.

В *группу III* (49 дворов) были включены дворы, в которых вообще отсутствовала продажа-купля рабочей силы или она не имела существенного значения. В целом по группе продажа рабочей силы составляла 2,3%, а купля — 1% к затратам собственного труда в своем хозяйстве. Это была наиболее «крестьянская» группа хозяйств.

Указанная группировка позволяет выявить те глубокие различия, которые были присущи хозяйству различных слоев деревни, а также то общее, что воздействовало на состояние этого хозяйства. Судить об этом можно, сопоставляя по группам отдельные показатели, характеризующие это хозяйство. Но поскольку в силу воздействия на крестьянское хозяйство множества всякого рода изменяющихся факторов эти показатели являются подвижными, они не раскрывают в должной мере устойчивых и фундаментальных различий между группами хозяйств, а тем самым и присущих им тенденций развития. Говоря конкретней, речь идет о следующем. «Мелкий производитель,— указывал В. И. Ленин,— сливается с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, *своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева* (курсив мой.— *И. К.*)» [11]. Чтобы выявить, насколько объективно-экономически были велики эти шансы и в какой мере субъективные устремления мелкого производителя были реальными, необходим переход от одномерной группировки и характеристики крестьянских хозяйств к их многомерному анализу. Он проводился следующим образом.

Для изучения крестьянского хозяйства было выделено 60 различных показателей (о размерах, отраслевой структуре и товарности хозяйства, обеспеченности средствами производства, статьях расходов и доходов в расчете на душу населения). Затем на этой основе был сформирован единый интегральный фактор, обобщенно характеризующий состояние крестьянского хозяйства. Содержательную суть этого фактора раскрывают прежде всего следующие, наиболее тесно связанные с ним выделенные показатели (в скобках указаны коэффициенты корреляции, показывающие тесноту связи показателя с интегральным фактором): 1) всего затрат капитала (0,95); 2) производительные затраты капитала (0,93); 3) доля сельскохозяйственного капитала в производственных затратах капитала (0,86); 4) всего землепользования (0,86); 5) размеры посевов (0,78); 6) стоимость сельскохозяйственного инвентаря (0,80);

7) стоимость всего скота (0,82); 8) доход от земледелия (0,87); 9) доход от скотоводства (0,73); 10) валовой доход (0,77); 11) расход на продовольствие (0,79).

Это означает, что из 60 учтенных показателей указанные здесь прежде всего определяли состояние крестьянского хозяйства. В целом этот интегральный фактор, как видим, отражает общий производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства. Этот уровень для каждого двора получил свою единую количественную оценку в виде индекса. Среднее значение этого индекса равно нулю. Положительные значения индекса показывают, насколько уровень хозяйства был выше среднего, а отрицательные значения — ниже среднего. Из 261 двора, учтенного в публикации, 111 дворов имели общий уровень хозяйства выше среднего (индексы колеблются в пределах от 0,003 до 4,40), а 150 дворов — ниже среднего (индексы от −0,0004 до −1,68). Таким образом, совокупные различия в производственно-экономическом уровне крестьянских хозяйств были значительно бо́льшими, чем это представляется данными по отдельным показателям.

По данным об общем совокупном уровне крестьянского хозяйства была проведена группировка крестьянских дворов. Было выделено четыре группы, с тем чтобы можно было сопоставить взаиморазпределение дворов по группам при одномерной и многомерной группировках (см. табл. 1).

Это сопоставление показывает, что имело место существенное несовпадение в распределении одних и тех же дворов по социальным и экономическим группам. Это явление может быть основой для целого ряда наблюдений и заключений. Ввиду ограниченного объема статьи отметим лишь один момент: в какой мере дворы различных социальных групп располагали экономическими возможностями для повышения уровня своего хозяйства, а следовательно, и для изменения в дальнейшем своего социального статуса, т. е. насколько были велики их шансы «выбиться на дорогу». Показателем этого является производственно-экономическая структура социальных групп.

Подавляющая часть дворов (62,2%) пролетарской группы (социальная группа I) имела наиболее низкий общий уровень хозяйства, т. е. не располагала возможностями для улучшения своего положения на базе собственного хозяйства. У 30,0% дворов этот уровень был несколько выше. Но из 24 пролетарских дворов, имевших уровень хозяйства, соответствующий 2-й производственно-экономической группе, только в двух дворах он был выше среднего уровня по всей совокупности хозяйств. Это означает, что и эти дворы не имели шансов подняться вверх. И только у 7 дворов (7,8% всех пролетарских дворов), уровень хозяйства которых соответствовал 3-й и 4-й производственно-экономическим группам, т. е. был заметно выше среднего, при благоприятных условиях были какие-то возможности несколько улучшить свое положение. Наиболее реальной такая возможность была лишь у двух дворов (2,2% всех пролетарских дворов), принадлежавших по общему

уровню хозяйства к высшей 4-й производственно-экономической группе. Таким образом, пролетарский слой деревни не имел перспектив на улучшение состояния своего хозяйства и изменение своего социального статуса.

Примерно половина хозяйств (48,9%) слоя бедных середняков (II социальная группа) имела уровень хозяйства, соответствующий 2-й производственно-экономической группе, и более половины их имела уровень хозяйства ниже среднего. 30,4% хозяйств этой группы вообще имели самый низкий уровень хозяйства. Их перспективой могла быть лишь пролетаризация. И только 19 дворов этой группы (20,7%) имели уровень хозяйства заметно выше среднего. При этом только в двух дворах он относился к наиболее высоким. Следовательно, лишь только у части этих хозяйств была при благоприятных условиях некоторая возможность улучшить свое положение как сельских хозяев.

В «крестьянской» группе (III социальная группа) только треть дворов (16 из 49) имели уровень хозяйства существенно выше среднего (индексы более 1,0). При этом лишь в четырех дворах он был высоким. Следовательно, даже здесь не более 8—10% дворов группы при благоприятных условиях могли двинуться вверх.

Наконец, в высшей социальной группе (IV группа) лишь немногим более пятой части дворов (22,6%) имели и самый высокий общий уровень хозяйства. Именно эти дворы по общему уровню своего производственно-экономического развития и обладали возможностью превращения в собственно капиталистические фермерские хозяйства.

Как видим, многомерная группировка дворов, во-первых, подтверждает, что господствующим в пензенской деревне в начале XX в. был мелкобуржуазный уклад. Высокий уровень развития товарного производства (товарность хозяйства по социальным группам колебалась в пределах 42—53%) [12] сочетался с господством в подавляющей части хозяйств собственного труда. У значительной части хозяйств (34,1% дворов) большая часть трудовых ресурсов использовалась для работы по найму. Далее, она свидетельствует о том, что реальные экономические возможности для крестьян «пробиться в крупные хозяева» были крайне ограниченными. Такой возможностью обладали дворы с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем хозяйства (4-я производственно-экономическая группа). Эти дворы составляли лишь 5,7% всех хозяйств. В целом многомерная группировка показывает, что различия в производственно-экономическом уровне хозяйства различных слоев деревни были более глубокими, чем это представляется группировкой одномерной.

* * *

Бюджетные данные по Воронежской губернии охватывают 230 дворов. По размерам валового дохода на двор было выделено четыре группы хозяйств: I — до 300 руб. (81 двор); II—301-600 руб.

(58 дворов); III — 601-1 тыс. руб. (56 дворов); IV — более 1 тыс. руб. (35 дворов).

Для анализа состояния крестьянского хозяйства было использовано 53 различных показателя, взятых в расчете на душу населения или в процентах. По своему содержанию они аналогичны данным по Пензенской губернии, но несколько беднее по набору. Здесь, например, нет таких ценных данных, как затраты своего труда в собственном хозяйстве и купля-продажа рабочей силы. Первоначальный анализ внутреннего строя крестьянских хозяйств также проводился по отдельным показателям и позволил выявить существенные черты в этом строе.

Для многомерной группировки крестьянских хозяйств и интегральной оценки общего уровня его развития по исходным данным был сформирован единый фактор. Его сущность прежде всего определяют следующие исходные показатели (в скобках указана корреляционная связь признака с фактором): 1) общий расход (0,93); 2) хозяйственные расходы (0,87); 3) стоимость строений и промышленных заведений (0,82); 4) стоимость сельскохозяйственного инвентаря (0,79); 5) стоимость всего скота (0,82); 6) стоимость домашнего имущества (0,79); 7) всего валовой доход (0,92); 8) расходы на продовольствие (0,77).

Как видим, по своей сути набор показателей, определяющих общее состояние крестьянского хозяйства, оказался таким же, как и по Пензенской губернии. Это свидетельствует о том, что производственно-экономический уровень крестьянского хозяйства в целом определялся мощностью тех материальных и денежных ресурсов, которыми оно располагало и которые функционировали в производстве.

По данным совокупных индексов, показывающим общий уровень развития крестьянских хозяйств, было выделено четыре группы дворов, имевших существенные различия по этому уровню. Таблица 2 показывает соотношение групп по размерам валового дохода и производственно-экономическому уровню хозяйства.

Как и в Пензенской губернии, распределение одних и тех же дворов по группам при одномерной и многомерной группировке было различным. Не подвергая эти данные развернутой характеристике, отметим лишь наиболее существенные моменты.

У большинства дворов (137 из 230) (см. табл. 2) общий уровень хозяйства был ниже среднего (индексы колебались в пределах от —0,019 до —1,61). У этих хозяйств не было производственно-экономических предпосылок для заметного улучшения своего положения. Сюда входила подавляющая часть дворов I, II групп по размерам валового дохода.

У 93 дворов общий уровень хозяйства был выше среднего (индексы колебались в пределах от 0,019 до 5,68). При этом число дворов с наиболее высоким уровнем (4-я производственно-экономическая группа) составляли лишь 5,2% всех дворов. Заметим, что в Пензенской губернии такие дворы составляли 5,7% (см. табл. 1). Видимо, тот факт, что в двух разных районах доля дворов с наи-

Таблица 2

Доходы и уровень крестьянского хозяйства Воронежской губернии в конце XIX в.

Производственно-экономические группы хозяйств	Группы хозяйств по размерам валового дохода				Всего
	I	II	III	IV	
А. Количество дворов в группах					
1	45	10	2	—	57
2	32	33	24	4	93
3	4	14	27	23	68
4	—	1	3	8	12
Итого	81	58	56	35	230
Б. Производственно-экономическая структура групп по размерам доходов, в %					
1	55,6	17,2	3,6	—	24,8
2	39,5	57,0	42,9	11,4	40,4
3	4,9	24,1	48,1	65,7	29,6
4	—	1,7	5,4	22,9	5,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

более высоким производственно-экономическим уровнем была одинаковой, не случаен. Собственно только дворы с наиболее высоким общим уровнем хозяйства и обладали объективно-экономическими предпосылками, при прочих равных условиях, для успешного хозяйственного прогресса. Больше всего таких дворов было в высшей 4-й группе по валовому доходу (8 из 12). Однако и в этой группе они составляли несколько более пятой части дворов (22,9%). В Пензенской губернии в соответствующей одномерной группе доля таких дворов равнялась 22,6%. Удивительное и, вероятно, опять-таки не случайное совпадение.

В других группах по размерам валового дохода доля дворов с наиболее высоким производственно-экономическим уровнем была весьма незначительна (в 1-й группе их вообще не было, во 2-й — они составляли 1,7%, а в 3-й — 5,4%). Несколько большей была доля дворов, уровень хозяйства которых соответствовал 3-й производственно-экономической группе. В общем и данные по Воронежской губернии показывают, что возможности для изучения расслоения крестьянства при многомерной группировке дворов являются более широкими, чем при традиционной, одномерной.

В целом же исследовательская эффективность многомерной группировки состоит в том, что она исключает неизбежные случайности распределения дворов по группам, сопряженные с одномерной группировкой, во-первых, и дает возможность более объективно и глубоко не только охарактеризовать состояние крестьянского хозяйства,

но и выявить присущие ему тенденции развития, во-вторых. Очевидна также и целесообразность комбинации одномерных и многомерных группировок. Разумеется, что наряду с рассмотренным методом многомерной группировки, могут применяться и другие из этих методов.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 96.
[2] Там же, т. 19, с. 329.
[3] Там же, т. 17, с. 117.
[4] Избежать недостатков одномерной группировки помогают в определенной мере группировки комбинационные. Но их минусом является, во-первых, то, что из-за большого числа образуемых групп затрудняется выделение и анализ типических социально-экономических групп. Так, если совокупность крестьянских хозяйств разбивается на пять групп по одному признаку (например, по размерам посевов), а затем каждая из этих групп еще хотя бы на две (скажем, по наличию или отсутствию применения наемного труда), то в итоге будет 10 групп, которые надо будет сводить к трем-четырем социально-экономическим типам. Во-вторых, для комбинационных группировок, чтобы получить устойчивые средние показатели признаков, необходим большой объем исходных данных.
[5] О сути и методах многомерного анализа см.: Математические методы в исторических исследованиях: Учеб. пособие. М., 1984, гл. 10; *Бородкин Л. И.* Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М., 1985.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 482.
[7] Развитие сельских поселений: (Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов). М., 1977; Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ. М., 1980; *Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И.* Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков: (Опыт многомерного количественного анализа).— История СССР, 1979, № 1, с. 59—95; и др.
[8] Итоги оценочно-статистического обследования Пензенской губернии, 1909—1913 гг. Пенза, 1923, сер. II, вып. 1.
[9] *Щербина А. Ф.* Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900.
[10] *Ковальченко И. Д.* О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX — начале XX в.: (По бюджетным данным среднечерноземных губерний).— История СССР, 1983, № 5.
[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 402.
[12] *Ковальченко И. Д.* Указ. соч., с. 56.

П. Г. Рындзюнский

К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX—XX вв.

Недостаток земли у крестьян России для полноценного применения рабочей силы и для производства необходимой сельскохозяйственной продукции в пореформенное время давал о себе знать с нарастающей силой. В явлении аграрного перенаселения выразились все

стороны капиталистической эволюции российской деревни. Историография аграрного перенаселения в России велика, поскольку положение крестьян всегда находилось в центре внимания общественности. В решении вопроса о причинах, размерах и последствиях крестьянского малоземелья ясно обозначалась классовая позиция исследователей, отчего в дореволюционной историографии перенаселения присутствуют резко отличные, сталкивающиеся между собой истолкования вопроса [1].

При попытках уяснить размеры перенаселения более всего расходились по вопросу о земельном минимуме, или, как принято было говорить, о «норме» крестьянского землепользования. Эти расхождения обусловливались возможностью различного подхода к исчислению «нормы»: исходить из средней земельной площади, которая может быть освоена крестьянской семьей соответственно ее трудовым ресурсам, или принимать во внимание количество сельскохозяйственных продуктов, необходимых для жизнеобеспечения крестьянской семьи. В расчетах приходилось исходить из нормативов, которые обычно не могли быть строго обоснованными, например о средней по стране продуктивности десятины земли, о средней трудоемкости получения продукта, о средней потребности сельских жителей в продуктах и деньгах и т. д. При шаткости оснований для исчисления обобщенного («среднего») бюджета крестьянина неудивительно, что опыты определения достаточности или недостаточности земельного надела крестьян приводили к несовпадающим, часто далеко отстоящим друг от друга выводам.

В ведомственных изданиях дореволюционного времени видна наклонность к снижению «нормы» содержания крестьянской семьи, чем затушевывалась мизерность земельного обеспечения крестьян. В изданиях Отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия и государственных имуществ считали достаточным для крестьянина получать от своей земли в среднем по 12,1 пуда зерна. В некоторых изданиях Центрального статистического комитета в качестве «нормы» принималось 13 пуд. хлеба в год на человека. Такие показатели вырабатывались следующим образом. Все количество зерна, производимого на полях, за вычетом посевного материала, экспортируемого хлеба и зерна, употребляемого на выкуривание спирта, делилось на количество жителей страны. Полученная цифра объявлялась величиной прожиточного минимума одного человека. Нетрудно видеть, что при подобном расчете выдавалось за нормальное существовавшее положение вещей с постоянными голодовками крестьян, с их хозяйственной деградацией и переходом на положение пауперов.

Все же истинные условия жизни пореформенной деревни скрыть было невозможно. Обследования деревенской экономики, осуществлявшиеся различными комиссиями и земствами, постепенно раскрывали удручающую картину состояния крестьян, земельные наделы которых не могли покрыть своей продукцией бо́льшую часть необходимых расходов деревенского населения. Материал, собранный в трудах валуевской и податной комиссий, был весьма обстоятельно

обработан Ю. Э. Янсоном и изложен им в книге «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», изданной в 1877 г. (второе издание вышло в 1881 г.). Ю. Э. Янсон пришел к обоснованному выводу, что минимальный размер земельного участка при существовавших тогда средних урожаях в Нечерноземной полосе, «если земля не очень плоха, не может быть с усадьбою менее 8 десятин» [2] на ревизскую душу, т. е. на два человека. Поскольку в среднем крестьянские семьи состояли из 6—7 человек, весь семейный коллектив должен был иметь не менее 24—28 дес. земли для своего прокормления.

По исчислению Ю. Э. Янсона, в черноземных губерниях душевой надел должен быть не менее 5 дес. Следовательно, исходя из тех же расчетов, как и по Нечерноземной полосе, землепользование крестьянского двора в черноземной полосе не могло опускаться ниже 15—17,5 дес. [3]

В труде Ю. Э. Янсона на основе обильного статистического материала показано, что фактически большинство крестьянства России не могло располагать такими минимальными земельными ресурсами, хотя даже они не обеспечивали необходимые денежные затраты.

Например, душевой надел в 5 дес. в Черноземной полосе, указанный в книге Янсона как минимально необходимый, мог, по указанию автора, обеспечить получение лишь продовольственных и кормовых средств. За пределами такого обеспечения оставались затраты на покупку соли и дегтя, приобретение одежды и хозяйственных орудий, покупку леса и других нужных товаров, а также на оплату податей и повинностей [4].

В исследованиях, подобных книге Янсона, независимо от собственных намерений их авторов, обосновывалась глубокая необходимость демократического переворота в аграрных отношениях России. Недаром труд Янсона встретил резкий критический отклик со стороны дворянских консервативных кругов в лице Д. Ф. Самарина [5]. Не отрицая того, что наделы крестьян не обеспечивают жизнь сельского населения, Самарин не видел в этом социальной несправедливости. Он исходил из того, что распространенный в деревне обычай «прирабатывания» крестьянскими семьями материальных средств к тому, что они получали от своей земли, есть «нормальное» явление, не свидетельствующее о бедствии крестьянства.

Из дореволюционных исследований «недостаточности наделов» выделяется труд, осуществленный Комиссией по изучению причин и размеров «оскудения Центра» 1901 г. [6] Значительность изданного Комиссией собрания статистического материала обусловлена многообразием привлеченных источников (частично неизданных) и новым приемом в подходе к исследуемому вопросу. К его изучению авторы подошли двусторонне: во-первых, рассматривался вопрос о соотношении размеров надельной земли с величиной участка, который был бы под силу для обработки средней крестьянской семье; во-вторых, исследовалось, насколько получаемая от надела продукция способна обеспечить жизнь крестьянской семьи в течение года.

И то и другое рассмотрение осуществлялось на погубернском уровне применительно к 1900 г.[7]

Основное новаторство, введенное исследователями Комиссии 1901 г., заключалось в том, что при расчетах принимался во внимание труд на полях не только мужчин, как это было в прежних исследованиях, но и женщин — тех и других в рабочем возрасте суммарно (мужчин от 18 до 60 лет, женщин от 15 до 55 лет). Число мужчин уменьшалось на 4—7% с учетом отбывших на военную службу и на 2,5% — на общественные службы. Объем сельскохозяйственных работ определялся по наиболее трудоемкой части их цикла — по времени уборки урожая. Из этого времени вычислялась треть дней на прогулы и праздники, на ненастье и болезни, на следование до места работы и на другие возможные причины отсутствия на работе[8].

Результаты вычисления оказались весьма внечатляющими. Констатировалось, что «для сельской хозяйственной деятельности на надельной земле в среднем по 47 губерниям[9] нужны только 20,7% рабочего населения, или 9,0 млн. работников, а остальные 79,3%, или 34,6 млн., являются излишними»[10]. В вопросе о соотношении продукции надела с потребностями семьи авторы исчислений пришли к выводу, что продовольствие людей не удовлетворяется наделом на 17%, а прокорм лошади — на 41%. В «Материалах» Комиссии 1901 г. не рассматривался вопрос о причинах и значении расхождения в размерах дефицита при исчислениях достаточности наделов по трудовым возможностям крестьян и по их потребностям в сельскохозяйственной продукции.

Наше внимание привлекает весьма низкий показатель занятости крестьян работами на их земле — 20,7%. Работы по определению достаточности земельных наделов Комиссии 1901 г., в результате которых был выведен этот показатель, получили широкую известность, поскольку в них с большой силой выразилась ненормальность в существовавшем положении вещей, приводившем к бедствиям деревни. Итоги этого исследования приводятся и в современной советской литературе. В частности, их можно встретить на страницах значительной монографии А. М. Анфимова о крестьянском хозяйстве Европейской России 1881—1904 гг.

Здесь расчеты Комиссии 1901 г. воспроизведены в несколько преобразованном виде. А. М. Анфимов принял во внимание, что из незанятых земледельческими работами жителей не все оставались праздными — часть их работала в местной неземледельческой промышленности. Количество таких людей, по данным той же Комиссии, составляло 6,6 млн. человек. Отсюда, по исчислению А. М. Анфимова, избыток рабочей силы в деревнях составлял 23 млн. человек, или 51,5%, от общего числа людей в рабочем возрасте. Сократив долю «лишних людей» в деревне по сравнению с тем, как это было определено Комиссией 1901 г., А. М. Анфимов тем не менее считает, что «Материалы» Комиссии не преувеличивали, а, наоборот, преуменьшали размеры аграрного перенаселения, поскольку «Материалы» принимали объем земледельческих работ лишь по

времени уборки урожая[11]. Но и по отношению к результатам своего расчета, корректирующего расчеты Комиссии 1901 г., А. М. Анфимов замечал, что они показывают «поистине потрясающую картину» крестьянского малоземелья[12].

Все же есть сомнения в том, что степень использования трудовых ресурсов деревни на надельной земле была столь низкой, как это указывается в расчетах А. М. Анфимова, и тем более в «Материалах» Комиссии 1901 г. Если продолжить расчеты, содержащиеся в табл. 10 «Материалов», в которой исследуется степень соответствия наделов рабочему составу сельского населения, то окажется, что по принятым в таблице нормам выработки полная загрузка работников в деревне на обработке принадлежавшей им земли настанет в том случае, если каждый двор в среднем будет обладать не менее чем 45 дес. земли. Это такая величина участка, которая характерна для весьма зажиточного хозяйства, и, конечно, она не может служить ориентиром для отделения дворов, не имевших возможности вести самостоятельное сельское хозяйство, отсюда не может служить взвешиванию степени аграрного перенаселения.

Сомнения возникают и на другой основе. В данных о земельном обеспечении крестьян Комиссией 1901 г. не учтены земли, находившиеся в личной собственности крестьян и купленные ими в общественную собственность. (По данным поземельной переписи 1905 г., эти земли в Европейской России составляли 17% всего земельного фонда, принадлежавшего крестьянам[13].) Но гораздо большие последствия для точности исчислений имело другое обстоятельство[14]. Исследователи Комиссии 1901 г. не учли важных последствий того, что в расчет рабочей силы включили не только работников-мужчин, но и работниц-женщин. Поступая так, они обязаны были бы учесть обязательные расходы рабочей силы вне земледелия в равной мере как мужчин, так и женщин. Выше перечислялись поводы, по которым отчислялись рабочие дни (военная служба, выполнение общественных служб). Это специфически мужские занятия. Между тем в деревнях была огромная область затраты рабочего времени, главным образом у женщин. Это круг разнообразных работ, который (хотя и неполно) может быть обозначен термином «домоводство». У крестьянок он захватывал огромное время. Многие разновидности домоводства были непрерывны и строго обязательны даже в горячее время уборки урожая. Разобщенность крестьянских семей, отсутствие коллективных форм службы быта, многие пережитки натуральной формы производства необходимых предметов — все это вело к разрастанию труда на домоводство и приводило к тому, что этот труд был общественно необходим. Немалая часть домоводства находилась на пограничной области с производственной деятельностью (уход за скотом, работа на усадьбе и др.). Все сказанное говорит о том, что попытки расчета соответствия трудовых возможностей крестьянской семьи с объемом работ на надельной земле, предпринятого Комиссией 1901 г., страдают большим дефектом, как и другие исчисления, в которых рабочее время мужчин и женщин суммируется.

Обстоятельная исследовательская работа по вопросу о размерах аграрного перенаселения в капиталистической России проделана А. В. Островским [15]. Им критически рассмотрены попытки определения размеров недостатка земли у крестьян соответственно их трудовым ресурсам. Нельзя не согласиться с призывом А. В. Островского изучать размеры перенаселения не только в целом по Европейской России, но также и по отдельным ее частям, хотя районирование, которого придерживается А. В. Островский, нельзя считать удачным. Для своих исчислений он использует тот же круг источников, что и составители «Материалов» Комиссии 1901 г., но все же расширяет их и использует более уточненно. В результате размеры перенаселения выглядят в работе А. В. Островского менее значительными, чем в «Материалах» и в монографии А. М. Анфимова. Количество «ненужных» работников для производительного использования земли, находившейся в обладании крестьян в последние годы XIX в., составляло, по определению А. В. Островского, на 27—35% меньше всего сельскохозяйственного населения. Так определяется величина аграрного перенаселения. «Эти размеры,— дополняет автор,— будут выглядеть еще скромнее, если принять во внимание только чисто сельскохозяйственное население, не имеющее побочных промыслов» [16].

Одна из ценных сторон работы А. В. Островского заключается в том, что автор не скрывает приблизительности исчислений, выполненных другими исследователями и им самим. Порой такие расчеты по степени их приблизительности представляются выходящими за пределы возможных даже для самых ориентировочных выводов. Примером могут служить показатели, которые наравне с другими определяют точность конечных выводов: данные о продолжительности периода уборки урожая. О них А. В. Островский замечает: «По этому вопросу мы не располагаем и сколько-нибудь полными и точными данными» [17]. Однако он суммирует труд женщин и мужчин и, как его предшественники, игнорирует при этом специфичность бюджета времени женщин-крестьянок.

Во всех упомянутых попытках определения размеров аграрного перенаселения по Европейской России, видимо, в целом было его преувеличение. В связи с этим напомним, что потенциальные возможности (они в некоторой мере реализовались) к развитию капитализма в сельском хозяйстве по крестьянскому пути оставались в России до конца капиталистической эпохи. Но это трудно представить, если бы крестьяне были до такой степени обезземелены, как это рисуется в перечисленных работах.

Обзор ряда опытов исчисления размеров аграрного перенаселения, сделанный выше, вселяет сомнение в возможность добиться убедительных успехов в этом расчетным путем, т. е. оперируя разрозненными компонентами расчета объема посевной площади и наделов, трудоемкости и продолжительности земледельческих работ, численности работоспособного населения, размеров отвлечения крестьян на другие работы и т. д. Большие расхождения в предполагаемых размерах доли крестьян, не имевших возможности применить свой труд на принадлежавшей им земле, которые встречаются в современной литературе (от более 79 до 27%), укрепляют наши сомнения. Возникает вопрос: нельзя ли разрешить поставленную задачу на другой основе?

По своей сути представление о размерах и характере аграрного перенаселения должно содержаться в любом анализе аграрных отношений. Содержится оно и в марксистском анализе строя поземельной собственности в капиталистической России, который заложен в работах В. И. Ленина, в том числе в его знаменитой таблице аграрного строя России 1905 г., помещенной в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» [18] и затем повторенной им в других работах. В этой таблице отражено аграрное перенаселение, и ему дано математическое выражение. Из таблицы мы узнаем, что в России в начале XX в. у 80,6% земельных владельцев, представлявших собой разоренное крестьянство, было всего лишь 32,6% земельного фонда. В этих сведениях уже выражены самые существенные стороны аграрного перенаселения в России, причем даны не только сведения о его размерах, но и о его характере как перенаселении «искусственном». На нашу долю остается выяснить (помимо порайонных данных, отсутствующих в ленинской таблице) в определенном смысле важные, но все же, скорее, дополнительные черты явления. Следует познать перенаселение в его обобщенном размере, рисующем соотношение земельных владений двух антагонистических социальных полюсов: крестьянства, с одной стороны, и крупных собственников земли, унаследованных от докапиталистических времен,— с другой.

Наши исчисления будут исходить из тех же изначальных расчетных данных, на которых основывалась ленинская таблица аграрных отношений. Среди них первейшее значение имеет показатель, означающий границу между владениями, которые по своему размеру свойственны среднему крестьянству, и размерами тех земельных участков, которые находились в обладании разоренного, т. е. уже деклассированного, крестьянства. Такие сведения содержатся в ленинской таблице. Граница между ними будет рубежом между крестьянскими семьями, минимально обеспеченными земельными наделами и необеспеченными землей.

Присмотримся к границам некоторых групп земельных владений, установленных в таблице В. И. Ленина. Вторая группа — владельцы участков от 15 до 20 дес.— характеризуется В. И. Лениным так: «...небольшое меньшинство среднего крестьянства, обладающего уже теперь приблизительно средним, допускающим сносное хозяйничание, количеством земли» [19]. Ниже этой группы — разоренное крестьянство, т. е. такие крестьяне, которые уже не могли вести самостоятельное хозяйство и содержать себя «от земли», они фактически потеряли крестьянский облик. К ним должны были бы быть причислены те сельчане, которые совсем не имели земли, но сведений о них нет в переписи 1905 г. Не явствует ли из этих определений, что граница между разоренным и средним крестьянством

(15 дес. земли) как раз и есть тот показатель, который необходим для исчисления размеров аграрного перенаселения? На этот вопрос может быть дан только положительный ответ.

В отличие от расчетных «норм» показатель 15 дес. возник на обобщенной основе. Он выработан многолетней практикой изучения крестьянского хозяйства многими исследователями, особенно земскими статистиками, опиравшимися на многочисленные описания реальных крестьянских хозяйств с учетом их судеб. Здесь сливаются разнообразные показатели описательного, статистического, экономического, этнографического характера и многих других аспектов. В таких показателях выражены совместно «трудовая» и «потребительская» нормы минимального обеспечения крестьянской семьи. Показатели величины участков, характерные для разного типа землевладельцев, указывались В. И. Лениным без специальных обоснований, в то время как источники сведений о числе владений и десятин земли сообщались им весьма педантично. Видимо, это проистекало из уверенности в общепризнанности принятой в таблице классификации земельных владений. Конечно, как всякий показатель, предназначенный для выяснения положения во всей стране или даже в одной ее Европейской части, размер земельного участка, отделяющий «достаточные» и «недостаточные» дворы в 15 дес., ограничен в точности, особенно когда он прилагается для изучения положения в отдельных районах. Но для возможности сопоставления, как всякая мера измерения, этот показатель должен быть единым. Комментируя свою таблицу, В. И. Ленин не отрицал ее приблизительности, но указывал, что она все же необходима, потому что «иначе нельзя дать цельной картины борьбы за землю в русской революции» [20].

На этой основе легко определить, сколько у крестьян должно быть земли, если у каждого крестьянского двора было бы по 15 дес., т. е. выяснить уровень крестьянского землепользования, при котором нет повода говорить о существовании в стране аграрного перенаселения. Сопоставления этого количества с действительным количеством земли, находившимся в обладании крестьян (надельной, купленной лично и крестьянскими обществами), дают основания для определенных обобщений.

Итоговые цифры табл. 1 по Европейской России показывают, что для предоставления каждому крестьянскому двору минимального числа десятин земли, нужного для ведения относительно самостоятельного хозяйства и необходимого для сохранения свойственного крестьянам экономического состояния, реальная величина крестьянского землевладения была меньше требуемой на 17,4%, а если считать крестьян вместе с казаками, то на 11,3%. В абсолютных размерах фонд крестьянских земель был на 31,2 млн. дес. меньше нужного по принятому способу измерения (с казачьими владениями меньше на 20,7 млн. дес.). Эти показатели ощутимо отличаются от показателей аграрного перенаселения, которые фигурируют в литературе. Столь сильного обезземеливания, как показывается, например, в «Материалах» Комиссии 1901 г., не было.

Таблица 1

Землевладение крестьян в соотношении с необходимым количеством земли на один двор, в тыс. дес.*

Губерния	Наличное количество земли	Необходимое количество земли	Удовлетворенность землей, %
Неземледельческая полоса			
Московская	1 786,1	3 158,5	56,5
Владимирская	2 501,1	3 645,2	68,6
Калужская	1 720,4	2 580,2	66,7
Итого	6 007,6	9 383,9	64,0
Петербургская	1 365,7	1 597,6	85,5
Новгородская	4 583,8	3 212,7	142,7
Псковская	2 208,6	2 383,8	92,7
Смоленская	2 871,5	3 239,0	88,7
Итого	11 029,6	10 433,1	105,7
Костромская	3 049,8	3 596,8	84,8
Нижегородская	2 394,2	3 970,7	60,3
Тверская	3 779,3	4 543,3	83,2
Ярославская	2 058,3	2 979,3	69,1
Итого	11 281,5	15 090,1	74,8
Всего	28 318,7	34 907,1	81,1
Среднеземледельческая полоса			
Орловская	2 393,6	4 307,5	55,6
Рязанская	2 289,2	4 213,6	54,3
Тульская	1 598,0	3 210,9	49,8
Итого	6 280,8	11 732,0	53,5
Воронежская	4 119,8	5 828,6	70,7
Курская	2 830,0	5 029,1	56,3
Пензенская	2 074,4	3 614,4	57,4
Тамбовская	3 242,1	6 089,2	53,2
Итого	12 266,3	20 561,3	59,7
Казанская	3 346,2	5 618,6	59,6
Саратовская	4 195,7	5 266,9	79,7
Симбирская	1 925,5	3 673,1	52,4
Итого	9 467,4	14 558,6	65,0
Полтавская	2 733,2	6 703,1	40,8
Харьковская	3 173,9	5 461,5	58,1
Черниговская	3 027,9	5 510,5	54,9
Итого	8 935,0	17 675,1	50,6
Всего	36 949,5	27 577,5	57,3

Таблица 1 (продолжение)

Губерния	Наличное количество земли	Необходимое количество земли	Удовлетворенность землей, %
Западная полоса			
Курляндская	936,3	424,2	220,7
Лифляндская	1 158,9	337,5	343,4
Эстляндская	394,4	174,1	226,5
Итого	2 489,6	935,8	266,0
Виленская	1 463,1	1 416,3	103,3
Витебская	1 956,7	2 078,5	94,1
Гродненская	1 760,6	1 375,4	128,0
Ковенская	1 800,2	1 656,0	108,7
Минская	2 430,3	3 208,9	75,7
Могилевская	2 272,2	2 974,2	76,4
Итого	11 683,1	12 709,3	91,9
Волынская	2 584,0	4 385,8	58,9
Киевская	2 427,4	5 444,3	44,6
Подольская	1 980,2	6 881,5	28,8
Итого	6 991,6	16 711,6	41,8
Всего	21 164,3	30 356,7	69,7
Степная полоса			
Бессарабская	2 182,0	4 269,5	51,1
Донская область	1 532,9	1 960,7	78,4
с казаками	10 802,5	4 958,2	217,9
Екатеринославская	3 590,5	4 062,4	88,4
Таврическая	3 059,1	1 993,1	153,8
Херсонская	3 189,4	4 414,5	72,2
Итого	13 553,9	16 700,2	81,2
Итого с казаками	22 823,5	19 697,7	115,9
Астраханская	1 928,5	1 004,6	192,0
с казаками	2 381,1	1 081,5	220,2
Оренбургская	6 401,6	2 315,5	276,5
с казаками	11 368,9	3 420,9	332,3
Самарская	7 895,0	5 056,7	156,1
Уфимская	7 477,9	4 781,2	156,4
Итого	23 703,0	13 158,0	180,1
Итого с казаками	29 122,9	14 340,3	203,1
Всего	37 256,9	29 858,2	124,8
Всего с казаками	51 946,4	34 038,0	152,6

Таблица 1 (окончание)

Губерния	Наличное количество земли	Необходимое количество земли	Удовлетворенность землей, %
Урал и Север			
Вятская	7 814,1	7 237,0	108,0
Пермская	8 457,2	7 807,0	108,3
Итого	16 271,3	15 044,0	108,2
Архангельская	396,7	827,2	48,0
Вологодская	4 430,6	3 570,6	124,1
Олонецкая	3 947,8	889,8	443,7
Итого	8 775,1	5 287,6	166,0
Всего	25 046,4	20 331,6	123,2
Всего по Европейской России	148 735,8	179 980,6	82,6
Всего по Европейской России с казаками	163 425,3	184 160,4	88,7

* Статистика землевладения 1905 года: Свод данных по 50 губерниям Европейской России СПб., 1907, Прилож., табл. 32. Состав земельной собственности крестьян в 1905 г., с. 48.

К началу XX в. Россия продолжала оставаться по экономическому положению преимущественной части своего населения крестьянской страной. В ней сохранялись реальные возможности для развития капитализма в сельском хозяйстве по крестьянскому пути. Сплошного или почти сплошного изъятия у крестьян земли в пользу крупных землевладельцев и казны, как это было характерно, например, для Англии, в ней не было.

Однако, признавая это, нельзя перечеркивать тезис о том, что Россия была страной громадного относительного и искусственного перенаселения. Дело в том, во-первых, что низшая граница «обеспечения» крестьянского хозяйства, которая принимается в наших расчетах (15 дес.),— это такой показатель мелкого владения, который не давал гарантированного долговременного независимого существования его владельцу. Такой участок земли характерен для еще не расслоенных на капиталистической основе крестьянских хозяйств, которые в условиях быстрого развития буржуазного строя столь же быстро приближались к черте раскрестьянивания. Во-вторых, в наших исчислениях непосредственно не раскрывается социальная основа перенаселенности, ее «искусственности», почему результаты этих исчислений следует рассматривать в непосредственном контексте с показателями того порядка, которые содержатся в ленинской таблице аграрных отношений в России. Напомним еще раз, что владения *с менее* 15 дес. земли составляли 80,6% общего их числа. В-третьих, польза, приносимая крестьянину от земельного владения, не определялась лишь его размерами.

Показатель степени удовлетворения крестьян землей в масштабе всей Европейской России имеет ограниченное значение, поскольку различие этого показателя по районам было большое. На крайних местах находились Подольская губерния, где крестьянам предоставлялось 28,8% «нормального» размера землевладения, и Олонецкая губерния, где этот показатель доходил до 443,7%. По природным и экономо-географическим условиям производительность земли в разных местностях России была неодинакова. Большие пространства были почти недоступны для тогдашней деревенской сельскохозяйственной техники, являлись целинными землями. И как раз в таких местностях, как, например, в северных губерниях, был высокий показатель земельного «обеспечения».

Обратим внимание на то, в каких районах была особенно низкая удовлетворенность крестьян землей (ориентиром для отбора таких местностей примем показатель, близкий к отметке 50% удовлетворенности). Обделено было крестьянство всей огромной среднеземледельческой полосы. Из ее 13 губерний отметка «около 50%» стоит у девяти. Это три приокские губернии (53,5%), три губернии Левобережной Украины (50,6%), две из центрально-земледельческих: Тамбовская (53,2%) и Курская (56,3%), а также одна из средневолжских — Симбирская (52,4%) губерния.

В противоположность перечисленным губерниям сравнительно высокими показателями крестьянского землепользования отмечены местности внутреннего заселения, охватывавшие центр Европейской России с юга, востока и севера. В Степной полосе показатель степени удовлетворенности землей заметно менялся в зависимости от принятия в расчет землевладения казаков (особенно резко это сказывается в показателях по Донской области). Хозяйственный быт казаков дает основание включать их в состав крестьянства, но нельзя забывать, что землевладение их серьезно отличалось от крестьянского, поскольку казачество в известной мере было привилегированным сословием.

Велики показатели величины земельных владений крестьян в Прибалтике (266,0%), в Виленской (103,3), Гродненской (128,0) и Ковенской (108,7%) губерниях. Но следует учитывать большую населенность крестьянских дворов в Западной полосе, значительно обгонявших в этом отношении крестьянские дворы в центральных районах. Надо принимать во внимание также высокую степень дифференциации крестьянства в западных районах, которая развивалась там издавна, еще на феодальной основе.

Поскольку крестьянский двор (хозяйство) представлял из себя самостоятельную хозяйственную единицу, расчет на него в экономическом изучении вполне обоснован. Однако неравенство населенности крестьянских дворов в разных районах страны делает целесообразным и другого рода расчет: не на один двор, а на одного человека. Для этого предварительно надо решить вопрос, какую категорию населения в таком расчете следует иметь в виду. Нередко под крестьянами понимается все негородское население. Насколько такое понимание обоснованно? Сомнение в этом возникает потому, что за пределами городов проживали люди различного положения. Поскольку большая часть крупных промышленных предприятий основывалась вне городов, постольку немалая часть фабрично-заводского пролетариата состояла из негородских жителей, так же как и немалая доля людей, занятых в сфере торговли и непроизводительной деятельностью. Конечно, среди негорожан преобладали сельскохозяйственные занятия, но они все же не охватывали всего негородского населения. По данным народной переписи 1897 г., из сельских жителей Европейской России, получавших самостоятельно средства к жизни, 30% не считали своим главным занятием какую-либо разновидность сельскохозяйственного производства [21].

В таблице, показывающей социальную структуру населения России в 1897 г., составленной В. И. Лениным [22], категории «крестьяне» мы не находим. В этом выразилось полное классовое расчленение крестьянства к концу XIX в. Однако в комментариях к таблице В. И. Ленин показал свое понимание крестьянства в структуре населения России. Он идентифицировал его с категорией «сельскохозяйственное население» при оговорке, что в последнем сосчитаны и помещики, которые по данным переписи не могут быть отчислены от крестьянства. «Всю массу с.-х. населения России вполне можно принять за крестьянство,— писал В. И. Ленин,— ибо число помещиков в общем итоге совершенно ничтожно» [23]. Таким образом, выделение крестьянства представлялось В. И. Ленину возможным в плане разделения жителей России по их занятиям. Из соответствующей таблицы Общего свода материалов переписи населения 1897 г. (т. 2, табл. 21) к сельскохозяйственному, а следовательно и к крестьянскому, населению В. И. Ленин отнес лиц, считавших главным своим занятием земледелие, животноводство, пчеловодство, рыболовство и охоту, лесоводство и лесные промыслы [24]. К ним присоединена довольно пестрая группа лиц, занимавшихся частной службой, работавших в качестве прислуги или поденщиков, но лишь те из этой группы людей, которые жили не в городах. В этом составе в Европейской России, по переписи 1897 г., численность крестьянства определялась в 72 млн. человек. Это на 24 млн. человек меньше численности сельского населения.

Выше был поставлен вопрос: какую категорию населения следует иметь в виду при исчислении размеров аграрного перенаселения? Теперь на него можно ответить так: в первую очередь крестьянское (сельскохозяйственное) население, для которого обладание землей совершенно необходимо. Однако и для немалой части людей иных категорий сельского населения обладание земельными участками тоже было желательно. Оно не было столь необходимым, как для крестьянства, но все же земельный вопрос остро стоял и для них. Деление по профессиям во время переписи населения в 1897 г. производилось преимущественно по занятию главы семьи, но и остальные члены семейства, сколько-нибудь работоспособные, не оставались праздными. В семейный доход они делали свой вклад, чаще всего от занятия какой-либо разновидностью сельского хозяйства. Отсюда следует, что для уяснения степени аграрного перенаселения

желательно учитывать потребность в земле не только собственно крестьян, но также и всего сельского населения. Из этих соображений в табл. 2 показана степень удовлетворенности землей раздельно: сельскохозяйственного населения (крестьян) и всего сельского (негородского) населения.

Ранее был принят минимальный размер земельного надела крестьянской семьи в 15 дес. Из него можно вычислить аналогичный показатель для подушевого исчисления. Людность крестьянского двора в литературе указывалась по-разному, в основном в пределах от 6 до 7 человек. Примем среднюю цифру в 6,5. Тогда необходимая величина земельного участка для содержания одного человека определится в 2,3 дес. Исходя из этого расчета, построена табл. 2.

Различие в показателях степени обеспечения землей по дворовладению (табл. 1) и подушно (табл. 2), естественно, определяется сравнительным различием населенности дворов в разных районах страны. Там, где число людей на двор приближалось к средней по стране величине, итоги того и другого исчисления близки; где населенность двора была бóльшей, показатель обеспеченности землей при подворном исчислении повышен, где населенность небольшая — понижен.

При переходе от подворного к подушному исчислению процент удовлетворенности землей ощутимо упал в западных районах, главным образом за счет прибалтийских губерний, где разница в результате исчислений превышает двукратный размер. В меньшей степени снижение произошло в литовско-белорусских губерниях, а по Правобережной Украине, в противоположность Западной полосе, в целом показатель не снизился, а даже несколько повысился (в графе «удовлетворенность землей крестьян»). Другой район снижения — Степная полоса. Там изменения произошли главным образом за счет группы южных губерний.

Обратное соотношение между результатами двух исчислений, т. е. повышение показателя удовлетворенности землей при переходе от подворного к подушному исчислению, имеет место в Неземледельческой полосе (особенно за счет примосковных губерний) и в Среднеземледельческой полосе (более всего за счет приокских и средневолжских губерний), умеренное повышение отмечается по Приуралью и Северу. Различие в показателях степени земельного обеспечения всего сельского и одного крестьянского (сельскохозяйственного) населения зависит от удельного веса второго в первом. Особенно велико это различие в Неземледельческой полосе и на Урале, меньше — в Степной и Западной полосах и совсем небольшое — в Среднеземледельческой полосе. Так как эти соотношения определялись степенью приверженности негородского населения к крестьянским занятиям, такое распределение их по районам легко объяснимо.

Как отмечалось выше, итоговые показатели степени обеспеченности крестьян землей по всей Европейской России имеют лишь ограниченное научное значение. Более того, при большей несхожести положения в разных частях страны ориентация лишь на итоговые

Таблица 2

Землевладение крестьян в соотношении с необходимым количеством земли на одного человека, в тыс. дес. *

Губерния	Наличное количество земли	Необходимое количество земли	Удовлетворенность землей, %	Количество земли, необходимое всему сельскому населению	Удовлетворенность землей, %
Неземледельческая полоса					
Московская	1 786,1	1 859,3	96,1	2 981,3	59,9
Владимирская	2 501,1	2 012,0	124,3	3 047,5	82,1
Калужская	1 720,4	1 998,7	86,1	2 386,3	72,1
Итого	6 007,6	5 870,1	102,3	8 415,1	71,4
Петербургская	1 365,7	1 176,9	116,0	1 587,5	86,0
Новгородская	4 583,8	2 539,2	180,5	2 947,5	155,5
Псковская	2 208,6	2 225,9	99,2	2 414,3	91,5
Смоленская	2 871,5	2 919,1	98,4	3 230,1	88,9
Итого	11 029,6	8 861,2	124,5	10 179,4	108,4
Костромская	3 049,8	2 521,2	121,0	2 973,0	102,6
Нижегородская	2 394,2	2 506,7	95,5	3 316,1	72,2
Тверская	3 779,3	3 275,9	115,4	3 712,9	101,8
Ярославская	2 058,2	1 786,2	115,2	2 127,5	96,7
Итого	11 281,5	10 090,0	111,8	12 129,5	93,0
Всего	28 318,7	24 821,3	114,1	30 724,0	92,2
Среднеземледельческая полоса					
Орловская	2 393,6	3 667,9	65,3	4 116,5	58,1
Рязанская	2 289,2	3 165,1	72,3	3 754,3	61,0
Тульская	1 598,0	2 526,4	63,3	2 869,0	55,7
Итого	6 280,8	9 359,4	67,1	10 739,8	58,5
Воронежская	4 119,8	4 891,0	84,2	5 431,7	75,8
Курская	2 830,0	4 410,3	64,2	4 943,9	57,2
Пензенская	2 074,4	2 773,2	74,8	3 060,6	67,8
Тамбовская	3 242,1	5 105,0	63,5	5 652,7	57,4
Итого	12 266,3	17 179,5	71,4	19 088,9	64,3
Казанская	3 346,2	4 264,1	78,5	4 565,7	73,3
Саратовская	4 195,7	4 223,9	99,3	4 821,5	87,0
Симбирская	1 925,5	2 928,1	65,8	3 265,5	59,0
Итого	9 467,4	11 416,1	82,9	12 652,7	74,8
Полтавская	2 733,2	5 092,2	53,7	5 758,7	47,5
Харьковская	3 173,9	4 353,2	72,9	4 887,5	64,9
Черниговская	3 027,9	4 106,7	73,7	4 803,1	63,0
Итого	8 935,0	13 522,1	65,9	15 449,3	57,8
Всего	36 949,5	51 507,1	71,7	57 930,8	63,8

Таблица 2 (окончание)

Губерния	Наличное количество земли	Необходимое количество земли	Удовлетворенность землей, %	Количество земли, необходимое всему сельскому населению	Удовлетворенность землей, в %
		Западная полоса			
Курляндская	936,3	893,5	104,8	1 191,9	78,6
Лифляндская	1 158,9	1 608,9	72,0	2 112,8	54,9
Эстляндская	394,4	557,5	70,7	771,9	51,1
Итого	2 489,6	3 069,9	81,1	4 076,6	61,1
Виленская	1 463,1	2 667,8	54,8	3 204,4	45,7
Витебская	1 956,7	2 525,7	77,5	2 928,6	66,8
Гродненская	1 760,6	2 498,0	70,5	3 102,2	56,8
Ковенская	1 800,2	2 354,3	76,5	3 223,5	55,8
Минская	2 430,3	3 643,3	66,7	4 422,2	55,0
Могилевская	2 272,2	3 095,5	73,4	3 541,1	64,2
Итого	11 683,1	16 784,6	69,6	20 422,0	57,2
Волынская	2 584,0	5 109,9	50,6	6 338,1	40,8
Киевская	2 427,4	5 698,0	42,6	7 129,8	34,0
Подольская	1 980,2	5 137,0	38,5	6 402,0	30,9
Итого	6 991,6	15 944,9	43,8	19 869,9	35,2
Всего	21 164,3	35 799,4	59,1	44 368,5	47,7
		Степная полоса			
Бессарабская	2 182,0	3 182,2	68,6	3 776,8	57,8
Донская область	1 532,9	4 390,4	34,9	5 164,7	29,7
Екатеринославская	3 590,5	3 486,6	103,0	4 307,2	83,4
Таврическая	3 059,1	2 243,6	136,3	2 664,6	114,8
Херсонская	3 189,4	2 931,5	81,1	4 472,6	71,3
Итого	13 535,9	17 234,3	78,6	20 385,9	66,5
Астраханская	1 928,5	739,1	260,9	2 003,3	96,3
Оренбургская	6 401,6	2 837,9	225,6	3 329,3	192,3
Самарская	7 895,0	5 384,3	146,6	5 962,8	132,4
Уфимская	7 477,9	4 373,7	171,0	4 805,4	155,6
Итого	23 703,0	13 335,0	177,8	16 100,8	147,2
Всего	37 256,9	30 569,3	121,9	36 486,7	102,1
		Урал и Север			
Вятская	7 814,1	6 208,2	125,9	6 751,0	108,7
Пермская	8 457,2	4 913,0	172,1	6 474,5	130,6
Итого	16 271,3	11 121,2	146,3	13 225,5	123,0
Архангельская	396,7	624,0	63,6	718,8	55,2
Вологодская	4 430,6	2 754,6	160,8	2 941,2	150,6
Олонецкая	3 947,8	697,5	566,0	778,8	506,9
Итого	8 775,1	4 076,1	215,3	4 438,8	197,7
Всего	25 046,4	15 197,3	164,8	17 664,3	141,8
Всего по Европейской России	148 735,8	157 894,4	94,2	187 174,3	79,5

* Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907, с. 48—49; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905, т. 2, табл. XXI.

показатели может привести к ошибочным выводам. Общая характеристика степени заселенности должна основываться на учете положения в отдельных крупных частях страны. Достоинство предложенного здесь способа исчисления размеров аграрного перенаселения, между прочим, состоит в том, что он содержит в себе необходимые для этого показатели.

Основываясь на данных табл. 2, мы констатируем, что по сравнению с итоговым показателем по Европейской России в Среднеземледельческой полосе обеспеченность крестьян землей была ниже на 27%, в Западной полосе — на 40%, в трех примосковных губерниях — на 10%, в южных губерниях (в отличие от юго-восточных) — на 16%. На всех перечисленных территориях было сильное аграрное перенаселение. На них находилось 70% всего сельскохозяйственного, или 68% всего сельского, населения Европейской России. Следовательно, усиленное аграрное перенаселение было характерно для бóльшей части жителей сел и деревень. Это оправдывает вывод, что Россия была страной жестокого крестьянского малоземелья. Отсюда такие характерные в ее социально-экономической жизни явления, как массовая пауперизация крестьянства, убыстренный переход его в промышленную сферу, пребывание многих крестьян в городах, широкая волна переселений на далекие «ничейные» земли.

Земельная обеспеченность крестьян в юго-восточных губерниях Степной полосы по сравнению с итоговым показателем по Европейской России превышала на 85%, на Урале и Севере — на 78, в Неземледельческой полосе в северозападных — на 36 и верхневолжских губерниях — на 47%. Это все основные районы внутреннего заселения. Вполне естественно, что степень аграрного перенаселения в разных частях страны была сопряжена с проявлением важнейших социальных процессов пореформенного времени.

Итак, вопрос о степени аграрного перенаселения в капиталистической России не должен рассматриваться обособленно от социальной структуры населения. В ленинских таблицах социального строя России (в книге «Развитие капитализма в России») и аграрного строя (в книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 гг.») решены основные вопросы этой проблемы. Продолжая ее изучение, нам в своих работах следует сохранять преемственность с итогами ленинского изучения, в частности применять такие же, как в работах В. И. Ленина, исходные показатели.

[1] *Иванов Е. П.* Отечественная историография аграрного перенаселения.— Вопросы истории, 1971, № 12.

[2] *Янсон Ю. Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881, с. 28.

[3] Там же, с. 70—71.

[4] Там же, с. 71.

[5] *Самарин Д. Ф.* Теория о недостаточности крестьянских наделов по учению профессора Ю. Э. Янсона.— Русь, 1880, № 1.

[6] *Симонова М. С.* Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX — начале XX в.— В кн.:

Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971, с. 236—263.

[7] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России/Разраб. Департаментом окладных сборов. СПб., 1903, ч. 1, табл. X, XI.

[8] Там же, ч. 3, с. 66.

[9] 50 губерний Европейской России без трех прибалтийских.

[10] Материалы... Комиссии 1901 г., ч. 3, с. 196.

[11] *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство Европейской России, 1881—1904. М., 1980, с. 23, 24.

[12] Там же, с. 24.

[13] Статистика землевладения 1905 года. СПб., 1907, Приложение, табл. 32, с. 48.

[14] *Тюкавкин В. Г.* Аграрное перенаселение в России в конце XIX — начале XX в. и его значение для развития капитализма.— В кн.: Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни: XX сес. Всесоюз. симпоз. по изучению аграрной истории: Тез. докл. и сообщ. М., 1984, с. 82—86.

[15] *Островский А. В.* О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России (1862—1914).— В кн.: Проблемы исторической географии России: Материалы 2-й Всесоюз. конф. по ист. географии России. М., 1982, вып. 2. Формирование экономических районов России. Ротапр.

[16] Там же, с. 181.

[17] Там же, с. 177.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 203.

[19] Там же, с. 202.

[20] Там же.

[21] *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983, с. 155.

[22] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 505.

[23] Там же, с. 503.

[24] В табл. 21 материалов переписи 1897 г. эти группы стоят под № 17—21. См.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2.

Е. А. Дудзинская

Строительство железных дорог в России в экономической программе славянофилов

Историческое развитие России в середине XIX в. ознаменовалось кризисом феодально-крепостнической системы, которая, продолжая существовать как господствующая форма производственных отношений, испытывала сильный напор капиталистических элементов, развивавшихся в ее недрах и разрушавших ее изнутри.

В общественной жизни страны в этот переходный период сформировались идейные направления, приверженцы которых, теоретически осмысливая обстановку и споря между собой о путях развития России, предлагали различные способы практического решения назревших задач. Среди этих направлений заметное место занимали славянофилы, представители которых А. С. Хомяков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, кн. В. А. Черкасский были богатыми помещиками, обладавшими обширными земельными владениями, а также промышленными предприятиями. Падение доходности хозяйств в условиях кризиса крепостной системы вынуждало искать пути их интенсификации. Они пробовали усилить эксплуатацию крестьян, совершенствовать агротехнику, применять сельскохозяйственные машины, но эти меры не дали результатов, а привели к убеждению в необходимости отмены крепостного права. Потребность в реализации продукции сельского хозяйства, главным образом хлеба, поступающего на продажу, а также продукции принадлежавших им фабрик и заводов [1] вынуждала помещиков-славянофилов иметь дело с рынком. В первую очередь они преследовали свои интересы, но достичь этого можно было только с учетом интересов формирующегося класса русской буржуазии. Славянофилы имели тесные связи с откупщиком и предпринимателем В. А. Кокоревым, к 60-м годам располагавшим семимиллионным состоянием, И. Ф., Н. Ф. и А. Н. Мамонтовыми, Т. С. Морозовым, Н. А. Найденовым, С. М. и П. М. Третьяковыми, Д. П. и В. П. Шиповыми и другими деловыми людьми. Их объединяло стремление развить промышленность и торговлю, дать простор производительным силам народа, ввести в оборот капиталы, имевшиеся у населения, вложить их в коммерческие дела. Это в полной мере было возможно лишь с отменой крепостного права. Подготовка к будущему промышленному развитию России велась ими в журналах «Русская беседа», «Сельское благоустройство», «Вестник промышленности», «День» и в газетах «Акционер» и «Москва». Эти издания выступали за политику протекционизма, предлагали различные пути развития торговли и предпринимательства, привлечения в промышленность капиталов русского торгового населения, развивали мысли о союзе науки и техники, сближении теории с практикой и т. д.

Как необходимое условие развития промышленности и сельского хозяйства в России славянофилы рассматривали строительство железных дорог. И. С. Аксаков писал в 1856 г.: «Требования эмансипации, железных дорог» сливаются «в один гул по всей России» [2]. Этот вопрос и ранее стоял перед страной. В 1851 г. была открыта Петербурго-Московская железная дорога (впоследствии Николаевская). Она приняла на себя перевозку грузов и пассажиров на сравнительно небольшом расстоянии, но не могла удовлетворить потребности громадной страны в железнодорожном транспорте, который надо было срочно развивать. Начавшаяся в 1853 г. Крымская война подтвердила это трагическим ходом военных действий. Отсутствие современного транспорта лишало русскую армию необходимой маневренности, отрывало войска от средств обеспечения и было одной из главных причин поражения России в Крымской войне. Это было ясно осознано всем русским обществом. Вопрос назрел настолько, что одновременно с подписанием в 1856 г. Парижского мира началась оживленная журнальная полемика о строительстве железных дорог, в которой приняли участие «Современник», «Русская беседа», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Экономический указатель» и др.

Несмотря на необходимость этой меры, осознанную в общественных кругах, предстояло еще сломить предубеждения, коренившиеся в правительственных верхах, и в частности мнение, разделявшееся Николаем I в последние годы жизни, что железные дороги нужны лишь в стратегических целях. Это мнение сложилось под влиянием военных неудач, но в дни мира предстояло думать о других проблемах, которые было немыслимо решить без развития железнодорожного транспорта. В дискуссии впервые перед русским обществом гласно на страницах журналов раскрылось многообразие и многоплановость этого вопроса.

В том, что железные дороги строить необходимо, разногласий не было. Главными предметами спора были цели строительства, принцип подхода к определению главного центра железных дорог и первоочередности строительства той или иной линии. Дискуссия началась со статьи, опубликованной в «Журнале Главного управления путей сообщения» «О пользе устройства железной дороги от Динабурга в Курскую губернию» [3]. Автор исходил из мысли, что Россия является по преимуществу экспортером хлеба, сельскохозяйственного и прочего сырья в западные страны и останется таковой в последующие годы. Следовательно, основная цель строительства железных дорог — соединить хлебородный центр России напрямую с балтийскими портами и через них экспортировать русский хлеб за границу. Из этой предпосылки вытекало конкретное предложение сделать центром железных дорог Курск, проведя от него линию к портам Балтийского моря — Риге или Либаве.

Эта весьма популярная в то время точка зрения отражала интересы главным образом помещиков — экспортеров товарного хлеба и сельскохозяйственного сырья. Ее поддержал в «Современнике» [4] анонимный автор, которым был Д. И. Журавский — известный инженер-путеец, принимавший участие в строительстве Петербурго-Московской железной дороги. Он полагал, что Россия, вследствие неразвитости промышленности, в течение длительного времени будет лишь поставщицей хлеба и сырья за границу. В связи с этим надо сделать центром железных дорог Орел, являющийся, как и Курск, одним из городов хлебородного центра России. От Орла провести линии к Москве, Прибалтике, портам Черного моря, на восток — к Саратову. Хлеб, доставленный из Орла прямо к портам Балтийского и Черного морей, будет дешев и сможет успешно конкурировать на мировом рынке. Разделяя также официальный взгляд на значение путей сообщения, Журавский писал, что железные дороги должны служить главным образом стратегическим целям [5]. Таким образом, железным дорогам отводилась весьма ограниченная роль. Высказанные мнения не касались многих аспектов, которые имело железнодорожное строительство в деле перестройки экономической жизни России.

Большой интерес представляет серия статей [6], опубликованных в славянофильском журнале «Русская беседа», авторами которых были А. И. Кошелев, А. С. Хомяков, В. А. Черкасский, А. С. Ершов, В. А. Кокорев, С. А. Бельский и др.[7] В них аргу-

ментированно разъяснялась точка зрения славянофилов и их единомышленников на вопрос железнодорожного строительства. Раскрывая многогранность и многоплановость проблемы, «Русская беседа» выносила на обсуждение общественности, по сути, программу капиталистического развития России при помощи «всепроникающего действия» железных дорог. Статьи «Русской беседы» были с интересом прочитаны и высоко оценены Н. Г. Чернышевским. Он говорил, что железные дороги «признаны ныне всеми сословиями необходимостью для империи и сделались потребностью народной, желанием общим, настоятельным» [8], находил доводы славянофильского журнала «ясными и разумными», а статьи «очень дельными» [9]. В первой статье [10] Кошелев называл железные дороги великим открытием, которое производит чудеса не только в промышленности и торговле, но и способствует быстрому распространению знаний. Между тем «в России при огромном богатстве естественных ресурсов, при замечательных способностях жителей ко всяким промышленным занятиям земледелие, фабрики, заводы и торговля находятся почти в детстве, и это потому, что нет сносных путей сообщения». В России мало искусственных дорог, а естественные, особенно в черноземных губерниях, в течение большей половины года непроезжи. Они могут быть средством сообщения при слабом развитии производительных сил и лишь для подвоза грузов и пассажиров к железнодорожным линиям. Если в России не начнется быстрое строительство железных дорог большой протяженности и разветвленности, то ей не преодолеть отсталости в промышленности, торговле и образованности. Имея в виду сопротивление строительству железных дорог, которое оказывали николаевские чиновники, министр финансов Е. Ф. Канкрин и главноуправляющий путей сообщения К. Ф. Толь, Кошелев писал: «Еще свежо у нас в памяти, как иные упорно отвергали пользу и важность сего нового способа передвижения и как другие, видя в нем какую-то адскую революционную машину, старались для блага человечества задушить ребенка в колыбели; а теперь, по истечении менее чем двух десятилетий, едва ли кто решится оспаривать сильное и большей частию благодетельное действие чугунок. Железные дороги произвели на Западе великие перемены, чудеса произошли и в Америке, но никакой ум не может предугадать весь объем их действия на Россию» [11].

Первостепенное значение имело правильное определение цели строительства, а также центра, из которого будет разветвляться железнодорожная сеть, и направления линий. Славянофилы, полемизируя не только с тем, что было опубликовано, но и с мнениями, которые имели хождение в обществе, считали, что надо обсудить в печати все возражения и прояснить вопрос для тех, кто мало в нем смыслил или находился в плену западной политэкономии. Признавая весьма важным и полезным поддержание регулярных экономических сношений с Европой, Кошелев не считал их, как Журавский, главной целью при постройке железных дорог даже в интересах помещиков, производящих хлеб для продажи, к которым,

кстати, принадлежал сам. Он считал крайне рискованным делать ставку только на экспорт хлеба за границу, ибо ни одна западная промышленная страна не свертывает сельского хозяйства, а перестраивает его на капиталистический лад. Железные дороги не принудят европейские страны закупать у России хлеба больше, чем им необходимо. К тому же, по подсчетам известного тогда экономиста Л. В. Тенгоборского, Россия в середине XIX в. производила в среднем 260 млн. четв. разного хлеба, из них только 60 млн. шло на продажу, а доля экспорта за границу и вовсе составляла лишь пятнадцатую часть этого количества, т. е. 4 млн. четв.[12] Поэтому славянофилы считали, что при строительстве железных дорог производителям товарного хлеба более выгодно и менее рискованно ориентироваться главным образом на внутренний рынок, который неизбежно будет расширяться за счет растущих потребностей промышленных городов в продуктах сельского хозяйства и за счет роста потребностей сельского населения в промышленных товарах.

Расширение внутреннего рынка должно было происходить также за счет включения в сферу всероссийских торговых связей богатых окраин. Это было убедительно показано И. С. Аксаковым в исследовании «Украинские ярмарки» [13], подготовленном по заданию Географического общества. Обилие и разнообразие товаров, размеры оборотных капиталов свидетельствовали о богатых перспективах в развитии производительных сил России при условии железнодорожной связи Украины с Центром, Югом и Востоком страны.

Отвергая прогноз Журавского, что России уготована на многие годы участь страны по преимуществу земледельческой, «Русская беседа» предупреждала об опасности этой мысли для определения цели строительства железных дорог. Если подчинить его исключительно нуждам земледелия, то линии будут загружены не круглый год, а сезонно и, следовательно, не будут себя окупать. К этому примыкал вопрос, также дискутируемый в журналах: что должны перевозить железные дороги — грузы или пассажиров? Если грузы (по Журавскому — доставлять хлеб к морским портам), то это сузит значение железнодорожного транспорта. Ограниченная цель заставит укорачивать расстояние между началом и концом пути, спрямлять его, оставляя в стороне большие города и промышленные центры, не участвующие в производстве хлеба, вести железнодорожные линии по безлюдным местностям. Между тем дороги должны соединять людей и товары в уже сложившихся, известных центрах.

Российская промышленность, хотя и не экспортировала фабричные изделия в Европу, была совсем не так ничтожна, как представлялось Журавскому. Кошелев полагал, что только промышленность сможет существенно оживить земледелие. Он на деле видел тесную связь земледелия с промышленностью, справедливо полагая, что железные дороги сделают ее неразрывной.

По его наблюдениям, русская промышленность производила немало товаров для удовлетворения внутренних потребностей населения страны: льняные, бумажные, шерстяные, кожевенные, сальные,

железные, металлические, стеклянные и другие изделия. Дальнейшее развитие промышленности, возникновение новых ее отраслей еще более будет содействовать расширению всероссийского внутреннего рынка. Роль железных дорог в данном случае трудно переоценить. Они устранят огромную разницу в ценах на одни и те же продукты, существовавшую в разных местностях империи. В то время как четверть хлеба в Саратове и Курске стоила 1,5—2 руб. сер., в Сибири и Западных губерниях — 6,7 и 8 руб.; аршин ситца в Москве стоил 40 коп. асс., в Рязани — 60, а в Саратове — 80 коп.; деревянная посуда из Рязани и Владимира продавалась на Украине в 3—4 раза дороже; Гжельская посуда из Московской губернии продавалась в Саратове также в 3—4 раза дороже. Хлебородные губернии нуждались в промышленных товарах, промышленные — в хлебе и сырье. Кроме того, население испытывало огромную потребность в передвижении: из Рязани мужики уходят в Петербург и Ригу на выгрузку судов, крестьяне Смоленской губернии ведут земляные работы по всей России, ярославские и владимирские — во многих отдаленных местах строят каменные дома и т. д. По свидетельству И. С. Аксакова, «тысяч до 50 каждый год, если не больше, отправляется из внутренних губерний для заработков в Петербург» [14]. Причем крестьяне охотно пользуются Николаевской железной дорогой, находя такое передвижение удобным и выгодным. Славянофилы предсказывали, что наличие разветвленной сети железных дорог во много раз увеличит передвижение населения и произведет большие изменения в сознании людей, расширит их кругозор, окажет нравственное влияние, повысит образованность каждого.

Отклоняя конкретный план проведения железнодорожного пути от Орла до Динабурга, предложенный Журавским, Кошелев доказал несостоятельность частных соображений при определении общего плана железнодорожного строительства. Он считал крайне односторонним взгляд Журавского, который видел в строительстве железных дорог только военно-стратегическую цель. Он не оспаривал важности путей сообщения для военного дела, напротив, был убежден, что величие России тесно связано с возможностью перебрасывать из края в край массы войск, артиллерию, запасы и прочее. Несомненно, железные дороги дадут возможность держать меньше войск под ружьем, оставляя большее число рук для производительной работы, но войны бывают по временам, а государство и народ живут и действуют постоянно, поэтому нельзя строительство железных дорог подчинять только военно-стратегическим целям. «Где нет торгового движения, там железная дорога — нелепость, бесполезная трата государственных денег»,— писал он[15].

Славянофилы справедливо полагали, что при строительстве железных дорог, сулящем даже на первый взгляд столь далеко идущие последствия для страны, иметь в виду какую-либо одну цель—значит ошибочно судить о важности, могуществе и всепроницающем действии железных дорог на частный, общественный и правительственный быт государства. Железные дороги являются таким мощным двигателем, что ошибка в определении их главного

направления может нанести ему большой вред. Россию нельзя считать ни исключительно земледельческой, ни исключительно промышленной, ни исключительно воинской землей. Она равняется двум Европам, населена 65 млн. людей, имеет значительную торговлю и промышленность. Поэтому строительство железных дорог следует проводить со строгим учетом общих потребностей страны. Нельзя произвольно чертить Россию дорогами, как предлагают космополиты, не знающие Руси. Необходимо принимать именно то средоточие, которое уже сложилось, ибо не государство и не народ приспосабливается к железным дорогам, а дороги приспосабливаются к той стране, в которой они прокладываются. Центр железных дорог не надо отыскивать.

Таким центром славянофилы назвали Москву, которая являлась сердцем России, средоточием, вокруг которого собралась вся земля русская, которое нельзя безнаказанно ни передвинуть, ни уничтожить. Она является крупным центром русской промышленности, находясь на границе хлебородных и промышленных губерний, центром просвещения. Москва была соединена железной дорогой с Петербургом. Поэтому речь должна была идти не о том, какой город сделать центром железных дорог, а о том, как лучше связать уже существующий центр с другими второстепенными центрами и как удобнее проложить дороги, дабы они шли не по безлюдным пустыням, а по направлениям, указанным потребностями земледелия, промышленности и торговли. Москва, став центром, свяжет внутренние губернии России — Сибирский, Саратовский, Тульский и Ярославский тракты с европейскими странами. Москва, Московская и примосковские губернии составляли главную промышленную область страны, и поставить их в постоянные сношения с Европой было делом весьма важным и полезным.

Мысль о Москве как о центре будущей сети железных дорог была горячо поддержана Кокоревым в статье «Путь севастопольцев». «Ясно, что наш центр, Москва, удачнее Лондона и Константинополя,— писал он.— Москву окружают на близком расстоянии два пояса губернских городов и входят в нее 24 дороги» [16]. Все они связываются между собой только Москвой. Конечно, после того как линии дорог разойдутся от Москвы на восток к Саратову и Нижнему Новгороду, на запад — к Динабургу, на юг — к Черному морю, через Орел и Курск, с разветвлением после Харькова на Феодосию и Одессу, можно будет определять новые центры, которые уже обозначились, в частности Юг России, требующий своей железнодорожной сети, Украина, Крым, Сибирь, Дальний Восток. Необходимо подведение железных дорог к среднеазиатским ханствам, которые поставляют хлопок владельцам русских текстильных фабрик. Но все это будет потом, после строительства линий первой очереди. «Центр не может кочевать в зависимости от процветания того или иного края и передвигаться со всяким шагом России вперед»,— писал Хомяков в «Письме к издателю А. И. Кошелеву» [17].

Журавский, возражая против Москвы как узла будущей железнодорожной сети и обвиняя славянофилов в их традиционном при-

страстии к Москве, ссылался на опыт Запада, где далеко не все страны придерживаются принципа проведения своих дорог через столицы. В частности, в Североамериканских Штатах принят другой план строительства. На это Кошелев резонно отвечал, что Москва не столица, она — древнее средоточие жизненных связей государства, а столица, Петербург, как раз не может служить таким центром по эксцентричности своего географического положения и близости к границам. Что касается Америки, то она, являясь молодым по сравнению с Россией государством, не имеет такого исторического центра, как Москва, и состоит из штатов почти независимых. Изучению опыта строительства железных дорог за рубежом «Русская беседа» уделяла большое внимание.

В статье А. С. Ершова «Железные дороги» [18] рекламировались зарубежные книги и пособия по строительству железных дорог. Кошелев в коротком примечании справедливо писал: «Нам надо строить сегодня, а не завтра, и опыт надо брать там, где он есть» [19]. Западные страны к этому времени имели уже немалую протяженность железных дорог, и более других — Англия. В 1851 г., еще до Крымской войны, Кошелев ездил в Лондон на Всемирную выставку и наблюдал работу английских железных дорог, их воздействие на развитие промышленности, сельского хозяйства и общее благосостояние страны [20]. В «Русской беседе» были процитированы слова Роберта Пиля, сказанные им еще в 1834 г.: «Поспешим... учредить паровое сообщение от одного конца королевства до другого, если не хотим, чтобы Великобритания потеряла свое место и свое первенство в мире» [21]. За 20 лет, прошедших со времени этого призыва, по сведениям «Русской беседы», Англия соединила рельсами почти все части страны. Длина пути к этому времени равнялась 16 тыс. 968 верстам, а ежегодный пробег поездов доходил до 128 млн. верст. Они перевозили в год 111 млн. пассажиров и массу грузов. Доход от железных дорог равнялся 125 млн. руб. серебром в год, что составляло половину годового дохода государства. Кроме того, быстрая перевозка пассажиров экономила в год 13 млн. 875 тыс. рабочих суток, употреблявшихся для производительного труда.

Разбирался также опыт и особенности строительства и эксплуатации железных дорог во Франции, Бельгии, Пруссии, Австрии, Североамериканских Штатах. Приводилось много соображений по устройству путей, конструкциям паровозов, вагонов, колес, о влиянии рельефа местности на скорость и т. д.

В связи с тем что Россия начинала строительство железных дорог, не имея паровозо- и вагоностроительных, а также рельсопрокатных заводов, возникла необходимость покупки всего оборудования за границей. Это требовало огромных денежных затрат.

В разгар дискуссии, 26 января 1857 г., правительством было издано «Положение об устройстве в России железных дорог» [22] и утвержден устав Главного общества российских железных дорог [23], куда вошли иностранные, преимущественно французские, капиталисты, что соответствовало политической тенденции сближения с Францией. Без привлечения иностранных капиталов было немысли-

мо начать это дорогостоящее предприятие, да еще сразу после Крымской войны. Но это было чревато не только экономической, но и политической зависимостью, поэтому необходимо было привлечь к строительству железных дорог капиталы русских купцов и промышленников. Ратуя за это, Кошелев писал: «Говорят, что нет капиталов. Странное утверждение. На полезное дело не найти денег! Россия, преизобилующая всеми дарами природы, имеющая собственных капиталистов и предприимчивых людей, не найдет денег! Нет, видно, не глубоко, не сильно еще в нас убеждение, что теперь жить без железных дорог так же невозможно, как после изобретения пороха нельзя дубинками и кольями побеждать врагов, имеющих ружья и пушки» [24].

И. С. Аксаков, полагая, что давно пора предоставить свободу частному капиталу, писал: «Если бы только позволили устроиться частной компании, то мигом проведена была бы железная дорога из Малороссии к Черному морю,— край ожил бы!» [25]. Связанные со славянофилами промышленники и купцы да и сами деятели этого направления были готовы вложить свои капиталы в железнодорожное строительство, которое представлялось прибыльным делом. Как свидетельствует В. С. Аксакова в своем «Дневнике» [26], к славянофилам обращались текстильные фабриканты с просьбой выступить в печати с обоснованием необходимости проведения железной дороги Москва—Оренбург, которая связала бы русскую хлопчатобумажную промышленность с источником сырья — Средней Азией, и готовы были вложить свои капиталы в ее строительство.

Кокорев в «Русской беседе» предложил употребить на строительство железных дорог сумму, получаемую государством в виде пошлины на табак, которая, по его подсчетам, за 10 лет составит 100 млн. руб., а также мобилизовать денежные средства, имевшиеся у населения. «Капиталы в народе — все равно, что рыба в воде,— писал он,— ловятся тогда только, когда сети хороши» [27]. Сам же он в 1857 г. стал одним из акционеров Главного общества российских железных дорог. В 1858 г. вместе с Н. А. Новосельским получил концессию на постройку Волго-Донской дороги, которая была закончена в 1862 г. В 1858 г. акционером Московско-Саратовской и Московско-Рязанской дорог стал Кошелев.

Самым крупным деятелем в области железнодорожного и промышленного строительства среди славянофилов был Ф. В. Чижов. В 1858 г. он стал выпускать журнал «Вестник промышленности», а с 1861 г.— газету «Акционер», в которых пропагандировал политику протекционизма. Разделяя мнение своих друзей-славянофилов относительно Москвы как естественного центра первой очереди железных дорог, он также был сторонником четкого, заранее разработанного плана их строительства. В статьях «Крайняя необходимость железных дорог в России», «О необходимости расширения сети железных дорог» и «Средства для проведения сети железных дорог в России» [28] он изложил свои соображения. Постройку железных дорог Чижов рассматривал как всенародное дело и поэтому считал необходимым «возбудить к железным дорогам народное сочувствие, призвать всю Россию, и она отзовется, как один человек, и явятся люди, и явятся средства» [29]. Строить железные дороги надо на частные капиталы, не обременяя государственный бюджет. Для финансирования частных компаний Чижов предложил учредить Народный банк, который в целях мобилизации средств выпустит акции крупного и мелкого достоинства, чтобы их могли купить люди разного достатка. Тогда можно будет втянуть в оборот даже мелкие капиталы, рассеянные в народе и припрятанные в кубышках. Государство сможет принять участие в строительстве как акционер, передав банку свои железные дороги с их доходами, а также часть государственных имуществ. Быстрое строительство ускорит возвращение затрат и получение реальных прибылей. Весьма важно вложить часть прибыли в развитие железоделательной и каменноугольной промышленности.

Отсутствие этих отраслей являлось узким местом строительства железных дорог, вынуждая покупать за границей железнодорожное оборудование и даже каменный уголь, который в недрах России имелся в избытке [30]. Развитие этих отраслей внутри страны во много удешевило бы дальнейшее строительство железных дорог и избавило бы от иностранной зависимости, без которой на первых порах нельзя было обойтись. В архиве Чижова сохранился проект аренды Серебрянского железоделательного завода и план преобразования его в рельсопрокатное предприятие. Он стал учредителем «Общества северного пароходства», управляющим «Архангельско-Мурманского пароходства», председателем правлений Московско-Ярославской и Московско-Курской железных дорог. Когда последняя, строившаяся за счет государственных средств, оказалась в 1867 г. на грани банкротства, встал вопрос о продаже ее частной компании. В связи с этим Чижов по поручению крупных московских дельцов Т. С. Морозова, И. А. Лямина, С. М. и П. М. Третьяковых, К. Т. Солдатенкова, А. Н. Мамонтова и других составил записку на имя министра финансов М. Х. Рейтерна, в которой изложил условия покупки у государства Московско-Курской железной дороги, оценив ее в 57 млн. 433 тыс. руб. серебром [31].

В том же году правительство решилось на продажу Николаевской железной дороги, оцененной в 120 млн. руб.[32] Борьба за лакомый кусок, суливший громадные прибыли, шла между Главным обществом российских железных дорог и Товариществом московских капиталистов. Они послали в Петербург своими ходатаями Кошелева и Кокорева, которые столкнулись там с невиданной коррупцией и мошенническими спекуляциями. В них участвовали даже члены царской фамилии, не исключая Александра II. Пообещав лично Кошелеву удовлетворить ходатайства московских дельцов, Александр II на заседании Государственного совета, вопреки мнению большинства его членов, решил дело в пользу Главного общества российских железных дорог [33].

В предпринимательскую и банковскую деятельность втянулись и другие члены славянофильского кружка.

Таким образом, славянофилы не ограничились теоретическим обсуждением различных аспектов воздействия железных дорог на социально-экономическую, политическую и культурную жизнь страны, они участвовали в осуществлении намечаемых ими планов капиталистического развития России[34], поощряя друг друга, вступая в деловые контакты с богатыми купцами и промышленниками и получая прибыль от совместно учрежденных предприятий. Однако в литературе, посвященной славянофильству, и поныне встречаются утверждения о том, что славянофилы были противниками развития капитализма в России. Все вышеизложенное вносит в этот взгляд существенные коррективы.

[1] Кн. В. А. Черкасский и А. С. Хомяков владели сахарными заводами в Тульской губернии. Хомяков имел каменноугольные копи в Богучарове. А. И. Кошелев владел винокуренным заводом в Рязанской губернии, Ю. Ф. Самарин — суконной фабрикой в Самарской губернии.
[2] И. С. Аксаков в его письмах. М., 1892, ч. 1, т. 3, с. 291.
[3] Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий, 1856, № 1. (Далее: ЖГУПС и ПЗ.)
[4] Соображения касательно устройства железных дорог в России.— Современник, 1856, № 2; Еще соображения касательно устройства железных дорог.— Там же, № 9; третья статья «О железных дорогах в России» была напечатана в «Русском вестнике» (1856, кн. 2).
[5] Характерно, что Главное управление путей сообщения в то время подчинялось военному ведомству.
[6] *Кошелев А. И.* Соображения о пользе устройства железных дорог от Динабурга в Курскую губернию: (Ответ ЖГУПС и ПЗ, 1856, № 1).— Русская беседа, 1856, т. 1, Критика, с. 158—160; *Он же.* Соображения касательно устройства железных дорог в России: (Ответ «Современнику», 1856, № 2).— Там же, с. 148—157; *Он же.* Еще соображения касательно устройства железных дорог в России: (Ответ «Современнику», 1856, № 9).— Русская беседа, 1856, т. 3, Критика, с. 88—112; *Хомяков А. С.* Письмо к издателю А. И. Кошелеву.— Русская беседа, 1857, т. 1, Смесь, с. 81—85; *Черкасский В. А.* Тройственный союз 15 апреля 1856 г.— Русская беседа, 1857, т. 2, Обозрение, с. 1—30; *Ершов А. С.* Железные дороги.— Русская беседа, 1856, т. 2, Науки, с. 63—89; и др.
[7] А. С. Хомяков еще в 1845 г. писал о железных дорогах в журнале «Москвитянин», рассматривая перспективы их строительства в России.
[8] Современник, 1857, т. 61, с. 338.
[9] Там же, с. 181.
[10] Соображения касательно устройства железных дорог в России.— Русская беседа, 1856, т. 1, Критика, с. 48—57.
[11] Там же, с. 151, 148; т. 3, с. 91.
[12] *Тенгоборский Л. В.* О производительных силах России. М., 1854, т. 1, с. 199, 201. Четверть — мера сыпучих тел, равная 8 пуд., или 0,13 т.
[13] Русская беседа, 1856, т. 2, Науки, с. 87; т. 3, Критика, с. 98, 104, 107.
[14] И. С. Аксаков в его письмах, ч. 1, т. 3, с. 1—2.
[15] Русская беседа, 1856, т. 3, Критика, с. 93.
[16] Там же, 1858, т. 1, Смесь, с. 118.
[17] Там же, 1857, т. 1, Смесь, с. 84.
[18] Там же, 1856, т. 2, Науки, с. 63—89.
[19] Там же, с. 63.
[20] *Кошелев А. И.* Поездка русского земледельца в Англию и на Всемирную выставку.— В кн.: Московский сборник. М., 1852.
[21] Русская беседа, 1856, т. 2, Науки, с. 66.
[22] Положение об основных условиях устройства первой сети железных дорог в России. СПб., 1857.

[23] Главное общество российских железных дорог. Указ его имп. величества о сооружении первой сети железных дорог в России. СПб., 1857.
[24] Русская беседа, 1856, т. 2, Науки, с. 65.
[25] И. С. Аксаков в его письмах, ч. 1, т. 3, с. 2.
[26] *Аксакова В. С.* Дневник. М., 1913, с. 152.
[27] Русская беседа, 1858, т. 1, Смесь, с. 134.
[28] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 332 (Чижова), карт. 4, ед. хр. 1, л. 36; ед. хр. 2, л. 8; ед. хр. 3, л. 20.
[29] Там же, ед. хр. 2, л. 8 об.
[30] Правительство передало А. С. Хомякову поставку угля для железных дорог на сумму 14 140 руб. в год, выплачиваемую ранее английским шахтовладельцам, поставлявшим валлийский уголь. См.: *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни: Воспоминания. М.; Л., 1930, т. 2, с. 105.
[31] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 332, карт. 4, ед. хр. 7.
[32] *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания. М., 1913, т. 3, с. 62—64, 420—421.
[33] *Кошелев А. И.* Записки. Берлин, 1884, с. 190—192.
[34] См.: *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли в XIX в.— Соч. М.; Л., 1926, т. 23, с. 21; *Рубинштейн Н. Л.* Историческая теория славянофилов и ее классовые корни.— В кн.: Русская историческая литература в классовом освещении. М., 1927, т. 1, с. 99—100; *Дмитриев С. С.* Славянофилы и славянофильство.— Историк-марксист, 1941, № 1, с. 95.

В. Я. Лаверычев

Самодержавие и крупная буржуазия после 1861 г.

Вопросам взаимоотношений царизма и крупной буржуазии в XIX в. в литературе уделялось заметное внимание. Однако оно распространялось преимущественно на экономическую, главным образом торгово-промышленную, политику правительства[1]. Значительно слабее рассматривалось правовое положение крупной буржуазии, ее место в политическом строе и общественной жизни.

Следует признать, что отношение правительства к представителям нового развивавшегося класса отличалось двойственностью и противоречивостью. Еще при Николае I с помощью различных привилегий и льгот правительство стремилось оказывать воздействие на мировоззрение купечества, культивируя подобострастие и слепую преданность престолу. Узкокупцовские сословные интересы, ограниченные традиционными верноподданническими взглядами, определяли облик предреформенной торгово-промышленной буржуазии. В этом плане представляет интерес письмо Я. В. Прохорова своим братьям от 12 июня 1839 г. о приеме фабрикантов Николаем I в Петергофе. Он с благоговением описывает церемонию обеда, прогулки по саду, посещение театра, восторгается вниманием царя, царицы и других высочайших особ[2].

Ослабление таможенного барьера в середине 50-х годов, вызвавшее недовольство торгово-промышленных кругов, все же не внесло каких-либо принципиальных изменений в отношения правящих сфер

к капиталистам. Их интересы и запросы оставались предметом самого пристального внимания губернаторов и центральной администрации, находились в поле зрения самого царя. Доброжелательность царских чиновников и правящих верхов к верхушке купечества всячески подчеркивалась при каждом удобном случае. Так, после обеда, устроенного московскими купцами А. А. Закревскому в связи с оставлением им должности московского генерал-губернатора, он пригласил их представителей на ответный обед, состоявшийся 7 февраля 1860 г. В числе приглашенных были С. Д. Ширяев, И. А. Морозов, В. С. Лепешкин, С. А. Алексеев, П. П. Сорокоумовский, И. Ф. Гучков, И. С. Камынин и др.[3] Этот факт особенно примечателен, ибо Закревский был известен своим крутым нравом и самодурством. В. М. Голицын рассказывал в своих воспоминаниях: «В 1856 году во время коронационных торжеств московское купечество задумало угостить какой-то воинский отряд, незадолго перед тем прибывший в Москву из Севастополя. Государь Александр Николаевич одобрил эту мысль и сам приехал в городской манеж, где это угощение было устроено. Войдя в манеж, он видит, что никто его при входе не встречает. Что же оказалось? Прибывший в манеж ранее его генерал-губернатор Закревский за что-то разгневался на хозяев-купцов, обругал их по обычаю николаевских фрунтовиков самыми площадными словами и отправил их по домам чуть ли не под конвоем»[4].

Всеподданнейший отчет нижегородского губернатора за 1860 г., в котором говорилось о благоустройстве ярмарки и предлагалось вознаграждать лиц купеческого звания за услуги правительству «без различия их религиозных убеждений, именно „православных" от „раскольников", так как последние, обыкновенно более достаточные, всегда в состоянии оказать действительное содействие правительству в делах общественной пользы», привлек внимание Александра II, только что посетившего «всероссийское торжище»[5]. В 1861 г. на ярмарке побывал министр финансов А. М. Княжевич, для которого была организована прогулочная поездка от Нижнего до Казани. Во время поездки А. П. Шипов, возглавлявший ярмарочный комитет, вел с ним беседы по важнейшим вопросам экономической политики[6]. В 1863 г. на ярмарке остановился наследник престола Николай, совершавший путешествие по России. Председатель ярмарочного комитета был приглашен на обед к наследнику[7]. Александр III трижды побывал в Нижнем Новгороде и на ярмарке, из них дважды будучи наследником престола[8]. Купцы с восторгом встречали Александра Александровича, так как им было оказано такое внимание, какого они ранее не видели. Уже во время первого его посещения в 1866 г. на обед к наследнику попало 12 представителей ярмарочного купечества (А. И. Баранов, Т. С. Морозов, П. П. Боткин, А. А. Сапожников и др.) и 16 нижегородских купцов. Провожая наследника, в верноподданническом письме купцы обещали для защиты отечества пожертвовать не только имуществом, но и жизнью, как делали предки[9].

Подобными посещениями и контактами с купечеством демонстрировалось внимание правительства к интересам крупной торгово-промышленной буржуазии. Они как бы закреплялись объездами торгово-промышленных центров и ярмарки, регулярно совершавшимися министрами финансов. Так, председатель ярмарочного комитета, приветствуя в 1879 г. министра финансов С. А. Грейга, заявлял: «В предпринятой Вами поездке к центрам, где сгруппировались русские мануфактуры и разместились русские промыслы, в посещении Вами Ярославля, Шуи, Иваново-Вознесенска и подробном обозрении основанных там промышленных заведений, в том внимании, которое Вам угодно было приложить к изучению нашей ярмарки и ее потребностей, торговая и промышленная Россия усматривает, что Вашему сердцу одинаково близки и общие интересы государственного хозяйства и заботы о преуспеянии отдельных производительных сил страны»[10]. В последующие годы, следуя прочно сложившейся традиции, на ярмарке побывали И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте.

Оценивая благотворное влияние прямых контактов царских министров с представителями всероссийского купечества, нижегородский губернатор Н. М. Баранов по поводу пребывания на Нижегородской ярмарке И. А. Вышнеградского писал в рапорте царю 17 октября 1887 г.: «Весьма отрадно и благотворно повлиявшим на все купечество явлением была присылка Вашим величеством управляющего Министерством финансов и, в особенности, милостивые слова Ваши, переданные собранию всероссийского купечества И. А. Вышнеградским...»[11].

Особое внимание капиталистам было оказано во время Нижегородской ярмарки и Всероссийской выставки 1896 г. В Нижний прибыл Николай II, торжественно встреченный купцами. Сама церемония встречи (допущенная впервые почетная охрана, состоявшая из детей родовитых купеческих семей, приветственная речь С. Т. Морозова и пр.) подчеркивала доброжелательное отношение верхов к торгово-промышленным кругам. Оно еще более оттенялось соответствующими действиями министров, посетивших ярмарку. Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, министр путей сообщения М. И. Хилков в личных и деловых встречах с представителями купечества, в застольных беседах на торжественных обедах, даваемых капиталистами, имели возможность непосредственно познакомиться с их нуждами, запросами и пожеланиями[12].

Не менее традиционными стали посещения министрами финансов Московской биржи. Начало этой традиции положил еще М. Х. Рейтерн, заверивший, что купечество может быть уверено, что доколе он будет министром, ни одна мера, касающаяся промышленности, «не спадет на нее как снег на голову». С. А. Грейг при посещении биржи обещал следовать примеру своего предшественника и не предпринимать никаких крупных мер, касающихся торговли и промышленности, без истребования мнений московского биржевого

купечества. Примеру своих предшественников следовали министры финансов — Н. Х. Бунге, посетивший биржу 21 мая 1882 г., И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте, с большим вниманием относившиеся к пожеланиям крупных московских капиталистов и чутко прислушивавшиеся к голосу московского торгово-промышленного мира [13].

Хотя представителям торгово-промышленной Москвы было труднее установить связи в верхах, чем сахарозаводчикам и железнодорожным дельцам, они также находили и расширяли соответствующие каналы. В ряде предприятий с ними совместно участвовали такие видные представители правящей бюрократии, как А. А. Абаза и А. И. Дельвиг. Расширялись контакты и с рядовыми представителями чиновничье-бюрократического аппарата в Петербурге и с аристократической верхушкой, что позволяло в нужных случаях добиваться тех или иных решений, преимуществ и привилегий. Через Ф. В. Чижова, например, близко знакомого с Бобринскими, они могли иметь поддержку влиятельных аристократических семейств [14]. Имели значение и связи через И. С. Аксакова и его жену А. Ф. Тютчеву, бывшую фрейлину императрицы. Через Аксакова, в частности, с ними сближался академик и сенатор В. П. Безобразов, имевший свободный доступ к младшим сыновьям Александра II и выполнявший по поручению правительственных кругов ответственную работу по обследованию русской промышленности [15].

Особого внимания, однако, заслуживают те каналы, которые вели в Аничков дворец к наследнику престола. Пути эти были найдены после приглашения И. К. Бабста для чтения лекций сначала царевичу Николаю, а затем будущему царю Александру III. В 70-е годы в Аничковом дворце, где зорко следили за перемещениями в высших звеньях бюрократического аппарата, с подчеркнутым вниманием относились к нуждам и ходатайствам торгово-промышленного мира. Так, в письме Бабста к К. П. Победоносцеву от 17 октября 1878 г. первоначально осуждалось назначение на пост министра финансов Грейга, выдвинутого кругами, связанными, по его мнению, с иностранным капиталом [16]. Однако Грейг проводил традиционную политику. В частности, на обеде, данном московским купечеством Грейгу в 1879 г., по особому приглашению присутствовал Победоносцев, пожелавший лично познакомиться с многими купцами и имевший с ними на другой день двухчасовую беседу. В письме к наследнику от 23 сентября он так излагает свои впечатления: «Сидевший напротив председатель биржевого комитета Найденов сказал очень хорошую, дельную и короткую речь и указал в ней причину, почему Грейга встречают с таким радушием и сочувствием: надеются, что министр, увидев все сам на месте, вникнет во все нужды и потребности, для того чтобы законы и распоряжения были не сочиненные, а соответственные с жизнью» [17]. В другом письме, от 17 ноября 1879 г., Победоносцев дает свою оценку представителям московского купечества, некоторые из которых (С. М. Третьяков) уже представлялись наследнику, а другие должны были представиться (Н. А. Найденов, Т. С. Морозов, А. К. Трапезников, Боткины) [18]. Значительное внимание московскому купечеству оказала и царская чета, посетившая Москву осенью 1876 г., перед русско-турецкой войной [19].

Возможности для сближения правящих верхов с крупной торгово-промышленной буржуазией центра еще более расширились, как только наметился переход на позиции жесткого протекционизма.

Связи московского купечества в высших сферах особенно окрепли в царствование Александра III. Оно пользовалось покровительством таких царедворцев, как К. П. Победоносцев и И. И. Воронцов-Дашков, поддержкой М. Н. Каткова и его «Московских ведомостей», с пеной у рта отстаивавших протекционизм и защищавших купцов от нападок либеральной прессы.

В качестве постоянного корреспондента, сообщавшего о важнейших событиях в Москве и московском торгово-промышленном мире, о непродуманных действиях местной администрации, раздражавших купечество, К. П. Победоносцев имел влиятельного московского капиталиста, председателя Биржевого комитета Н. А. Найденова. Сообщения его сопровождались различного рода, иногда завуалированными, просьбами, которые обычно принимались во внимание и влекли за собой обращение всесильного обер-прокурора к Д. А. Толстому или Н. Х. Бунге [20]. В частности, 12 ноября 1885 г. он переслал Н. Х. Бунге копию письма Н. А. Найденова, в котором содержались сетования по поводу тяжелого положения промышленности и невнимания к нуждам фабрикантов лиц, ведающих их делами, выражалось недовольство запрещением ночного труда женщин и подростков и т. п.[21] Надо думать, не без содействия Победоносцева Найденов и другие видные купцы неоднократно удостаивались чести представляться Александру III [22].

Значительную пользу купечеству приносила их крепнущая дружба с М. Н. Катковым, имевшим право личной переписки с царем и пользовавшимся покровительством высокопоставленных царедворцев. Навряд ли другой орган периодической печати мог опубликовать выступления промышленников, содержавшие упреки по адресу представителей высшей власти [23].

И московские капиталисты, и М. Н. Катков иногда заведомо сгущали краски, утверждая, что правительство мало советуется с промышленниками. По всем важнейшим вопросам министерства регулярно запрашивали мнения предпринимательских организаций и внимательно к ним относились. Представители купечества систематически привлекались к участию в работе ведомственных и междуведомственных комиссий [24]. Другое дело, что мнение тех или иных предпринимательских кругов, особенно в тех случаях, когда различные организации высказывали разные точки зрения, не всегда оказывалось решающим. Если ходатайства и просьбы капиталистов, предпринимательских организаций и других учреждений, выражавших интересы крупной буржуазии, не расходились с «видами» ведомств, то они благосклонно принимались как в Министерстве финансов, так и в Министерстве государственных имуществ.

Хотя и в этих случаях крайне редко обходилось без традиционной для царской России канцелярской волокиты. В первую очередь это касается групповых, «узкопрофессиональных» интересов, о чем свидетельствует вся деятельность как биржевых комитетов, комитетов торговли и мануфактур, так и различных советов съездов.

В 1870 г. крупный промышленник В. А. Полетика, известный своими умеренно-либеральными взглядами, заявил на заключительном заседании общего собрания фабрикантов, заводчиков и других, сочувствующих русской промышленности лиц: «Прежде всего считаю долгом заявить о том общеизвестном факте, что едва только Русское техническое общество и Общество для содействия русской промышленности и торговле обратилось к правительству с просьбой о дозволении созвать съезд всех интересующихся промышленностью и торговлею, разрешение последовало немедленно без малейших стеснений и ограничений. Мы собирались, где хотели и как хотели; сами избрали предметы для своих занятий; совершенно свободно обменивались мыслями, говорили каждый, кто что хотел и кто что думал, и ни разу ни одна из наших бесед не была нарушена никаким посторонним вмешательством, никаким стеснительным наблюдением» [25]. В оценке Полетики, сделанной публично, несколько идеализируется свобода обсуждения вопросов на съездах капиталистов. Тем не менее следует, видимо, признать, что на первых из них (1870, 1875 гг.) не было такой тенденции к детальной регламентации программы и направления обсуждения вопросов, которая обнаружилась на съездах 1882 г. в Москве и 1896 г. в Нижнем Новгороде. В частности, первый пункт программы съезда в Нижнем включал вопрос об изменениях и дополнениях в действующих узаконениях о фабрично-заводской и ремесленной промышленности. Однако на съезд не были представлены материалы правительственной комиссии по этому вопросу. Тем самым обсуждение его заранее было ограничено [26]. Но даже на этом съезде чиновники проявляли большое внимание к запросам капиталистов [27].

Все более внимательно к крупным капиталистам относились и местные власти. Московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков чутко следил за настроениями в торгово-промышленном мире. Вновь назначенный московский губернатор В. М. Голицын, совсем еще недавно (23 ноября 1876 г.) пренебрежительно именовавший известных московских купцов «лавочниками» и «лабазниками» и сетовавший по поводу того, что в Московскую думу избрана «вся сволочь с Третьяковым во главе» [28], изменяет тон. При объездах Московской губернии он теперь считал своим долгом посещать не только крупнейшие текстильные предприятия, но и самих мануфактурных королей в их личных резиденциях. Он побывал, в частности, у И. А. Лямина на его великолепной даче и у братьев Морозовых в их доме около Богородска [29]. Голицын регулярно бывал (и теперь уже хорошо отзывался о гостеприимных хозяевах) на вечерах у московского городского головы С. М. Третьякова, где неоднократно играл А. Рубинштейн, чествовался известный путешественник Н. М. Пржевальский и пр.[30]

Дядя царя, вел. кн. Сергей Александрович, только что вступивший на должность московского генерал-губернатора, посетил фабрику Коншиных в Серпухове, Богородско-Глуховскую мануфактуру и Коломенский машиностроительный завод [31]. Адъютанты великого князя (В. Ф. Джунковский, Л. И. Игнатьев, В. С. Гадон) были завсегдатаями на воскресных приемах у молодой именитой московской купеческой четы М. А. и М. К. Морозовых и др.[32] Дневники В. М. Голицына свидетельствуют о том, что торгово-промышленные тузы (Т. С. Морозов, Н. А. Найденов и др.) были частыми визитерами московского губернатора [33].

Правительство тщательно следило за настроениями в среде крупной буржуазии и стремилось развивать и поддерживать в купеческой среде тщеславие, пристрастие к чинам, орденам, званиям и проч., обращая особое внимание на значительных оптовых торговцев и владельцев больших фабрик и заводов. За значительные денежные пожертвования по представлению соответствующих ведомств капиталисты получали различные награды. К середине 80-х годов многие крупные купцы имели уже не по одному, а от трех до шести орденов, полученных за заслуги в деле развития промышленности, торговли, просвещения, здравоохранения и пр. Так, владелец фабрики золотых и серебряных изделий П. Овчинников имел пять орденов. Хозяин Раменской мануфактуры Н. Милютин был награжден двумя орденами [34]. Петербургский купец А. Елисеев успел получить шесть орденов, Н. Коншин имел четыре ордена и т. д. Раздача купцам орденов из года в год увеличивалась. В особенности этот процесс был интенсивен в 80-е годы XIX в. Только по линии Министерства финансов за заслуги по развитию торговли и промышленности различные ордена ежегодно получали десятки предпринимателей.

Орденами награждались не только петербургские и московские капиталисты, но и белостокские, тверские, оренбургские, ташкентские и других городов России. Среди награжденных появляются даже купцы второй гильдии [35].

Ордена и медали в царской России имели немалое значение, давали дополнительные права, приближающие купцов к высшему сословию — дворянству. Награды дополнялись различными званиями (почетных граждан, потомственных почетных граждан, коммерции- и мануфактур-советников), дававшими права на новые преимущества. Этим как бы сглаживали различия между господствующими сословиями. Не только дворянство, но и верхушка купечества как бы поднималась и возвышалась над миллионами рядовых обывателей, над массами совершенно бесправных крестьян и рабочих.

Звания коммерции- и мануфактур-советников широко жаловались еще в предреформенные годы. Их получали крупные торговцы и фабриканты Петербурга и Москвы, Одессы и Ростова, Рыбинска и Нижнего Новгорода, Вятки и Воскресенска, Казани и Иркутска, Елабуги и Углича и др.[36] После реформы отдельные крупные капиталисты получали высокие чины. Так, И. А. Лямин в 1872 г.

был статским советником, а железнодорожный делец П. Г. фон Дервиз имел чин действительного статского советника [37].

В 80-е годы наряду со званиями коммерции- и мануфактур-советников и потомственных почетных граждан представители купечества стали чаще получать высшие чины и даже дворянские звания. Так, Е. Брандт, один из основателей первого в России Петербургского частного коммерческого банка, в 1888 г. по представлению министра финансов получил чин статского советника. В том же году действительным статским советником стал председатель Нижегородского биржевого комитета М. П. Шипов, а коллежским советником — кандидат старшины Петербургского биржевого общества А. Елисеев. В начале 1889 г. чин действительного статского советника уже имел крупный заводчик Сан-Галли. В том же году его получили петербургские купцы Г. А. Елисеев, уже награжденный пятью орденами, Н. Полежаев, также имевший пять орденов, и В. Грибанов, получивший шесть орденов, коллежским советником становится П. Елисеев, ранее награжденный пятью орденами [38]. Л. С. Поляков получил чин действительного статского советника [39].

Представители старых купеческих фамилий получали и потомственное дворянство. В 1882 г. за заслуги «на поприще отечественной промышленности в течение двухсот лет» в потомственное дворянство возводятся Коншины — владельцы крупнейшего текстильного предприятия в Серпухове [40]. В эти же годы дворянство жалуется Л. Я. Прозорову — сыну вятского купца первой гильдии, прославившегося тем, что он попытался, минуя посредников, наладить вывоз русских товаров в Англию. Сам же новоиспеченный дворянин был крупным петербургским коммерсантом [41]. В 1888 г. потомственное дворянство получили даже осташковцы Савины — владельцы кожевенного завода, купеческий род которых существовал с 1763 г.[42] При Николае II внимание правящих верхов к московскому купечеству выражалось в царских приветствиях по случаю крупных праздников, передававшихся от его имени вел. кн. Сергеем Александровичем крупнейшим фабрикантам (Н. И. Прохорову, в частности) [43].

Подобными акциями подчеркивалось как бы государственное значение занятий купцов торгово-промышленной деятельностью. Однако наделение купечества новыми привилегиями, приближение его верхушки к высшему сословию имело объективно отрицательные последствия. В конечном итоге попытки укрепления сословности, являвшейся, по справедливому указанию В. И. Ленина, одним из главнейших проявлений пережитков крепостничества в дореволюционной России [44], объективно препятствовали классовой организации купечества, тормозили процесс консолидации крупной буржуазии, превращения ее из класса «в себе» в класс «для себя». Политика правительства объективно направлялась к тому, чтобы задержать самоопределение нового капиталистического класса, подрывать его авторитет в общественной жизни.

Такая линия становится еще более очевидной, если мы обратим внимание на реакцию правящих верхов на те робкие попытки купечества проявить свое отношение к тем или иным вопросам общественно-политической жизни, организованно выступить на общественной арене. Эти попытки вызывали недовольство Петербурга и местных властей и пресекались решительными мерами. Любой факт проявления самостоятельности торгово-промышленных кругов на общественно-политической арене вызывал опасения и тревогу. Инициатива торгово-промышленной буржуазии допускалась и поощрялась в узко ограниченных пределах чисто купеческих «профессиональных» интересов. Царские чиновники «опекали» купечество, защищали интересы буржуазии, но требовали за это верноподданнического поведения, предполагающего отказ от каких-либо посягательств на права верховной власти. Попытки выйти из этих рамок нарушали бдительно охраняемую и тщательно поддерживаемую правительством систему взаимоотношений между абсолютизмом, всеми силами стремившимся создать русским капиталистам максимально выгодные условия для наживы, и предпринимателями, успешная коммерческая деятельность которых во многом зависела от государства (казенные заказы, заградительные таможенные тарифы, льготные железнодорожные тарифы и т. п.).

Едва пробивавшаяся тенденция как-то определить самостоятельную позицию по общим вопросам социально-экономической жизни встречалась решительными мерами пресечения со стороны верховной власти и местной администрации.

Как только купечество проявляло малейшую склонность выйти за пределы узкосословной деятельности и «видов» представителей высшей бюрократии, выразить более широкие интересы, незамедлительно осуществлялись меры административного давления. Даже попытки купцов-старообрядцев выступить в защиту своей веры всегда воспринимались с большой настороженностью, хотя в отдельные моменты им давались большие обещания и делались кое-какие уступки. Например, стоило И. С. Аксакову в газете «Москва» поместить передовую статью о свободе совести в делах веры, как в III Отделении было уже зафиксировано, что газета издается на субсидии купцов-раскольников, в особенности К. Т. Солдатенкова [45]. В 1867 г. нижегородским городским головой был избран купец Ф. А. Блинов. Однако губернатор не утвердил его в этой должности, основываясь на секретных высочайших повелениях 1820 и 1835 гг., которыми ограничивались права раскольников. Такое решение вызвало телеграмму-протест крупных купцов И. Башкирова, А. Зарубина и других на имя министра внутренних дел. Губернатор оценил телеграмму как донос и потребовал от ее организаторов объяснений. При этом оба они сразу же оказались под следствием за старые «шалости», на которые ранее смотрели сквозь пальцы: один — за беспорядок в общественном месте, другой — за избиение поручика [46]. На основании тех же законов московский губернатор отстранил В. Е. Морозова от должности казначея Лефортовского попечительства о бедных, что вызвало возражения купечества [47].

Эта общая линия была подтверждена секретным циркуляром обер-прокурора Синода от 16 ноября 1889 г. и секретным циркуляром министра внутренних дел от 25 ноября 1889 г. Губернаторам и церковным властям указывалось на необходимость принятия мер к недопущению на будущее время «раскольников более вредных сект и вообще сектантов, кои враждебно относятся к православной церкви и склонны к распространению своих заблуждений в среде православного населения, к занятию общественных должностей, соединенных с властию, в особенности в тех местностях, где распространен раскол и имеются среди населения купцы и фабриканты из раскольников» [48].

Не менее настороженно встречались верноподданнические адреса-ходатайства, в которых правительством усматривались какие-либо малейшие посягательства на прерогативы верховной власти. Верноподданнический адрес Московской городской думы, где купцам принадлежало большинство, принятый в начале 1870 г., вызвал недовольство, потому что в нем выражалась просьба «большего простора мнению и печатному слову, свободы церковной и свободы верующей совести». К. П. Победоносцев, разъясняя причину высочайшего недовольства, писал автору адреса И. С. Аксакову, что предмет мог бы быть выражен по-иному; следовало указать, что «выражение мнения стеснено у нас до того, что не позволяют высказаться» даже о тех или иных предметах [49].

Попытки купечества выразить свои взгляды по вопросам большой политики встречали резко отрицательную реакцию в правящих сферах. Так, в мае 1886 г., приветствуя царя в Москве, московский городской голова Н. А. Алексеев выразил пожелание о проведении более активной внешней политики на Балканах. За эту речь генерал-губернатору Долгорукову было сделано строгое внушение. Он, в свою очередь, сделал выговор Алексееву. Такая самостоятельность купеческого головы явилась причиной того, что местная администрация пыталась предотвратить его избрание на новый срок [50]. Столь же решительно представители местной администрации пресекали демонстрации антинемецких настроений купечества в 1887 г. Нижегородский генерал-губернатор всеми средствами пытался предотвратить антинемецкие речи и разговоры на намеченных ярмарочным купечеством торжественных обедах в честь французов на Нижегородской ярмарке [51].

В 1888 г. Нижегородский ярмарочный комитет обратился в Министерство финансов с представлением, в котором указывалось на неблагоприятные последствия в случае заключения торгового договора с Германией, и поставил вопрос о пересмотре общего таможенного тарифа империи; министр финансов с *высочайшего одобрения* отклонил ходатайство ярмарочного купечества. Обоснование такого решения сводилось к следующему: «По поводу же изъявленного выше ходатайства сего купечества нельзя не признать, что подобные ходатайства, всегда принимаемые Министерством финансов в соображение при разработке соответствующих предположений, едва ли мог[ло] возлагать на него обязанность давать купечеству

ближайшие разъяснения о видах и предположениях Министерства, не получивших еще окончательного, в установленном порядке, одобрения» [52]. Ходатайствующие представители промышленности и торговли должны были спокойно ожидать разработки тех или иных мер в министерских канцеляриях и могли иметь собственное мнение только тогда, когда его предлагали высказать.

Неудивительно, что проявления более ясного классового самосознания среди купечества получали еще более резкую отповедь. В 1896 г. накануне торгово-промышленного съезда в Нижнем Новгороде газета «Волгарь», являвшаяся органом купечества, оставаясь на верноподданнических позициях, высказала мысль об особом месте, которое может занять купечество в государстве [53]. Недовольство верхов проявилось не только в окрике «Нового времени», но и в том, что руководитель Ярмарочного комитета С. Т. Морозов, пользовавшийся большим авторитетом среди купечества, должен был вскоре оставить свой пост. Он оказался слишком яркой и незаурядной личностью, активность которой выходила за пределы, допускаемые правящей бюрократией.

Таким образом, «попечительная» политика правительства по отношению к купечеству была направлена на сохранение сословной замкнутости социальной группы, занимавшей вполне определенное место в системе общественного производства, выполнявшей определенную роль в капиталистической общественной организации труда. Тем самым замедлялось развитие процесса классовой консолидации буржуазии. Сословная феодальная скорлупа тормозила становление самосознания складывающегося класса, вызревание среди капиталистов устойчивых идей и взглядов. Это позволяло правящим верхам как бы сковывать общественно-политическую деятельность крупной буржуазии как класса. Подобной политикой, сочетавшейся с мерами экономической поддержки купечества, обусловливалось формирование тех черт крупной буржуазии пореформенной эпохи, которые в значительной степени определяли ее общественно-политическое лицо и в период империализма.

[1] *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 гг.). М., 1960; *Лаверычев В. Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России, 1861—1900. М., 1974; *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в. М., 1981; и др.
[2] ГИМ ОПИ, ф. 146, оп. 1, д. 1, л. 154.
[3] ЦГИА СССР, ф. 660, оп. 1, д. 91, л. 26—27.
[4] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 75, кн. 3, с. 50.
[5] Государственный арх. Горьковской обл. (далее: ГАГО), ф. 2, оп. 4, д. 7657, л. 1—5.
[6] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 332, п. 61, д. 2.
[7] ГАГО, ф. 2, оп. 6, д. 778, л. 52—53.
[8] Там же, ф. 472, оп. 287, д. 316, л. 316.
[9] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 143, л. 38, 39, 98, 130.
[10] Нижегородский биржевой листок, 1879, 17 авг.
[11] Русские ведомости, 1896, 17 авг.; Волгарь, 1896, 6, 18 июля, 19 авг.
[12] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 58, разд. II, карт. 43, д. 3.
[13] Московская биржа. М., 1889, с. 73.

[14] *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни: Воспоминания. М., 1930, т. 2, с. 350—351.
[15] ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, д. 760, л. 1, 2.
[16] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 3, д. 1615, л. 1.
[17] Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925, т. 1, с. 234.
[18] Там же, с. 241.
[19] *Голицын В.* Москва в семидесятых годах.— Голос минувшего, 1919, № 5—12, с. 146.
[20] К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М.; Пг., 1923, т. 1, п/т. 1, с. 296—298, 319—320.
[21] ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, д. 594, л. 4.
[22] ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 40, л. 36, 155—160.
[23] Московские ведомости, 1885, 1 апр.
[24] Волгарь, 1896, 5 авг.
[25] Деятельность, 1870, 23 июня.
[26] Русские ведомости, 1896, 4 авг.
[27] Волгарь, 1896, 5 авг.
[28] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 75, кн. 7, с. 118—119.
[29] Там же, кн. 14, с. 338; ЦГАЛИ, ф. 1337, оп. 1, д. 46, л. 152.
[30] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 75, кн. 10, с. 103, 105, 485 и др.
[31] Там же, кн. 16, с. 409, 412, 414, 428 и др.
[32] ЦГАЛИ, ф. 1956, оп. 2, д. 6, л. 125, 131.
[33] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 75, кн. 10, с. 103, 105, 485 и др.
[34] ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 38.
[35] Там же, л. 13—15; д. 40, л. 38, 51; д. 41, л. 45—55, 104—118.
[36] ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 17, л. 1, 9, 10—11, 143—144; д. 15, л. 39—61; д. 19, л. 5, 31, 67; д. 23, л. 26, 54—56; д. 24, л. 148; Государственный арх. Одесской обл., ф. 22, д. 261, л. 4, 15.
[37] ЦГИА СССР, ф. 934, оп. 2, д. 104, л. 1.
[38] Там же, ф. 40, д. 40, л. 38, 39, 205; д. 41, л. 7, 37—41.
[39] ЦГАЛИ, ф. 1956, оп. 2, д. 6, л. 24.
[40] *Иоксимович Ч. М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915, с. 277.
[41] ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 18, л. 60; д. 38, л. 162.
[42] Там же, д. 40, л. 79.
[43] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 253, папка 14, д. 3.
[44] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 145.
[45] ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 3, д. 1514, л. 1.
[46] ГАГО, ф. 2, оп. 5, д. 193, л. 17—25.
[47] ЦГИА г. Москвы, ф. 3, оп. 2, д. 1121, л. 3, 5—8.
[48] Там же, ф. 205, оп. 377, д. 67, л. 1.
[49] Московский адрес Александру II в 1870 г.: (из переписки К. П. Победоносцева с И. С. Аксаковым).— Красный архив, М.; Л., 1928, т. 6(31), с. 148—149.
[50] ОР Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ф. 75, кн. 13, с. 628, 633, 624; кн. 15, с. 241, 295, 320.
[51] Там же, ф. 58, разд. II, карт. 43, д. 3.
[52] ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 40, л. 167—170.
[53] Волгарь, 1896, 6 июля, 5 сент.

В. И. Бовыкин

О взаимоотношениях российских банков с промышленностью до середины 90-х годов XIX в.

Изучение истории акционерных коммерческих банков в России до середины 90-х годов XIX в. крайне затруднено вследствие почти полной утраты банковских архивов и фонда Особенной канцелярии по кредитной части. Что касается кредитной статистики, то те возможности, которые она открывала для исследования операций российских банков, были, в сущности, исчерпаны И. Ф. Гиндиным в его работе «Русские коммерческие банки» [1]. При всей своей ценности кредитная статистика из-за недостаточной ее детализации не может дать ясного представления о многих важных сторонах деятельности российских банков. Она, в частности, не позволяет «разглядеть» взаимоотношения банков с промышленностью. Между тем установление характера этих взаимоотношений имеет первостепенное значение для выяснения условий зарождения финансового капитала в России.

Преобладание на русском денежном рынке государственных и гарантированных ценностей побуждает предполагать, что и в операциях акционерных коммерческих банков эти ценности доминировали. Балансы петербургских и московских банков на 1 января 1878—1882 гг., содержащиеся в «Ежегоднике русских кредитных учреждений» (СПб., 1880—1886. Вып. 1—4), и на 1 января 1885—1886 гг., опубликованные в «Вестнике финансов, промышленности и торговли», где приведены отдельно данные о стоимости гарантированных и негарантированных ценных бумаг, находившихся в собственных и залоговых портфелях этих банков, позволяют проверить это предположение. Табл. 1, содержащая упомянутые данные [2], его подтверждает. Вместе с тем обращает на себя внимание значительный удельный вес негарантированных ценностей, принадлежавших банкам и находившихся у них в залоге, в сумме всех их активов. К тому же он имел тенденцию к увеличению. Что представляли собой эти ценности? У нас нет достаточных данных для ответа на такой вопрос. Мы можем судить лишь о составе ценностей, находившихся в собственности у банков, ибо в своих годовых отчетах они публиковали ведомости ценных бумаг, оставшихся в их портфелях к концу отчетного года.

Рассмотрим подобные ведомости, содержащиеся в отчетах двух петербургских банков — Частного и Международного, выделявшихся объемом своих портфелей ценных бумаг (см. табл. 2). Из табл. 2, составленной по этим ведомостям [3], явствует, что сумма негарантированных ценных бумаг, содержавшихся в портфеле Частного бан-

Таблица 1

Операции петербургских и московских банков с гарантированными и негарантированными ценными бумагами, в млн. руб.*

Год (на 1 января)	Стоимость гарантированных бумаг у банков		В том числе			Стоимость негарантированных бумаг у банков		В том числе			Сумма всех активов
	абс.	%	собственные	в качестве обеспечения ссуд	в качестве обеспечения кредитов по корреспондентским счетам (лоро)	абс.	%	собственные	в качестве обеспечения ссуд	в качестве обеспечения кредитов по корреспондентским счетам (лоро)	
Петербургские банки											
1878	31,7	15,9	9,6	13,7	8,4	31,8	16,0	2,6	19,4	9,8	199,1
1879	69,3	37,9	24,9	31,0	13,4	24,3	13,3	1,4	17,4	5,5	183,0
1880	50,7	32,7	13,0	24,2	13,5	27,3	17,6	1,6	22,3	3,4	155,2
1881	42,3	27,8	7,1	25,6	9,6	24,4	16,0	1,5	18,1	4,8	152,3
1882	68,3	36,4	18,3	35,8	14,2	35,5	18,9	2,2	26,4	6,9	187,4
1885	63,5	32,5	9,0	25,8	28,7	39,3	20,1	1,7	29,1	8,5	195,2
1886	75,7	33,9	14,7	35,9	25,1	43,0	19,3	2,9	30,7	9,4	223,2
Московские банки											
1878	24,1	21,5	7,2	15,6	1,3	12,7	11,3	0,5	11,3	0,9	112,2
1879	33,1	30,9	16,5	15,6	1,0	15,7	14,7	0,5	12,6	2,6	107,0
1880	27,9	26,9	6,6	20,4	0,9	16,5	15,9	0,2	15,3	1,0	103,6
1881	25,8	25,1	3,8	20,4	1,6	15,7	15,3	0,3	14,4	1,0	102,8
1882	22,0	20,5	4,7	16,7	0,6	17,4	16,2	0,7	16,0	0,7	107,5
1885	18,6	16,2	4,1	14,0	0,5	20,5	17,9	0,6	19,8	0,1	114,5
1886	24,0	19,0	10,5	13,2	0,3	21,4	17,1	1,9	14,4	0,2	125,8

* Ежегодник русских кредитных учреждений. СПб., 1880—1886. Вып. 1—4; Вестник финансов, промышленности и торговли, 1885—1886.

ка, отличалась относительной стабильностью. Она была подвержена меньшим колебаниям; чем сумма гарантированных ценностей. Резкие ее сокращения в 1883 и 1893 гг., явно связанные с ухудшением экономической и биржевой конъюнктуры, носили временный характер.

В первой половине 70-х годов около двух третей стоимости портфеля Частного банка составляли акции железнодорожных обществ, главным образом двух — Бресто-Граевской и Рыбинско-Бологовской — железных дорог. Состав остальной части ценных бумаг банка был весьма пестрым и неустойчивым. В 1875 г. среди них оказался крупный пакет закладных листов Тульского поземельного банка (на сумму свыше 400 тыс. руб.). Уже на следующий год он исчез из портфеля Частного банка, но с этого времени закладные листы заняли в нем заметное место. С конца 70-х годов банк стал покупать акции ряда газовых предприятий[4], а с начала 80-х годов — также некоторых пароходных обществ. Лишь в 90-х годах в его портфеле появились акции коммерческих банков. С 1894 г. акции банков и промышленных предприятий впервые были выделе-

Таблица 2

Суммы гарантированных и негарантированных бумаг в портфелях Петербургского международного и Петербургского частного банков в 1872—1898 гг.*

Год (31 декабря)	Собственные бумаги в портфеле					
	Петербургского частного банка			Петербургского международного банка		
	Всего	в том числе		Всего	в том числе	
		гарантированных	негарантированных		гарантированных	негарантированных
1872	2,6	2,1	0,5	0,5	Нет сведений	Нет сведений
1873	2,5	1,8	0,7	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
1874	2,0	1,4	0,6	0,5	0,4	0,1
1875	2,4	1,5	0,9	0,7	0,5	0,2
1876	1,6	0,7	0,9	0,8	0,8	—
1877	1,7	0,7	1,0	5,9	5,4	0,5
1878	3,8	2,9	0,9	5,8	5,7	0,1
1879	4,3	3,4	0,9	2,6	2,5	0,1
1880	2,2	1,3	0,9	1,7	1,5	0,2
1881	3,2	2,3	0,9	5,3	4,8	0,5
1882	Нет свед.	Нет свед.	Нет. свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
1883	1,2	1,0	0,2	1,8	1,6	0,2
1884	1,3	0,4	0,9	2,0	1,9	0,1
1885—1887	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
1888	1,4	0,5	0,9	4,0	3,7	0,3
1889	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	3,6	3,5	0,1
1890	3,1	2,6	0,5	10,1	8,1	2,0
1891	3,4	2,9	0,5	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
1892	1,7	1,1	0,6	8,9	6,7	2,2
1893	2,1	1,8	0,3	6,5	5,9	0,6
1894	1,5	1,1	0,4	7,4	4,3	3,1
1895	1,6	0,5	1,1	10,2	9,2	1,0
1896	1,9	0,4	1,5	12,5	9,2	3,3
1897	1,9	0,6	1,3	11,9	9,1	2,8
1898	1,9	0,5	1,4	17,4	12,6	4,8

* ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2. д. 2—5, 7, 18, 20, 22—23, 28, 32—39, 41.

ны в отдельную рубрику. Однако в общей сложности они составляли немногим более 150 тыс. руб. Причем промышленных ценностей среди них было совсем немного. Переломным моментом в этом отношении оказался 1895 год, начиная с которого в ведомостях ценных бумаг Частного банка фигурируют крупные пакеты акций Русского паровозостроительного общества (в 1895—1898 гг.), Северно-

го стекольно-промышленного общества (в 1895—1896 гг.), Т-ва водочного завода Бекман и К° (1896—1898 гг.), О-ва Волжского стального завода (1898 г.).

В отличие от Частного банка Международный банк при всех обстоятельствах явно предпочитал операции с гарантированными ценностями. До начала 90-х годов негарантированные бумаги не задерживались в его портфеле. Исключение составляли лишь 1877 и 1881 годы. Несколько иным был и состав негарантированных ценностей, принадлежавших Международному банку.

До 1895 г. включительно среди них полностью преобладали ипотечные бумаги. Причем в 70—80-х годах портфель Международного банка состоял из мелких пакетов закладных листов различных земельных банков. Лишь в 1890 г. в его портфеле впервые появились крупные пакеты таких бумаг: почти на 1 млн руб. закладных листов Виленского земельного банка, свыше чем на 300 тыс. руб. закладных листов Харьковского земельного банка. В 1892 г. пакет закладных листов Виленского банка заметно уменьшился (до 233 тыс. руб.), но зато увеличилась почти до 1 млн. руб. сумма закладных листов Харьковского банка. Появился также довольно крупный пакет закладных листов Полтавского земельного банка (свыше 350 тыс. руб.). Год спустя этот пакет возрос до 1 млн. руб. Сумма закладных листов Харьковского банка хотя и уменьшилась, но продолжала оставаться весьма значительной (около 600 тыс. руб.). Кроме того, в портфеле Международного банка оказался пакет закладных листов Нижегородско-Самарского банка на сумму свыше 900 тыс. руб. Характерно, что крупные пакеты некоторых земельных банков — Харьковского, Полтавского, Виленского — мы видим в портфеле Международного банка на протяжении нескольких лет.

В 1895 г. среди негарантированных ценностей, принадлежавших банку, продолжали преобладать ипотечные бумаги. Однако в этом году впервые в его портфеле появились акции некоторых промышленных предприятий (О-ва заводов «Сормово» и Российского золотопромышленного общества) и железнодорожных обществ (Рыбинско-Бологовской железной дороги). В 1897 г. ипотечные бумаги совершенно исчезли из портфеля Международного банка. Самые крупные пакеты в нем составили акции Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги (1,1 млн. руб.) и Русско-Китайского банка (0,9 млн. руб.). Но число акций промышленных предприятий, особенно Никополь-Мариупольского общества, О-ва Гартмана и Российского золотопромышленного общества, также было довольно значительным. Оно еще более возросло в следующем 1898 г., когда на долю акций и облигаций промышленных предприятий пришлось более половины стоимости принадлежащих Международному банку негарантированных ценных бумаг.

Таким образом, при всех отличиях рассмотренных нами портфелей собственных ценных бумаг Частного и Международного банков им была свойственна общая черта: в середине 90-х годов в их составе появляются промышленные ценности. То же следует сказать

и о портфелях собственных бумаг двух других крупнейших петербургских банков — Русского для внешней торговли и Учетного и ссудного: с середины 90-х годов они тоже стали содержать акции и облигации промышленных обществ [5].

Известно, что по числу акций того или иного акционерного общества, находящихся в собственном портфеле банка, нельзя судить о размерах его фактического участия в данном обществе. Но может быть, сведения о составе собственного портфеля дают некоторое представление об общем направлении операций банка с ценными бумагами?

Лишь применительно к Частному банку у нас есть счастливая возможность проверить это предположение путем анализа протоколов правления банка. Оказывается, этот банк, учреждение которого мотивировалось необходимостью в содействии торговле, уже на первых порах своей деятельности стал пробовать силы в учредительско-эмиссионных операциях. Летом 1866 г. он принял участие в реализации акций и облигаций Ряжско-Моршанской железной дороги. С этой целью по инициативе старых петербургских банкирских домов Э. М. Мейера и И. Е. Гинцбурга был создан «синдикат» (так называли в России банковские консорциумы), в состав которого вошел и Частный банк [6]. А осенью того же года он предпринял самостоятельную операцию: покупку у правительства «для последующей реализации» 13 800 акций Московско-Рязанской железной дороги [7].

На почве такого рода операций у Частного банка стали возникать длительные связи с некоторыми железнодорожными обществами. На заседании его правления 16 марта 1867 г. было решено «ввиду того, что банк становится банкиром О-ва Земской Орловско-Витебской ж. д.», принять предложение ее учредителей относительно вступления в число членов правления общества директора банка [8]. Частный банк и в дальнейшем неоднократно занимался реализацией акций и облигаций железных дорог [9]. Он охотно принимал их в залог по ссудам [10].

Если судить по протоколам правления Частного банка, до середины 90-х годов он, кроме операций с железнодорожными ценностями, принимал участие только в подписке на акции учрежденного весной 1871 г. в Риге Балтийского коммерческого банка [11]. Единственное зафиксированное в протоколах предложение о проведении подписки на акции промышленного предприятия — О-ва Кавказской промышленности — правление банка отклонило, сославшись на то, что «подписка на акции О-ва Кавказской промышленности не может иметь большого успеха» [12]. За первые три десятилетия существования банка насчитывалось всего три случая предоставления им ссуд промышленным предприятиям на суммы свыше 100 тыс. руб. [13] Все они носили эпизодический характер.

Наверное, не все «дела» банка фиксировались в протоколах правления. Когда в 1873 г. банк понес потери на операциях с ценными бумагами, правление в своем отчете заговорило о таких «делах», которые не упоминались в его протоколах. «Из дела Европей-

ской гостиницы... — оправдывалось правление,— банк вышел совершенно без всяких потерь, продав свои акции за ту же цену, по которой они были приобретены. Что касается акций Голубовских каменноугольных копей, то участие в них банка было само по себе незначительно, а потеря, за прекращением действий общества, ограничивается 80 тыс. р. ...»[14]

Но отсутствие в протоколах правления до середины 90-х годов каких-либо фактов, свидетельствующих о существовании у банка сколько-нибудь тесных отношений с промышленностью, вряд ли можно объяснить лишь умолчанием о них. С середины 90-х годов протоколы буквально запестрели решениями о предоставлении крупных банковых кредитов промышленным обществам и об участии банка в размещении их акций. Очевидно, это было результатом коренного изменения в направлении операций банка, следствием его поворота к промышленным «делам».

Вероятно, некоторые другие банки в отличие от Петербургского Частного банка, уже на ранней стадии своего существования оказались в той или иной степени связаны с промышленностью. Многие из российских банков были созданы профессиональными учредителями, среди которых было немало дельцов, стремившихся использовать средства созданного ими банка для учреждения различного рода других акционерных предприятий: железнодорожных, пароходных, страховых, торговых, промышленных. Указывая на такое использование средств акционерных коммерческих банков, И. Ф. Гиндин в своей книге «Государственный банк и экономическая политика царского правительства» отмечал, что наиболее широко сумели это сделать Кокорев и другие дельцы, основавшие вместе с ним Волжско-Камский банк[15]. Материалы, обнаруженные И. Ф. Гиндиным в фондах Государственного банка, показали, что «учредительская деятельность и приобретение предприятий и имуществ в 1871—1875 гг. такими дельцами, как Кокорев, Губонин, Башмаков, отчасти Путилов, Кононов и др., в значительной мере опирались на использование средств Волжско-Камского банка»[16].

По этой же причине Волжско-Камский банк оказался в 1876—1877 гг. на грани краха, и только помощь Государственного банка спасла его от банкротства. Тогда-то к Государственному банку перешло от Волжско-Камского банка не менее 13 млн. руб. ссуд под залог акций[17]. Среди последних находились акции Бакинского нефтяного общества, О-ва Путиловских заводов и ряда других предприятий, финансировавшихся Волжско-Камским банком[18].

Связь молодых русских банков с дельцами-учредителями и вытекающие из нее последствия неоднократно отмечались в литературе. Касаясь затруднений, которые переживали многие банки в конце 70-х годов, И. И. Левин писал: «Причина — в большинстве случаев — связь банка благодаря личной унии с крупной фирмой, впоследствии запутавшейся в делах»[19].

Об отдельных случаях связи банков с промышленными предприятиями в 70-х годах сообщала печать того времени. По утверждению газеты «Биржевой указатель», до кризиса, охватившего в

1875 г. сахарную промышленность, Киевский Частный банк «почти единственно существовал от окрестных сахарных заводов, которые, находясь вполне в его руках и производя через него все свои операции, давали банку распределять... громадные прибыли». Характеризуя «способ операций» банка, газета писала: «Тут принимались в залог и акции данного сахарного завода, и учитывались его векселя, и выдавалась, кроме того, прямая ссуда под имущество и машины самого завода, открывался засим сахарно-заводским обществом кредит в три раза больший, чем стоило действительное обеспечение». Потому-то «с наступлением кризиса в сахарно-заводской промышленности поколебалось и положение банка в сильнейшей степени»[20].

У руководителей российского Министерства финансов, видимо, были основания опасаться, как бы русские акционерные коммерческие банки не пошли по пагубному пути Crédit Mobilier, и в начале 70-х годов они приняли меры, чтобы помешать этому. В частности, русским банкам было запрещено принимать на себя «ручательство за успех открываемых ими подписок не только на земские, городские и общественные займы, но и на акции, облигации, паи и закладные листы»[21]. Они лишились права «участвовать в подписке на бумаги» или «гарантировать их помещение». Более того, им запрещалось «вообще покупать бумаги, кои не имеют обращения на бирже». А покупка банками негарантированных бумаг была ограничена пятой частью их складочного капитала, при условии единогласного решения правления[22].

Законом 1872 г. вводились также некоторые другие ограничения. Устанавливалось, что сумма банковых кредитов, предоставленных банком своим клиентам, не должна превышать десятой части его основного и запасного капитала, а их срок — 30 дней. Запрещался учет соло-векселей без обеспечения или с обеспечением недвижимым имуществом. Не допускалось также приобретение банками недвижимых имуществ «кроме таких, которые необходимы для их собственного помещения или для помещения их контор и устройства складов»[23].

Разумеется, со временем русские банки научились обходить упомянутые ограничения. Об этом свидетельствует, в частности, обнаруженное И. Н. Шемякиным соглашение между Петербургским Международным и Русским для внешней торговли банками от 30 мая 1881 г. о совместной реализации новых выпусков ценных бумаг[24]. «В случае предоставления правительством или каким-либо железнодорожным обществом или каким-либо другим обществом реализации всех или части предполагаемых выпусков бумаг одному из договаривающихся банков,— говорилось в соглашении,— тот из них, который получит дело, должен предложить другому участие в деле на тех же самых условиях, на которых оно получено им самим...» Его действие, следовательно, распространялось и на операции с промышленными ценностями. До середины 90-х годов последние вряд ли получили сколько-нибудь широкое развитие. Но отдельные случаи совместных выступлений Международного и

Русского для внешней торговли банков в промышленных «делах», вероятно, имели место и раньше.

Есть основания полагать, что «Синдикат Брянск — Варшава», заключая с Государственным банком соглашение о покупке акций О-ва Путиловских заводов, действовал в содружестве с этими двумя банками. В момент перехода О-ва Путиловских заводов в руки «синдиката» оно оказалось без оборотного капитала. В результате, как отмечал на одном из заседаний правления общества его директор А. Л. Ляский, «синдикат» стал «не только кредитором общества по уплате прежних его долгов, но и кредитором по текущим ссудам, выдаваемым им обществу за неимением сим последним оборотного капитала» [25]. Свои функции кредитора по отношению к О-ву Путиловских заводов «синдикат» осуществлял через посредничество Международного и Русского для внешней торговли банков. К середине 1888 г. общая сумма долгов Общества этим двум банкам превышала 1,5 млн. руб., в том числе 1 млн. руб. «по кредиту синдиката» [26].

В литературе содержатся указания на то, что в 1885 г. контрольный пакет акций О-ва Путиловских заводов был продан «Синдикатом Брянск—Варшава» председателю правления Международного банка Н. Н. Анцыфорову [27]. Эта версия, однако, не подтверждается документами. Из протоколов правления О-ва Путиловских заводов за вторую половину 80-х годов [28] хорошо видно, что Н. Н. Анцыфоров хотя и являлся его председателем, но не играл в нем решающей роли. Последняя принадлежала представителям Варшавского и Брянского обществ. Характерно, что в протоколе от 6 сентября 1886 г. решение правления «приступить к предварительным переговорам по вопросу о выпуске облигаций общества» с целью «ускорить урегулирование расчетов общества с синдикатом» мотивировалось тем, что «как представителями Брянского завода, так и присутствовавшим в заседании директором-распорядителем Варшавского завода» было выражено «принципиальное согласие» на «выпуск облигаций общества» [29].

Судя по заявлению Н. Н. Анцыфорова на заседании правления О-ва Путиловских заводов 15 июня 1888 г., контрольный пакет акций общества к этому времени все еще оставался у «Синдиката Брянск — Варшава». В тот день в связи с обсуждением вопроса о постройке доменных печей в Финляндии Н. Н. Анцыфоров выразил мнение, «что теперь именно владельцы Путиловских акций должны обсудить и окончательно решить вопрос, имеет ли Путиловский завод перед собой будущность или нет, и затем сообразно с решением, какое будет принято по сему вопросу, выработать план будущих действий общества». Он говорил: «Если владельцы акций придут к заключению, что завод при существующих условиях будущности не имеет, в таком случае лучше сейчас же решиться на ликвидацию... Если же, напротив того, господа синдикаторы полагают, что Путиловский завод может при известных условиях продолжать свою деятельность, то им следует иметь в виду, что это окажется возможным лишь в том случае, если господа синдикаторы не будут стеснять кредит О-ву Путиловских заводов и если действия их по отношению к Путиловскому заводу будут проникнуты отсутствовавшим до сих пор единодушием» [30].

Контрольный пакет акций О-ва Путиловских заводов оказался утраченным «Синдикатом Брянск—Варшава» лишь весной 1889 г., когда Н. Н. Анцыфоровым была приобретена доля Варшавского общества в путиловском «деле» [31]. С этого времени представители Варшавского о-ва вышли из состава правления О-ва Путиловских заводов. Что касается Брянского о-ва, то нам ничего неизвестно о продаже им кому-либо путиловских акций. Однако обращает на себя внимание тот факт, что с начала 90-х годов в правлении О-ва Путиловских заводов остался лишь один представитель Брянского общества (С. И. Петровский) вместо прежних двух.

Сам факт осуществления Н. Н. Анцыфоровым упомянутой сделки не дает еще оснований для утверждения об усилении позиций Международного банка в О-ве Путиловских заводов. К сожалению у нас нет сведений о том, в чьи руки попали приобретенные им акции. Неясно также, какие цели преследовал Международный банк, если в данном случае Н. Н. Анцыфоров выступал в качестве его представителя [32]. Но как бы то ни было Международный банк и в начале 90-х годов продолжал кредитовать О-во Путиловских заводов, предоставляя ему ссуды под контракты на поставку различных изделий железным дорогам, Главному артиллерийскому управлению и пр. [33] На 1 октября 1892 г. О-во Путиловских заводов было должно банку около 800 тыс. руб. Среди ценных бумаг, находившихся в банке в качестве обеспечения этого долга, были 800 акций и на 3582 тыс. руб. облигаций Общества [34]. Но к концу апреля 1893 г. в депо О-ва Путиловских заводов в Международном банке оставалось облигаций Общества лишь на 213 тыс. руб. [35]

Упоминавшиеся выше случаи использования банковских ресурсов для учреждения, развития и поддержки промышленных предприятий в большинстве своем имели место в конце 60-х — первой половине 70-х годов. Лишь история покупки и последующей продажи акций О-ва Путиловских заводов, осуществлявшейся «Синдикатом Брянск—Варшава» в содружестве с двумя петербургскими банками — Международным и Русским для внешней торговли, относится к более позднему времени. Однако роль банков в этой истории нуждается в выяснении.

По всей вероятности, отсутствие до середины 90-х годов промышленных ценностей в собственных портфелях крупнейших петербургских банков все же может рассматриваться в качестве показателя их отношения к «промышленным делам».

[1] *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. М., 1948.

[2] Вестник финансов, промышленности и торговли, 1885, № 7. с. 424; 1886, № 7, с. 435.

[3] Почти полный комплект отчетов Петербургского Частного банка хранится в ЦГИА СССР (ф. 597, оп. 2, д. 2—5. 7—18, 20, 22—23, 28, 32—39, 41). Эти отчеты имеются и в Гос. б-ке им. В. И. Ленина (шифр $\text{Е}\frac{79}{229}$), но с большими про-

белами. Отчетов Петербургского Международного банка в ЦГИА СССР нет. Однако в Гос. б-ке им. В. И. Ленина имеется неплохо сохранившийся комплект этих отчетов (шифр К $\frac{6}{204}$). В отчетах Частного банка сведения о гарантированных и негарантированных бумагах стали даваться отдельно с 1872 г. и в отчетах Международного банка — с 1874 г.

[4] В 1878, 1879, 1880, 1882 и 1884 гг. в портфеле банка фигурировали крупные пакеты следующих предприятий: Нового газового общества, Старого газового общества, О-ва столичного освещения, О-ва освещения газом Санкт-Петербурга.

[5] Неполные комплекты отчетов Петербургского учетного и ссудного банка, сохранившиеся в ЦГИА СССР (ф. 598, оп. 2, д. 61—72) и в Гос. б-ке им. В. И. Ленина (шифр К $\frac{6}{203}$), взаимно дополняют друг друга. Отчеты Русского для внешней торговли банка имеются, хотя и не полностью, в Гос. б-ке им. В. И. Ленина (шифр К $\frac{6}{206}$).

[6] ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2, д. 1, л. 73 (протокол от 15 июля 1866 г.). Как видно из протокола от 14 июня 1868 г. (Там же, л. 141), этот синдикат спустя почти два года после его учреждения все еще продолжал свои действия.

[7] Там же, л. 80—81 (протоколы от 23 и 30 сент. 1866 г.).

[8] Там же, л. 99—100.

[9] В августе 1866 г. банк взял на себя проведение подписки на акции Рыбинско-Осеченской железной дороги. Несколько позже он принял участие суммой в 1 млн руб. в синдикате по реализации акций Балтийской железной дороги (Там же, л. 148, 159).

[10] В частности, в залоге у банка оказались «акции и значительная часть облигаций» Гангеской железной дороги, принятые в обеспечение долга строителей дороги банку на сумму 2,4 млн. руб. Однако, когда это произошло, неясно. В протоколах правления Частного банка нет упоминаний о приеме в залог акций и облигаций Гангеской железной дороги. Она впервые упоминается на заседании 2 мая 1874 г., когда решался вопрос о предоставлении ей очередной ссуды. Но к этому времени акции и облигации дороги находились уже в залоге у банка (ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2, д. 6, л. 131 и след.). Лишь в начале 1875 г. банку удалось отделаться от них, договорившись с финляндским правительством о продаже ему Гангеской железной дороги (Там же, л. 160—163).

[11] ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2, д. 6, л. 31 (протокол от 8 апр. 1871 г.).

[12] Там же, д. 1, л. 152 (протокол от 13 сент. 1868 г.).

[13] Эти ссуды были предоставлены: в 1874 г.— Сампсониевскому заводу, размером в 300 тыс. руб. под финансовые векселя, для исполнения заказа на постройку 3 200 вагонов (ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2, д. 6, л. 157 — протокол от 27 дек. 1874 г.); в 1886 г.— Т-ву бр. Нобель, на сумму 300 тыс. руб. под залог керосина и векселя (Там же, д. 21, л. 81 — протокол от 27 марта 1886 г.); в 1887 г.— О-ву Брянского завода, в 150 тыс. руб. под соло-вексель и акции О-ва Путиловских заводов по 45% их номинальной стоимости (Там же, л. 130—131 — протокол от 22 окт. 1887 г.).

[14] ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2, д. 10, л. 13 (отчет за 1873 г.). Факт участия Частного банка в начале 70-х годов в выпуске акций О-ва Голубовских каменноугольных копей упоминается в юбилейной истории банка — «Петроградский Частный коммерческий банк за пятидесятилетие его существования. 1864—1914» (Пг., 1914).

[15] *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960, с. 280.

[16] Там же, с. 280—281. Как видно из протоколов правления Санкт-Петербургского Частного банка, П. И. Губонин пользовался и его средствами. В октябре 1884 г. банк предоставил ему ссуду на сумму около 2 млн. руб. под залог 10 871 акции Уральской горнозаводской железной дороги, 4 тыс. акций Орловско-Витебской железной дороги и 2500 акций О-ва Брянского завода (ЦГИА СССР, ф. 597, оп. 2, д. 21, л. 37). Спустя три года, в сентябре 1887 г.,

правление банка констатировало, что общий долг П. И. Губонина банку превышает 2 млн. руб. Продолжали оставаться в залоге у банка и упомянутые выше ценности (Там же, л. 127).

[17] *Гиндин И. Ф.* Государственный банк..., с. 370. Благодаря этому обстоятельству в фондах Государственного банка отложились материалы, документально подтверждающие использование средств Волжско-Камского банка дельцами-учредителями.

[18] Ссуды дельцам предоставлялись Волжско-Камским банком не только под залог акций. Так, долг Путилова банку в 1129 тыс. руб. был обеспечен акциями лишь на 350 тыс. руб., а на остальную сумму — векселями Путилова, на которых Губонин, Кононов и Тарасов сделали поручительские надписи. Это поручительство обеспечивалось закладной на земельные участки, приобретенные Путиловым на сумму в 700 тыс. руб. (Там же, с. 240; см. также: с. 203, 324).

[19] *Левин И. И.* Акционерные коммерческие банки в России. Пг. 1917, т. 1, с. 244. И. И. Левин ссылается на документы из архива Особенной канцелярии по кредитной части. Газета «Биржевой вестник» писала 21 июля 1880 г. относительно ликвидации Ревельского коммерческого банка: «Ликвидацию затрудняет сильнейшим образом продажа недвижимого имущества банка, заключавшегося в доме и магазине в Ревеле и Перновe, нефтяных источниках в Германии и, кроме того, в разных заводах, которые тоже можно считать имуществом банка ввиду того, что все акции, на которые эти заводы основаны, находятся в портфеле банка».

[20] Биржевой указатель, 1880, 5 марта.

[21] *Левин И. И.* Указ. соч., с. 107. «Цель сего запрещения,— гласило объяснение Министерства финансов к проекту устава Ростовского-на-Дону коммерческого банка (1871 г.),— заключается в том, чтобы предохранить вверяемые сим банкам вклады от риска, коему оные подвергались бы, если банки, увлекаясь большею комиссионной платой, принимали бы ручательство за успешное помещение бумаг, которые затем, не находя сбыта, скоплялись бы в их портфелях; и 2) чтобы коммерческие банки не принимали участия в спекуляции, состоящей в искусственном повышении цены на вновь выпускаемые бумаги, покупая значительную часть их за свой счет».

[22] *Левин И. И.* Указ. соч., с. 204.

[23] Там же, с. 210.

[24] *Шемякин Н. Н.* О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции: (Из истории финансового капитала в России).— В кн.: Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М., 1959, с. 19—20.

[25] ЛГИА, ф. 1309, оп. 1, д. 1, л. 11 (протокол правления О-ва Путиловских заводов от 6 сент. 1886 г.).

[26] Там же, л. 123, 129, 130, 132 (протоколы от 25 мая, 8, 15 и 22 июня 1888 г.). В 1887 г. между «Синдикатом Брянск — Варшава» и Государственным банком было достигнуто соглашение о переводе долга синдиката Государственному банку на О-во Путиловских заводов. См.: *Гиндин И. Ф.* Государственный банк..., с. 245—246.

[27] Изложенная в юбилейном издании «К столетию Путиловского завода» (СПб., 1902, с. 19—21) эта версия была повторена авторами «Истории Путиловского завода» (1-е изд. М.; Л., 1939, с. 40; 3-е изд. М., 1961, с. 36). И. Ф. Гиндин в своем исследовании «Государственный банк...» отметил, что «связи Брянского и Варшавского обществ с Путиловским не были порваны» (с. 245). Однако сам факт продажи „Синдикатом Брянск — Варшава" контрольного пакета акций О-ва Путиловских заводов им не был поставлен под сомнение (см. с. 245, 255, 258).

[28] Протоколы правления О-ва Путиловских заводов за более раннее время (до июля 1886 г.) не сохранились.

[29] ЛГИА, ф. 1309, оп. 1, д. 1, л. 11.

[30] Там же, л. 130—131. При этом Н. Н. Анциферов даже пригрозил, что «если определившееся в последнее время положение вещей в Обществе Путиловских заводов сохранится на будущее время, то он вынужден будет сложить с себя обязанности председателя правления и выйти из состава оного».

[31] ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 413, л. 1—7 (копии заявлений субучастников О-ва Варшавских сталелитейных заводов в Путиловском «деле» от 7 февр., 4 марта и 26 апр. 1889 г.).

[32] Вопрос о том, в каком качестве выступал при совершении этой сделки Н. Н. Анцыферов, не так прост. Ведь он, будучи председателем правления Международного банка, одновременно являлся Управляющим Петербургской главной конторы гр. С. А. Строганова — одного из крупнейших земельных магнатов, владельца металлургических заводов, золотых приисков и соляных промыслов.

[33] ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 415. В этом деле содержатся главным образом копии подобных контрактов.

[34] Там же, л. 107 (письмо О-ва Путиловских заводов Международному банку).

[35] ЛГИА, ф. 1309, оп. 1, д. 2, л. 24 (протокол правления О-ва Путиловских заводов от 27 апр. 1893 г.).

Б. В. Ананьич

Правовое положение банкирских заведений в России (1880-е годы — 1914 г.)

В конце XIX в. в финансовой и экономической жизни России значительную роль играли предприятия частного банкирского промысла, обычно называвшиеся торгово-кредитными или банкирскими заведениями. К ним относились банкирские дома, банкирские конторы и меняльные лавки. По данным Министерства финансов, в 1889 г. годовые обороты 24 банкирских домов составляли суммы 1037 млн. руб., 228 банкирских контор — превышали 2175 млн. и, наконец, меняльных лавок — достигали 135 млн. руб. [1]

В России существовала строгая система правительственного контроля над денежным обращением и банками. Было разработано жесткое законодательство, регламентировавшее акционерное учредительство [2]. Краткосрочными кредитными операциями к началу 90-х годов в России занимались 36 коммерческих банков и 107 обществ взаимного кредита. Все они действовали на основании утвержденных правительством уставов, строго определявших круг деятельности каждого из них и порядок ведения отчетности; были обязаны периодически публиковать в правительственных и других наиболее распространенных газетах сведения о состоянии своих счетов, а также о результатах годовой деятельности. Законом 22 мая 1884 г. были установлены правила закрытия кредитных учреждений в случае потери ими всех или части основных капиталов [3].

На особом положении находились банкирские дома, конторы и меняльные лавки. До начала 90-х годов в России (как и в некоторых других странах Европы, например Франции и Германии) не было специального законодательства для банкирских заведений. Их владельцы в соответствии со статьями 24 и 36 V тома Положения о пошлинах за право торговли и промыслов получали, как купцы, гильдейские свидетельства и билеты [4].

В середине 80-х годов в Министерство финансов поступило много жалоб на участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях. Большой общественный резонанс вызвал крах в 1889 г. банкирских контор Кана в Петербурге и Мусатова в Москве, занимавшихся торговлей в рассрочку билетами выигрышных займов. В обоих случаях владельцы контор скрылись, оставив обманутой и ограбленной многочисленную публику [5]. Когда было объявлено о крахе конторы Мусатова, в печати уже циркулировали слухи о подготовленном Особенной канцелярией по кредитной части Министерства финансов законопроекте о банкирских заведениях и о том, что он был рассмотрен в середине марта 1889 г. на «совещании из представителей петербургской Haute Finance (гг. Брандт, барон Гинцбург, Досс, Зак и Лясский)» [6].

Слухи эти, видимо, соответствовали действительности. Определенно известно, что в первой половине мая Кредитная канцелярия завершила выработку проекта Положения о банкирских заведениях, а 14 мая министр финансов И. А. Вышнеградский представил его на рассмотрение Государственного совета. Он утверждал, что банкирские дома, конторы и меняльные лавки «ничем, кроме названия, не отличаются друг от друга» и не только занимаются всеми операциями, разрешенными учреждениям краткосрочного кредита, но «действуя безо всякого контроля», совершают еще «положительно вредные» и даже запрещенные законом сделки: продажу в рассрочку билетов внутренних с выигрышем займов и права на получение могущего упасть на эти билеты выигрыша. Министр обвинял банкирские заведения в жульничестве, разжигании в публике «страстей к биржевой игре», в «самой бессовестной эксплуатации незнакомых с кредитными операциями людей».

Эти необычайно резкие для официального документа заявления министра сочетались с признанием значительной роли в финансовой жизни России тех банкирских заведений, которые «благодаря правильной постановке дела по размерам своих оборотов и кругу своей деятельности ничем не отличались от коммерческих банков». Вышнеградский писал, что существование банкирских домов и контор оправданно, «вызвано потребностями в мелком кредите», но предлагал строго регламентировать их деятельность.

Министр финансов, прежде всего, считал необходимым исключить из числа банкирских заведений меняльные лавки, запретив им все операции краткосрочного кредита и сохранив за ними только право размена денежных знаков и оплату купонов, вышедших в тираж ценных бумаг [7]. Желающие заняться банкирским промыслом должны были получить на это разрешение губернского начальства и внести в Государственный банк залог в размере десятой части заявленного основного капитала. Предполагалось значительно урезать операции банкирских домов и контор, запретив им прием вкладов, открытие текущих счетов, выдачу ссуд под товары и продажу товаров за счет третьих лиц. Таким образом, Министерство финан-

сов намерено было лишить банкирские заведения возможности вести биржевую игру, в частности за счет вкладов клиентов. По новым правилам владельцы банкирских заведений обязаны были также представлять в Министерство финансов сведения о своих операциях, а министр финансов получал право назначать ревизии для проверки полученных сведений [8].

Ввиду радикального характера намечавшейся реформы Министерство финансов собиралось провести ее постепенно. Предложения И. А. Вышнеградского поступили на обсуждение министров внутренних дел и юстиции, а затем были переданы в Государственный совет. 20 мая представленный И. А. Вышнеградским проект Положения о банкирских заведениях обсуждался Соединенными департаментами Государственной экономии и законов Государственного совета. Государственный совет встал на защиту интересов частного предпринимательства от посягательств казны. На заседании 20 мая было заявлено, что «свобода банкирского промысла» «дает возможность частным капиталистам в широкой степени содействовать путем кредита развитию торговли и промышленности», а поэтому «необходимо стремиться не к урегулированию деятельности всех вообще банкирских заведений, а к установлению таких мер, которые обеспечили бы правительству возможность бороться с недобросовестными банкирскими фирмами» [9].

Соединенные департаменты вынесли решение о праве министра финансов по согласованию с министром внутренних дел запрещать банкирским домам некоторые из операций только в случае необходимости. На общем собрании Государственного совета 30 мая 1889 г. в это решение было внесено еще одно существенное уточнение. Ограничительные меры против того или иного банкирского заведения должны были приниматься в результате предварительного «коллегиального обсуждения дела» в Совете министра финансов, выполнявшем, впрочем, функции совещательного органа [10]. 26 июня мнение Государственного совета было утверждено царем и стало законом [11].

Итак, И. А. Вышнеградский добился лишь права преследовать банкирские заведения, занимавшиеся биржевой игрой и спекуляцией, и запрещать им продажу билетов внутренних с выигрышем займов с рассрочкой платежа, перезалог процентных бумаг и другие операции, которые могли бы быть использованы в целях наживы и за счет обмана клиентов. Закон 26 июня 1889 г. почти не получил практического применения. Менее чем год спустя после его принятия И. А. Вышнеградский вынужден был обратиться в Государственный совет с представлением об изменении одной из статей закона, предусматривавшей обязательную и строгую регистрацию ценных бумаг, сдававшихся в банкирские заведения на хранение, в залог и в обеспечение ссуд. Это вызвало бурю протестов со стороны банкирских заведений и коммерческих банков, выступивших против усложнения банковских операций бюрократической волокитой. 16 апреля 1890 г. Государственный совет принял поправку к закону 26 июня 1889 г. Подробное описание ценных бумаг, принимавшихся в залог в обеспечение кредитов, открывавшихся по

специальным текущим счетам, должно было производиться лишь в случаях, когда на этом настаивал вкладчик [12]. За пять лет действия закона 26 июня 1889 г. применение его ограничилось всего двумя случаями. Министерство финансов в связи с жалобами клиентов запретило некоторые из операций конторе Ефимова, хотя никаких серьезных злоупотреблений в ее деятельности обнаружено не было. После этого контора ликвидировала свои дела. Вмешательство Министерства финансов в дела банкирской конторы Клима совпало с объявлением, по просьбе кредиторов, ее владельца несостоятельным [13].

Попытки И. А. Вышнеградского ограничить свободу банкирского промысла потерпели, таким образом, полную неудачу. Известно, что при сменившем его на посту министра финансов С. Ю. Витте государственное вмешательство в экономическую и финансовую жизнь страны еще больше возросло. Проведенная Витте реформа Государственного банка превратила его в один из важнейших органов контроля над денежным обращением и всей кредитной системой страны. Взяв курс на введение золотого денежного обращения и реформу Государственного банка, Витте внес в Государственный совет 21 февраля 1894 г. и предложение о существенных изменениях закона 26 июня 1889 г. и дополнениях к нему [14].

Витте требовал предоставления Министерству финансов права надзора «за теми банкирскими заведениями, которые могут вызвать сомнения относительно правильности ведения ими дела», и в зависимости от результатов надзора применять в отношении их необходимые меры. Он находил «преждевременным... рассмотрение вопроса о полной регламентации деятельности банкирских заведений», но считал необходимым «установить некоторые правила, которые давали бы Министерству финансов возможность своевременно получать сведения о всех возникающих под разными наименованиями банкирских заведениях», а также об их операциях [15]. Витте высказался, кроме того, за отмену обязательного рассмотрения дел о банкирских заведениях в Совете министра как совещательном органе, целиком от министра зависящем.

28 апреля Государственный совет рассмотрел и утвердил предложенные министром финансов правила. По закону 3 июня 1894 г. желавшие открыть банкирскую контору или меняльную лавку обязаны были заявить об этом губернскому начальству, сделав одновременно заявление о характере операций, которыми они намерены были заниматься. В случае несоблюдения этого правила владельцы банкирских заведений могли быть оштрафованы. Кроме того, Министерство финансов могло запретить нарушителю производить одну или несколько операций. Министерство финансов получило право запрашивать банкирские заведения о состоянии дел, а в случаях, когда представленные ими объяснения были недостаточными, производить ревизии и на их основании запрещать те или иные операции [16].

Однако уже 30 ноября 1894 г. Витте сделал новое представление в Государственный совет проекта изменений «Правил о надзоре за

производством кредитными учреждениями и банкирскими заведениями операций на золотую валюту». В результате его обсуждения 29 мая 1895 г. был принят закон, разрешавший Министерству финансов проводить ревизию любого банкирского заведения без затребования предварительных объяснений от владельца [17]. Кроме того, на меняльные лавки был распространен закон 8 июня 1893 г., запрещавший операции с валютой на срок [18]. Этот закон был принят в 1893 г. в связи с подготовкой к введению золотого обращения. Он должен был способствовать стабилизации рубля и ограничить спекулятивные сделки с валютой на бирже. До 1895 г. он не распространялся на меняльные лавки, так как их владельцы не имели права посещать биржу. При подготовке закона 1895 г. Витте пытался еще ввести в него пункт, предусматривавший право министра финансов закрывать банкирские заведения, а затем в случае необходимости разрешать возобновление их деятельности. Однако это требование Витте было сочтено незаконным в Министерстве юстиции и отклонено.

Итак, закон 1895 г. был последним правовым актом, принятым до начала XX в. и регулировавшим деятельность банкирских заведений. Следует еще учесть, что на них распространялся, кроме того, общий для всех кредитных учреждений закон, устанавливавший правила приема на хранение ценных бумаг. В окончательном виде он был выработан к 1898 г. По этому закону учреждения краткосрочного кредита и банкирские заведения не имели права распоряжаться внесенными в обеспечение кредита ценными бумагами без разрешения их владельцев, за исключением случаев несостоятельности последних [19].

Несмотря на усиление контроля над банкирскими заведениями со стороны правительства, в Министерство финансов продолжали поступать и в начале 1900-х годов сведения об участии их в банкирских спекуляциях на чужие деньги. Поскольку банкирские заведения не обязаны были публиковать свои балансы и биржевые отчеты, то они могли распоряжаться доверенными им капиталами по своему усмотрению. По сведениям Министерства финансов, вклады в банкирские заведения нередко превышали более чем в 15 раз их основные капиталы.

Банкирские заведения считали возможным не заботиться даже о том, чтобы иметь в качестве обеспечения вкладов достаточную сумму в виде основного капитала. Так, одна из банкирских контор в ответ на запрос Министерства финансов о размере ее основного капитала сообщила, что она была «открыта торговым домом с основным капиталом в 100 000 р., но по мере накопления сумм по текущим счетам и вкладам посторонних лиц... этот капитал оказался лишним, и так как для частных кредитных предприятий основной капитал не обязателен, то счет этот закрыт и сумма дебитована торговому дому». В середине 90-х годов Министерство финансов провело ревизию около 20 банкирских контор, главным образом в Царстве Польском, и обнаружило частые нарушения ими существовавшего законодательства, в частности в сделках с валютой [20].

В начале 1900-х годов некоторые из банкирских заведений стали помещать краткосрочные вклады в долгосрочные операции «не банковского характера». Так, в 1904 г. потерпели крах банкирские конторы «Т-во Печенкина и К°» и «Н-въ А. П. Андреева», вложившие большую часть своих активов в разного рода недвижимости, в заводские и фабричные предприятия, золотые и марганцевые рудники. Только в Петербурге в начале века объявили себя несостоятельными банкирские конторы Шнакенбурга, Грабовского, Зингера, Шкафа, Де ла Фара, Альванга, Кутузова, Блока, Трапезникова и др. [21]

Массовые банкротства начала 1900-х годов были несомненным последствием наступившего мирового экономического кризиса. Однако данные Министерства финансов не содержат свидетельств того, что банкротства начала 900-х годов привели к резкому сокращению числа банкирских заведений или объема их операций. По сведениям, собранным Особенной канцелярией по кредитной части к 1 января 1904 г. о 274 банкирских конторах, их собственные капиталы достигали 197 млн. руб. Пассив сводного баланса 274 контор достигал 472 млн. руб. (104 млн. руб. составили вклады, 144 млн.— займы по переучету векселей и перезалогу процентных бумаг, 63 млн.— долги корреспондентам и 50 млн. руб.— прочие статьи пассива). Актив баланса выражался в следующих суммах: 147 млн. руб.— текущие счета и ценные бумаги, 111 млн.— учтенные векселя, 83 млн.— ссуды до востребования (on call) с обеспечением ценными бумагами, 53 млн.— корреспонденты, 19 млн.— движимое и недвижимое имущество контор и 59 млн. руб.— прочии статьи актива [22].

В Министерстве финансов крахи банкирских заведений рассматривались прежде всего как результат недобропорядочности их владельцев и повод для выработки специального законодательства, которое позволило бы контролировать их деятельность. Для этой цели в 1907 г. при Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов было образовано Особое совещание по пересмотру действовавших законоположений о банкирских заведениях под председательством А. К. Голубева. Разработанный Кредитной канцелярией проект нового законодательства предусматривал строгое деление банкирских предприятий на три категории и жесткую регламентацию деятельности каждой из этих категорий. Проект предусматривал объявление основного капитала предприятия, определялся минимальный размер его для банкирских домов, установлены были правила относительно изменения размера этого капитала. Проект был передан на обсуждение представителей 28 банкирских домов и контор, а также Министерства юстиции и Департамента окладных сборов. Кроме того, материалы для пересмотра закона о банкирских заведениях были разосланы биржевым комитетам.

13(26) марта 1907 г. в «Торгово-промышленной газете» торжественно сообщались имена представителей от крупнейших банкирских домов и контор, участвовавших в работе совещания: от Г. Вавельберга — М. И. Вавельберг; Лампе и К° — Г. А. Вейхардт;

Э. М. Мейера и К° — А. В. Гувелякен; М. Нелькена — С. Б. Кафталь; И. В. Юнкера и К° — Б. Ф. Юнкер; А. А. Алферова — А. А. Алферов; Ф. А. Алферова — Г. Ф. Латышев; Бр. Бурцевых — П. Е. Бурцев; Волкова с сыновьями — А. Ф. Феттер; М. И. Ерошенко — А. И. Ерошенко; М. И. Дубинина — М. И. Дубинин; Д. Г. Новоселова — Д. Г. Новоселов; П. П. Тихомирова — П. П. Тихомиров; А. С. Федорова — А. С. Федоров.

В то же время газета не скрывала, что проект Министерства финансов встретил много возражений со стороны владельцев банкирских домов и контор. Прежде всего они решительно выступили против введения публичной отчетности. Кроме того, они требовали, чтобы недвижимость, приобретаемая банкирскими домами и конторами, могла бы служить источником дохода, чтобы не ограничивались их права в ломбардных операциях, комиссионных сделках с товарами и перезалоге ценных бумаг и товаров и т. д. Все эти возражения получили полную поддержку со стороны Варшавского и Одесского биржевых комитетов, Совета фондового отдела С.-Петербургской биржи и банковской комиссии при Московском биржевом комитете. Это был голос делового мира крупнейших городов империи. Только Рижский биржевой комитет заявил о своей готовности безоговорочно согласиться с правительственным проектом.

Защитники интересов банкирских заведений утверждали, что введение публичной отчетности отпугнет их клиентуру и отдаст ее в руки ростовщиков, что лица, способные следить за отчетами и балансами, пользуются услугами обществ взаимного кредита и акционерных банков, а к банкирским конторам обращаются лица, «которые в этих учреждениях ищут удобств и выгод, коих они не могут найти в другом месте, а именно: повышенный процент по вкладам, засим быстроту, отсутствие формализма при производстве операций и доступность и для маленького клиента — хозяина знакомого ему банкирского учреждения, к коему он привык обращаться за советом» [23].

Правительство вынуждено было посчитаться с мнением делового мира, и проект правил, выработанных Особенной канцелярией по кредитной части в 1907 г., был похоронен. Однако в Министерстве финансов не оставляли надежд в конце концов добиться утверждения законодательства о регламентации деятельности банкирских заведений. Там продолжалось изучение их деятельности, а также материалов, связанных с замечаниями биржевых комитетов и других представителей банковского мира на проект 1907 г. Было создано «Особое междуведомственное совещание для рассмотрения законопроекта о банкирских заведениях и меняльных лавках» под председательством все того же А. К. Голубева, члена Совета Государственного банка. В его состав вошли представители Министерства юстиции, Министерства торговли и промышленности, Государственного контроля, Государственного банка, Департамента окладных сборов, Юрисконсульской части Министерства финансов, С.-Петербургского градоначальства, Особенной канцелярии по кредитной части и чиновники других подразделений Министерства финансов.

К январю 1910 г. в распоряжении Министерства финансов были новые данные о банкирских заведениях, собранные отчасти на основании сведений, представленных губернаторами и градоначальниками. Это были сведения о 287 банкирских конторах и 88 меняльных лавках. Из этого числа 92 конторы и 50 меняльных лавок находились в столицах и крупных городах: 32 конторы — в Петербурге, 31 — в Варшаве, 14 — в Москве, 6 — в Одессе, 6 — в Лодзи и 3 — в Риге. В городах губерний различных районов империи находилось 195 контор и 38 меняльных лавок. По числу банкирских контор на первом месте стоял Западный край — 99, затем Привислинские губернии — 42, Южные губернии — 33. На Кавказе было только 2 банкирские конторы, а в Азиатской России — 3.

Размер собственных капиталов банкирских заведений определялся в 115 млн. руб., обязательства по вкладам — 104 млн. и задолженность по переучету, перезалогу и пр. — до 133 млн. руб. Анализ деятельности столичных банкирских заведений показал, что в Петербурге они имели собственных капиталов на 18,5 млн. руб., т. е. в среднем по 600 тыс. на каждое заведение. Их вклады составляли 14,5 млн. руб., т. е. не достигали размеров капиталов, зато долги превышали капиталы в $2^2/_3$ раза, составляя 49,4 млн. руб.[24] Из активных операций первое место занимали ссуды on call, составлявшие 32,5 млн. руб., второе — затраты на покупку процентных бумаг — 21 млн и третье — учет векселей — 14,4 млн. руб. Таким образом, банкирские заведения Петербурга работали «в значительной степени за счет чужих средств» и занимались «главным образом биржевыми операциями за собственный счет и кредитованием спекулирующей публики».

В отличие от петербургских, московские банкирские заведения были более крупными, имели относительно больше вкладов и больше занимались учетной операцией. 18 московских банкирских заведений имели капитал в 22 млн. руб., т. е. 1,2 в среднем на каждое заведение, вклады превышали капитал более чем в $1^3/_4$ раза. Из активных операций московские банкирские дома прежде всего занимались покупкой процентных бумаг — 50 млн. руб., затем следовал учет векселей — 27 млн. и, наконец, онкольные операции — 16,7 млн. руб. Для оценки этих статистических данных следует иметь в виду, что среди московских банкирских домов особое положение занимал один — видимо, братьев Рябушинских. Так, из 50 млн. руб., затраченных на покупку процентных бумаг, 30 млн. причитались на долю одного этого банкирского дома. Также из общей задолженности банкирских заведений в размере 51,5 млн. руб. долг этого банкирского дома составлял 30 млн. Министерство финансов считало, что московские банкирские заведения по характеру деятельности меньше занимались спекулятивными операциями, чем петербургские, и приближались к обычным коммерческим банкам [25].

Эти сведения, полученные Министерством финансов осенью 1910 г., были далеко не полными. В распоряжении Особенной кан-

целярии по кредитной части не было даже перечня всех банкирских заведений. Невозможность контролировать их деятельность раздражала руководителей финансового ведомства, оказывавшихся бессильными перед лицом явных нарушений банкирскими заведениями уже существовавшего законодательства. Так, в результате ревизии в 1909 г. крупной петербургской банкирской конторы Захария Жданова было обнаружено, что она тратила десятки тысяч рублей на рекламу в России и за границей, соблазняя публику покупать выигрышные билеты в рассрочку и участвовать в биржевой игре на других ценностях. Обороты конторы по продаже выигрышных облигаций достигали нескольких миллионов рублей. Контора владела незначительным капиталом, но широко «пользовалась кредитом в других учреждениях под залог проданных в рассрочку выигрышных билетов, причем перезалог этот совершался без согласия на то клиентов». Более того, «некоторые принятые на хранение от клиентов ценности оказались внесенными в другие кредитные учреждения в обеспечение кредита банкирской конторы по специальному текущему счету». Был обнаружен еще целый ряд нарушений существовавшего законодательства. В результате ревизии министр финансов запретил банкирской конторе З. Жданова продажу выигрышных билетов с рассрочкой платежа, перезалог процентных бумаг, под которые были выданы ссуды, в сумме, высшей против размера выданных ссуд, и открытие кредитов под обеспечение.

Распоряжение министра было передано банкирской конторе через полицейских властей. Попытка же Министерства финансов сделать публичное объявление по этому поводу была остановлена в январе 1910 г. министром юстиции как противозаконная [26].

В 1912 г. произошло еще два банкротства, давших повод Министерству финансов утверждать, что «часто банкирские заведения открываются исключительно с целью недобросовестного обогащения клиентов» [27]. Было объявлено о крахе заведения, именовавшего себя «Банкирским домом Русской промышленности». Он помещался в том же здании, где находился Совет съездов представителей промышленности и торговли, и это вызывало у «неосведомленной публики» неоправданное доверие к учреждению, оказавшемуся на деле несостоятельным. При ликвидации дел другого банкирского заведения, «А. К. Толстопятов и К°», обнаружилось, что владелец его не имел никакого состояния и приобрел контору «лишь за несколько дней» до краха [28].

В марте 1912 г. товарищ министра финансов Н. Н. Покровский, возглавивший к этому времени «Особое Междуведомственное совещание для рассмотрения законопроекта о банкирских предприятиях и меняльных лавках», обратился с письмом к министру юстиции по поводу правового положения банкирских заведений и практической беспомощности Министерства финансов противостоять их злоупотреблениям. Ссылаясь на практику взаимоотношений Министерства финансов с банкирскими заведениями, и в частности на прецедент с конторой З. Жданова, Покровский подчеркивал, что существовавшая система штрафов за нарушения банкирскими заве-

дениями правил была совершенно неэффективной. Штрафы «за продажу промессов настолько ничтожны»,— писал Покровский,— что в виду огромной прибыльности... операции банкиры охотно уплачивают по нескольку раз возлагаемые на них мировыми судьями взыскания и продолжают частичную продажу выигрышных билетов». Закрытие же банкирского заведения возможно было только после третьего нарушения их владельцем запрещения Министерства финансов производить соответствующие операции. Закрытию должна была предшествовать «громоздкая процедура троекратного расследования и привлечения виновного к... ответственности» [29].

Покровский ставил перед министром юстиции вопрос: можно ли рассматривать банкирские заведения как частный промысел или нет? Он признавал, что если к банкирским заведениям подходить как к частному промыслу (как это делал Государственный совет), то «никакая регламентация банкирского промысла и определения круга производимых частным банкиром операций не мыслима». В этом случае, однако, по его мнению, следовало бы установить более действенный надзор за банкирскими заведениями, «по крайней мере ввести более серьезные уголовные кары» за производство запрещенных операций и неисполнение постановлений правительства [30].

Однако Н. Н. Покровский не склонен был смотреть на «банкирское занятие как на частный промысел». Он отмечал, что обороты банкирских заведений значительны и часто превосходят по размерам обороты обществ взаимного кредита и городских банков. «Многие банкирские заведения представляют из себя солидные, крупные кредитные единицы, размерами приближающиеся к средним банкам коммерческого акционерного кредита и принимающие большое участие в кредитных оборотах страны». «Так же как и банки,— рассуждал Покровский,— они открыты для всякой публики, имеют такой же контингент клиентуры, принимают вклады; в обыкновенном языке слово „банк“ одинаково применяется как к собственно банкам в тесном смысле слова, так и банкирским заведениям». Он приходил к выводу, что «банкирские заведения или, во всяком случае, многие из них, за исключением меняльных лавок, приближаются по своему экономическому значению к общему типу кредитных учреждений, имеющих установленные законом нормы внутренней деятельности и действующих на основании особых актов — уставов». Он видел «различие банкирских заведений от кредитных учреждений... лишь в том, что первые были „единоличными и товарищескими предприятиями, вторые — акционерными или кооперативными“» [31].

На основании этих заключений Покровский считал необходимым не только увеличить размеры штрафов для провинившихся владельцев банкирских заведений, но и выработать «ряд общих положений и оснований» деятельности банкирских заведений для включения их в «Устав кредитный». Из этих положений он прежде всего называл необходимость введения для банкирских заведений публичной отчетности, определение круга их операций, использова-

ние основного капитала как гарантии получаемых им кредитов. Он ставил также вопрос о возможности рассматривать имущество хотя бы единоличного банкирского предприятия как «особую массу, которая отвечает по личным долгам банкира только по покрытии всех долгов учреждения». Н. Н. Покровский отдавал себе отчет в том, что ограничение круга банкирских операций есть вмешательство «государственной власти в сферу частных отношений». Однако он считал такое вмешательство принципиально допустимым, поскольку оно «вызывается общественными интересами» [32]. Соображения Н. Н. Покровского встретили «полное сочувствие» со стороны И. Г. Щегловитого. Министр юстиции также считал необходимым строго нормировать деятельность банкирских заведений. Он считал только невозможным с правовой точки зрения разделение имущества банкирского предприятия и личного имущества банкира [33]. Однако единство взглядов Министерства финансов и Министерства юстиции на пересмотр законодательства о банкирских заведениях не оказало решающего влияния на судьбу разрабатывавшегося законодательства. В условиях предвоенного промышленного подъема все большую силу и вес в экономической жизни империи приобретали предпринимательские организации российской буржуазии. Судьба законопроекта оказалась в зависимости от серьезных разногласий, возникших между правительством и представителями биржевых кругов во взглядах на права банкирских предприятий.

Министерство финансов потерпело неудачу уже при очередном сборе сведений об операциях банкирских предприятий, понадобившихся для окончательного составления законопроекта. На 1 января 1913 г. в России было около 300 банкирских домов и контор. Однако только 158 из них прислали запрошенные Министерством финансов данные о своей деятельности (см. таблицу). Зато Совет съездов представителей промышленности и торговли подготовил встреч-

Таблица

Состояние основных счетов банкирских заведений на 1 января 1913 г., в млн. руб.*

Местонахождение банкирского заведения	Число банкирских заведений	Касса и текущий счет	Процентные бумаги		Учет векселей
			гарантированные	негарантированные	
Петербург	32	2,8	2,8	11,0	7,1
Москва	10	2,1	7,9	21,2	5,5
Губернские города	60	2,9	2,3	12,0	41,7
Уездные города	56	1,4	1,2	4,6	19,1
Итого:	158	9,2	14,2	48,8	73,4

* ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 531, д. 850, л. 103. Справка составлена на основании отчетов, присланных в Министерство финансов 158 из 300 банкирских домов и контор. Сведения по-

ный проект положения о банкирских заведениях, составленный юридическим отделом Совета съездов на основании суждений Особого совещания под председательством В. В. Жуковского и постоянной юридической комиссии под председательством С. С. Новоселова [34]. Проект этот был представлен в Министерство финансов и оказал существенное влияние на дальнейшее развитие событий. Прежде всего Н. Н. Покровский вынужден был пригласить представителя Совета съездов на состоявшиеся 17, 19 и 22 мая 1914 г. под его председательством заседания междуведомственного совещания для выработки положения о банкирских предприятиях и меняльных лавках. Разногласия, всплывшие на этих заседаниях, стали достоянием прессы [35].

Под влиянием позиции Совета съездов Министерство финансов отказалось от попыток причислить банкирские заведения к общему типу кредитных учреждений, имевших утвержденный правительством устав.

Министерство финансов вынуждено было признать, что «характерными признаками банкирского предприятия, отличающими таковое от прочих кредитных установлений, с одной стороны, и общеторговых предприятий — с другой, является отсутствие утвержденного правительством устава и производство в виде промысла кредитных операций» [36]. Правительство признало также нецелесообразным заменять существовавшую явочную систему открытия банкирских предприятий — разрешительной, определив банкирское дело все-таки как «частный промысел». Тем не менее законопроект 1914 г. предусматривал регистрацию банкирских предприятий в Министерстве финансов, а также у губернатора или градоначальника; внесение залога от 10 тыс. до 30 тыс. руб.; ограничение круга лиц, которым разрешалось занятие банкирским промыслом; установление ответственности за советы, даваемые банкиром своим клиентам; детальное регламентирование порядка некоторых операций, а также счетоводства и отчетности и введение суровых уголовных наказаний за отступление от закона.

Срочные ссуды	Специальные текущие счета под ценные бумаги	Баланс	Капиталы	Вклады	Займы
5,1	44,6	91,1	14,8	10,9	54,3
7,7	25,3	86,3	9,1	23,4	40,9
9,6	5,7	123,0	37,4	33,8	14,6
3,1	3,8	52,2	13,0	14,0	10,6
25,5	79,4	352,6	74,3	82,1	124,4

ступили, несомненно, от наиболее крупных из них и поэтому могут служить основанием для общей характеристики банкирских заведений.

Во второй половине 1914 г. проект должен был поступить на утверждение в Совет министров, однако это вызвало протест со стороны Совета съездов представителей промышленности и торговли, назвавшего проект «унизительным» и «безусловно неприемлемым» [37]. Объектом спора между Министерством финансов и предпринимательскими организациями неизбежно стало правовое положение банкирских домов в европейских странах. Представители Министерства финансов тщательно изучили западноевропейский опыт и при сопоставлении подготовленного ими законопроекта с западноевропейскими образцами и практикой подчеркивали, что в России «как общеторговое законодательство, так и банковое находятся лишь на стадии первоначального развития». Отсутствие же «особых норм для банкирских предприятий во многих иностранных государствах восполняется там большей полнотой торгового законодательства и обычаев». «Поэтому в таких государствах, как Франция или Англия, простая норма закона о возмещении убытков, причиненных другому лицу, достаточна, чтобы все случаи недобросовестного отношения банкира к своим клиентам получили надлежащее разрешение перед лицом суда». В Германии в это время основу регламентации банкирского промысла составляли правила о торговом реестре — сложная система законодательных правил для удовлетворения требований, предъявлявшихся торгово-промышленному обороту.

В Министерстве финансов постарались собрать все сведения о попытках установления государственного и общественного контроля над банкирскими заведениями, попытках, появившихся в начале XX в. Так, в подготовительных к выработке проекта документах обращалось внимание на то, что в 1912 г. во Франции в составе Парижского трибунала было образовано особое «финансовое» отделение и в первый же год его существования в него поступило 5 тыс. жалоб на действия банкирских предприятий. Поскольку в Германии не было специальных отделений суда для банкирских дел, Министерство финансов обращало внимание на строгую систему наказаний, определявшуюся Германским имперским законом от 7 июня 1909 г. о недобросовестной конкуренции, предусматривавшим уголовное наказание (до года тюремного заключения или штраф до 500 марок) за заведомо ложную или неверную рекламу.

Критикуя проект, Совет съездов обратил внимание правительства на то, что «нигде в Западной Европе нет такого обилия норм уголовного характера, направленных против банкиров» [38]. Совет съездов ссылался на практику надзора за деятельностью банкирских предприятий в Германии и Франции, осуществлявшуюся не столько правительством, сколько общественными организациями.

Совет съездов ставил в пример Союз немецких банков и банкиров (Centralverband des deutschen Bank- und Bankiergewerbes), образовавший в 1910 г. особое бюро для борьбы со спекулянтами bucket-shops и оказания помощи пострадавшим клиентам, а также синдикат банкиров Франции. По мнению Совета съездов, в России такие же функции могли бы выполнять биржевые комитеты или

Советы фондовых отделов, которые выдавали бы разрешение на открытие банкирских домов или контор, а затем уже их владельцы регистрировались бы в Купеческой или Городской управе.

Совет съездов был против того, чтобы владельцы банкирских домов или контор вносили залог. По мнению Совета съездов, было достаточно, чтобы они объявили в столицах и крупных городах об основном капитале своих предприятий, составлявшем не менее 100 тыс. руб. Совет съездов выступил против обязательной публикации отчетов, видя в этом нарушение принципа свободной конкуренции. «Ротшильды или Мендельсоны,— говорилось в одном из документов Совета съездов,— никакой отчетности не публикуют, а тем не менее пользуются всемирным доверием, и среди более скромных русских банкирских домов найдется немало учреждений, вполне заслуженно пользующихся прекрасной репутацией» [39].

В специальной докладной записке Совета съездов министру финансов подчеркивалось, что Совет считает «совершенно неприемлемой» исходную точку зрения, положенную в основание правительственного проекта. «Эта точка зрения,— отмечалось в записке,— заключается в предположении, что во всяком банкирском предприятии происходят или готовятся злоупотребления, подобные тем, какие обнаружены в некоторых из обанкротившихся предприятий. Только таким предположением можно объяснить все унизительные, крайне стеснительные и в других отраслях промышленности неизвестные ограничения, вводимые проектом для всех вообще банкирских предприятий, как напр., внесение залога, установление предела для суммы допустимых к приятию вкладов, ответственность за советы, подробная регламентация порядка совершения отдельных операций и уголовная ответственность за малейшее нарушение правил» и т. д. Совет съездов считал своим долгом отметить «несправедливость такого отношения к целой отрасли торговли, занимающей весьма важное место в торговом обороте нашей страны и способствующей приобщению России к господствующей уже на Западе кредитной системе хозяйства» [40].

В Совете съездов существовали расхождения в оценке проекта правительственного законодательства 1914 г. Самую непримиримую позицию занимали представители Одесского биржевого комитета, заявлявшие, что банкирский промысел вообще не подлежит никакой регламентации. Однако независимо от этих разногласий Совет съездов выступил решительно против проекта и предложил правительству до предъявления его в Совет министров подвергнуть дополнительному обсуждению в биржевых комитетах и других общественных организациях делового мира. Первая мировая война прервала эту полемику.

История выработки законодательства о банкирских предприятиях дает основания, по крайней мере, для двух выводов: 1) при оценке кредитной системы России накануне первой мировой войны необходимо учитывать роль в ней банкирских предприятий, не подлежавших строгой законодательной регламентации сравнительно с прочими кредитными учреждениями; 2) конфликты между Министер-

ством финансов и представителями буржуазных общественных организаций в связи с выработкой законодательства о банкирских предприятиях свидетельствуют о развитии частного банкирского промысла, о резко возросшем к кануну войны влиянии деловых кругов, не удовлетворенных существовавшей в России системой контроля над частным предпринимательством. Русская буржуазия была еще недостаточно сильна для того, чтобы изменить уже существовавшее и стеснявшее ее законодательство для кредитных учреждений, но достаточно сильна для того, чтобы препятствовать усилению правительственного контроля в сфере кредита.

[1] Представление И. А. Вышнеградского в Государственный совет 14 мая 1889 г. «Об издании положения о банкирских заведениях».— ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. 11, д. 228, л. 2 об. Следует отметить, что строго определить разницу между банкирским домом и банкирской конторой довольно трудно. Часто в справочниках значатся как банкирские конторы заведения, занимавшиеся крупными операциями, или в разных документах одни и те же заведения называются либо конторой, либо домом. Само понятие «банкирский дом» условно — это торговый дом, занимающийся банкирскими операциями.
[2] *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973.
[3] ПСЗ-III, т. 4, № 2249.
[4] Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов. СПб., 1886, т. 5, с. 7, 11.
[5] Новое время, 1889, 23 февр.
[6] Новороссийский телеграф, 1889, 9 апр.
[7] ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. 11, д. 228, л. 49.
[8] Там же, л. 58—60.
[9] Журнал Соединенных департаментов Государственной экономии и Законов, 20 мая 1889 г.— ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. 11, д. 228, л. 21, 21 об.
[10] Журнал Общего собрания Государственного совета 30 мая 1889 г., «Об издании положения о банкирских заведениях».— ЦГИА СССР, ф. 1152, оп. 81, д. 228, л. 25—26.
[11] ПСЗ-III, т. 9, № 6137.
[12] Журнал Соединенных департаментов Государственной экономии и Законов, 16 апр. 1890 г.— ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 90, д. 7601, л. 52, 55.
[13] Представление С. Ю. Витте в Государственный совет 21 февраля 1894 г. «Об изменении правил о банкирских заведениях».— ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 90, д. 7601, л. 60.
[14] Там же, л. 57—62.
[15] Там же, л. 60.
[16] ПСЗ-III, т. 14, № 10711.
[17] Там же, т. 15, № 11733.
[18] Там же, т. 13, № 9741.
[19] Устав кредитный. СПб., 1903, т. 11, ч. 2, ст. 10—13, разд. 10.
[20] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 605, л. 53, 53 об.
[21] Там же.
[22] Торгово-промышленная газета, 1907. 11(24) марта.
[23] ЦГИА СССР. ф. 23, оп. 7, д. 605, л. 54, 54 об.
[24] Там же, л. 56, 56 об.
[25] Там же, л. 57.
[26] Там же. л. 53, 54.
[27] Там же, л. 73.
[28] Там же.
[29] Там же, ф. 1405, оп. 531, д. 850, л. 3.
[30] Там же, л. 3 об.
[31] Там же.
[32] Там же, л. 4—5.

[33] Письмо И. Г. Щегловитова В. Н. Коковцову от 25 июня 1912 г.— ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 531, д. 850, л. 28, 30 об.
[34] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 605, л. 193—198.
[35] Торгово-промышленная газета, 1914, 24 мая (6 июня).
[36] ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 7, д. 605, л. 136, 138.
[37] Там же. л. 238—239.
[38] Там же, л. 112—113, 129, 258.
[39] Там же, л. 45.
[40] Там же, л. 238.

А. П. Корелин

Социальный состав участников кредитной кооперации в России в конце XIX — начале XX в.

История российской кредитной кооперации ведет свое начало с 60-х годов XIX в., когда в основном усилиями отдельных либеральных помещиков, побывавших в Германии и ознакомившихся с принципами организации и деятельности только зарождавшихся там ссудо-сберегательных товариществ, в России были учреждены подобные же кооперативные учреждения. Пережив затем периоды учредительного бума 70-х — начала 80-х годов, характерной чертой которого было форсированное насаждение товариществ земствами, и последовавшего за ним упадка, продолжавшегося почти вплоть до конца 90-х годов, кредитная кооперация того времени не оставила заметного следа в социально-экономической жизни страны.

Положение меняется с началом нового столетия, особенно со второй половины 900-х годов, когда под влиянием ряда факторов объективного и субъективного порядка: более благоприятной экономической конъюнктуры, быстрого развития капитализма вглубь и вширь, правительственной поддержки, возросшего культурного уровня населения и т. п.— российская кредитная кооперация по темпам роста вышла на одно из первых мест в мире. Наряду со ссудо-сберегательными товариществами, действовавшими на паевые взносы своих участников, возникли кредитные товарищества, основной капитал которых составлялся из казенных и частных ссуд. Если в 1900 г. функционировало всего около 700 кредитных кооперативов с числом участников немногим более 200 тыс, то в 1914 г. насчитывалось уже свыше 14,5 тыс. таких учреждений (3,8 тыс. ссудо-сберегательных и 10,7 тыс. кредитных товариществ) с числом членов более 9,5 млн. человек. Это составляло около 28% всех самостоятельных домохозяев империи, причем в районах деятельности товариществ кооперированность населения достигала в среднем более 48% [1].

Состав участников кредитной кооперации уже давно привлекал внимание практиков и исследователей российского кооперативного

движения. И тем не менее фактически до сих пор нет ни одной обобщающей работы, специально посвященной этому вопросу. Главным препятствием является скудость источниковой базы, крайняя ограниченность репрезентативных, сопоставимых, массовых данных. Между тем решение этой проблемы весьма существенно для выяснения места и роли кредитной кооперации как фактора, игравшего видную роль в общем процессе эволюции социальной структуры дореволюционной России. В предлагаемой статье на основе известных исследований и привлечения малоиспользуемых материалов по данному вопросу предпринята попытка проследить общие закономерности и особенности формирования контингента участников российской кредитной кооперации в период наивысшего подъема ее деятельности.

Положениями о мелком кредите от 1 июня 1895 и 7 июня 1904 гг. и изданными на их основе «нормальными» и «образцовыми» уставами товариществ предусматривалось, что учреждения этого типа предназначались прежде всего для обслуживания мелких производителей — сельских хозяев, земледельцев, кустарей, мелких промышленников [2]. Подавляющая часть кооперативов размещалась в сельской местности и обслуживала в основном крестьян. По данным Управления по делам мелкого кредита, к 1912 г. из общей массы товариществ формально к городскому типу относилось 12% учреждений, участники которых составляли около 16% всех членов кредитных кооперативов. Причем среди кредитных товариществ городские учреждения составляли всего 2,6%, в которых числилось 3,3% всех их участников, а среди ссудо-сберегательных — соответственно 44,6 и 57%. Следует, однако, иметь в виду, что и в значительной части городских товариществ, в том числе и ссудо-сберегательных, также велик был удельный вес крестьян: судя по тем же данным, только примерно в 9% кооперативов крестьяне отсутствовали совершенно или представляли незначительную величину [3]. Большая часть товариществ чисто городского типа находилась в польских, прибалтийских и северо-западных губерниях. В остальных же районах в обоих видах кредитных кооперативов городского типа весьма высок был процент крестьян, которые вместе с мещанами-хлебопашцами часто составляли бо́льшую часть членов товариществ.

По роду занятий участников кооперативов земледельцы значительно преобладали в общей массе. Так, по анкетному обследованию кооперативной секции Всероссийской выставки 1913 г. в Киеве, которым было охвачено более 900 тыс. членов 1322 товариществ (875 кредитных и 447 ссудо-сберегательных, т. е. 16% от общего числа), состав участников по профессиональной занятости был следующим: земледельцы — 77,1%, ремесленники — 9,6, торговцы — 5,2, промышленники — 2,9, рабочие — 2,5, лица интеллигентных профессий — 2,7% [4]. Таким образом, кредитная кооперация более чем на $^3/_4$ состояла из земледельцев. По этим же данным, кроме основных занятий, более 100 тыс. домохозяев, в основном, видимо, из крестьян, имели еще и подсобные промыслы. Причем около 72% всех ремесленников, 90% торговцев, более 80% всех промышленников и лиц интеллигентных профессий, а также 57% всех рабочих состояли членами ссудо-сберегательных товариществ. Зато более $^2/_3$ всех земледельцев и почти 70% всех занимающихся побочными промыслами дали кредитные товарищества [5].

Но данные о сословной принадлежности и роде занятий членов кредитных кооперативов еще не дают представления о их социальном составе. Между тем именно в освещении этого вопроса еще современниками были высказаны различные, порой противоположные точки зрения. Так, вплоть до начала 900-х годов включительно, когда господствовало мнение, официально закрепленное Положением от 1 июня 1895 г., что мелкий кредит предназначается для оказания помощи прежде всего маломощным хозяевам, товарищества, особенно ссудо-сберегательные, обвинялись властями, а также либерально-народнической и помещичьей публицистикой в том, что они, объединяя главным образом зажиточные слои сельского населения и обслуживая в первую очередь их потребности, «разделяют деревню на бедных и богатых, способствуют эксплуатации первых вторыми...» [6]. В ответ сторонниками кредитных кооперативов предпринимались попытки представить их как учреждения, объединяющие преимущественно малосостоятельные слои населения. Петербургское отделение Комитета о сельских и промышленных ссудо-сберегательных товариществах, стремясь отвести обвинение в пособничестве кредитных кооперативов зажиточным и кулацким элементам, провело специальное обследование имущественного положения участников 544 товариществ. Итогом было заключение, что $^3/_4$ всех их членов составляли малоимущие владельцы неполных паев, более всего нуждавшиеся в кредитной помощи [7].

Впоследствии, когда Положением от 7 июня 1904 г. был взят курс на поддержание вообще «хозяйственных элементов» в сфере мелкого производства, основным мотивом в отчетах Управления по делам мелкого кредита стало положение, что в подведомственных ему учреждениях представлены все слои деревни. Это утверждение, как мы увидим, было близко к действительности, но оно требует серьезных корректив. Изучение материалов, так или иначе освещающих этот вопрос, показывает, что имущественный состав членов кредитной кооперации зависел от ряда обстоятельств — от типа учреждения, времени его возникновения и обследования, от размещения в том или ином экономическом регионе и т. д.

Прежде всего следует отметить, что уставами товариществ предполагалось, что их членами могли быть имущие лица, в той или иной степени хозяйственно обеспеченные, которые в состоянии были нести материальную ответственность как за взятые лично ими ссуды, так и за ссуженные в основные и оборотные капиталы товариществ средства. Этот принцип товарищества стремились соблюдать, несмотря на господствовавшее официальное мнение, что главным в определении кредитоспособности заемщика является не материальное положение, а его трудоспособность. Другим важным обстоятельством в определении круга участников кредитных кооперативов являлось уставное ограничение максимального размера

ссуд: 300 руб.— по личному доверию и по поручительству и до 1 тыс. руб.— под залог продукции хозяйств заемщиков. Фактически же средний уровень выдававшихся ссуд был значительно ниже.

В большей мере источниками для изучения имущественно-хозяйственного положения членов обеспечены кредитные товарищества. В отчете Управления за 1904—1907 гг. приведены сведения о «лошадности» их участников. Эти данные, обработанные С. Н. Прокоповичем, свидетельствуют о том, что среди почти 60 тыс. обследованных хозяйств членов товариществ 11,6% были безлошадными, 30,1 — однолошадными, 29,5 — имели 2 лошади, 19,1 — 3—4 лошади и 9,7% — 5 и более лошадей [8]. Если отвлеченно судить только по этим показателям, то можно прийти к заключению, что в товариществах были представлены все имущественные слои населения. Но не менее важно и то, что, во-первых, свыше 58% всех их членов были средними и зажиточными хозяевами, владевшими двумя и более головами рабочего скота, и, во-вторых, среди безлошадных могло быть и действительно было немало состоятельных в имущественном отношении ремесленников, кустарей, торговцев.

По отдельным районам картина была весьма пестрой. Так, по тем же данным, охватывающим 13 товариществ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний, безлошадные составляли там 12,2%, т. е. несколько больше среднего. Но зато значительно меньший удельный вес был однолошадных — 8,8% и заметно больший удельный вес хозяев с двумя лошадьми — 48,6 и многолошадных — 30,4%. Однако эти данные весьма приблизительно отражают экономическую группировку членов товариществ этого района, так как не учитывали волов — наиболее распространенный здесь рабочий скот.

В отчете Управления за 1908 г. приведены выборочные данные об обеспеченности лошадьми членов кредитных товариществ Воронежской, Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Уфимской губерний, трех уездов Харьковской губернии и Таганрогского округа (см. табл. 1). В этих губерниях процент не ведущих самостоятельно сельского хозяйства колебался от 0,8 до 9,4 всех членов. Вполне естественно, что наивысший показатель здесь в Нижегородской губернии, где широко были распространены различного рода промыслы. Среди сельских хозяев наиболее высокий процент безлошадных и однолошадных был в Казанской (73%), Нижегородской (73,5) и Харьковской (55,4%) губерниях. В остальных губерниях большинство членов товариществ по этому показателю относились к средним и зажиточным хозяевам. Причем, в Оренбургской губернии многолошадные хозяйства (с 3 и более лошадьми) преобладали абсолютно, а в Уфимской губернии и Таганрогском округе они составляли самую заметную в процентном отношении группу.

В товариществах центрально-промышленных губерний удельный вес безлошадных и однолошадных членов был значительно выше среднего. Так, судя по земским обследованиям, в 1910 г. в Московском уезде они составляли 84% всех участников (соответственно

Таблица 1

Обеспеченность лошадьми членов кредитных товариществ в 1908 г., в % *

Губерния	Не ведущие сельского хозяйства	Ведущие сельское хозяйство				
		безлошадные	с 1 лошадью	с 2 лошадьми	с 3—4 лошадьми	с 5 и более лошадьми
Воронежская	3,7	12,7	36,4	29,9	16,9	3,8
Казанская	1,2	14,0	59,0	21,0	— 6,0	—
Нижегородская	9,4	22,3	51,2	19,3	6,1	1,1
Оренбургская	1,1	3,9	13,9	24,6	35,3	22,3
Уфимская	1,5	2,9	27,1	32,4	26,4	11,2
Таганрогский округ	3,2	5,0	18,4	34,0	26,1	16,5
Харьковская**	1,9	20,8	34,6	28,2	12,6	1,9

* Отчет по мелкому кредиту за 1908 г. СПб., 1912 с. 24—26, 53.
** Ахтырский, Лебедянский, Сумский уезды.

18 и 66), а с 2 и более лошадьми — 16%. Примерно такое же положение было зафиксировано и по обеспеченности членов товариществ молочным скотом: бескоровные составляли — 21% всех участников, с 1 коровой — 57, с 2 коровами — 17, с 3 и более — 5% [9]. Сходную картину дало обследование Судогодского уезда Владимирской губернии. Здесь безлошадные и однолошадные составляли соответственно 21 и 66,4%, с 2 лошадьми — 11,6, с 3 и более — 1,1%. Бескоровных было 4,5% всех членов товариществ, с 1 коровой — 58,7, с 2 коровами — 33,8, с 3 и более — 3,1% [10]. Такое соотношение имущественных групп среди членов товариществ свидетельствовало, видимо, не только о более широком распространении здесь различных промыслов, но и о более низком уровне благосостояния местного населения, что дало основание исследователям относить однолошадные и однокоровные хозяйства в этом районе к среднеобеспеченным, тогда как в восточных и южных губерниях к ним были отнесены хозяйства с 2 и более лошадьми. Общий вывод был таков: в большинстве губерний в кредитных товариществах преобладало среднее крестьянство, затем по удельному весу шли зажиточные хозяева и лишь потом — наименее состоятельная группа [11].

Об экономическом положении членов ссудо-сберегательных товариществ сколько-нибудь полных, обобщенных данных обнаружить не удалось. Разрозненные отчеты отдельных кооперативов, различные косвенные свидетельства говорят о том, что в целом уровень благосостояния их участников был несколько выше, чем в кредитных товариществах. Несколько иное в них было и соотношение основных имущественных групп. Сами инициаторы их создания считали, что членами их могут быть лишь более или менее состоятельные лица. Петербургское отделение Комитета о сельских и промышленных ссудо-сберегательных товариществах в одном из

своих отчетов вынуждено было признать, что товарищества отвечают прежде всего интересам крестьян среднего и несколько выше среднего достатка, так как они «не могут служить ни для той части населения, которая нуждается в больших средствах, ни для той части того же населения, которая не может дать даже моральной гарантии в уплате ссуд»[12]. То, что ссудо-сберегательные товарищества более всего характерны для относительно состоятельных слоев мелких производителей города и деревни и более всего распространены в районах с наиболее высоким уровнем благосостояния населения, неоднократно отмечалось в отчетах Управления по делам мелкого кредита. Больший удельный вес зажиточных элементов в их составе обусловливался и необходимостью внесения паевого взноса, и большей самостоятельностью их правлений при приеме новых членов, что позволяло им отсеивать недостаточно кредитоспособных просителей.

В какой-то мере общую картину имущественного положения членов кредитной кооперации и даже — что особенно важно — с элементами динамики изменений в этом плане дают материалы достаточно представительного анкетного обследования, проведенного в конце 1911 г. Управлением по делам мелкого кредита и охватившего почти 230 тыс. хозяйств участников 1289 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ (см.табл. 2). Целью обследования было показать рост благосостояния членов товариществ за период от вступления их в кооперативы в 1872—1910 гг. в сравнении с положением на конец 1911 г., чтобы засвидетельствовать «благодетельное» значение учреждений мелкого кредита для радетельных, инициативных и деловых их участников. В соответствии с этой задачей обследовались лишь хозяйства тех членов, которые состояли в товариществах на момент опроса. Следует иметь в виду, что, во-первых, для обследования были взяты прежде всего кооперативы с правильно ведшимся делопроизводством, т. е. наиболее крепкие в финансовом отношении; и, во-вторых, совершенно не был показан отсев должников и других, менее удачливых участников товариществ[13].

В результате обобщенные данные действительно показали достаточно высокий средний уровень хозяйственно-имущественной обеспеченности участников товариществ и некоторый рост этого уровня по рабочему (с 2,2 до 2,5 головы) и молочному (с 1,6 до 1,9 головы) скоту и по площади посевов (с 8,1 до 9,4 дес.). Рост этот достигался как за счет повышения благосостояния всех учтенных членов кредитных кооперативов, так и за счет сокращения удельного веса хозяйств из беспосевных и малоземельных, без рабочего и молочного скота, а также однолошадных и однокоровных. Причем последнее достигалось не только за счет перехода этих групп хозяев в более обеспеченные, но в не меньшей степени и за счет их отсева, что не получило, как уже отмечалось, отражения в материалах обследования.

Наиболее устойчивый и заметный рост показали группы хозяйств с 2 и более головами рабочего и молочного скота и посевами свыше 5 дес. Если учесть, что по расчетам статистиков пахотная

Таблица 2

Группировка хозяйств членов кредитных кооперативов по рабочему, молочному скоту и по площади посевов на 1872—1910 и на 1911 гг.*

Хозяйства	Число хозяйств			
	1872—1910 гг.		1911 г.	
	абс.	%	абс.	%
По рабочему скоту				
Не имеющие рабочего скота	28 502	12,4	22 588	9,8
Имеющие голов рабочего скота:				
1	63 467	27,6	59 052	25,7
2	74 427	32,4	75 502	32,9
3—4	41 310	18,0	46 115	20,1
5—7	14 867	6,5	17 697	7,7
8—10	4 586	2,0	5 538	2,4
11 и более	2 492	1,1	3 159	1,4
Итого хозяйств	229 651	100	229 651	100
Итого голов рабочего скота	508 272		566 101	
По молочному скоту				
Не имеющие молочного скота	38 833	17,6	28 830	13,1
Имеющие голов молочного скота:				
1	93 381	42,3	89 107	40,4
2	50 647	23,0	57 806	26,2
3—4	25 643	11,6	30 690	13,9
5—10	10 632	4,8	12 238	5,5
11 и более	1 539	0,7	2 008	0,9
Итого хозяйств	224 752	100	224 752	100
Итого голов молочного скота	367 281		412 927	
По площади посевов				
Не имеющие посевов	9 042	4,0	6 293	2,8
Имеющие посевы, дес.:				
до 5	104 886	46,7	92 966	41,4
» 10	63 214	28,1	65 644	29,2
» 15	21 908	9,8	26 380	11,7
» 20	11 445	5,1	13 831	6,2
» 40	11 342	5,0	15 047	6,7
свыше 40	2 915	1,3	4 591	2,0
Итого хозяйств	224 752	100	224 752	100
Итого дес. посевов	1 814 324		2 121 297	

* Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. СПб., 1914, с. 43—44.

земля составляла около $^2/_3$ площади надела, а из нее, в свою очередь, засевалось 54 или 37%, в зависимости от общей площади земли[14], то, видимо, не менее половины таких хозяев владели землей в размере свыше 15 дес., т. е. относились к средним и зажиточным слоям деревни. В целом представители этих социальных

групп, учитывая к тому же, что среди отнесенных к маломощным хозяевам по взятым показателям находилось немало торговцев, ремесленников, кустарей, владельцев перерабатывающих предприятий (мельниц, крупорушек и т. п.), постоялых дворов и т. д., составляли бо́льшую часть участников кредитных кооперативов. В то же время обследование выявило и довольно значительный контингент экономически маломощных хозяйств. Удельный вес их к концу 1911 г., учитывая принятую инициаторами обследования методику отбора и группировки хозяйств, несколько сократился по всем показателям. Но тем не менее домохозяева с посевом до 5 дес., т. е. с наделом менее 8 дес. на двор, составляли более 40% всех участников товариществ.

Одновременно были обследованы 223 товарищества 39 губерний на предмет экономической характеристики кустарей и ремесленников. Полученные материалы охватывали 10,5 тыс. членов кредитных кооперативов, использовавших кредит для кустарно-ремесленного производства. Согласно этим выборочным данным, работающих на хозяина кустарей при вступлении в товарищества было около 20%, затем к концу 1911 г. удельный вес их упал до 13%. Сбывали свои изделия через скупщиков сначала около 20% членов товариществ, затем — около 15%. И, наконец, наемная рабочая сила использовалась в хозяйствах 34% участников кооперативов, затем удельный вес их возрос до 46% хозяйств, а по другим данным (это обследование охватывало 58 товариществ с 2435 членами-кустарями) — процент их возрос с 41 до 53 [15].

Приведенные материалы не подразделяют товарищества на городские и сельские, что затрудняет характеристику отмеченных явлений. Ясно лишь одно, что и среди ремесленников и кустарей шел процесс социальной дифференциации, что кредитом в большей мере пользовались крепкие промысловые хозяйства, почти половина из которых использовала наемную рабочую силу, и что кредит и организация кооперативного сбыта изделий кустарей и ремесленников освобождали последних от зависимости от скупщика, способствовали более четкому отделению сельскохозяйственных занятий членов товариществ от промысловых.

Таким образом, кредитная кооперация охватывала все слои и группы мелких производителей — от хозяйств беспосевных и без скота до хозяйств, засевавших, по свидетельству Управления по делам мелкого кредита, от 25 до 50—60 дес. своей и арендованной земли с таким, например, набором машин и орудий, как несколько плугов, молотилка, сеялка, веялка, жатка. Но соотношение всех этих социально-имущественных групп в кооперативах было несколько иным, чем в общей массе населения. Об этом, в частности, свидетельствуют данные табл. 3, составленной по материалам военно-конской переписи 1904—1906 гг., охватывавшей 38 губерний империи, и данные обследования Управления на 1910 г. В связи с тем что перепись учитывала только лошадей, а обследование Управления — весь рабочий скот, в таблице специально выделены промышленные губернии, где эти показатели фактически совпадали.

Таблица 3

Соотношение имущественных групп крестьян по рабочему скоту и коэффициент их участия в кредитной кооперации *

Хозяйства	Данные переписи 1904—1906 гг.		Данные Управления на 1910 г.		Коэффициент участия	
	по империи	по промышленным губерниям	по империи	по промышленным губерниям	по империи	по промышленным губерниям
Не имеющие рабочего скота	34,4	29,1	12,4	14,1	0,36	0,48
Имеющие голов рабочего скота:						
1	37,6	52,6	27,6	54,9	0,73	1,04
2	20,4	14,9	32,4	22,1	1,59	1,48
3—4	6,3	3,1	18,0	7,8	2,8	2,5
5 и более	1,3	0,3	9,6	1,1	7,4	3,7

* Отчет по мелкому кредиту за 1910 г. и 1911 г. Пг., 1914, с. 44. Коэффициент участия — частное от деления процента данной группы хозяйств среди членов кредитных кооперативов на процент той же группы среди всех крестьянских хозяйств того или иного региона или империи в целом.

Данные табл. 3 свидетельствуют, что хозяйств без рабочего скота среди членов товариществ было почти в 3 раза меньше, чем в целом среди крестьянских хозяйств по империи, и в 2 раза меньше, чем в промышленных губерниях. Однолошадных хозяйств в кооперативах в целом также было заметно меньше, хотя в промышленных губерниях коэффициент их участия был равен почти 1 : 1. Зато удельный вес середняцких и более зажиточных многолошадных хозяйств в кредитных кооперативах был от 1,6 до 7 с лишним раз выше, чем процент соответствующих групп крестьянских хозяйств по империи, и в 1,5—3,7 раза больше, чем в промышленных губерниях. В целом же средняя обеспеченность лошадьми хозяйств кооператоров (2,2 головы на двор) более чем вдвое превосходила соответствующий показатель для крестьянских хозяйств страны (1,08).

Таким образом, середняцкие и зажиточные группы деревни были представлены в кредитной кооперации значительно выше их среднего по империи коэффициента. Преобладали они, как мы видели, и в самих товариществах. Причем преобладание это было особенно заметно в начальный период деятельности кооперативов, когда необходимо было привлечь частные средства и придать авторитет объединениям. Затем постепенно в них вливались и другие, имущественно менее состоятельные слои, что обусловливалось и общим сравнительно низким уровнем благосостояния населения, и определенным давлением на кооперативы местных властей, придерживавшихся традиционной попечительной политики в отношении крестьянства. Но обычно товарищества не обслуживали ни низы, ни наиболее крепкие верхи деревни. Съезд представителей

ссудо-сберегательных товариществ Псковской губернии, состоявшийся в 1900 г., отмечал: «Размер ссуд обыкновенно бывает настолько незначителен, что такой кредит не может оказывать крупных услуг в деле улучшения хозяйства. Вот почему крепкие хозяева вовсе не вступают в товарищества, несмотря на значительные потребности в кредите...». В то же время указывалось, что и беднейшие слои деревни, не будучи в состоянии ни представить какое-либо надежное обеспечение ссуд, ни внести требуемый взнос, не имеют возможности пользоваться услугами кооперативов [16]. Крепкие хозяева предпринимательского типа предпочитали обращаться за ссудами в банки и общества взаимного кредита, коммерческий кредит которых, как правило, был дешевле товарищеского.

Зажиточные члены кредитных кооперативов, даже не составляя большинства участников, так или иначе подчиняли деятельность товариществ своим интересам, в полной мере используя все выгоды кооперативов. Так, обследование Петербургского отделения Комитета о сельских и промышленных ссудо-сберегательных товариществах, проведенное в середине 90-х годов, помимо воли авторов, засвидетельствовало, что хотя владельцы полных паев составляли всего 25% участников товариществ, но сумма их взносов составляла 51% всего паевого капитала, а средняя величина ссуды полного пайщика более чем в 4 раза превосходила среднюю ссуду участника с неполным паем [17]. Само Управление по делам мелкого кредита неоднократно отмечало в своих отчетах, что размер ссуд и общий объем открывавшегося кооперативами кредита, как правило, был в прямой зависимости от общего размера хозяйства заемщиков, объема производившейся ими продукции, степени обеспеченности их скотом и землей. Это положение подтверждается конкретными данными по кредитным товариществам ряда регионов, анализ которых показал, что, во-первых, высшие по обеспеченности группы заемщиков чаще пользовались кредитом и что, во-вторых, размер их ссуд был в несколько раз выше, чем у заемщиков низших групп [18].

Экономическое преобладание в учреждениях мелкого кредита крепких средних и зажиточных хозяев сказалось и на составе их руководящих органов. Власти, опасаясь самодеятельности масс, стремились поставить во главе товариществ представителей из «образованных» классов — местных помещиков, духовенства, учителей, агрономов и т. п. Однако удельный вес их среди членов советов и правлений кооперативов, особенно помещиков, был невелик, что, видимо, в отличие от западноевропейских стран обусловливалось особой остротой классовых антагонизмов в России. Правда, в 70—80-х и даже в 90-х годах, когда во главе кооперативного движения стояли земцы, в руководстве товариществ помещики и духовенство составляли до 25%, а съезды представителей ссудо-сберегательных товариществ были по своему составу почти исключительно дворянскими. Но затем, особенно со второй половины 900-х годов, положение изменилось. Первые же сколько-нибудь массовые обследования руководящих органов кредитных кооперативов показали широкое

участие в них самих крестьян. Так, анализ материалов такого обследования по Ярославской губернии засвидетельствовал, что к началу 1912 г. крестьяне-земледельцы занимали в правлениях и советах соответственно 75 и 72,4% всех мест, представители духовенства — 11 и 13, торговцы — 6,4 и 5,3, сельская интеллигенция — 2,3 и 4,3, представители сельской администрации 1,7 и 2,2, прочие — 3,5 и 2,8% [19].

Таким образом, крестьяне составляли около $^3/_4$ всех членов правлений и советов кредитных кооперативов. Довольно заметную и весьма влиятельную группу в руководстве товариществ представляли духовенство и торговцы. Сельская интеллигенция в большей мере использовалась обычно в качестве различного рода наемных служащих-делопроизводителей, счетоводов и т. п. Дворяне-помещики составляли, очевидно, настолько небольшую величину, что не были выделены в особую группу. Об этом же косвенно свидетельствуют и итоговые данные обследования Киевской выставки 1913 г., по которым из 4773 членов правлений и 5345 членов советов кредитных кооперативов высшее и среднее образование имели соответственно 13,9 и 14,7%, низшее и домашнее — 85,4 и 83,5, и неграмотных было 0,7 и 1,8%. Две последние группы, видимо, и были представлены главным образом крестьянами [20]. М. И. Туган-Барановский, отмечая факт отсутствия помещиков в руководящих органах большинства товариществ, прямо указывал, что «наша крестьянская кооперация находится вне влияния помещичьего класса» и что это составляет ее отличие от Германии, «где оба класса состоят в тесном политическом союзе» [21].

Постепенно — и чем дальше, тем это было очевиднее — во главе кредитной кооперации оказывались представители зажиточных верхов деревни — кулаки, торговцы, представители низовой крестьянской администрации (старшины, старосты, писари). Часть их одновременно была и вкладчиками, и постоянными заемщиками ссуд в особо крупных размерах, которые одни использовали для перестройки своих хозяйств, другие для расширения своих ростовщически-кабальных операций.

Со второй половины 900-х годов тема о засилье в кредитной кооперации кулачества становится постоянной в официальной и кооперативной прессе. Так, «Вестник мелкого кредита» в начале 1913 г. писал: «Сельские богатеи, которые ранее всеми силами боролись против учреждения кооперативов, теперь, когда их существование — свершившийся факт, быстро переменили позицию. Кулачество становится в ряды самых усердных членов товариществ, и тяжело, но надо признаться, нередко из орудия борьбы с кулачеством кооператив становится могучим орудием в руках тех же кулаков» [22]. Несколько позднее журнал с тревогой отмечал, что «нередко мы видим кулаков, торговцев, скупщиков и прочих „благодетелей“ в правлениях и советах товариществ» [23]. «Вестник кооперации» указывал, что «относительно кредитной кооперации опасность влияния ростовщиков приняла значительные размеры» [24].

Дело зашло так далеко, что состоятельные члены кооперативов начали вытеснять из товариществ маломощных членов. Так, представитель Андреевского кредитного товарищества Бердянского уезда Таврической губернии, одного из наиболее старых и сильных в финансовом отношении кооперативов, выступая на всероссийском съезде представителей кооперативных учреждений, в качестве примера успешной деятельности товарищества отмечал, что ему удалось снизить рост по ссудам с 12 до 8% и что большую роль в этом сыграло исключение из рядов его участников неисправных должников и маломощных хозяев. Представитель другого кооператива, ссудо-сберегательного товарищества Херсонской губернии, сообщил, что теперь в товариществе осталось только 22 члена, так как «пришлось исключить 200 душ». Но зато, заявил он, после этого «жизнь там закипела» [25]. В конце концов сами идеологи кооперации вынуждены были признать: «Одно теперь несомненно: низшие слои крестьянства (безлошадные, беспосевные, однолошадные и т. п.) пользуются кооперацией мало. Там, где они в значительном сравнительно числе, от них стараются отделаться» [26]. «Вестник мелкого кредита» прямо отмечал, что «кредит — это палка о двух концах, это мост от бедности к богатству, но и наоборот» [27].

Тревожась по поводу усиливавшегося влияния в кооперативах кулачества, и власти, и сами буржуазные кооператоры видели причину этого лишь в темноте, невежестве и неподготовленности широкой массы населения, что якобы облегчало извращение кооперативных принципов руководителями отдельных товариществ. Но дело было не в извращении кооперативных принципов или идеи кооперации. Социальное расслоение участников кредитных кооперативов было закономерным итогом эволюции кооперации в условиях капитализма. И наиболее дальновидные и трезвомыслящие наблюдатели уже в то время сумели уловить суть этого явления. Журнал «Сибирское сельское хозяйство», давая оценку итогов развития кооперации в Томской губернии за 1913 г., писал: «Этот рост свидетельствует о любопытном факте, который, мы, стоя на определенной точке зрения в понимании экономических явлений, могли бы предсказать и заранее, но который теперь получает подтверждение: мы говорим о вытеснении более крепкими хозяевами менее крепких... и о постепенном превращении „мелкого“ кредита в „крупный“» [28].

Итак, кредитная кооперация в России в начале XX в. охватывала сравнительно широкие и различные по своему положению слои мелких производителей, главным образом крестьян-земледельцев. Главным и основным условием участия в ней была определенная имущественная и хозяйственная обеспеченность участников, отвечавшая требованиям кредитных отношений. И этот принцип соблюдался товариществами, несмотря на противоречивость правительственной политики с ее тяготением к «попечительности» и «нивелировке» деревни. При формальном праве участия в учреждениях мелкого кредита всего крестьянства, всех мелких производителей, обладающих определенным хозяйственно-имущественным минимумом, среди их членов все же преобладали в основном более состоятельные, середняцко-зажиточные слои. Несмотря на бурные темпы роста кредитной кооперации, которыми было отмечено начало XX в., по общему уровню кооперированности населения Россия все же отставала от развитых капиталистических стран. Более широкому вовлечению мелких производителей в кредитные и ссудо-сберегательные товарищества препятствовал общий низкий уровень благосостояния основной массы населения, недостаток кооперативных средств, обусловивший скромные размеры товарищеского кредита и высокий уровень ссудного процента.

В целом же развитие учреждений мелкого кредита и формирование контингента их участников в России подчинялось общим закономерностям функционирования кооперации в условиях капитализма. Кредитная кооперация активно способствовала более интенсивному втягиванию мелких производителей в товарно-денежные, капиталистические отношения, ускоряла превращение простого мелкотоварного производства в товарно-капиталистическое, мелкобуржуазное производство, а в социальном плане способствовала превращению мелких товаропроизводителей в мелкую буржуазию. «Кооперация мелких товаропроизводителей...,— писал по этому поводу В. И. Ленин,— неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им дает наибольшую выгоду» [29]. Оборотной стороной этого процесса было отбрасывание в ряды пролетариата и полупролетариата маломощной части участников товариществ. Все это ускоряло процесс социальной дифференциации российского общества, способствовало поляризации классовых сил и вело к обострению классовых антагонизмов.

[1] Отчет по мелкому кредиту за 1913 г. Пг., 1916, ч. 1, с. 5.
[2] ПСЗ-III, т. 15, отд. 1, № 11756; т. 24, отд. 1, № 24737.
[3] Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг. Пг., 1914, с. 40.
[4] Кооперация на Всероссийской выставке 1913 г. в Киеве. Киев, 1914, отд. 4. Кредитная кооперация, с. 15.
[5] По данным на 1908 г., в кредитных товариществах 93,9% участников составляли земледельцы, 2,9 — торговцы, 0,6 — промышленники, 1,6 — ремесленники, 1,0% — прочие (служащие, рабочие и т. д.) (Отчет по мелкому кредиту за 1908 г. СПб., 1912, с. 24—26).
[6] Сельскохозяйственный журнал, 1897/1898, № 8, с. 90.
[7] Там же, № 7, с. 46.
[8] *Прокопович С. Н.* Кооперативная организация мелкого кредита. М., 1919, с. 16—17.
[9] *Макаров Н. П.* Кредитная кооперация в Московском уезде. М., 1911.
[10] *Черневский В. А.* Дубасовское и смолинское кредитные товарищества Судогодского уезда Владимирской губернии. Владимир, 1915, с. 54, 234—245, 260—265.
[11] *Прокопович С. Н.* Указ. соч., с. 22.
[12] Кооперативная жизнь, 1916, № 2, с. 75.
[13] В 1898 г. из ссудо-сберегательных товариществ были исключены за неуплату взносов и за невозвращение в срок ссуд почти 8 тыс. членов (Вестник сельского хозяйства, 1900, № 25, с. 11—12). За 1913 г. из кредитных кооперативов выбыло более 400 тыс. участников, в том числе 48,7 тыс., или 12%, за просрочку ссуд и неуплату процентов. Отказы в приеме в кооператив

составляли от 10 до 40% всех заявлений (Отчет по мелкому кредиту за 1913 г., ч. 1, с. 36—37).
14 *Рындзюнский П. Г.* Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. М., 1983, с. 21.
15 Отчет по мелкому кредиту за 1910 и 1911 гг., с. 46—47.
16 Вестник сельского хозяйства, 1900, № 28.
17 Сельскохозяйственный журнал, 1897/1898, № 7, с. 46.
18 *Прокопович С. Н.* Указ. соч., с. 23.
19 *Григорьев М. И.* Мелкий кредит в Ярославской губернии. Ярославль, 1912, вып. 2, с. 99, 104.
20 Вестник мелкого кредита, 1913, № 38, с. 1340.
21 *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. М., 1916, с. 378.
22 Вестник мелкого кредита, 1913, № 13, с. 478.
23 Там же, № 24, с. 874.
24 Вестник кооперации, 1915, № 5, с. 50.
25 Первый Всероссийский съезд кооперативных учреждений, 16—21 апреля 1908 г. в Москве. Секция мелкого кредита. М., 1908, с. 14—15.
26 Вестник кооперации, 1916, № 4. с. 24.
27 Вестник мелкого кредита, 1913, № 6, с. 189.
28 Сибирское сельское хозяйство, 1915, № 1, с. 16.
29 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 225.

В. Я. Гросул

Российско-балканские революционные связи в странах Западной Европы в 1883—1895 гг.

Налаживание и укрепление сотрудничества российских и балканских революционеров в конце XIX в. происходило не только в России и Балканских странах, но и в странах Западной Европы. Ко времени основания первых российских марксистских организаций, т. е. к 1883 г., уже имелись определенные традиции этого сотрудничества: создание совместных кружков, организаций, проведение объединенных революционных акций, не говоря об отдельных фактах взаимной помощи революционеров различных стран Юго-Восточной Европы и России[1]. Период 1883—1895 гг. характеризуется налаживанием связей первых русских и балканских марксистов, прежде всего на территории Западной Европы.

В 80-х годах создаются новые славянские общества в Швейцарии и Франции. О Славянском социалистическом клубе в Цюрихе известно, что он возник в середине 80-х годов и объединял преимущественно студенческую молодежь — болгар, сербов, поляков и русских[2]. В литературе высказано предположение, что клуб явился продолжением Славянской секции Интернационала, существовавшей в начале 70-х годов[3]. Однако Славянская секция просуществовала лишь в 1872—1873 гг.[4], и ни один из членов этой секции не вошел затем в состав Славянского социалистического клуба. Не было между

ду этими двумя межславянскими организациями и идейной преемственности, поскольку Славянская секция начала 70-х годов в основном придерживалась теоретических воззрений М. А. Бакунина, тогда как в рамках клуба имелись и многие последователи социал-демократии. Собрания клуба посещал даже Э. Бернштейн — в то время один из лидеров немецких социал-демократов, еще полностью не порвавший с революционным марксизмом. Был связан с клубом и Г. В. Плеханов.

Сохранилось письмо Г. В. Плеханова секретарю Славянского социалистического клуба от 5 января 1886 г., посланное из Женевы в Цюрих. Оно было ответом на письмо секретаря клуба, обращавшегося к Плеханову с просьбой о высылке его сочинений по социальному вопросу. Поскольку экземпляров легальных произведений у Г. В. Плеханова уже не осталось и попытка их достать не увенчалась успехом, то он сообщил секретарю клуба следующее: «Мне остается поэтому послать Вам издания группы „Освобождение труда“ и уверить Вас в моей полной готовности служить Вашему делу, насколько позволяют мне мои силы и обстоятельства. Всякая просьба и всякое поручение „Клуба“ будут исполнены мною с величайшим удовольствием»[5].

Славянский социалистический клуб в Цюрихе был важным центром пропаганды социалистических идей в среде студенческой молодежи, обучавшейся в Цюрихском университете. Многие собрания клуба носили оживленный характер, выливаясь в дискуссии по важнейшим проблемам развития природы и общества. Собрания эти посещали не только выходцы из славянских стран, но и деятели социалистического движения других национальностей. Это была важная школа интернационального воспитания, помогавшая укреплению связей молодежи, приехавшей из России, со студентами из среды южных славян, способствовавшая укреплению российско-балканского революционного содружества.

Важными событиями, наложившими неизгладимый отпечаток на деятельность клуба, были объединение княжества Болгарского и Восточной Румелии и последовавшая затем сербско-болгарская война. Русская политическая эмиграция в Швейцарии целиком стала на сторону Болгарии, и уже в ноябре 1885 г. «Общее дело» помещает объявление под названием «Для раненых болгар», где предлагалось посылать различные пожертвования для санитарных отрядов по адресу Русской библиотеки в Швейцарии[6].

В следующем номере «Общего дела» дается информация под названием «Отъезд болгарских студентов». В ней подробно рассказывалось о проводах, устроенных молодежью разных стран болгарским студентам, обучавшимся в Швейцарии и уезжавшим на родину. Проводы, организованные Славянским социалистическим клубом, превратились в яркую революционную демонстрацию сторонников правого дела болгарского народа. В этой демонстрации участвовало примерно 200 человек — русских, поляков, швейцарцев, немцев и сербов. От имени русских революционеров выступил Игнатий Каренин, вместе с двумя товарищами передавший болга-

рам ленту с надписью: «В знак симпатии к новой Болгарии от имени секции русской „Народной воли“». Подробных данных о биографии И. Каренина в литературе нет. Кроме тех сведений, которые сообщает о нем «Общее дело», насколько нам известно, у исследователей других материалов о нем не имеется. Не исключено, что имя Каренина в действительности было революционным псевдонимом кого-то из русских эмигрантов или революционно настроенных студентов, обучавшихся в Швейцарии. На демонстрации выступали болгары, немцы, русские. Эти выступления свидетельствовали об их стремлении к тесному сотрудничеству. Болгарские добровольцы подчеркивали, что едут сражаться не против Сербии, а против ее короля и правительства, а И. Каренин подчеркнул неразрывную связь между свободной Болгарией и свободной Россией [7].

Деятельность Славянского социалистического клуба в Цюрихе получила отражение в ряде работ, опубликованных в СССР и за рубежом [8], а также в некоторых архивных материалах, несколько дополняющих те сведения, которые приводятся в литературе. Так, 11(23) августа 1887 г. И. Дембо писал об этом клубе Э. И. Гордон, с которой они входили в 1886 г. в виленский народовольческий кружок [9]. И. Дембо назвал его «Славянским социалистическим клубом» и отмечал, что клуб получает 15 социалистических и анархических газет и журналов на немецком, французском, английском, еврейском, польском и датском языках и почти все бесплатно [10].

Персональный состав членов клуба и его посетителей в исследовательской литературе не получил подробного отражения. Д. Благоев подчеркивал, что представителем болгарской секции в клубе (называет его «Славянското дружество» — «Славянское общество») был Д. Бакырджиев [11]. Цель этого общества, по словам Д. Благоева, заключалась в развитии славян в социалистическом направлении. Подробных данных о составе клуба пока выяснить не удается, но не вызывает сомнения социалистическая направленность работы клуба, хотя не совсем ясно, было ли там доминирующим социал-демократическое течение или значительную часть членов клуба составляли сторонники допролетарского социализма. Тот факт, что на проводах болгарских добровольцев не было представителей группы «Освобождение труда», дал основания некоторым специалистам сделать вывод об особой позиции членов группы, которые, по-видимому, «и тогда чувствовали неприемлемый для них оттенок в национально-революционных выступлениях болгар» [12]. Однако для таких отчетливых выводов у нас нет достаточных оснований. Проводы состоялись в ноябре 1885 г., а письмо Г. В. Плеханова датируется 5 января 1886 г. и свидетельствует о лояльности руководителя группы «Освобождение труда» к Славянскому социалистическому клубу.

Кроме Славянского социалистического клуба, в литературе отмечается еще одно сообщество в Цюрихе, носившее, по всей вероятности, многонациональный характер. Речь идет о «Балканской

федерации» — обществе, упоминавшемся Д. Благоевым и, по его словам, породившем шум в болгарской прессе. Он писал, что Д. Бакырджиев был одним из инициаторов создания этого общества в Цюрихе [13], но ни точного состава его, ни программных установок пока в литературе нам встретить не удалось. Неизвестно и отношение к нему русских революционеров.

Примерно столь же ограниченную информацию мы имеем и о Славянском обществе в Париже. 12(24) января 1890 г. в письме к П. Л. Лаврову Н. Габровский сообщал следующее: «Я не знаю, существует ли еще „Славянское общество“ в Париже, которое во время выставки устраивало собрания, и сделало ли оно хоть что-нибудь...» [14].

Поиски достоверных материалов о деятельности межславянских обществ 80—90-х годов еще предстоят исследователям, но не подлежит сомнению, что те три общества, о которых мы упомянули, были причастны к социалистическому движению и в них задачи национального освобождения тесно переплетались с требованиями социального переустройства на социалистических началах. Во всяком случае, Д. Бакырджиев, один из первых болгарских марксистов, навряд ли тогда вошел бы в состав не только Славянского социалистического клуба, интерес членов которого к социалистической идеологии не подлежит сомнению, но и в состав общества «Балканская федерация». По-видимому, социалистический уклон имело и Славянское общество в Париже. Иначе Н. Габровский не стал бы проявлять к нему такой интерес и обращать на его деятельность внимание П. Л. Лаврова.

Стремление к созданию различных славянских, балканских и прочих подобного рода межнациональных групп выходцев из Балканских стран сохранилось и в 80—90-х годах. Идея балканской федерации, уходящая своими корнями в прошлое, получила одобрение и первых балканских марксистов, придавших ей, естественно, другое толкование. Д. Благоев и его соратники — балканские марксисты считали, что федерация будет построена на социалистических основаниях, и эта идея получила поддержку русских революционеров. О том, что балканские студенты, обучавшиеся на Западе, стремились поддерживать крепкие связи между собой и одновременно укрепляли их с русскими революционерами-эмигрантами, свидетельствует примечательное письмо группы румынских и болгарских учащихся, подписанное от их имени Н. Васильевым. Письмо было послано П. Л. Лаврову из Берлина 1(13) июня 1893 г. по случаю дня рождения русского революционера. Представители румынской и болгарской революционной молодежи (так называют себя авторы письма), поздравляя Лаврова, подчеркивали: «Это мы делаем не только ввиду интернациональной солидарности борцов пролетариата, но и ввиду тех конкретных для нас благ, той умственной и нравственной пищи, которой мы обязаны русской литературе, русским передовым людям. Среди них Вы по справедливости занимаете первое место; не будь Вас и Ваших товарищей по литературе и общественной деятельности,— кто знает? — может быть,

интеллигенция Болгарии и Румынии и до сих пор бы пребывала в потемках» [15].

Приветствие, направленное Лаврову, носило панегирический характер, но оно интересно не только добрыми чувствами к русскому эмигранту, но и тем, что даже в Берлине, где российская революционная эмиграция не имела сколько-нибудь заметных позиций, балканские студенты ощущали влияние русских передовых идей.

Важной формой сотрудничества русских и балканских социалистов было совместное участие в различных международных социалистических форумах, прежде всего в конгрессах II Интернационала, которых в рассматриваемое время было три — в 1889 г. в Париже, в 1891 г. в Брюсселе и в 1893 г. в Цюрихе. На этих конгрессах не только происходило личное общение представителей русских революционеров и балканских социалистов, но и вырабатывалась общая линия поведения, продумывались и принимались единые программные и тактические установки, происходил обмен мнениями не только в процессе заседаний, но и между ними [16].

При этом, что совместное участие в организациях, а также в конгрессах играло значительную роль в российско-балканском сотрудничестве революционеров, двусторонние связи между революционной Россией и представителями отдельных Балканских стран продолжали играть доминирующую роль в контактах между ними. Особенно важную роль в рассматриваемое время в российско-балканском революционном содружестве имели контакты первых русских марксистов с балканской социалистической молодежью. Это хорошо прослеживается по тем связям, которые наладили на Западе члены группы «Освобождение труда» и болгарские студенты, многие из которых стали горячими последователями Г. В. Плеханова. Г. Бакалов впоследствии писал: «Плеханов, должно быть, видел в болгарах одних из первых своих верных учеников» [17].

В числе первых болгар, обучавшихся в Швейцарии и установивших контакт с группой «Освобождение труда», был уже упоминавшийся Д. И. Бакырджиев. Бывший учащийся реального училища в Николаеве, Д. Бакырджиев поселяется в Цюрихе в 1884 г. и вместе с другими болгарскими студентами организует болгарскую социалистическую группу «Рало» («Соха»), установившую связь с группой «Освобождение труда». В начале 90-х годов вокруг Г. В. Плеханова образовался тесный круг из молодых болгар, в который входили С. Балабанов, С. Ноков, Г. Бакалов, И. Кутев и другие болгарские студенты, обучавшиеся в Швейцарии [18]. В письмах С. Балабанова, отправлявшихся из Швейцарии в 1890—1891 гг. друзьям в Болгарию, подробно рассказывается о встречах с Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, упоминается работа П. Б. Аксельрода о рабочем движении и пр. [19].

Г. В. Плеханов читал болгарским студентам специальные лекции, выступал перед ними на митингах, проводил индивидуальную работу. Например, 14 марта 1893 г. члены болгарского социалистического клуба организовали вечер воспоминаний по случаю 10-летней годовщины со дня смерти К. Маркса. Одним из участников этого

интернационального вечера был Г. В. Плеханов, выступивший с докладом о философии К. Маркса. Он же выступил и на могиле С. Балабанова в том же 1893 г. [20], отдавая должное одному из самых первых болгарских марксистов.

Большое внимание уделял Г. В. Плеханов болгарской молодежи в Швейцарии и в процессе острой борьбы против народничества. Член болгарского социал-демократического кружка в Женеве С. Ноков вспоминал о докладах Г. В. Плеханова, где развивались идеи материалистического понимания истории: «Он говорил с пафосом, разбивая идеалистические взгляды русских народников. Когда Плеханов говорил, он был подобен тигру, который с выпущенными когтями и острыми зубами нападал на противников, защищая идеи наших учителей научного социализма, Маркса и Энгельса» [21]. Г. В. Плеханов читал болгарам и приезжим из России специальные лекции по политической экономии [22]. Весной 1894 г. он выступил перед собранием болгарских студентов в Женеве с докладом «Карл Маркс о русской общине». Это было продолжением его борьбы с народничеством за влияние на балканских, в данном случае болгарских, социалистов. Г. В. Плеханов в этом реферате выступил не только против Н. К. Михайловского как видного народнического лидера, но и против В. К. Дебогория-Мокриевича (выступавшего в Болгарии под псевдонимом Прокопьев) как одного из руководителей не только российской народнической эмиграции в Болгарии, но и как видного болгарского публициста народнического направления.

Г. В. Плеханов приводит в данном реферате те же аргументы, что и в борьбе с российскими народниками: пролетариат имеется не только в России, но и в Болгарии и вслед за Марксом развивает идеи об исторической роли пролетариата. Он дает отпор противникам распространения марксизма в Болгарии, доказывавшим его нецелесообразность из-за экономической отсталости страны. Г. В. Плеханов приводил весьма веские и остроумные аргументы (сразу же взятые на вооружение его болгарскими сторонниками): «Если мы отстали, то нам не отпихивать надо марксизм, а именно торопиться распространять его; чем больше [будут] распространяться идеи Маркса, тем больше шансов скорее миновать, если не все, то многие из перипетий капитализма» [23].

Члены группы «Освобождение труда» поддерживали тесные связи не только с болгарскими студентами, находившимися в Швейцарии, но и с болгарскими социалистами, проживавшими в других странах Западной Европы. Об этом, например, свидетельствуют письма болгарских революционеров к В. И. Засулич и Г. В. Плеханову из Франции и Германии в середине 90-х годов. Примечательно, что в этих письмах содержались сообщения не только о событиях в Болгарии, в частности о том, как там распространяются сочинения Г. В. Плеханова, но и передавались также новости из России, полученные от их киевских товарищей [24]. Деятели российской революционной эмиграции получали информацию о событиях в России и от других болгарских социалистов. В Швейцарии обучались и были связаны с русскими революционерами-эмигрантами Х. Благоев,

родной брат Д. Благоева, Н. Габровский и другие активные участники болгарского социалистического движения. Х. Благоев, будучи арестован в 1889 г. в России, сообщал, что он был членом русской читальни в Цюрихе и имел возможность слушать рефераты Г. В. Плеханова[25]. Х. Благоев был связан не только с первыми русскими марксистами, но и с народовольцами, находившимися в Швейцарии. В литературе отмечено его знакомство с Г. Беком, И. Дембо[26] — известными народовольцами-восьмидесятниками. Многие из болгар, находившиеся на Западе, были лично знакомы с П. Лавровым. К нему направлял своего болгарского соратника П. Николова В. В. Луцкий, ряд лет проживший в эмиграции в Болгарии. Под влиянием П. Л. Лаврова первое время находился обучавшийся в Швейцарии Н. Габровский[27]. Более того, с Лавровым стремились встретиться не только болгарские социалисты, но и некоторые деятели либерального направления. Так, с ним дважды встречался публицист Д. Ризов, причем первая личная встреча состоялась в Париже в 1891 г.[28]

Сотрудничество русской революционной эмиграции с болгарской молодежью в странах Западной Европы способствовало заметному теоретическому росту болгарских студентов, переходу многих из них на позиции марксизма. Это сотрудничество также оказало значительное воздействие на распространение марксизма на Балканах, в частности на публикации в Болгарии, а также в Румынии и Сербии сочинений первых русских марксистов, прежде всего Г. В. Плеханова[29]. В свою очередь, и болгарская молодежь оказывала заметную помощь деятелям российской революционной эмиграции. Она способствовала укреплению связей русских революционеров, находившихся в Западной Европе, с Балканскими странами, в том числе с проживавшими в этих местах русскими революционными эмигрантами. Болгарская социалистическая молодежь, обучавшаяся в Швейцарии и других странах Запада, помогала русской революционной эмиграции и в налаживании связей с Россией, организуя пересылку туда литературы и переправку отдельных революционеров. Через студентов-болгар, обучавшихся в различных высших и средних учебных заведениях России, шло снабжение русской эмиграции свежими сведениями о событиях в стране.

Значительное место во взаимоотношениях русских и болгарских революционеров занимали и вопросы организации материальной помощи отдельным революционерам, налаживания революционных изданий (проблема, еще недостаточно изученная в литературе). Известно, что в этой области первые русские марксисты, проживавшие в Швейцарии, получали определенную помощь и от деятелей русской политической эмиграции, находившейся в Балканских странах. Материальную помощь они получали от Н. Судзиловского, В. Луцкого и др.[30] Интересно, что на издание органа русских социал-демократов в Швейцарии — сборника «Социал-демократ» в 1888 г. значительную денежную сумму намеревался выделить В. Луцкий, бывший в эмиграции в Болгарии, Румынии и Турции.

Эту сумму он предполагал заработать в Стамбуле, где собирался осуществить поднятие затонувшего судна[31].

О сотрудничестве болгарских уроженцев с российской революционной эмиграцией в странах Западной Европы имеется и ряд других материалов. Будучи в Париже в начале 90-х годов, с русскими революционерами был связан Параскев Стоянов (впоследствии видный болгарский медик и общественный деятель), разделявший в то время анархистские взгляды[32]. Известные связи поддерживали с народовольцами в Париже и деятели болгарской политической эмиграции, занимавшие антистамболовские позиции[33]. Этот вопрос еще нуждается в дополнительном исследовании, так же как и связи народовольцев с выходцами из тех славянских районов Балканского полуострова, которые еще входили в состав Османской империи[34].

Кроме членов группы «Освобождение труда», а также представителей различных народнических кружков, существовавших в эмиграции, болгарские деятели, находившиеся на Западе, поддерживали связи и с такими представителями российской политической эмиграции, как М. П. Драгоманов. Но с ним, как правило, сотрудничали те выходцы из Болгарии, которые находились на позициях радикализма и либерализма[35]. Проявлял М. Драгоманов интерес и к сербам, в частности, в начале 80-х годов он получил сербскую социалистическую газету «Радник», издававшуюся сербскими социалистами во главе с Митой Ценичем, и выразил пожелание обмениваться с ее редакцией литературой[36].

Кроме болгар, русские революционеры в нескольких странах Западной Европы наладили контакты с сербской молодежью. Известно, что в Париж к Л. А. Тихомирову, тогда еще одному из руководителей народовольцев, приезжал видный сербский социалист Е. А. Кочович. Он был выслан из России за участие в революционном движении в декабре 1881 г.[37], а его встреча с Л. А. Тихомировым произошла через три года, 21 декабря 1884 г.[38] Судя по воспоминаниям Тихомирова, он в Париже познакомился с несколькими сербскими деятелями. В январе 1888 г. состоялось знакомство его с сербским литератором, представителем радикальной партии, находившимся в эмиграции, Свилокошичем[39]. Возможно, этот Свилокошич был родственником Силокошича, известного участием в деятельности Славянской секции Бакунина в начале 70-х годов[40]. 1 января 1888 г. Свилокошич пришел к Л. Тихомирову еще с одним сербом — П. Маринковичем[41].

Швейцария и Франция были двумя основными странами, где на Западе русские революционеры поддерживали тесные связи с болгарскими и сербскими студентами. Хотя и в меньшей степени, подобные связи налаживались и в других странах. Так, Г. М. Тищенко, активный участник русского революционного движения, обучался в Мюнхене, где сблизился с хорватом Косичем. В начале 80-х годов Косич выехал в Россию, где Тищенко вновь с ним встречался в Харькове и получал от него материальную поддержку. Г. Тищенко называл Косича своим товарищем по Мюнхену. Из-

вестно, что он, член «Черного передела», не был единственным русским революционером, связанным с Косичем. Косич был также близок к В. И. Малкину, русскому студенту-революционеру, учившемуся в Мюнхене. Вместе с В. Малкиным они прибыли в Россию, а затем оба привлекались к дознанию в Киеве по причине политической неблагонадежности [42].

Сотрудничество русских революционеров с югославянами наблюдается и в других странах, например на территории Австро-Венгрии. Любопытно, что осенью 1884 г. было отмечено распространение в южнославянских областях Австро-Венгрии одной из революционных брошюр В. Пелагича, на титульном листе которой было напечатано: «Вена, типография Шевченко, 1884 г.»[43]. И хотя подобной типографии в столице Австро-Венгрии не было, этот случай свидетельствовал о том авторитете, которым пользовался знаменитый украинский поэт и среди сербского населения империи. Результатом сотрудничества с сербскими товарищами за рубежом было использование сербских паспортов для проезда русских революционеров в Россию. Такие паспорта были получены на имя Д. М. Лжурича, С. Куницкого [44] и др.

В странах Западной Европы русские революционеры имели контакты и с прогрессивными деятелями румынского общества, прежде всего с социалистами. Л. А. Тихомиров, вспоминая о тесных связях с румынскими социалистами, которые оказывали ему и материальную помощь (например, К. Доброджану-Геря), называл имя Радовичей. Он писал: «В мире более или менее социалистическом у меня оставались такие друзья, как Радовичи» (румыны) [45]. Еще тогда, приблизительно в 1887 г., Л. Тихомиров отмечал сомнения старшего Радовича, которые впоследствии привели в лагерь противников социализма как его, так и самого Л. А. Тихомирова.

Примерно в это же время во Францию переезжает и видный румынский журналист Г. Пану, подвергшийся за свои антимонархические взгляды преследованиям румынских властей. В июне 1887 г. агентура доносила, что в Париже Г. Пану «находится в близких сношениях с русскими эмигрантами, проживающими там же» [46]. В Париже находились и другие румынские демократы, по-видимому поддерживавшие контакты с русскими эмигрантами. К ним относится, например, румынский социалист М. Сэулеску, адресат известного деятеля румынского социалистического движения К. Милле [47]. Среди адресатов П. А. Кропоткина известен румын А. Эреско [48]. На Западе обучались румынские социалисты П. Бужор и Д. Войнов, которые были лично знакомы с Г. В. Плехановым, сестры Иримеску, выступившие посредниками между Плехановым и Доброджану-Геря [49].

Российско-балканские революционные связи в странах Западной Европы пока еще изучены очень слабо. Но и тот круг материалов, который удалось выявить, свидетельствует об усилении сотрудничества русских и балканских социалистов в 80-х — первой половине 90-х годов.

[1] *Гросул В. Я.* Межславянские революционные общества начала 70-х годов XIX в.— В кн.: Из истории экономической и общественной жизни России. М., 1976.
[2] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1926, т. 1, с. 216.
[3] Там же; Очерки революционных связей народов России и Польши, 1815—1917. М., 1976, с. 265.
[4] *Гросул В. Я.* Межславянские революционные общества..., с. 228—233.
[5] Переписка Г. В. Плеханова..., с. 217.
[6] Общее дело, 1885, ноябрь, № 79, с. 16.
[7] Общее дело, 1885, декабрь, № 80.
[8] *Бакалов Г.* Русская революционная эмиграция среди болгар.— Каторга и ссылка, 1930, № 4 (65), с. 131; *Веков А.* Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България. София, 1978, с. 50.
[9] Деятели революционного движения в России. М., 1934, т. 3, вып. 2, с. 900.
[10] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 83, д. 335, ч. 2, л. 71 в.
[11] *Благоев Д.* Димитър Иванчев Бакърджиев.— Благоев Д. Съч. София, 1957, т. 1, с. 377.
[12] Переписка Г. В. Плеханова..., примеч., с. 217.
[13] *Благоев Д.* Соч., т. 1, с. 378.
[14] *Поглубко К. А.* Новые документы о связях П. Л. Лаврова с болгарами (80—90-е годы XIX в.).— В кн.: Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977, с. 172.
[15] Там же, с. 173.
[16] История Второго Интернационала. М., 1965, т. 1, с. 200—204, 330—334 (Авторы разделов М. А. Бирман и В. Н. Виноградов).
[17] *Бакалов Г.* Г. В. Плеханов в Болгарии.— В кн.: Летописи марксизма. М.; Л., 1928, т. 5, с. 46.
[18] *Ноков С.* Студентски спомени от Женева (1889—1894).— Исторически преглед, София, 1956, № 4; *Бакалов Г.* Г. В. Плеханов в Болгарии, с. 47.
[19] Партархив ЦК БКП, ф. 187 (С. Балабанова), оп. 1, д. 10, л. 4, 4 об., 14, 15.
[20] *Бакалов Г.* Г. В. Плеханов в Болгарии, с. 46.
[21] *Христов А.* Г. В. Плеханов и българските социалисти.— Известия на Института по история на БКП при ЦК на БКП. София, 1957, № 1/2, с. 413; *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России, 1883—1894 гг. М., 1959, с. 261.
[22] Группа «Освобождение труда»: (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч)/Под ред. Л. Г. Дейча. М., 1924, сб. 2, с. 156—157.
[23] Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1937, сб. 4, с. 41.
[24] Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1926, сб. 4, с. 275—276; Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1928, сб. 6, с. 135.
[25] *Шнитман А. М.* Развертывание Д. Н. Благоевым марксистской пропаганды в Болгарии во второй половине 80-х годов XIX столетия и русское освободительное движение. Мурманск, 1960, с. 78.
[26] Деятели революционного движения в России. М., 1933, т. 3, вып. 1, с. 311.
[27] *Гинев Ф.* Никола Габровски: Биогр. очерк. София, 1972.
[28] *Поглубко К. А.* Из истории российско-болгарских общественных и революционных связей (последняя четверть XIX в.). Кишинев, 1979, с. 77.
[29] *Бужашки Е.* Д. Благоев и победата на марксизма в българското социалистическо движение 1885—1903 гг. София, 1960; *Бирман М. А.* Формирование и развитие болгарского пролетариата. 1878—1923 гг. М., 1980; *Дмитријевић С.* Социалистичке радничке организације у Србији на крајy XIX века. Београд, 1953; *Dobre Gh.* Despre legăturile socialistilor români cu organizaţia marxistă rusă «Eliberarea muncii» — Studii de istorie a gindirii economice, Bucuresti, 1970, N 9.
[30] Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1925, сб. 3, с. 69—81, 227; О пребывании Н. И. Кулябко-Корецкого в Болгарии см.: ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 90, д. 563, л. 153—159; 222—223 об.
[31] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 91, д. 1054, ч. 1, л. 14—14 об.
[32] Там же, д. 22, ч. 84, л. 5.
[33] Там же, д. 745, л. 1 об., 21—22, 25, 25 об.
[34] *Gaucher R.* Les terroristes. Paris, 1965, p. 188.
[35] *Поглубко К. А.* Из истории..., с. 122—135.

[36] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 82, д. 890, л. 55.
[37] Е. А. Кочович: Деятели революционного движения в России.— Там же, ф. 533, оп. 1, д. 1231.
[38] *Тихомиров Л.* Воспоминания. М.; Л., 1927, с. 87.
[39] Там же, с. 212.
[40] См.: *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859—1874 гг.). Кишинев, 1973, с. 438.
[41] *Тихомиров Л.* Указ. соч., с. 217.
[42] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 82, д. 886 (1886 г.), ч. 1, л. 3, 3 об.; ч. 2, л. 45.
[43] Там же, оп. 79, д. 852, л. 59.
[44] Деятели революционного движения в России, т. 3, с. 1140.
[45] *Тихомиров Л.* Указ. соч., с. 295.
[46] ЦГАОР СССР, ф. 102, 3-е д-во, оп. 83, д. 310, л. 25.
[47] Там же, л. 10 об.
[48] Там же, ф. 112, оп. 2, д. 2881, л. 1. В архиве П. А. Кропоткина хранится также часть работы К. Доброджану-Геря «Чего хотят румынские социалисты» (на рум. яз.).
[49] *Haupt Gh.* Date privind legăturile lui G. V. Plehanov cu Romînia.— Analele Romîno-sovietice. Seria istorie, Bucuresti, 1956, N 4, p. 139.

Г. И. Щетинина

Революционная публицистика 80-х — начала 90-х годов XIX в. о положении русского крестьянства[1]

Крупнейший производительный класс — крестьянство, на состоянии которого отражались социально-экономические противоречия пореформенной России,— привлекал внимание революционеров.

В историческом споре марксистов с народниками о характере социально-экономического развития страны после падения крепостного права аграрно-крестьянский вопрос приобрел значительную актуальность. Капитализм вызывал в сельском хозяйстве медленный и мучительный процесс распадения крестьянства на антагонистические классы — буржуазию и сельский пролетариат. Тяжелое экономическое положение крестьянских масс, опутанных кабалой, долгами, дополнялось политическим гнетом и гражданской неполноправностью. Крестьянство оставалось низшим «податным» сословием, поставленным в зависимость от общины и круговой поруки, под опеку дворянства и бюрократии. Закон 1889 г. о земских начальниках еще более ограничил права крестьян[2]. В работах либеральных народников сам факт развития капитализма в русской деревне отрицался или подвергался сомнению[3]. В 80-е годы выразителей идей крестьянской демократии — революционных народников продолжало волновать, «должна» ли Россия пройти через капиталистическую фазу развития.

Для марксистов подобный подход был неприемлем. Г. В. Плеханов по-иному поставил этот вопрос, он впервые применил теорию научного социализма при анализе общественных отношений в России и доказал, что капитализм в России уже развивается. Он подверг изучению реальные экономические связи, противопоставив надеждам народников на «общинный социализм» полемически заостренный вывод об общине как основе деспотического правления. Книга «Наши разногласия» вызывала острые споры в революционных кругах, хотя и возмущенным народникам была не чужда смутная неудовлетворенность утопичной народнической программой. Жизнь подрывала основы субъективно-идеалистических воззрений. Беспощадный реализм русской художественной литературы также обнажал «всероссийское расстройство». Л. Н. Толстой обличал капитализм с позиции вечных принципов нравственности, вскрывая то, что еще «только укладывается» в пореформенной деревне. Г. И. Успенский, отвергая капитализм, обращался к нравственным началам крестьянской жизни, побуждая глубже взглянуть на подлинность воспетых народниками «устоев». Община стала объектом эксплуатации кулаков, а крестьянин-бедняк низведен до положения «живой дроби», владевшей «четвертью лошади». Успенский в художественном образе обобщил антинародную сущность капитализма — «быть дробью...— удел всякого живого существа в строе современной купонной жизни»[4].

Споры, сомнения, разочарования в революционном лагере, естественно, не могли привести и не привели к сближению различных в своей основе точек зрения. Понадобились еще значительные усилия и время, чтобы не только пробить брешь в народнической теории, препятствовавшей научной оценке положения трудящихся масс, но и обосновать пути их освобождения. Это всегда было сущностью идейной жизни революционного лагеря России.

В. И. Засулич возражала против представлений о научном социализме как о теории, с которой связывалась необходимость для каждого народа пройти через все этапы развития к капитализму западноевропейского типа. Она полагала, что заимствования под влиянием Западной Европы как раз и исключали возможность повторения нашей страной фаз, пройденных Англией и Францией. В своей первой марксистской работе «Предисловие к книге Ф. Энгельса „Развитие социализма от утопии к науке“» (она вышла в переводе В. И. Засулич под названием «Развитие научного социализма». Женева, 1884) В. И. Засулич утверждала историзм, рассматривая экономические явления, основные в истории, как материал «беспрерывно изменяющийся, различный в каждой стране и для каждого поколения данной страны». В России того времени существовали банки, фабрики, железные дороги наряду с домашними ремеслами, сельской общиной. Ближайшее будущее за капитализмом. Разложение общины неотвратимо. Но по представлениям марксистов того времени социалистическая революция на Западе положила бы предел капитализму в России, предотвратила бы окончательную гибель общины. Более того, при отсутствии в русском крестьянстве глубо-

ких традиций частной земельной собственности, при живучести коллективистских представлений о земле как о народном достоянии остатки общинных учреждений, по мнению В. И. Засулич, могли бы «облегчить переход земли во владение всего общества» [5].

Первые марксисты стремились изучить реальные процессы социально-экономической жизни деревни. Один из руководителей московского общества переводчиков и издателей — В. Т. Распопин проанализировал некоторые стороны развития капитализма в сельском хозяйстве. Рукопись статьи «Крестьянское хозяйство Подольского уезда» была обнаружена при его аресте 16 ноября 1883 г. В ссылке Распопин расширил работу, она была опубликована в «Юридическом вестнике» [6]. В. И. Ленин высоко оценил исследование В. Т. Распопина, использовав его данные в своем труде «Развитие капитализма в России» [7]. В воспоминаниях А. И. Ульяновой-Елизаровой упомянуто о работе Н. Е. Федосеева по истории падения крепостного права в России. Написанная с марксистских позиций, работа по отзывам всех читавших была «чрезвычайно интересным и в высшей степени основательным трудом». В ссылке он, как Л. Б. Красин, М. А. Сильвин и другие марксисты, продолжал изучать положение трудящихся в России [8].

Во внутреннем обозрении «Социал-демократа» 1888 г. Г. В. Плеханов подверг анализу значительный фактический материал о расслоении крестьянства, о положении общины, крестьянских переселениях и кустарных промыслах. Он, в частности, отметил характерное явление на примере Смоленской губернии, где в 80-х годах стали часты случаи досрочного выкупа крестьянами своих наделов. Выкупы крестьянских земель вели, по мнению Г. В. Плеханова, в конечном счете к разложению и гибели общины [9]. В действительности община оказалась еще достаточно жизнеспособной, просуществовав до Великого Октября.

В декабре 1890 г. Плеханов писал о торжестве капитализма в сельском хозяйстве и о крушении «устоев»: «Надел не кормит крестьянина. Крестьянин бросает его, стряхивает с себя „*власть земли*“ и несет свою рабочую силу на рынок, поступая под *власть капитала*». Развитие русского капитализма вело, как и везде, к «экспроприации мелких самостоятельных производителей, к росту пролетариата...» [10].

Ставшее к началу 90-х годов очевидным для всех разорение крестьян, их бессилие перед неурожаями подтвердило еще раз глубину анализа социально-экономического развития России, сделанного первыми марксистами, плодотворность марксистского метода вообще. Мрачная полоса голода и эпидемий, постигшая в 1891—1892 гг. многомиллионное крестьянское население, раскрыла всю глубину нищеты, бесправия, темноты и эксплуатации крестьянских масс.

Голод оказывал влияние и на демографические процессы. При сравнении средних показателей смертности населения за 1888—1890 гг. в официальных данных зафиксировано: в 1891 г. умерло на 134 360, а в 1892 — на 635 393 человека больше. Рождаемость в

1892 г. уменьшилась на 845 022 человека. В 1891—1892 гг. 157,5 тыс. человек погибли от холеры [11]. Грозно возникла перспектива вырождения народа. Правящие круги были застигнуты врасплох. Чего стоит утверждение полицейского отчета за 1891 г. «о настоящем сравнительно благополучном положении вещей» [12]. Опасения волнений, эпидемий, постоянных спутников голода, фискальные соображения вынудили правительство Александра III принять некоторые меры. На помощь голодающему населению было истрачено 162,5 млн. руб.[13] В 1891 г. был также утвержден особый комитет под председательством наследника-цесаревича (будущего Николая II), деятельность которого была также направлена на смягчение, а не на предотвращение в будущем голодания народа. Учреждение основывалось на бесперспективной в подобных условиях благотворительности, «на святом деле христианского милосердия». В определениях Синода от 21 августа и 4 сентября 1891 г. рекомендовались «пение и молитвы», церковный кружечный сбор в пользу пострадавших от неурожая, монастырям и церквам предписывалось «питать неимущих», открывать бесплатные столовые при архиерейских домах и церквах, приюты «для детей без крова и пропитания». Выдавали пособия нуждавшимся «без различия вероисповедания». Причем особое внимание уделялось детям. Благотворительная помощь была несоизмерима с размерами народного бедствия и не могла улучшить положение крестьян. К тому же и сборы по духовному ведомству были прекращены уже с 1 июня 1892 г. Более определенно царизм проявил свою позицию в противодействии организации общественной помощи голодающим. В этом отношении он, по определению В. И. Ленина, вел не борьбу с голодом, а борьбу с голодающими.

Народные бедствия стимулировали оппозиционные настроения передовой интеллигенции, начавшей осознавать их связь с политическим строем. Полицейское правительство препятствовало всякому соприкосновению с народом независимой и честной интеллигенции, правдивому и смелому слову, прямо обращенному к народу. Одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовлетворении нужды была равносильна агитации против царизма, ибо «народ видит, что частные благотворители искренне хотят ему помочь, а чиновники царя мешают этому, урезывают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д.» [14]. Даже доклад П. А. Фальборка о голоде, представленный в Вольное экономическое общество, был встречен властями с неприязнью [15]. Студенты и курсистки работали на селе врачами, фельдшерами, санитарами, открывали для крестьян читальни, библиотеки, столовые, распространяя в народе произведения Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, Н. К. Михайловского и др. Движение демократической молодежи по поднятию уровня образования народа путем мирной пропаганды в либерально-народническом духе рассматривалось в верхах как «борьба с правительством на легальной почве» [16]. Самоотверженность и энергия студентов-медиков были отмечены в официальном отчете министра народного просвещения. Отчет не отразил другой сторо-

ны — гибели молодых энтузиастов во время холерных беспорядков. «Да, нас отравляют,— заявлялось в прокламации „От рабочих-социалистов", распространявшейся в Орехово-Зуеве летом 1892 г.,— но не студенты, а хозяева-фабриканты, заставляя работать по 14 часов в сутки...» [17]. Н. Е. Федосеев в письме от 31 декабря 1893 г. П. В. Баланюву писал о «духе законов» самодержавия («поддерживают всякое невежество, между прочим и то, которое порождает холерные беспорядки») [18].

Л. Н. Толстой на личные средства открыл столовые для голодающих в Рязанской губернии, привлек для этой работы студентов, местную интеллигенцию. Его деятельность вызвала злобную травлю реакции. Именно в это время возникла мысль заключить великого гуманиста в тюрьму Суздальского монастыря [19]. В. И. Ленин привел определение Л. Н. Толстым продовольственной политики самодержавия: «В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что „паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается"» [20]. В тяжелый для России и русского народа год Толстой пришел к убеждению, что жизнь не может продолжаться в старых формах. «Внешней беды нет, а все беды внутренние. Какая будет развязка, не знаю,— писал он Г. А. Русанову 31 мая 1892 г.,— но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может,— я уверен» [21]. Статья Толстого «Страшный вопрос», в которой он спрашивал, хватит ли в России хлеба до новой жатвы, вызвала значительный общественный резонанс. По мнению Плеханова, сущность дела заключалась отнюдь не в количестве запасов хлеба. Действительно страшный вопрос, хватит ли денег у сельской и городской бедноты на покупку продовольствия («кто ничего не имеет, тот не может купить даже дешевого товара») [22].

Бедствия народа, явная неспособность царизма обеспечить борьбу с голодом активизировали деятельность народовольцев. В воззвании «От группы народовольцев» (1891—1896 гг.), в которую входили и убежденные народники и склонявшиеся к социал-демократии, в январе 1892 г. голод рассматривался как итог 10-летнего периода реакции и произвола. Создалось положение, писал автор прокламации А. А. Федулов, когда «революционеры силою вещей вызываются опять на историческую сцену», они должны «взять на себя инициативу дела» [23]. В типографии группы была напечатана статья-листовка Н. К. Михайловского 1892 г. (Свободное слово. «Миллионы голодных простирают сытым руки за помощью...»). Идеолог народничества видел выход в созыве выборного народного представительства, что вызовет «энтузиазм самоотвержения, который всегда спасал Россию» [24]. Конверты, в которых распространялись в Петербурге в конце 1891 — начале 1892 г. воззвания, были надписаны почерками революционных студентов: В. Отрошкевича, В. Шарого, А. Ризенкампфа. В кружок входили также студенты Петербургского университета Е. П. Радин, А. В. Виноградский и др. С именем писателя Н. М. Астырева [25] связано «Первое письмо к голодающим крестьянам», изданное «Группой народовольцев» в марте 1892 г. «Мужицкие доброхоты», подписавшие письмо, призывали народ на-

деяться не на царя, а на свои силы. Письмо убеждало крестьян отказаться от царистских иллюзий: «Ты окружен со всех сторон грабителями и лиходеями: урядника покрывает становой, станового исправник; помещику помогает земский начальник; поп дружит со становым; купец и кабатчик угощают и дарят станового, а всех их покрывает губернатор; губернаторы же все лично известны царю. Не думайте, что царь потому не помогает вам, что от него скрывают народную нужду. Да разве можно теперь скрыть народную нужду от ребенка, даже малого, а не то что от царя?». Автор письма доказывал неслучайность несчастий, обрушившихся на крестьян. Ведь и у помещиков неурожай, но они не голодают. При неурожаях «в других странах, у прочих народов... никогда там не едят лебеды, мякины и всякой дряни, никогда не режут лошадей и скот от бескормицы». Письмо призывало народ «столковаться с „доброхотами", как бы устроить, чтобы вас перестали грабить помещики, чиновники и царская казна» [26]. В. И. Ленин отмечал прокламации «крестьянских доброхотов» 1891 г., «справедливо указывавшие народу на его настоящего врага» [27].

Среди марксистов и народников в эмиграции наметилось единство в организации помощи голодающим. В Париже образовалось «Общество борьбы с голодом». В его воззвании доказывалось, что остановить разорение и вымирание народа возможно, уничтожив абсолютизм и бюрократический произвол. Комитет предполагал издание брошюр, прокламаций для распространения среди русского населения «истинных понятий о причинах теперешнего голода в частности и его векового голода вообще» [28].

Революционная и демократическая печать в России единодушно осудила помещичью версию событий, с которой выступил известный поэт А. А. Фет на страницах реакционных «Московских ведомостей». По «впечатлениям» от жизни крестьян своего имения Фет во всем обвинял народ: «обычный пьяный разгул в эту пору превзошел прежние годы», отказы работать на стройках — «мы не каторжные», заявления крестьян: «Я по миру отправлюсь и наберу рубль в день и лошадь накормлю, да еще и водочки выпью». Таким образом, на радость всем «мужиконенавистникам» правая печать представляла голодавших крестьян лентяями, пьяницами и попрошайками [29]. Обычная тактика власть имущих.

В своей работе «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин привел высказывание Скалдина (Ф. П. Еленева) о голоде 1868 г.: «На этот голод злорадно указывали крепостники, видя причину голода в распущенности крестьян, в отмене помещичьей опеки» [30]. В 1891 г. демократическая пресса отвергла обвинения Фетом крестьян в поджогах. «Мы не знаем,— бросил реплику Плеханов,— насколько гнусная ложь и беззастенчивая клевета мирятся с эстетикой г. Фета, но... *в его лице дворянство судило по себе*, оно мерило крестьян на аршин своих собственных дворянских склонностей к беспутному мотовству и пьянству» [31].

Г. В. Плеханов в январе 1892 г. определял голод как «всероссийское разорение». Он не ограничивал его только неурожаем

1891 г. Россия, по его мнению, не смогла оправиться еще со времени неурожая 1880 г. С тех пор на четыре урожайных года пришлось семь неурожайных лет, т. е. урожай стал счастливым исключением в жизни крестьян, подавленных бременем эксплуатации и налогов, а неурожай — явлением, «едва ли объяснимым одной засухой» [32]. Плеханов рассматривал бедствие всесторонне — как голод, засуху, пожары, гибель природы. Снижение покупательной способности населения подрывало внутренний рынок и грозило неизбежным упадком промышленности и экономики в целом. Понимая истинные размеры кризиса, Плеханов пренебрежительно отозвался о благотворительности земств как о «земской обломовщине».

Первый марксист России выдвигал прежде всего задачу борьбы с царизмом: «*Полное экономическое разорение нашей страны может быть предупреждено лишь полным политическим ее освобождением!*» [33]. Эта же мысль пронизывала и его письма начала 90-х годов к молодым товарищам «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». В них Плеханов подчеркнул (наряду с признанием крестьянина и пролетария «политическими антиподами»), что «сельский пролетариат всегда был и будет естественным союзником городского». Высказанный Плехановым тезис (во втором письме) о голоде как «прологе» политической революции [34], может быть и верен в отдельных случаях, но в крупной исторической перспективе вряд ли соответствовал условиям России начала 90-х годов. Более справедливо мнение Н. Е. Федосеева, не улавливавшего в крестьянстве того времени «боевых кликов» («крестьянин — «человек, питающийся лебедой», приниженный, избитый, голодный, бежит из общины, от своего надела»). «Нищета сама по себе бедствие [35], и добавлю,— писал Н. Е. Федосеев 10 марта 1894 г.,— что социальное движение, вызываемое нищетой, само по себе совсем не ведет к прогрессу, оно (движение) только показатель социального антагонизма» [36]. Отсутствие в крестьянстве неурожайных местностей активного протеста подтверждали очевидцы. «Земледельческое население голодающих уездов проявляло удивительное смирение и кротость...— писал В. Г. Короленко,— помощь принята с благодарным удивлением». Крестьяне мечтали «только бы продышать», «пробиться» до весны, сохранить детей, прокормить скот [37]. Пассивные настроения уже в следующем году сменились вспышками холерных бунтов, частыми выступлениями крестьян голодающих губерний [38].

При общей народнической окраске наблюдений и заметок В. Г. Короленко видел основную опасность в «народном невежестве, которое по объему равно народному долготерпению», а также «в огромной бреши... в народном хозяйстве». Итог его реалистических размышлений приближался к научному прогнозу — «рушится крестьянство», т. е. земли и скот переходят к кулакам, растет сельский пролетариат [39].

1891 год Плеханов определил как «год ужаснейших бедствий для огромной массы крестьян, мещан и рабочих» и одновременно как время «небывалого процветания кулаков всех оттенков и разновидностей» [40]. Пытаясь хотя бы на короткое время избавиться от мучений голода, бедняки поневоле отдавали им за бесценок все, что имели, от земельных наделов до женских волос.

Анализ общественно-экономических отношений в России начала 90-х годов, предпринятый Г. В. Плехановым, был проникнут социальным оптимизмом, верой в поступательное развитие революции. «Социал-демократы не должны думать,— обращался он к своим единомышленникам в третьем письме,— что им легко будет предупредить предсказываемую Энгельсом экспроприацию крестьянства. Вернее всего, что это им не удастся. Но ответственность падет за это *не на них*, а последствия этого послужат опять-таки *им на пользу*» [41]. При некотором догматизме его рассуждений причины бедствия он справедливо видел в «закрепощении» крестьянина государством, которое «*некоторыми своими сторонами* так восхищает наших народников» [42], продолжавших уповать на «устои». Уверенный, почти торжествующий тон Плеханова в его полемике с народниками был обусловлен и верой в рабочее движение и его первыми реальными успехами. По поводу речей русских рабочих во время празднования 1 мая 1891 г.[43] он заявил: «Развитие капитализма принесло с собой не только окончательное разорение крестьянского хозяйства... Оно подорвало основы самодержавия и вызвало к жизни те общественные классы, которым суждено быть его могильщиками» (письмо второе) [44].

С иных позиций выступил идеолог народничества Н. К. Михайловский. Содержание его критики марксизма на страницах журнала «Русское богатство» хорошо известно в литературе. Он, в частности, обвинил марксистов в равнодушии к страданиям крестьянства, даже в «настаивании» на его разорении, в «протестах» их против помощи голодающим, что задержало бы желанный для «марксистов» процесс развития капитализма. Весьма тяжкое обвинение с точки зрения этических представлений народников. Останься оно без достаточного ответа, последователям марксизма в России был бы нанесен моральный урон.

И ответы последовали. Письмо П. Е. Федосеева Михайловскому от 10 марта 1894 г. было одним из первых откликов. Н. Е. Федосеев прямо заявил: «Сам я таких марксистов не знаю и не встречал, и ни от кого от своих товарищей о них не слыхал». Подчеркнув авангардную роль в революции пролетариата, Федосеев отметил «тесную связь» между интересами пролетариев и крестьян в экономической сфере и в борьбе за политическую свободу [45]. Еще в обращении 8 ноября 1893 г. к Михайловскому Федосеев, напомнив об объективном процессе «раскрестьянивания» масс, спрашивал: «*От каких это русских марксистов вы слышали или где в их произведениях читали*, что они прямо или даже *косвенно настаивают* на лишении *хозяйственной самостоятельности работника* (*крестьянина* и *кустаря*)?!» [46].

Истоки теоретических разногласий марксистов с народниками Федосеев видел в том, что «марксисты предполагают, что процесс исчезновения крестьянского хозяйства все-таки будет совершаться, пока базисом его будет индивидуальный труд; что капитализму и

на Руси предстоит выполнить ту же историческую миссию, какую он выполняет на Западе»[47]. Он своевременно и принципиально заявил о несовместимости русского марксизма с преступной мыслью о радости по поводу разорения деревни[48].

Современник первого, крупного по масштабам бедствия крестьян в России Ф. Энгельс считал: «Русский голод — это не только результат неурожая, он является элементом глубокой социальной революции, происходившей в России со времени Крымской войны»[49].

Важный вывод Ф. Энгельса получил подтверждение в трудах В. И. Ленина, интенсивно и творчески изучавшего труды основоположников марксизма. В его работе «Что такое „друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.) содержалась всесторонняя критика народнических взглядов. Анализ объективных процессов социально-экономического развития объяснял, почему социал-демократы считали капитализм явлением прогрессивным. В. И. Ленин показал недооценку в новых исторических условиях мелкобуржуазными идеологами антагонизма в деревне. При этом он не отрицал их заслуг в отстаивании, хотя и непоследовательном, реальных, практических интересов крестьян, совпадавших с требованиями общественного развития.

Углубление расхождений марксистов с народниками в начале 90-х годов происходило в условиях усиления классовых антагонизмов, вызревания народного недовольства, нарастания общественного подъема. Импульсом к большему размежеванию в революционном лагере и симптомом дальнейшего обогащения революционной мысли явились дискуссии о положении крестьянства, о путях и средствах его освобождения. В Проекте программы (1899 г.) В. И. Ленин определил хроническое голодание крестьян как «*социальное* банкротство монархии гг. Обмановых». Он подвел итоги длительной полемики в революционном лагере — «социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений. А вряд ли кто станет утверждать, что серьезная помощь возможна без революционных мер»[50]. Мысль о бесперспективности борьбы с народными бедствиями без осуществления коренных социально-экономических преобразований важна и актуальна в современную эпоху при массовом голодании населения в отдельных бывших колониальных, а также и развитых капиталистических странах.

[1] Статья представляет текст доклада, сделанного на конференции в Смоленске 23 мая 1984 г.

[2] См.: *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе 1861—1880 гг. М., 1978; *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 184—199; *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881—1904. М., 1984.

[3] *Воронцов В. П.* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882; *Он же.* Очерки кустарной промышленности в России. СПб., 1886; *Он же.* Крестьянская община. М., 1892; *Он же.* Итоги экономического исследования России. М., 1892.

Т. 1; *Каблиц И.* (*Юзов*). Основы народничества. СПб., 1888. Ч. 1; *Сазонов Г. П.* Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственной экономической программой. СПб., 1889.

[4] *Успенский Г. И.* Живые цифры (1891 г.).— Полн. собр. соч. М., 1954, т. 10, кн. 2, с. 180.

[5] *Засулич В. И.* Предисловие к работе Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке».— Избр. произведения. М., 1983, с. 35, 37, 38.

[6] Частновладельческое хозяйство в России: (по земским статистическим данным).— Юридический вестник, 1887, т. 26, № 11, 12.

[7] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 191, 214, 232, 263—264.

[8] *Елизарова А.* Одна из первых ласточек рабочего движения в России.— В кн.: Федосеев Николай Евграфович: Один из пионеров революционного марксизма в России: Сб. воспоминаний. М.; Л., 1923, с. 4, 18.

[9] *Плеханов Г. В.* Соч. 2-е изд. М., 1923, т. 3, с. 216—217.

[10] Там же, с. 296, 287.

[11] *Покровский В. И.* О размерах неурожая хлебов в 1905 г.— Журн. Рус. о-ва охранения нар. здравия, 1906, № 1/2, с. 28; *Фроммет Б.* Голодовки и эпидемии.— Обществ. врач, 1912, № 1, с. 100; *Новосельский С. А.* Вопросы демографической и санитарной статистики.— Избр. произведения, М., 1958, с. 67—68.

[12] Обзор важнейших дознаний, производившихся в Жандармских управлениях империи по делам о государственных преступлениях (Далее: Обзор важнейших дознаний...), за 1891 г. [СПб.], с. 3.

[13] *Шванебах П. Х.* Наше податное дело. СПб., 1903, с. 11; *Анальич Б. В.* Россия перед революцией, 1895—1904 гг.— В кн.: Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984, с. 40, 44.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 283.

[15] С родины и на родину, Женева, 1893, № 1, с. 33.

[16] Обзор важнейших дознаний... за 1892—1893 гг., с. 4; *Куделли П. Ф.* Народовольцы на перепутье. Л., 1925, с. 116, 150.

[17] Владимирская окружная организация РСДРП, 1892—1914, Владимир, 1927, с. 533. Авторы — В. В. Кривошея, Н. И. Иванов.

[18] *Федосеев И. Е.* Статьи и письма. М., 1958, с. 170.

[19] *Опульская Л. Д.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 г. М., 1979; *Бонч-Бруевич* (*Величкина*) *В. М.* В голодный год с Львом Толстым. М., 1928; Лев Толстой и голод.— В кн.: Нижегородский ежегодник. Нижний Новгород, 1912.

[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 278.

[21] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1953, т. 66, с. 224.

[22] *Плеханов Г. В.* Всероссийское разорение.— Соч., т. 3, с. 332—333.

[23] См.: *Александров* (*Ольминский*) *М. С.* «Группа народовольцев» (1891—1894 гг.).— Былое, 1906, № 11, с. 18; *Сергеевский И.* (*Русанов Н. С.*). Голод в России. С введением и послесловием П. Лаврова. Б. м., 1892, Кружок старых народовольцев.

[24] ЦГАОР СССР, ф. 1741 (Кол. нелегальных изданий), № 29961; *Русанов Н. С.* По поводу недавних прокламаций. Париж, 1892, с. 1, 2; Обзор важнейших дознаний... за 1892—93 гг., с. 109.

[25] Литератор Н. М. Астырев, 35 лет, православный, из мещан г. Тихвина, окончил в 1877 г. московское реальное училище. При обыске у него было изъято 66 экземпляров письма. Умер 3 июня 1894 г.

[26] Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.: Сб. документов/Под ред. Н. М. Дружинина. М., 1959, т. 8, с. 154—157; С родины и на родину, Женева. 1893, № 1, с. 52—54.

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 282, 283.

[28] *Валк С.* Г. В. Плеханов и «шпионские забавы».— Красный архив, М., 1924, т. 5, с. 263; *Плеханов Г. В.* Вынужденное заявление.— Там же, с. 264—265; Социал-демократ, Женева, 1892, кн. 4, с. 137—138.

[29] Такой вдумчивый наблюдатель, как В. Г. Короленко, помогавший крестьянам Арзамасского уезда Нижегородской губернии, отмечал, как мало считались с личным достоинством крестьянина, который глубоко переживал свою хозяйственную несостоятельность и руководствовался моралью «не дай бог

взять, а дай бог дать». Крестьянам было «даже в крайности трудно принять подаяние». См.: *Короленко В. Г.* В голодный год: Наблюдения, размышления и заметки. СПб., 1894, с. 238. О деятельности А. П. Чехова в Нижегородской губернии см.: *Фортунатов Н. М.* Чехов и нижегородцы. Горький, 1982.

30 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 516.

31 *Плеханов Г. В.* Соч., т. 3, с. 321.

32 *Плеханов Г. В.* Всероссийское разорение.— Соч., т. 3, с. 340.

33 Там же, с. 354, 410.

34 Там же, с. 382, 386.

35 В этом он согласился с Н. К. Михайловским.

36 Письмо Н. Е. Федосеева Н. К. Михайловскому от 10 марта 1894 г.— В кн.: Федосеев Н. Е. Статьи и письма, с. 116, 117.

37 *Короленко В. Г.* Указ. соч., с. 223.

38 Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.: Сб. документов, т. 8, с. 146—148.

39 *Короленко В. Г.* Указ. соч., с. 224, 225.

40 *Плеханов Г. В.* Соч., т. 3, с. 333.

41 Там же, с. 411.

42 Там же, с. 345.

43 Речи рабочих, произнесенные на собрании петербургских рабочих 1 мая 1891 г. Б. м., 1891.

44 *Плеханов Г. В.* Соч., т. 3, с. 384.

45 *Федосеев П. Е.* Статьи и письма, с. 126, 123.

46 Там же, с. 97.

47 Там же, с. 99.

48 В. И. Ленин отмечал принципиальную важность полемики Н. Е. Федосеева с Н. К. Михайловским. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 324.

49 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 22, с. 261.

50 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 233.

Н. Н. Новикова

О прототипах романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»

Значение романа Чернышевского «Что делать?», книги, давшей «заряд на всю жизнь» В. И. Ленину, далеко вышло за рамки художественного произведения и не имело равных себе по влиянию на новые поколения борцов в домарксистский период в России [1]. Общепризнано, что роман «Что делать?» не только роман, но и вынужденная условиями заключения форма, в которую Чернышевский облек свой наказ, программу действий для своих приверженцев, его политическое завещание [2].

По незыблемой традиции с начала 60-х годов XIX в. прототипами образов «новых людей» признавали реальные личности: Веры Павловны — М. А. Обручеву-Бокову-Сеченову, а Лопухова и Кирсанова — П. И. Бокова и И. М. Сеченова [3]. Эту традицию в 1957 г. С. А. Рейсер назвал легендой и предпринял попытку ее опровержения [4]. Однако разрушить столь давнюю традицию оказалось не так-то просто.

В защиту традиции выступила П. Ф. Ковалева [5]. Ее поддержали знатоки биографии И. М. Сеченова, естествоиспытатели, медики, писатели, литературоведы [6]. Кратко, без новой аргументации высказались за эту традицию и историки [7]. В 1975 г. С. А. Рейсер возобновил свою попытку, включив с небольшими изменениями и дополнениями свою статью 1957 г. в новую работу, приложенную к научному изданию романа [8]. Автор настоящей статьи выступал по этому вопросу в печати и со специальным докладом [9]. В данной статье предпринимается попытка более развернутой аргументации в защиту жизненной правды старой традиции. Актуальность и важность этой темы определяется насущными задачами изучения русского революционного движения в эпоху Чернышевского, в частности формирования новой, революционной нравственности, потребностью создания обобщающего труда по истории революционного движения России. Роман Чернышевского «Что делать?», рожденный в бурную эпоху первой революционной ситуации, с 1863 г. занимает важное место в героической истории революционного движения России вплоть до 1905 г. Он органически связан с формированием революционных взглядов Ленина и всего поколения первых русских марксистов. Вот почему проблема прототипов образов в романах Чернышевского всегда интересовала Ленина.

Нам представляется удачной попытка П. Ф. Ковалевой «восстановить романтическую историю» взаимоотношений М. А. Обручевой и П. И. Бокова, а также супругов Боковых и И. М. Сеченова. С большой точностью она раскрывает историю фиктивного брака М. А. Обручевой и П. И. Бокова (20 августа 1861 г.); знакомство ее осенью 1861 г. с И. М. Сеченовым — профессором Медико-хирургической академии; близкие, дружеские отношения всех троих с Н. Г. Чернышевским [10]. Удачным представляется анализ психологически сложной ситуации возникновения чувства М. А. Обручевой-Боковой к И. М. Сеченову. П. Ф. Ковалева, безусловно, права в своем критическом выводе в адрес С. А. Рейсера, по мнению которого 10 месяцев недостаточно, чтобы сложилась ситуация, которая нашла отражение в романе. «Чувства, правда, не измеряются временем...» — справедливо замечает Ковалева [11]. Совершенно справедлива и аргументация, с помощью которой, вопреки мнению С. А. Рейсера и его сторонников, выступила П. Ф. Ковалева в защиту «жизненного материала», «конкретных фактов и событий современной ему (Чернышевскому.— *Н. Н.*) действительности», «жизненных впечатлений», из которых исходил писатель в своей «творческой практике» создания романа «Что делать?» [12].

В отличие от С. А. Рейсера, П. Ф. Ковалева положила в основу своей аргументации историю первого, фиктивного, брака М. А. Обручевой и вопрос о возникновении чувства М. А. Обручевой к И. М. Сеченову. И хотя она решала этот вопрос на основе тех же источников, ей, на наш взгляд, удалось найти «ведущее звено», основной аргумент в пользу мнения о том, что Чернышевский знал, мог знать «завязку событий» [13].

Представляется убедительным мнение великого русского ученого И. П. Павлова, который как физиолог оценивал состояние И. М. Сеченова накануне и в момент создания «Рефлексов головного мозга»[14]. Подчеркивая, что данное открытие готовилось заранее и было опубликовано только в январе 1863 г., И. П. Павлов писал: «Напряжение и радость при открытии вместе, может быть, с каким-либо другим личным аффектом и обусловили этот, едва ли преувеличенно сказать, гениальный взмах сеченовской мысли»[15]. В ходе дальнейшего изучения этой работы И. П. Павлов беседовал и переписывался с доверенным лицом супругов Сеченовых проф. М. Н. Шатерниковым и установил, что к 1862 г. (т. е. еще накануне ареста Чернышевского), в момент создания «Рефлексов», И. М. Сеченов испытывал положительные эмоции — чувство любви к М. А. Боковой, жене товарища и своей ученице по Медико-хирургической академии. Продолжая свою мысль, И. П. Павлов писал прямо: «От кого-то я слыхал, что в романе Чернышевского «Что делать?» в лице Кирсанова и Веры Павловны изображены любовь и супружество И. М. и М. А. (Сеченовых.— *Н. Н.*). Так ли это? Если так, то здесь было сильное душевное волнение. И мне важно знать, в какой год это происходило»[16]. Сама по себе постановка вопроса и свидетельство М. Н. Шатерникова о начале взаимных симпатий Боковой и Сеченова до «Рефлексов»[17] помогают нам ответить на этот вопрос прежде всего с помощью самого И. М. Сеченова, который, несмотря на всю сдержанность своих автобиографических записок, ясно дает понять о рождении своего чувства к М. А. Боковой с первых дней их знакомства, т. е. с осени 1861 г.[18] Этот факт Н. Г. Чернышевский мог знать до ареста как от И. М. Сеченова, так и от своего домашнего врача, друга и соратника по революционной «партии» П. И. Бокова, а также от самой М. А. Обручевой-Боковой, с которой его связывала трогательная дружба. Ведь именно по совету Н. Г. Чернышевского был заключен в 1861 г. ее фиктивный брак с П. И. Боковым, чтобы спасти ее от отцовской опеки в деревне Тверской губернии. По всем вопросам М. А и В. А. Обручевы обращались за советом к Н. Г. Чернышевскому.

Справедливо выдвигая аргумент о *времени* возникновения чувства М. А. Боковой к Сеченову — до ареста Н. Г. Чернышевского — и с полным основанием полагая, что Чернышевский как близкий к Боковым человек мог об этом знать, даже если бы и не знал Сеченова лично, П. Ф. Ковалева, на наш взгляд, не использовала все же вторую возможную линию аргументации. Речь идет о возникновении чувства И. М. Сеченова к М. А. Боковой, а также о трагичности для Боковой периода с 4 октября 1861 г.— арест ее брата, В. А. Обручева, привлечение к следствию П. И. Бокова, суд и гражданская казнь брата (май 1862 г.)[19].

Выделим ускользнувший из поля зрения исследователей факт: П. И. Боков с октября 1861 г., т. е. с момента ареста В. А. Обручева, был под следствием и обязан подпиской о невыезде из Петербурга, а в декабре 1861 г.— подвергнут обыску и допрашивался в Сенате[20]. Можно себе представить, в каком состоянии тревоги за

брата и за мужа (хотя бы фиктивного, но с которым у нее были близкие дружеские отношения) находилась М. А. Бокова. Об этом прекрасно знали как П. И. Боков и Чернышевский, так и ее *учитель* — И. М. Сеченов. На наш взгляд, именно потому, что Сеченов уже думал о возможности в будущем совместной жизни с М. А. Боковой, о необходимости помогать ей материально и морально, он, ссылаясь на неожиданные семейные обстоятельства и необходимость дополнительного заработка, отказался от предложения стать членом Академии наук 22 декабря 1861 г.[21]

Знакомство Чернышевского с Сеченовым через Боковых, их взаимные дружеские отношения подтверждаются современниками и новейшими исследованиями[22]. Н. Г. Чернышевский был осведомлен о делах П. И. Бокова и брата и сестры Обручевых. Вполне вероятна его осведомленность и о «душевной драме» И. М. Сеченова, сотрудничавшего с ним по организации публичных лекций в Думе (до 10 марта 1862 г.). М. А. Обручева-Бокова вместе с Боковым посещала брата в крепости, куда он вызвал ее, чтобы «предупредить людей» и передать друзьям, что адресаты приносят номера «Великоруса» в III Отделение[23]. Затем она бывала у Чернышевских, собирала брата в дорогу — на каторгу в Сибирь[24]. Летом 1862 г. после гражданской казни В. А. Обручева и освобождения от ответственности П. И. Бокова, еще до ареста Чернышевского, Сеченов уехал за границу. Он писал из Парижа М. А. Боковой, как пишут близкому другу, даже о том, как «скучал донельзя»; послал ей свою фотографию с многозначительной надписью: «Желаю, чтобы вид этой карточки внушал Вам мысли о решительности. И Сеченов»[25].

Чувство И. М. Сеченова к М. А. Обручевой-Боковой с осени 1861 г., с первого знакомства,— факт бесспорный. По-видимому, к этому времени относится и ее чувство к Сеченову: она была женщиной «с горячим сердцем» и «мятежною душой»[26]. Но не следует забывать, в этот момент был еще жив потрясенный арестом сына генерал-лейтенант А. А. Обручев, была жива и ее мать. Нужно было считаться с их чувствами и традициями. Вот почему, нам думается, М. А. Бокова так долго не решалась на открытый разрыв с мужем, тем более что развод по тем временам был почти невозможен. Важен и второй, не замеченный исследователями факт — намерение И. М. Сеченова вместе с М. А. Боковой покинуть Россию, чтобы помочь ей продолжить медицинское образование за границей[27]. Уже 15 ноября 1863 г. один из ближайших учителей и друзей И. М. Сеченова, К. Людвиг, писал ему из Вены о недопустимости специального надзора по отношению к произведениям Сеченова. Подобные вещи не допустимы по отношению «к такому верному сыну своего отечества... Радуюсь хотя бы тому, что Вы здоровы; меня приводит в особенный восторг Ваша симпатия к женской одухотворенности»[28]. Из ответного письма Сеченова, вернувшегося в Петербург, ясно, что речь идет о судьбе двух учениц Сеченова, которым в конце 1863 г. администрацией был закрыт, как и всем женщинам в России, доступ в Медико-хирургическую академию. Ближайший его ученик и друг — М. Н. Шатерников свидетельство-

вал, что «Сеченов был готов выйти в отставку и ехать в Вену, чтобы *самому работать у Людвига* в лаборатории, *а жене* (1863 г.— *Н. Н.*) — *учиться* в повивальном институте». Обо всем этом было написано Людвигу и от него был получен спешно положительный ответ. К. Людвиг детально сообщал Сеченову, как, когда и на каких условиях можно будет определиться «в акушерский институт». Он писал: «Ученицы имеют право жить на частных квартирах... Мне очень жаль, что у Вас запретили дамам учиться физиологии... Еще больше меня огорчает то, что Вы принимаете это так близко к сердцу и даже думаете покинуть академию... Сплетников здесь много, но это не должно служить препятствием, ибо на них найдется управа; и так как Ваш приезд доставит нам только радость, то я надеюсь видеть Вас здесь будущим летом»[29]. Как видим, в 1863 г. картина личной жизни И. М. Сеченова была по существу столь ясной, что ко 2 ноября 1864 г. он не скрывал ничего от своего старого немецкого учителя, хлопоча, узнавая только, как бы обойтись без огласки. Но его семейная жизнь сложилась так своеобразно и так определенно, что во имя своего служебного положения приходилось задумываться и о «сплетниках». Но изменить Сеченов уже ничего не желал, а готов был ради «жены», М. А. Боковой, покинуть академию, даже уехать за границу.

Можно ли согласиться с А. С. Рейсером, что в жизни М. А. Обручевой-Боковой за 10 месяцев (июль 1862 г.— май 1863 г.) ничего существенного не произошло?! Если бы «не произошло», то зачем было Сеченову отказываться от выборов в адъюнкты Академии наук в декабре 1861 г.; зачем писать М. А. Боковой из Парижа на своей фотографии (осень 1862 г.), чтобы она «решалась»; зачем, наконец, в 1863 г. готовить свою отставку и отъезд с «женою» за границу? Произошло слишком много нового в жизни М. А. Боковой и И. М. Сеченова — они полюбили друг друга и решились, как свидетельствуют многие современники, соединить в 1863 г. свои жизни несмотря на формальные препятствия[30]. Мы полагаем, что это решение было принято по возвращении И. М. Сеченова из-за границы (после сентября 1863 г.).

Знаменитая 122-я страница «Автобиографических записок» И. М. Сеченова, приоткрывающая сложный духовный мир автора,— страница, которую не допустила к печати М. А. Сеченова при первой их публикации. Она была восстановлена проф. О. М. Молчановой, ученицей М. Н. Шатерникова, подтвердившей мне в 1950 г., что супруги Сеченовы были крайне щепетильны в вопросах обнародования некоторых моментов начала их семейной жизни. Эта страница — память о начале чувства, о 1861—1862 гг., о начале семейной жизни в 1863 г., совпадающем по времени с выходом в свет знаменитого романа. Совет «обожаемого» Чернышевского в романе «Что делать?» (март—май 1863 г.) помог, видимо, им решить сложную личную проблему. Они остались героями его романа, носителями передовых идеалов, убежденными чернышевцами, «шестидесятниками». В царской России эту идеальную по существу жизнь они были вынуждены скрывать. Тем более что до 1876 г. М. А. Бокова

и И. М. Сеченов жили иногда даже в разных городах, встречались урывками[31]. Попытки оформить развод предпринимались с 1872 г. и завершились лишь в 1888 г.

Нельзя, как это делает С. А. Рейсер, не принимать во внимание свидетельства современника, близкого знакомого П. И. Бокова — А. Витмера. Последний утверждал в печати после смерти П. И. Бокова, что в основу романа «Что делать?» легло «истинное происшествие и все называли имена героев их настоящими именами». Он утверждает, что М. А. Бокова покинула мужа ради И. М. Сеченова; что П. И. Боков «знамени своего ни разу не менял» и умер убежденным «шестидесятником»[32]. А. Витмер был родственником О. К. Витмер (урожденной Григорьевой), ближайшей подруги Н. К. Крупской по гимназии, в которой работали друзья и пациенты П. И. Бокова[33]. Вполне вероятно, что Н. К. Крупская с юности могла это знать и позднее рассказать В. И. Ленину, очень ценившему роман и его героев.

Важным представляется нам также свидетельство московского знакомого П. И. Бокова, С. Султанова, о том, что П. И. Боков «на публике» всегда отрицал свою близость к Лопухову, а «в часы интимной откровенности старый доктор (еще до 1917 г.— *Н. Н.*) все-таки признавался друзьям в своей близости к портрету популярного романа»[34]. Только самые близкие друзья — Чернышевские, Пыпины, Ковалевские, Менделеевы — знали суть дела.

М. А. Сеченова была вместе с Н. П. Сусловой пионеркой высшего женского образования в России. Она всю жизнь работала как врач и как переводчица, помогая по возможности мужу, официальной женою которого стала только в 1888 г.— более чем через четверть века. Не случайно М. А. Сеченова сожгла свои письма к И. М. Сеченову после его смерти, сохранила только некоторые из его писем к ней. «Мои письма к И. М. Сеченову — письма жены, а я не историческая личность. Письма Сеченова, даже написанные мне, должны сохраниться как письма великого ученого»,— мотивировала М. А. Сеченова свое решение В. Аф. Обручеву, своему племяннику, который и свидетельствовал нам об этом еще в 1949 г. Позднее В. В. Обручев, старший сын акад. В. Аф. Обручева — племянника «великорусца» В. Ал. Обручева, сделал следующее примечание к воспоминаниям своего отца: «М. А. Обручева вышла фиктивно замуж за П. И. Бокова, чтобы иметь возможность учиться в Петербурге в Медико-хирургической академии. Отношения между М. А. Боковой, П. И. Боковым и И. М. Сеченовым послужили основой для романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», где эти лица изображены под именами Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова»[35].

В литературе уже обращалось внимание на признание М. А. Сеченовой в 1928 г. в дни 100-летия Н. Г. Чернышевского: «Знать такого человека (Чернышевского.— *Н. Н.*) было счастьем». В этом признании скромнейшей и деликатнейшей М. А. Сеченовой, высказанном писателю, юристу и близкому ее знакомому С. Г. Кара-Мурзе, звучит восхищение Чернышевским и живая благодарность

признанной всеми героини романа «Что делать?» его гениальному автору [36]. Именно в этом качестве навещал ее в дни 100-летия Чернышевского С. Г. Кара-Мурза в Доме для престарелых ученых. Она *не* опровергала этого мнения, и очерк о ней так и назван «Героиня романа „Что делать?“» [37].

Прискорбно, что С. А. Рейсер, буквально по дням «расписавший» супружескую жизнь Сеченовых, обошел этот факт — важнейший аргумент против его «опровержений».

М. А. Сеченова прожила долгую и прекрасную жизнь, будучи признанной героиней романа. Наша общественность, Н. А. Семашко в дни юбилея Чернышевского чествовали ее именно в этом качестве.

Стремясь выяснить детали революционной биографии брата М. А. Сеченовой, В. А. Обручева, мы беседовали в конце 40-х годов с С. Г. Кара-Мурзой, автором статьи о героине романа «Что делать?» С. Г. Кара-Мурза был в прошлом известным московским адвокатом, а также членом «боковского кружка», т. е. частым гостем П. И. Бокова, где встречался неоднократно с супругами Сеченовыми — признанными там героями романа.

Важность этого аргумента-свидетельства, на наш взгляд, особенно усиливается тем обстоятельством, что М. А. Сеченова была не только чрезвычайно искренним и скромным человеком, но была до последней минуты жизни человеком слова в отношении революционных тайн 60-х годов. Это засвидетельствовано М. В. Нечкиной, беседовавшей с ней по этим вопросам в 1928 г. «Я дала слово (хранить тайну.— *Н. Н.*) и не могу его нарушить»,— ответила М. А. Сеченова на вопросы начинающего историка М. В. Нечкиной о революционной деятельности ее брата и Н. Г. Чернышевского [38]. И только в беседах с официальными представителями Советской власти, в частности с ученым секретарем издания биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России» Е. Д. Никитиной, она признала, что ее брат В. А. Обручев был близок Н. Г. Чернышевскому по революционной борьбе [39].

Наконец, три мемуарных свидетельства (Л. Ф. Пантелеева, А. А. Слепцова, О. М. Антонович-Мижуевой), на которые пытается опереться С. А. Рейсер, на наш взгляд, не могут быть признаны точными и тем более объективными. Сам С. А. Рейсер признал, что Л. Ф. Пантелеев в 1905 г. после смерти И. М. Сеченова впервые попытался снять с П. И. Бокова и других ореол героев. Он сделал это в сноске к главе своих воспоминаний о «Земле и воле», проникнутой «резко ироническим и даже враждебным отношением к Бокову... и, может быть, поэтому мнение Пантелеева никем не было принято» [40]. Следует отметить, что среди этих «никем» были еще живы О. С. Чернышевская, ее сыновья, жена А. Н. Пыпина, наконец, М. А. Сеченова и сам П. И. Боков. Мы не знаем, как они ответили на «вылазку» Пантелеева. Однако, зная деликатность М. А. Сеченовой, мы не думаем, что она благодарила Пантелеева за освещение в печати якобы истинных причин ее ухода от П. И. Бокова.

Так называемые «измены» Бокова — это ложь, о чем свидетельствуют прекрасные отношения М. А. и П. И. Боковых до конца их жизни.

Пантелеев — очень своеобразный мемуарист, сообщивший нам много ценного об «эпохе Чернышевского», данными которого пользовался В. И. Ленин, но все же критически [41]. Издавший его мемуары в советское время С. А. Рейсер лучше других знает «секреты» мемуарного творчества Пантелеева и сложную коллизию «А. А. Слепцов против воспоминаний Л. Ф. Пантелеева» о «Земле и воле» [42]. Думается, что историографические наблюдения М. Г. Вандалковской [43] позволяют более критично подойти к свидетельствам Пантелеева, пытавшегося свести здесь какие-то счеты с П. И. Боковым. В данном случае важно, что *все* живые современники этой поздней попытки Пантелеева развенчать прототипы героев «Что делать?» продолжали дружить в жизни и умерли признанными героями романа.

Второе мемуарное свидетельство — А. А. Слепцова в передаче Е. И. Жуковской: «Не автор романа списал с него, П. И. Бокова, свой тип, а, напротив, сам доктор вдохновился романом и разыграл его в жизни: порукой в том хронология». По справедливому мнению С. А. Рейсера, такое свидетельство «вызвало полемику», в которой «аргумент (хронология) не заинтересовал редактора (К. И. Чуковского.— *Н. Н.*) и не был проверен» [44]. Против А. А. Слепцова выступил редактор мемуаров К. И. Чуковский: «Это неверно. Сеченов действительно был прототипом Лопухова, героя романа „Что делать?“. Чернышевский был знаком с Сеченовым задолго до написания „Что делать?“, и ему была известна история его отношений с Боковой, которые и отразились в романе» [45]. Ни решительность и категоричность К. И. Чуковского, ни его авторитет как публикатора не насторожили С. А. Рейсера. Между тем, давая краткий, по условиям комментария, ответ, К. И. Чуковский не мог писать так без достаточных оснований, тем более возражать мемуаристу. Значит, он располагал более убедительной аргументацией, чем та, которую заявил, но не обосновал А. А. Слепцов. Готовя эту публикацию не один год (к 1930 г.), К. И. Чуковский мог обратиться до 1929 г. к самой М. А. Сеченовой, М. Н. Чернышевскому или другим близким к ним лицам. Не принять же во внимание это свидетельство авторитетного редактора-исследователя К. И. Чуковского, почерпнутое, по-видимому, из верных источников, нельзя, тем более что он стоял на этой позиции до конца жизни [46].

В третьем мемуарном свидетельстве «одного позднего, но осведомленного современника — дочери М. А. Антоновича О. М. Антонович-Мижуевой» — «было высказано сомнение в правильности привычного представления о прототипах (образов.— *Н. Н.*) „Что делать?“» [47]. Сомнение, а не категорическое указание современника, которое заставило бы «исследователей пересмотреть старую точку зрения», как полагал С. А. Рейсер. Всесторонний анализ этого свидетельства убеждает в том, что проблема взаимоотношений Боковой — Сеченова была запретной темой, с детьми, во всяком случае, о ней не говорили, а если и говорили при них о прототипах, то в том плане, что в «лице Веры Павловны Чернышевский хотел

изобразить Ольгу Сократовну, которую он страшно идеализировал»[48]. Это сомнение О. М. Антонович-Мижуевой опровергает двоюродная сестра Чернышевского, Ек. Н. Пыпина (Нейман): М. А. Бокова (Обручева) была «очень серьезная и образованная женщина. У них (Боковых.— *Н. Н.*) бывал Сеченов Иван Михайлович. У него с Марией Александровной было много общего в характере и взглядах на жизнь. Они *полюбили друг друга, и она стала его гражданской женой*. Боков этому не препятствовал. *После того, как Мария Александровна ушла от Петра Ивановича* (Здесь и далее курсив мой.— *Н. Н.*), их дружба все-таки не прерывалась»[49]. Здесь налицо и восприятие старой традиции о прототипах героев «Что делать?» семей Чернышевских — Пыпиных, и непосредственные наблюдения автора. Заметим, что в свидетельстве дочери М. А. Антоновича есть аргумент и в пользу мнения о широком распространении «традиционной точки зрения» о героях романа. Она заявляла, что о их давних семейных отношениях «*услышала впервые* всего несколько лет тому назад». Аналогичное свидетельство, цитируемое С. А. Рейсером, принадлежит И. И. Мечникову: «Известность Сеченова среди молодежи еще более увеличилась вследствие распространившихся слухов о том, что он изображен в виде одного из героев романа Чернышевского „Что делать?“ — Кирсанова»[50]. Эта точка зрения имела устойчивую устную традицию, в частности среди медиков. Она шла от «эпохи Чернышевского», передавалась из уст в уста, от поколения поколению. При этом никто — ни автор, ни лица, послужившие прообразами героев,— никогда не опровергал ни устно, ни печатно этой традиционной точки зрения, даже тогда, когда это было для них опасно.

Известно, что И. М. и М. А. Сеченовы не виделись после 1862 г. с Н. Г. Чернышевским, но помогали воспитывать его старшего сына (он подолгу жил у них), виделись неоднократно с О. С. Чернышевской и до конца дней сохранили тесные связи со всем кругом Чернышевского, которого искренно любили. Об этом свидетельствует не только приведенное выше признание М. А. Сеченовой в дни 100-летия Чернышевского, но и душевный отклик И. М. Сеченова на смерть Чернышевского в письме к Марии Александровне[51].

Мы рассмотрели то немногое, что мобилизовал С. А. Рейсер в области источников против традиционного толкования проблемы прототипов героев романа «Что делать?». На наш взгляд, каждый из его аргументов не может быть признан ни безусловным, ни исчерпывающим. Даже в совокупности они не могут опровергнуть традиционной версии[52].

Защищая традицию о жизненной, реалистической основе прототипов героев Чернышевского, мы не считаем, что герои — это фотографические снимки живых прообразов, признаем, что ряд внешних черт Ольги Сократовны присущ образу Веры Павловны, а некоторые черты С. П. Боткина — Кирсанову[53]. Это не меняет, однако, основ традиции, в силу которой основными прототипами главных героев были М. А. Бокова-Сеченова, П. И. Боков и М. И. Сеченов и их взаимоотношения легли в основу фабулы романа. Конечно, Чернышевский художественно обобщил основное в мировоззрении, личной и общественной практике своих близких, друзей по духу и по революционному подполью. Вот почему не только философы и литературоведы, но и историки революционного движения будут продолжать свою работу над великой книгой.

Только в советское время М. А. Сеченова, «скромнейшая из скромных», позволила говорить с нею как с героиней «Что делать?». Но и тогда она старалась говорить о Сеченове, а не о себе. В большой семье ее племянника, знаменитого советского ученого В. Аф. Обручева, которую я знаю с 1949 г., мне были предоставлены все сохраненные с любовью бумаги и поверены предания об «эпохе Чернышевского». Как было при В. Аф. Обручеве, так и поныне, в этой семье царит культ тети Маши, Марии Александровны, прототипа героини романа «Что делать?». В честь этой героини была названа племянница Вера — дочь брата М. А. Сеченовой, соратника Чернышевского, вернувшегося из Сибири, проявившего себя героически в годы русско-турецкой войны и много сделавшего для развития русского военно-морского флота.

Новые люди — М. А. Обручева, П. И. Боков и И. М. Сеченов, их взаимоотношения в годы революционной ситуации возбудили творческую фантазию властителя дум тогдашней передовой России. Они дали Чернышевскому тот жизненный материал, который он положил в основу сюжета своего политического романа-завещания. Его «наказ», его советы помогли Боковым и Сеченову стать не только героями книги, но и героями жизни, помогли им действенно служить воплощению в жизнь социалистических идеалов Чернышевского. Недаром В. И. Ленин называл этот роман «перепахивающим» сознание людей и дающим «заряд на всю жизнь»[54]. И есть что-то глубоко символическое в том, что прототип Веры Павловны — М. А. Обручева-Бокова-Сеченова, пройдя сквозь тяжкие годы, дожила до победы социалистической революции, воплотившей идеалы Чернышевского, торжественно отмечала в 1928 г. 100-летие Н. Г. Чернышевского. Все известное нам из публикаций и архивов убеждает в глубокой правоте слов некролога Н. А. Семашко о М. А. Сеченовой: «Именно такой лучшей „русской женщиной“ является умершая на днях... М. А. Сеченова (ей исполнилось 94 года)... До самой своей смерти М. А. поражала своей простотой, ясностью мысли, несмотря на преклонный возраст, и величайшей скромностью; не раз я подсылал к ней корреспондентов, чтобы она поделилась воспоминаниями о своей эпохе, о своем замечательном муже, о Н. Г. Чернышевском, с которым Сеченовы были дружны. Она всегда отказывалась по скромности.

Немудрено, что Н. Г. Чернышевский взял М. А. героиней своего романа «Что делать?». Это она, Вера Лопухова, революционерка, строящая новую жизнь и новый быт. Вот какая лучшая „русская женщина“ умерла!»[55]. Н. А. Семашко, воспитанный на лучших демократических традициях, также подтверждает стойкость одной из них — традиции о героях «Что делать?».

Как говорил сам Чернышевский и как подтверждает весь выявленный материал, герои «Что делать?» — это все близкие Чернышевскому люди, близкие лично, близкие по революционной идеологической борьбе и практике.

Всесторонний подход к проблеме прототипов как проблеме личности героев, проблеме зарождения чувства, известного или угаданного Чернышевским, проблеме достоверности образов, типов «новых людей», в том числе женщин, позволяет отстаивать традиционную позицию в этом вопросе и сохранять роман в числе важнейших исторических источников эпохи и истории ее революционного движения. Герои «Что делать?» любили будущее и работали для него, как и их прототипы.

[1] *Дружинин Н. М.* Первый демократический подъем.— В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968, т. 5, с. 66; *Нечкина М. В.* Революционеры 61-го года. Первая «Земля и Воля».— В кн.: Революционная ситуация в России в середине XIX века. М., 1978, с. 272, 273.

[2] *Нечкина М. В.* Указ. соч., с. 159, 273, 307—308; *Она же.* Встреча двух поколений. М., 1980, с. 312, 313, 518, 537—538; *Новикова Н. Н.* Владимир Обручев — герой романа Н. Г. Чернышевского «Алферьев».— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1962, с. 463, 466, 481—484, 489—490; и др.

[3] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М., 1939, т. 11, с. 713, 718—719; *Штрайх С. Я.* Героиня романа «Что делать?» в ее письмах.— Звенья, М.; Л., 1934, т. 3/4, с. 538—616; *Он же.* Сеченов.— Тридцать дней, 1934, № 10, с. 67—68; *Коштоянц Х. С.* Сеченов. М.; Л., 1941, с. 37—38, 39—40, 51; *Розова К. А.* С. П. Боткин, 1832—1889. М., 1951, с. 27—30; и др.

[4] *Рейсер С. А.* Легенда о прототипах «Что делать?» Чернышевского.— Тр. Ленингр. гос. библ. ин-та им. Н. К. Крупской, 1957, т. 2, с. 115—126.

[5] *Ковалева П. Ф.* К вопросу о прототипах «новых людей» Чернышевского.— Учен. зап. Орлов. гос. пед. ин-та, 1963, т. 19, с. 175—188.

[6] *Ярошевский М. Г.* Иван Михайлович Сеченов, 1829—1905. Л., 1968, с. 67, 118—121; *Брагин А. М.* Сеченов и общественное движение в России.— В кн.: Иван Михайлович Сеченов: К 150-летию со дня рождения. М., 1980, с. 31—74; *Он же.* В поисках сокровенного. М., 1981, с. 100—157, 158—161, 168—174, 175—176; *Петров Б. Д.* С. П. Боткин — жизнь и деятельность. М., 1982, с. 24; История русской литературы: В 4-х т. М.; Л., 1983, т. 3, с. 26 (текст Пруцкова Н. И.); *Друянов В. А.* Рыцарь факта: Книга об акад. В. А. Обручеве. М., 1984, с. 33—34; и др.

[7] *Новикова Н. Н.* Владимир Обручев — герой романа Н. Г. Чернышевского..., с. 483—485; и др.

[8] *Рейсер С. А.* Некоторые проблемы изучения романа «Что делать?».— В кн.: *Чернышевский Н. Г.* Что делать?: Из рассказов о новых людях. Л., 1975, с. 819—833.

[9] *Новикова Н. Н.* Легенда ли это?: Новое в историографии проблемы прототипов романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».— Историографические чтения в честь 80-летия акад. М. В. Нечкиной. Воронеж, 1981, февраль.

[10] *Ковалева П. Ф.* Указ. соч., с. 180—185.

[11] Там же, с. 181, 183—185.

[12] Там же, с. 177—188.

[13] Там же, с. 182—184.

[14] *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 6, с. 267.

[15] Письмо И. П. Павлова к М. Н. Шатерникову от 23 сент. 1929 г.— Архив АН СССР, Ленингр. отд-ние, ф. 259, оп. 7, д. 62, л. 33.

[16] Там же, л. 33.

[17] *Шатерников М. Н.* Биографический очерк.— В кн.: *Сеченов И. М.* Избр. труды. М., 1935, с. IX—XII.

[18] *Сеченов И. М* Автобиографические записки. М., 1945, с. 108—109, 112—115, 121—123, 124; См. также: *Коштоянц Х. С.* Указ. соч.; *Кекчеев К. Х.* Сеченов как ученый.— В кн.: *Житков Б. М.* Иван Михайлович Сеченов в жизни. М., 1944, с. 3—4.

[19] *Новикова Н. Н.* Революционеры 1861 года: «Великорусс» и его Комитет в революционной борьбе 1861 г. М., 1968, с. 139—141, 195, 273.

[20] Деятели революционного движения в России: Биобиблиогр. словарь/Сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. М., 1928. т. 1, ч. 2, с. 47—48.

[21] Научное наследство. Л., 1956, т. 3. Иван Михайлович Сеченов. с. 79.

[22] *Пыпина В. А.* Из воспоминаний о Сеченовых Иване Михайловиче и Марии Александровне.— В кн.: *Богданович Т. А.* Любовь людей шестидесятых годов. М.; Л., 1929, с. 427; *Бородулин Ф. Р.* С. П. Боткин и неврогенная теория медицины. М., 1946, с. 45—46; *Ярошевский М Г.* Указ. соч., с. 67, 118, 121.

[23] *Новикова Н. Н.* Революционеры 1861 года..., с. 193—196.

[24] Там же, с. 203, 273; Письма В. А. Обручева и М. А. Обручевой-Боковой родителям от 25 окт. 1861 г.— Личный архив акад. В. Аф. Обручева, хранящийся в его семье.

[25] Архив АН СССР. Моск. отд.-ние, ф. 605, оп. 2, ед. хр. 12.

[26] *Обручев В. А.* Из пережитого, ч. 1.— Вестник Европы, 1907, № 5, с. 140 и др.; *Сеченов И. М.* Автобиографические записки..., с. 122—123, 124; Письмо Обручева к М. А. Сеченовой от 5 мая 1889 г. Печатается с разрешения внучки акад. В. Аф. Обручева, Н. В. Обручевой, хранящей часть архива.

[27] *Шатерников М. Н.* Биографический очерк.— В кн.: *Сеченов И. М.* Избранные труды. М., 1935, с. XXIV—XXV; *Ярошевский С. Г.* Указ. соч., с. 121; *Штрайх С. Я.* Героиня романа «Что делать?»..., с. 68; *Он же.* Письма И. М. Сеченова к И. И. Мечникову.— В кн.: Борьба за науку в царской России. М.; Л., 1931, с. 77; *Он же.* Примечания.— В кн.: *Ковалевская С. В.* Воспоминания и письма. М., 1961, с. 485—486.

[28] *Людвиг К.* Письмо к И. М. Сеченову от 15 ноября 1863 г.— В кн.: *Сеченов И. М.* Избр. труды, с. XIX.

[29] Там же, с. XXIV—XXV.

[30] Там же; *Штрайх С. Я.* Письма И. М. Сеченова к И. И. Мечникову..., с. 77.

[31] *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958, с. 310, 335—336 и др.; *Мечников И. И.* Письма (1863—1916). М., 1974, с. 95, 99, 244, 245; *Ковалевская С. В.* Воспоминания и письма/Отв. ред. М. В. Нечкина. М., 1961, с. 204, 484—485.

[32] *Витмер А.* Святой человек.— Исторический вестник, 1915, т. 12, с. 819.

[33] *Новикова Н. Н.* В. И. Ленин о роли Н. Г. Чернышевского как главы революционеров 1861 г.— В кн.: *Новикова Н. Н., Клосс Б. М.* Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М., 1981, с. 232.

[34] *Султанов С.* Герои «Что делать?».— Утро России, 1914, № 36, с. 55.

[35] *Обручев Вл. Аф.* В старой Сибири. Иркутск, 1958, с. 347.

[36] *Новикова Н. Н.* Владимир Обручев — герой романа Н. Г. Чернышевского..., с. 482.

[37] *Кара-Мурза С. Г* Герои и героини романа «Что делать?».— Красная нива, 1928, № 30, с. 8, 9.

[38] Об этом рассказала мне М. В. Нечкина в 1948 г.

[39] *Новикова Н. Н.* Революционеры 1861 года.., с. 212.

[40] *Рейсер С. А.* Легенда о прототипах..., с. 118; Три письма П. И. Бокова к М. А. Боковой.— Звенья, М.; Л., 1934, т. 3/4, с. 887—894; *Ярошевский М. Г.* Указ. соч., с. 67, 118—121.

[41] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 29; *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания, с. 288—348.

[42] *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. Мемуары к печати подготовил С. А. Рейсер.

[43] *Вандалковская М. Г.* М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972, с. 187—190, 203—206; *Новикова Н. Н.* Революционеры 1861 г.... с. 15, 220.

[44] *Рейсер С. А.* Легенда о прототипах..., с. 118—119.

[45] *Жуковская Е. И.* Записки/Ред. и предисл. К. И. Чуковского. Л., 1930, с. 216.

[46] *Чуковский К. И.* «Сигнал».— В кн.: *Чуковский К. И.* Собр. соч., т. 2, с. 726 и след.; *Чернышевская Н. М.* Встреча двух веков.— В кн.: Воспоминания о Корнее Чуковском. 2-е изд. М., 1983, с. 334—339, ср.: с. 175; *Андроников И. Л.*

Корней Иванович и его «Чукоккала».— В кн.: Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979, с. 5—7; *Панаева (Головачева) А. Я.* Воспоминания/Вступ. ст., ред. текста и коммент. К. И. Чуковского. М., 1956, с. 436.

47 *Рейсер С. А.* Легенда о прототипах..., с. 119.

48 *Антонович-Мижуева О. М.* Воспоминания.— В кн.: Литературное наследство. М., 1936, т. 25/26, с. 238—239.

49 Там же.

50 *Мечников И. И.* Страницы воспоминаний. М., 1946, с. 46. Ср.: *Рейсер С. А.* Легенда о прототипах..., с. 119.

51 *Новикова Н. Н.* Революционеры 1861 года..., с. 212 и др.; Архив АН СССР, ф. 605, оп. 2, д. 10, письмо от 27 окт. 1889 г.

52 *Рейсер С. А.* Легенда о прототипах..., с. 120.

53 *Розова К. А.* С. П. Боткин, 1832—1889, с. 27—30, 32, 51; *Пипаев М. Т.* Текст в «Истории русской литературы». Л., 1982, с. 87—88; *Чернышевская Н. М.* Семья Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1980, с. 17 и др.

54 В. И. Ленин о литературе и искусстве. 6-е изд. М., 1979, с. 647.

55 *Семашко Н. А.* Памяти М. А. Сеченовой.— Вечерняя Москва, 1929, 25 февр.; *Богданович Т. А.* Любовь людей шестидесятых годов, с. X—XI.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

С. С. Дмитриев.
Историк Н. М. Дружинин 5

А. П. Новосельцев.
Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в.— первой половины X в. (полюдье) . . . 22

В. Л. Янин.
Роль Новгорода в отечественной истории 27

А. Л. Хорошкевич.
Городские движения на Руси второй половины XIII — конца XVI вв. 38

А. А. Преображенский.
К проблеме исторического прогресса в России (от средневековья до конца XVIII в.) 49

Н. И. Павленко.
К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах 62

В. А. Федоров.
Торговое земледелие крестьян Центрально-промышленных губерний России в первой половине XIX в. . . . 75

Ю. Ю. Кахк.
О внутренних противоречиях барщинного помещичьего хозяйства в Прибалтике в первой половине XIX в. . . . 85

А. И. Клибанов.
К характеристике идейной стороны крестьянского побега в первой половине XIX в. 94

Л. Г. Захарова.
Главный комитет по крестьянскому делу 1858—1861 гг. 105

Б. Г. Литвак.
Археографическое и историографическое значение серии документальных сборников «Крестьянское движение в XIX — начале XX в.» 119

А. М. Анфимов.
О методике учета крестьянских выступлений и количестве участников в них 131

И. Д. Ковальченко.
О многомерной группировке крестьянских хозяйств . . 144

П. Г. Рындзюнский.
К определению размеров аграрного перенаселения в России на рубеже XIX—XX в. 155

Е. А. Дудзинская.
Строительство железных дорог в России в экономической программе славянофилов 172

В. Я. Лаверычев.
Самодержавие и крупная буржуазия после 1861 г. . . . 183

В. И. Бовыкин.
О взаимоотношениях российских банков с промышленностью до середины 90-х годов XIX в. 195

Б. В. Ананьич.
Правовое положение банкирских заведений в России (1880-е годы — 1914 г.) 206

А. П. Корелин.
Социальный состав участников кредитной кооперации в России в конце XIX — начале XX в. 221

В. Я. Гросул.
Российско-балканские революционные связи в странах Западной Европы в 1883—1895 гг. 234

Г. И. Щетинина.
Революционная публицистика 80-х — начала 90-х годов XIX в. о положении русского крестьянства 244

Н. Н. Новикова.
О прототипах романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» 254

Социально-экономическое развитие России

(к 100-летию со дня рождения академика Н. М. Дружинина)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства Е. Д. Евдокимова
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры В. А. Алешкина, Ф. А. Дебабов

ИБ № 32155

Сдано в набор 14.10.85
Подписано к печати 04.02.86
Т-05825. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 18,125. Усл. кр. отт. 18,125. Уч.-изд. л. 20,7
Тираж 1650 экз. Тип. зак. 1901
Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Издательство «Наука» готовится к печати:

Рыбаков Ю. Я.
ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.
(Источниковедческие очерки)/
Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 15 л.

В работе дан источниковедческий анализ промышленного законодательства России первой половины XIX в. Объект изучения — текущие законодательные акты о фабриках, заводах и мануфактурах — дает развернутое представление о политике царизма в области промышленного развития России.

Понов И. Н.
ПРОФСОЮЗЫ РАБОЧИХ МОСКВЫ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ.
Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 12 л.

Работа посвящена истории создания и первых шагов деятельности профсоюзов рабочих Москвы, сыгравших важную роль в организации революционного движения в центре России в 1905—1907 гг. Показано, что с самого начала существования профсоюзы рабочих Москвы действовали как революционные пролетарские организации нового типа, тесно связанные с большевистской партией и массовым революционным движением.

Игнатьев А. В.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В 1905—1907 ГГ./
Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 25 л.

В книге исследуются влияние на внешнеполитический курс царизма первой русской революции, а также поражения в русско-японской войне. Анализируется процесс, приведший впоследствии к образованию англо-франко-русской Антанты. Большое внимание уделено изменению социальной базы самодержавия и влиянию ее на внешнюю политику.

Хевролина В. М.
РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
(конец 60-х — начало 80-х гг. XIX в.)/
Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 18 л.

В монографии на основе широкого круга источников раскрываются внешнеполитические воззрения идеологов революционно-демократического лагеря России и революционной молодежи и их место в общей системе революционной идеологии. Прослеживается влияние внешнеполитических концепций народников на их революционную деятельность.

Бекмаханова Н. Е.
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАЗАХСТАНА И КИРГИЗИИ В ЭПОХУ КАПИТАЛИЗМА (70-е годы XIX в.— 1917 г.)/
Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 20 л.

В книге рассмотрены численность и многонациональный состав населения Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. Наряду с демографическими проблемами представлен материал об экономике, социальных отношениях и классовой борьбе в регионе многонационального населения в последней четверти XIX в.— 1917 г.

Румянцева В. С.
НАРОДНОЕ АНТИЦЕРКОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В XVII В./
Ин-т истории СССР.— М., 1986.— 20 л.

Исследование основано на новом документальном материале, собранном в архивохранилищах страны. Впервые вводимые в научный оборот комплексы источников позволяют рассматривать антицерковное движение как форму социальной и идеологической борьбы народа против господствующей церкви и самодержавного государства в переходную эпоху от средневековья к новому времени.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 **Баку**, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4;
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148;
343900 **Краматорск**, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6;
450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42;
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.